

ISSN 2079-1003
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1(6) 2012

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования



ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (6) 2012

Established in 2009
Published twice a year

Editor-in-Chief

Anna Dybo

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaja

Editorial Board

Galina Blagova, Valentin Gusev, Polina Dambueva, Ariadna Kuznecova, Oleg Mudrak, Sergey Myznikov, Irina Nikolaeva (Great Britain),
Fanuza Nurieva, Grigoriy Pyurbuev, Martine Robbeets (Belgium/Germany), Irina Selyutina, Roza Tadinova, Zarema Ekba

Advisory Board

Vladimir Alpatov, Alexandr Anikin, Rinat Ahmet'yanov, Marianne Bakró-Nagy (Hungary), Václav Blažek (Czech Republic),
Nikolay Egorov, Marcel Erdal (Germany), Talmas Garipov, Firdaus Hisamitdinova, László Honti (Hungary), Igor Kormushin,
Igor Kyzlasov, Johanna Laakso (Austria), Kenesbay Musaev, Dmitriy Nasilov, Irina Nevskaya (Germany), Timothy Riese (Austria),
Klaus Schönig (Germany), Natalia Shirobokova, Elena Skribnik (Germany), Piotr Slepcev, Marek Stachowski (Poland)

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2012

Co-published with:



ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (6) 2012

Основан в 2009 г.
Выходит два раза в год

Главный редактор
А. В. Дыбо
Институт языкознания РАН

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская

Редакционная коллегия

Г. Ф. Благова, В. Ю. Гусев, П. П. Дамбуева, А. И. Кузнецова, О. А. Мудрак, С. А. Мызников, И. Николаева (Великобритания),
Ф. Ш. Нуриева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Роббеетс (Бельгия/Германия), И. Я. Селютина, Р. А. Тадинова, З. Н. Эмба

Редакционный совет

В. М. Алпатов, А. Е. Аникин, Р. Г. Ахметьянов, М. Бакро-Надь (Венгрия), В. Блажек (Чехия), Т. М. Гарипов, Н. И. Егоров,
И. В. Кормушин, И. Л. Кызласов, Й. Лааксо (Австрия), К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, И. А. Невская (Германия),
Т. Ризе (Австрия), Е. К. Скрибник (Германия), П. А. Слепцов, М. Стаховски (Польша), Ф. Г. Хисамитдинова,
Л. Хонти (Венгрия), К. Шониг (Германия), Н. Н. Широбокова, М. Эрдал (Германия)

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2012

Совместно с



CONTENTS

No 1 (6) 2012

Maria Amelina. Accent characteristics of nouns in Tundra Nenets (the Gydan dialect).....	7
Pavel Grashchenkov. Turkic constructions with an auxiliary verb and a converb on -p (on the basis of the Kypchak languages)	55
Sergey Krylov. Structural-probabilistic model of Mongolian (based in the General corpus of the modern Mongolian language).....	78
Galina Nekrasova. Peculiarities of accusative functioning in the Komi language	106
Julia Normanskaya. Stress in the Proto-Samoyedic language and its external correspondences. I. Word accent in the central and southern Selkup dialects.....	117
Elena Rudnitskaya, Seokyoung Hwang. Contrastive negation in the Korean language (syntactic analysis)	149
Larisa Chebodaeva. Structural and semantic types of qualification sentences formed by a lexical repeat in the Khakas language.....	166

ON THE HISTORY OF TURCOLOGY

Lia Levitskaya. On the anniversary of Fedor D. Ashnin	173
Polina Matveeva, Efim Rezvan. "The stone on the Time way": on the anniversary of V. Radlov (1837—1918).....	182

PERSONALIA

On the 80 th anniversary of Ariadna I. Kuznetsova	194
On the 75 th anniversary of Rif Sh. Nasibullin	198
On the 80 th anniversary of Evgeniy A. Potseluevski	203
On the 80 th anniversary of A. Róna-Tas	208

REVIEWS

Marina Lyublinskaya, Nikita Ushakov. Komi and Nenets folklore of the Nenets autonomous region (recorded by IYaLI Komi Scholar Centre of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences 1968—1973) / Compiled by A. Panyukov	211
Style sheet.....	213
How to subscribe.....	216

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (6) 2012

М. К. Амелина. Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка (гыданский диалект).....	7
П. В. Гращенков. Тюркские конструкции со вспомогательным глаголом и деепричастием на -р (на материале языков кыпчакской группы).....	55
С. А. Крылов. Структурно-вероятностная модель монгольского языка (на базе Генерального корпуса современного монгольского языка).....	78
Г. А. Некрасова. Особенности функционирования аккузатива в языке коми.....	106
Ю. В. Норманская. Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. I. Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка.....	117
Е. Л. Рудницкая, С.-Г. Хван. Противопоставительная конструкция в корейском языке (синтаксический анализ).....	149
Л. И. Чебодаева. Структурно-семантические типы предложений квалификации, образованных лексическим повтором, в хакасском языке.....	166

ИЗ ИСТОРИИ ТЮРКОЛОГИИ

Л. С. Левитская. Федор Дмитриевич Ашнин (к 60-летию со дня рождения).....	173
П. А. Матвеева, Е. А. Резван. «Камень на дороге времени»: к 175-летию В. В. Радлова (1837—1918).....	182

ПЕРСОНАЛИИ

Ариадне Ивановне Кузнецовой — 80 лет.....	194
Рифу Шакрисламовичу Насибуллину — 75 лет.....	198
Евгению Александровичу Поцелуевскому — 80 лет.....	203
Андрашу Рона-Ташу — 80 лет.....	208

РЕЦЕНЗИИ

М. Д. Люблинская, Н. В. Ушаков. Фольклор коми и ненцев Ненецкого автономного округа (в записях Фольклорного фонда ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН 1968—1973 гг.) / Сост. А. В. Панюков.....	211
Требования к оформлению статей.....	213
Как подписаться.....	216

Акцентные характеристики имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть II. Гыданский диалект

Тундровое наречие ненецкого языка распадается на три основных диалектных группы: западную (крайнезападные диалекты — канинский, тиманский, колгуевский; западный диалект — малоземельский), центральную (большеземельский диалект) и восточную (восточные диалекты — приуральский, ямальский; крайневосточные диалекты — надымский, тазовский, гыданский, таймырский / енисейский) [Терещенко 1965, 2008: 8—11]. Диалектное разнообразие тундрового наречия (далее — Т ненец.), носители которого проживают на обширной территории площадью около 1 млн. кв. км, затрагивает все уровни языковой системы.

Различия тундровых диалектов в области фонетики легко осознаются носителями разных говоров, которые замечают «ненормальности» в звучащей речи не только «дальних» представителей своего этноса, но и ближайших «соседей» по диалектному континууму. Так, мне не раз доводилось слышать от канинских ненцев о том, как «твердо» и «по-другому» говорят жители с. Индига, находящегося в Тиманской тундре, и, тем более, выходцы из Большеземельской и Ямальской тундры, с которыми во время обучения в Нарьян-Маре или Салехарде им доводилось общаться [ПМАК 2011]. Не менее интересны в этом отношении и «взаимные» оценки, которые дают разговорной речи друг друга носители ямальского, гыданского и таймырского (енисейского) говоров, нередко в шуточной манере имитирующие и в значительной степени утрирующие свойственные представителям смежных диалектов произносительные особенности (например, шепелявое произношение свистящих в крайневосточном ареале) [ПМАЯ 2010; ПМАГ 2011].

Однако различия в области диалектной фонетики Т ненец. малоизучены, а проблема их системного описания представляет собой одну из наиболее актуальных и требующих детальной разработки полевых задач самодийского языкознания¹. Следует отметить также факт «неоднородного» освещения фонетических особенностей разных диалектов. Так, наиболее подробно описанными диалектами восточного ареала оказываются, в первую очередь, ямальский (см. раздел «Отличительные особенности ямальского говора» в [Терещенко 1956: 206—213], а также ряд статей Я. Н. Поповой [Попова 1966а; Попова 1966б; Попова 1966в: 52—54]) и — в меньшей степени — тазовский [Попова 1973; Попова 1980] и таймырский [Люблинская 1988]. Из диалектов западного ареала наиболее полно с фонетической точки зрения освещен малоземельский [Staroverov 2006; Kavitskaya, Staroverov 2008] и — кратко — колгуевский [Выучейская 1954]; отрывочные сведения о фонетической системе канинского диалекта можно получить из работ М. Я. Бармич, посвященных в первую очередь лексике [Бармич 1969]. Говоря о супрасегментной фонетике ненецкого языка, необходимо упомянуть проект М. Д. Люблинской, Г. Я. Мартыненко и Т. Ю. Шерстиновой по разработке информационной системы для изучения просодии ненецкого языка (см. о нем, в частности, [Люблинская 2007: 27]).

Историческая фонетика отдельных диалектов Т ненец. почти совсем не разработана. Подобная проблематика рассматривается в статье Е. А. Хелимского [Хелимский 2000б: 50—55] (см. также без приложения с данными Г. Ф. Миллера в [Хелимский 1976: 89—93]), посвященной «старовосточному переходному диалекту», занимавшему «промежуточное положение между ненецкими и энецкими диалектами» [Хелимский 2000б: 52].

В статье [Амелина 2011], опубликованной в предыдущем номере «Урало-алтайских исследований» [УАИ 2011, 2(5)], были затронуты вопросы, связанные с супрасегментной фонетикой западных (на примере канинского диалекта: говор с. Ома Заполярного района НАО, май—июнь 2011 г. [ПМАК 2011]) и восточных (на примере ямальского диалекта: говор оленеводов-кочевников Тамбейской тундры и жителей с. Сё-Яха Ямальского района ЯНАО, апрель—сентябрь 2010 г. [ПМАЯ 2010]) тундровых диалектов ненецкого языка, была сделана попытка описать акустические корреляты ударения в этих говорах и выявить диалектные соответствия на уровне просодических средств выделения одного слога в фонетическом слове (далее — ФС). Анализ полевых материалов [ПМАК 2011; ПМАЯ 2010] (подробнее см. [Амелина 2011]) позволил прийти к следующим выводам:

1) квантитативному выделению первого слога ФС в канинском диалекте (далее — Т канин.) соответствует экспираторно-квантитативное ударение на первом слоге в ямальском (далее — Т ямал.); первый

¹ О важности изучения фонетики малочисленных языков, в частности языков народов Севера, см.: [Зиндер 1948; Надеяев 1981; Бурькин 2000].

слог ФС в Т канин. не выделен квантитативно, т. е. длительность гласного второго слога превышает длительность гласного первого слога, в тех случаях, когда в Т ямал. ударение падает на второй слог;

2) средняя длительность гласных звуков первого слога (далее — 1С) в Т канин. значительно превышает среднюю длительность гласных 1С в Т ямал. (обычно на 0,08—0,1 сек. в тех ФС, где, по данным Т ямал., ударение падает на 1С; на 0,02—0,04 сек. — в тех ФС, где, по данным Т ямал., ударение падает на 2С);

3) частота основного тона в Т канин. обычно резко повышается на втором (конечном) слоге двусложного (бисиллабического) ФС (часто структуры *CVCV*), тогда как в Т ямал. тон, как правило, остается ровным на протяжении всего слова;

4) признак интенсивности нерелевантен при определении ударения в Т канин. (все гласные звуки ФС произносятся примерно с одинаковой интенсивностью), тогда как в Т ямал. ударный гласный выделяется с помощью признака интенсивности;

5) ударение в Т ямал. можно считать экспираторно-квантитативным, тогда как акцентную систему Т канин. можно считать квантитативной с элементами тоновой (тональной) [Амелина 2011: 32—34].

Настоящая работа является своего рода продолжением статьи [Амелина 2011]: в ней делается попытка выделения акустических коррелятов, основных и вспомогательных характеристик словесного акцента (ударения) в одном из крайневосточных диалектов Т ненец. — гыданском (далее — Т гыдан.). В данной статье к исследованию привлекаются полевые данные автора, полученные в ходе работы с носителями говора с. Гыда Тазовского района ЯНАО² [ПМАГ 2011] по специальной анкете, нацеленной на выявление акцентных характеристик двусложных имен разных слоговых структур и вокалического состава (трех- и многосложные ФС пока не рассматриваются — ввиду сложности проблемы побочного ударения в «гармошке» просодического выделения слогов ФС). Каждое из интересующих нас слов трижды было повторено носителями в изолированном произнесении, а также в различных контекстах (в разных грамматических формах); собранные данные проанализированы с помощью программы-анализатора звучащей речи Praat.

В статье [Амелина 2011: 8—9] мы уже касались вопроса о развитии системы вокализма Т ненец. из системы гласных протоненецкого (подробнее см. [Salminen 2007: 366]) и — «глубже» — прасамодийского (подробнее см. [Janhunen 1980; Хелимский 2000а: 196—201]) языка, а также привлекали к рассмотрению разные точки зрения на количество и состав гласных фонем в Т ненец. (см., например, [Терещенко 1965, 2008: 864; Терещенко 1966: 377; Попова 1966а: 48, 51; Попова 1966б: 52; Salminen 1997]). Здесь мы не будем еще раз останавливаться на детальном анализе всех точек зрения на систему вокализма Т ненец. и, как это уже было сделано для Т ямал. в статье [Амелина 2011], примем систему гласных фонем Т. Салминена [Salminen 1997] и для Т гыдан.

Таким образом, в Т гыдан. мы выделяем, по крайней мере, девять гласных фонем: пять «нейтральных» по длительности монофтонгов (*i, u, e, o, a* // *u, y, ə, o, a*), один краткий монофтонг (\emptyset — в записи Т. Салминена // \check{a} — в нашей), один дифтонгоид (æ — в записи Т. Салминена // ε — в нашей // $\dot{\varepsilon}$ — по [Терещенко 1965, 2008]) и два долгих монофтонга (\bar{i}, \bar{u} // \bar{u}, \bar{y} ³).

Однако следует оговорить, что, по нашему мнению, в восточном (и центральном) диалектном ареале Т ненец. было бы целесообразно рассматривать [*ɨ*] не как вариант фонемы /*u*/, а как самостоятельную фонему, т. к. в отличие от ситуации в русском языке, где в начале ФС возможен только вариант [*u*], который выступает также в позиции после палатализованных согласных, и невозможен вариант [*ɨ*], выступающий только после твердых⁴, в восточных говорах Т ненец. и [*ɨ*], и [*u*] не встречаются в абсолютном начале ФС: *ɨ* прикрывается *y* (например, Т ямал., Т гыдан. *yɨjэра* [ПМАЯ 2010; ПМАГ 2011], ср. *yыера* зоол. ‘канюк’ [Терещенко 1965, 2008: 407]; Т ямал., Т гыдан. *yɨj* [ПМАЯ 2010; ПМАГ 2011],

² Хотелось бы выразить огромную благодарность своим информантам, которые деятельно помогли мне в течение полевой работы на Гыданском полуострове, в первую очередь: Салиндер (Яптунай) Ульяне Григорьевне, Яптунай Николаю Ханзотавичу, Яр Нине Ябиновне, Лапцуй (Салиндер) Анжелике Ляликовне, Яр (Лапцуй) Галине Ванзовне, Вэнго Зое Торневне, — а также главе администрации МО с. Гыда Яр Иосифу Пияковичу — за помощь в организации экспедиции.

³ ФС с долгими монофтонгами не рассматриваются в этой статье.

⁴ Следует, однако, упомянуть о разных точках зрения на фонологический статус *ɨ* в русском языке:

1) точке зрения Московской фонологической школы (МФШ), согласно которой *u* и *ɨ* признаются вариантами одной фонемы ⟨*u*⟩ (подробнее см. [Аванесов, Сидоров 1945: 45—51], а также [Аванесов 1956; Панов 1967]; о самой МФШ см. [Аванесов 2005: 214—228; Алпатов 2005: 256—260]);

2) точке зрения Ленинградской фонологической школы (ЛФШ), согласно которой *u* и *ɨ* считаются самостоятельными фонемами (подробнее см. [Зиндер 2007: 417—421; Щерба 1957: 178—179]).

ср. *уый* 'ручной, смиренный' [Терещенко 1965, 2008: 407]), а перед *и* всегда будет *j* (Т ямал., Т гыдан. *jur'u* 'дедушка', *jin'a* 'веревка' и т. д. [ПМАЯ 2010; ПМАГ 2011]).

Иная ситуация наблюдается в западном диалектном ареале Т ненец., где в абсолютном начале слова оказывается возможным появление *ы*, однако *и* всегда будет прикрыт согласным *j*, например: Т канин. *ыра* зоол. 'канюк' [ПМАК 2011] (ср. выше это же слово в Т ямал., Т гыдан.), Т зап. *ыбкальць* [Терещенко 1965, 2008: 809] = *уыбкахалць* 'ущипнуть ногтями' [Терещенко 1965, 2008: 406]; Т канин. *jur'u* 'дедушка', *jin'a* 'веревка' и т. д. [ПМАК 2011].

В данной статье, оставляя в стороне все возможные споры относительно фонологического статуса *ы* в диалектах Т ненец., мы в любом случае будем рассматривать *ы* отдельно от *и*, т. к. этим гласным может быть присуща разная ингерентная длительность, от которой зависит степень выраженности количественного выделения ударного слога в ФС: «Реализация признака ударности начинает существенно зависеть от совокупного действия дополнительных факторов, таких, как ритмический тип ФС, степень открытости (подъема) гласных, т. е. от их собственной длительности и потенциала сокращения, акцентной выделенности слова» [Кривнова 2004: 18].

Положения, касающиеся подвижности («свободы») и, следовательно, сигнификативности (фонологичности) ударения в Т ненец. (см. об этом [Терещенко 1965, 2008: 864; Попова 1966а: 48; Попова 1966б: 52; Попова 1978: 64, 67; Salminen 1997; Salminen 2007: 350, 359]), а также его разноместности и морфологической обусловленности (см., например, [Терещенко 1965, 2008: 864; Попова 1978: 67; Staroverov 2006: 6—7]) были подробно, с привлечением полевого материала, рассмотрены нами в [Амелина 2011: 10—11].

Общепризнанно, что ударение проявляется, прежде всего, «в кульминативной выделенности ударного слога (гласного) на фоне остальных слогов (гласных) в том же слове по достаточно абстрактному параметру просодической выделенности» («метрической или тонической силы», как называл это свойство А. А. Потебня) [Кривнова 2004: 2], однако длительность звуковых единиц и другие акустические характеристики зависят от многих факторов, а «фонетическая выделенность создается разными акустическими параметрами, причем, возможно, с разным весом в разных ситуациях» [Кривнова 2004: 2]. При определении места словесного акцента принято руководствоваться следующими типами «оценок выраженности ударения».

1) «Оценка по максимуму»: во многих случаях ударный гласный (далее — УГ) выделен максимальной длительностью (и наибольшей интенсивностью) на фоне остальных гласных в ФС, однако безударный гласный (далее — БГ) также может иметь максимальную длительность или количественно совпадать с УГ [Кривнова 2004: 6]. «Принцип “ударный гласный — максимальная длительность” выполняется достаточно устойчиво и практически одинаково в синтагмах разной длины и в разных позициях (в 60—65% слов). Отчетливо видна зависимость выполнения этого принципа от фонемного качества ударного гласного: чем ниже подъем гласного и, следовательно, больше его собственная длительность, тем реже принцип максимума нарушается» [Кривнова 2004: 6].

В терминологии С. В. Кодзасова этому типу оценки соответствует «кульминативная тактика» определения ударения: как акцент ощущается большее значение признака, т. е. более высокий тон, бóльшая громкость (как следствие большего дыхательного усилия или более широкого раствора), бóльшая напряженность (в том числе резкое начало слога), большее количество (долгота гласного, закрытость слога) [Кодзасов 1991: 108—109].

2) «Оценка выраженности ударения по контрасту» [Кривнова 2004: 3]: значима, например, при изучении словесного акцента в русском языке. «Характерной чертой русского слова являются и различия в метрической силе между предупредительными и заударными гласными, которые наиболее ярко проявляются в слогах, примыкающих к ударному, в результате чего ударный гласный гораздо слабее контрастирует с первым предупредительным гласным, чем с первым заударным» [Кривнова 2004: 2—3].

В терминологии С. В. Кодзасова этому типу оценки соответствует тактика «перелома»: как акцент ощущается изменение значения признака, т. е. ступенчатое изменение тона или фонации на слоговой границе, тональное скольжение или фонационный глайд внутри слога [Кодзасов 1991: 108—109].

3) «Оценка выраженности ударения по временному эталону»: длительность любого БГ меньше длительности «виртуального» ударного аллофона той же фонемы, поэтому наиболее последовательно различия по длительности УГ и БГ отражаются в том случае, когда эти гласные являются аллофонами одной и той же фонемы [Бондарко 1977; Кривнова 2004: 3].

При определении места ударения в двусложных ФС в Т гыдан. мы также опирались на перечисленные типы оценок. При этом, «оценка по максимуму» оказалась доминирующей и наиболее употребительной во всех случаях за исключением ФС с узким УГ (верхнего подъема) и широким БГ (нижнего подъема), а «оценка по временному эталону» выходила на первый план в фонетических последовательностях с однородным вокалическим составом (одинаковыми УГ и БГ).

Основными трудностями при определении места словесного акцента в Т гыдан. можно считать следующие.

1) Для Т ненец. в первую очередь характерна количественная редукция безударных гласных, качественная же редукция выражена значительно слабее, чем, например, в русском языке, что может вызвать у «русского уха», привыкшего к качественной редукции заударных гласных, акустическое впечатление побочного ударения или «равнозначности», «равноударности» всех гласных, характерное для языков с «плюралистической ритмизацией», при которой слово содержит «множество независимых просодических слоёв: тональный, фонационный, динамический, количественный, растворный» [Кодзасов 1991: 108]. Языки, для которых почти не характерна качественная редукция (такие, как Т ненец. и, например, тюркские [Баданова 2007: 2]) принято относить к языкам со слабоцентрализуемым ударением — в противоположность языкам с сильноцентрализуемым акцентным выделением (например, русский) [Баданова 2007: 2].

2) Безударный гласный конечного открытого слога ФС может превышать по длительности ударный, что вызвано продлением гласного открытого слога в абсолютном исходе синтагмы, которое особенно заметно перед паузой (см. об этом явлении также [Кривнова 1991; Кривнова 2004: 7]). Здесь необходимо оговорить, что в данной статье мы приводим числовые сведения по общей длительности гласных звуков в абсолютном конце ФС, т. е. не отделяем основное «ядро» гласного (до «перелома» формант) от «призвука», «побочной части» гласного, Д которой не является релевантной и может заметно колебаться в конкретных произнесениях (см. таблицы ниже); тогда как в статье [Амелина 2011] было проведено следующее разграничение при указании Д гласных в абсолютном конце ФС: в таблицах перед скобками в графе «Длительность» мы отмечаем Д «ядра» гласного звука (т. е. Д гласного до значительных «переломов» формант), а в скобках — Д гласного с едва уловимым на слух «призвуком» (т. е. «побочной частью» звука).

3) Следует также оговорить и определенную роль фразовой просодии, которая может накладывать свой «отпечаток» на словесную даже при изолированном произнесении ФС. Так, типичным случаем наложения фразовой просодии на словесную можно считать перечислительную интонацию при повторных изолированных произнесениях одного и того же ФС, даже разделенных паузой.

В таблицах, представленных ниже, приведены данные:

1) по длительности (Д1, Д2) — в секундах с точностью до 0,001 сек.;

2) максимальной (пиковой) и средней (суммарной) интенсивности (И1, И2) — в децибелах с точностью до 0,01 дБ;

3) частоте основного тона (ЧОТ1, ЧОТ2) — в герцах с точностью до 1 Гц — гласных первого (Д1, И1, ЧОТ1; перед тире) и второго (Д2, И2, ЧОТ2; после тире) слогов 163 ненецких двусложных имен, произнесенных носителями гыданского диалекта (всего в статье к рассмотрению привлекаются 187 произнесений) и имеющих разные слоговые структуры (где С обозначает любой согласный, а V — любой гласный звук).

Числовые показатели максимальной (пиковой) интенсивности гласных приводятся за пределами скобок, а средней (суммарной) — в круглых скобках. Двумеровость гласных по интенсивности (динамическая двувёршинность гласных) в таблицах не отмечается. Если ЧОТ значительно изменяется на протяжении произнесения гласного звука, то через дефис приводятся несколько числовых показателей (а); если же ЧОТ остается практически неизменной, приводится только средняя ЧОТ (б); в случае одновременного указания на (а) и (б) данные по средней ЧОТ приводятся в скобках с пометой «ср.».

Что касается сопоставления количественных показателей длительности гласных 1С и 2С, то здесь следует упомянуть о необходимости разделения существенных и несущественных темпоральных различий и дифференциальной чувствительности слуха к ним. В работе [Венцов, Малинникова 1981] и ряде других приводятся данные об относительной величине дифференциального порога по длительности и результаты опытов по определению относительной величины зоны нечувствительности слуха к временным различиям: для длительностей ≥ 100 мсек. (0,1 сек.) относительные значения порога и ширины зоны нечувствительности близки и составляют примерно 10%, а для длительностей < 100 мсек. (0,1 сек.) указанные величины составляют около 15% [Кривнова 2004: 3]. По мнению Клатта [Klatt 1976], только изменения порядка 20% и более могут быть значимы для восприятия речи, т. е. в среднем (при длительности УГ в 60—200 мсек. (0,06—0,2 сек.) минимальные темпоральные различия, обнаруживаемые на слух, составляют 12—40 мсек. (0,012—0,04 сек.) [Lehiste 1970; Кривнова 2004: 4].

В таблицах каждое из рассматриваемых ФС дается в фонетической транскрипции (без квадратных скобок), а в примечаниях снабжается орфографической записью с переводом на русский язык по словарю [Терещенко 1965, 2008] или — в случае отсутствия в этих изданиях определенного слова — по полевым материалам [ПМАГ 2011]. В последней колонке указаны инициалы информантов, в произнесении которых были записаны ФС (данные об информантах приводятся в конце статьи). Все имена в таблицах

располагаются в порядке, зависящем от подъема и ряда гласных 1С и 2С: гласный нижнего подъема → гласный средне-нижнего и среднего подъема → гласный верхнего подъема; гласный переднего ряда → гласный среднего ряда → гласный заднего ряда.

I. Акцентные характеристики двусложных имен с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте

Как уже было упомянуто выше, различия по длительности УГ и БГ отражаются наиболее последовательно, когда эти гласные являются аллофонами одной и той же фонемы [Бондарко 1977; Кривнова 2004: 3]. Таким образом, анализ акустических характеристик ударения ФС с однородным вокалическим составом — с одинаковыми гласными 1С и 2С, т. е. гласными, обладающими одинаковой ингерентной длительностью, — представляется показательным и наименее спорным; поэтому мы начнем изложение именно с этого материала, а затем перейдем к рассмотрению ФС с разными гласными 1С и 2С.

Таблица 1

ФС с гласными нижнего подъема в 1С и 2С в Т гыдан.

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
1. слова с <i>a</i> в 1С и 2С								
1.1. слова с ударением на первом слоге (<i>á—a</i>)								
а. слова с открытым первым слогом <i>CáCa</i> (<i>CáCa, CáC'a, C'áCa, C'áC'a</i>)								
(1)	<i>láta</i>	0,107	85,18 (83,47)	215	0,080	81,59 (79,83)	162	СУГ
(2)	<i>háða</i>	0,161	82,20 (81,15)	196	0,137	83,15 (80,44)	227-176	СУГ
(3)	<i>háл'a</i>	0,121	85,43 (82,89)	228	0,100	83,17 (81,40)	181-152	ВЗТ
(4)	<i>н'áба</i>	0,134	81,30 (79,98)	198	0,072	79,29 (77,35)	170	СУГ
(5)	<i>jáл'a</i>	0,223	83,75 (82,69)	197	0,176	83,39 (82,41)	191	ЛАЛ
б. слова с закрытым первым слогом <i>CáCCa</i> (<i>CáCCa, CáC'Ca</i>)								
(6)	<i>háмба</i>	0,121	85,84 (84,91)	167-186-176 (ср. 180)	0,105	84,39 (82,50)	143-116	ЯГВ
(7)	<i>тáрка</i>	0,128	82,98 (82,25)	206	0,125	83,47 (81,56)	217-155	ЛАЛ
(8)	<i>нáмса</i>	0,080	82,95 (82,25)	227-243	0,088	80,04 (76,76)	195-161	СУГ
(9)	<i>нáрка</i>	0,087	84,26 (82,29)	196-211	0,095	76,97 (74,50)	190-161	СУГ
(10)	<i>пáјха</i>	0,136	85,78 (82,99)	214	0,129	81,00 (78,90)	160	ВЗТ
1.2. слова с ударением на втором слоге (<i>a—á</i>)								
а. слова с открытым первым слогом <i>CaCáC(C)</i> (<i>CaCáCC, CaC'áC</i>)								
(11a)	<i>наwáнк</i>	0,141	81,66 (80,87)	198	0,166	83,46 (82,19)	225-277- 227	СУГ
(11б)	<i>наwáнк</i>	0,090	82,46 (81,57)	210-221 (ср. 217)	0,181	82,34 (80,30)	222-165	СУГ
(12)	<i>пáјар</i>	0,130	83,61 (82,28)	237	0,176	82,75 (81,96)	255-265- 203	ЛАЛ
б. слова с закрытым первым слогом <i>CaCCáC</i> (<i>CaCC'áC</i>)								
(13)	<i>хáлм'áр</i>	0,074	80,80 (80,15)	168	0,115	83,46 (82,06)	195-223	СУГ

2. слова с <i>ǎ</i> в 1С и 2С								
слова с ударением на втором слоге (<i>ǎ—ǎ</i>) ⁵								
<i>СǎС(С)ǎ (СǎС'ǎ, СǎССǎ)</i>								
(14а)	<i>nǎđ'ǎ</i>	0,100	87,50 (84,03)	231	0,168	84,63 (81,96)	192-136	ЛАЛ
(14б)	<i>nǎđ'ǎ</i>	0,089	84,98 (82,30)	221	0,167	83,35 (80,84)	188-147	ЛАЛ
(15)	<i>tǎyǎǎ</i>	0,046	87,42 (85,31)	249-260	0,110	86,40 (83,04)	223-192	СУГ

Примечания к таблице 1

- (1) *лата* 'широкий, свободный, обширный; плоский' [Терещенко 1965, 2008: 178] (ПС **lǎtǎ*)
 (2) *хада* 'бабушка; свекровь; невестка (жена старшего брата мужа); все женщины из рода отца и рода матери, старше их' [Терещенко 1965, 2008: 714] (ПС **kǎtǎ* [Janhunen 1977: 62])
 (3) *халя* 'рыба' [Терещенко 1965, 2008: 729] (ПС **kǎlǎ* [Janhunen 1977: 59])
 (4) *няба* 'мачеха; жена старшего брата' [Терещенко 1965, 2008: 335—336] (ПС **ǎpǎ* [Janhunen 1977: 21])
 (5) *яля* 'день; свет, освещение' [Терещенко 1965, 2008: 838] (ПС **jǎlǎ* [Janhunen 1977: 40])
 (6) *хамба* 'волна' [Терещенко 1965, 2008: 730] (ПСС **kǎmpǎ* [Janhunen 1977: 59])
 (7) *тарка* 'отросток; ответвление, разветвление; развилка' [Терещенко 1965, 2008: 634]
 (8) *намза* 'мясо', 'туша' [Терещенко 1965, 2008: 380]
 (9) *нарка* 'большой, крупный, рослый', 'взрослый, старший', 'важный, значительный, великий' [Терещенко 1965, 2008: 385—386]
 (10) *пǎйха* '(зоол.) сырок, пелядь' [Терещенко 1965, 2008: 435]
 (11) *навауг* 'жировая пленка в брюшине упитанного животного' [Терещенко 1965, 2008: 281]
 (12) *паяр* (тайм.)⁶ [Терещенко 1965, 2008: 455] = *паер* 'прыщ, нарыв, чирей' [Терещенко 1965, 2008: 434]
 (13) ср. *хальмер* 'покойник, мертвец' [Терещенко 1965, 2008: 728] (ПС **kǎlmǎ* → ПС дер. (?) **kǎlmǎ-rǎ* [Janhunen 1977: 59])
 (14) *пǎдǎ* 'желчь' [Терещенко 1965, 2008: 434] (ПС **pǎtǎ* [Janhunen 1977: 115])
 (15) *тǎйǎ* 'подкладка (одежды)', 'матерчатая крышка (например, наличная рубашка, крышка одеяла, наволочка и т. д.)' [Терещенко 1965, 2008: 629]

Комментарии к таблице 1

1) Длительность *ǎ* 1С на 0,02—0,06 сек. (20—60 мсек.) превышает длительность безударного *a* 2С в ФС №1—6, т. е. во всех ФС с открытыми 1С и 2С (структура *СǎСа*), а также в одном ФС с закрытым 1С и открытым 2С (структура *СǎССа* — *хǎмба*). Длительность *ǎ* 1С количественно сопоставима с длительностью безударного *a* 2С в ФС №7—10, т. е. в ФС с закрытым 1С и открытым 2С (структура *СǎССа*).

Длительность *ǎ* 2С на 0,025—0,09 сек. (25—90 мсек.) превышает длительность безударного *a* 1С в ФС №11а, 11б, 12, 13 (т. е. в ФС с закрытым 2С) вне зависимости от открытости / закрытости 1С (структуры *СаСǎС*, *СаСǎСС* и *СаССǎС*).

По нашим данным, гласный звук *ǎ* не представлен под ударением в 1С. Длительность *ǎ* открытого 2С превышает длительность безударного *ǎ* 1С на 0,065—0,08 сек. (65—80 мсек.) в ФС №14а, 14б, 15; при этом длительность *ǎ* открытого 2С количественно сопоставима с длительностью *a* 2С в той же позиции — позиции абсолютного конца ФС, что связано с возможностью продления гласного перед паузой.

2) Максимальная (пиковая) интенсивность *ǎ* 1С превышает пиковую интенсивность безударного *a* 2С в ФС №1, 3, 4, 6, 8—10 на 1,5—4,7 дБ (и даже на 7,3 дБ в ФС №9 *нарка*). Однако максимальная интенсивность (далее — макс.И) *ǎ* 1С может быть количественно сопоставимой с макс.И безударного *a* 2С (ФС №5 *јǎл'а*) или даже незначительно (на 0,5—1 дБ) уступать ей (ФС №2, 7 — *хǎда*, *тарка*). Средняя (суммарная) интенсивность *ǎ* 1С на протяжении всего произнесения звука на 1,5—5,4 дБ (на 0,7 дБ в словах №2, 7 — *хǎда*, *тарка*) превышает среднюю интенсивность (далее — ср.И) безударного *a* 2С во всех ФС кроме слова №5 *јǎл'а*, в котором ср.И *ǎ* 1С сопоставима со ср.И *a* 2С (аналогично — макс.И в этом ФС). Можно предположить, что различия в макс.И и ср.И ударного и

⁵ По нашим данным, все ФС с *ǎ* в 1С имеют ударение на гласном 2С.

⁶ Существительное *паяр* снабжено в [Терещенко 1965, 2008: 455] пометой «тайм.», однако, по данным [ПМАГ 2011], в такой огласовке (с *a* во втором слоге) это слово представлено не только в таймырском (енисейском) диалекте, но и в другом крайневосточном — гыданском (по крайней мере, говоре с. Гыда Тазовского района ЯНАО).

безударного гласного ослабляются в позиции между мягкими согласными (например, ФС №5 *ja'l'a*), но не зависят от открытости / закрытости 1С (кроме того, следует указать также на характерную для диктора ЛАЛ тенденцию к «уравниванию» по интенсивности гласных 1С и 2С: см. помимо ФС №5 также ФС №7).

Максимальная интенсивность *á* 2С может превышать макс.И безударного *a* 1С (ФС №11а, 13: на 1,8—2,7 дБ), количественно уступать ей (ФС №12: на 0,9 дБ) или быть сопоставимой с ней (ФС №11б); аналогично обстоит ситуация и со средней интенсивностью *á* 2С и безударного *a* 1С.

Максимальная интенсивность *ǎ* 2С количественно уступает (на 1—3 дБ) пиковой интенсивности безударного *ǎ* 1С (ФС №14а, 14б, 15), что может быть вызвано необходимостью «сохранить» краткий гласный в начальном слоге, сделать его динамически выделенным, чтобы не «потерять» совсем (аналогично обстоят дела и со средней интенсивностью этих звуков). При этом пиковая интенсивность безударного *ǎ* 1С может достигать величин, не характерных для «нейтральных» по длительности гласных 1С, — вплоть до 87,50 дБ (ФС №14а).

3) Частота основного тона *á* 1С выше ЧОТ безударного *a* 2С — наблюдается падение тона на безударном *a* открытого 2С: разница между ЧОТ *á* 1С и началом произнесения безударного *a* 2С обычно составляет 30—50 Гц, а концом произнесения *a* 2С — 50—80 Гц (например, ФС №1, 3, 6—10). При этом может наблюдаться повышение тона на *á* 1С на 15—20 Гц (ФС №6, 8, 9), а понижение тона на протяжении произнесения безударного *a* 2С может составлять 30—60 Гц (ФС №2, 3, 6—9). Можно говорить о нисходящем направлении движения тона в ФС вокалического состава *á—a* вне зависимости от открытости / закрытости 1С.

Частота основного тона *á* 2С может быть выше ЧОТ безударного *a* 1С — наблюдается заметное повышение тона на *á* закрытого 2С: разница между ЧОТ безударного *a* 1С и началом произнесения *á* 2С может составлять 20—25 Гц, а максимальной тональной вершиной *á* 2С — 30—80 Гц (например, ФС №11а, 12, 13). При этом повышение тона на *á* 2С может составлять 30—50 Гц (ФС №11а, 13), которому, однако, обычно сопутствует падение ЧОТ на 50—60 Гц в конце произнесения *á* закрытого 2С (ФС №11а, 12). Можно говорить о восходяще-нисходящем направлении движения тона на ударном гласном закрытого 2С ФС вокалического состава *á—a* (такой просодический контур ФС условно можно назвать контуром с «тональным бугорком» на ударном гласном закрытого 2С); однако возможны варианты произнесения и со стандартным, описанным выше общим понижением тона на 2С (ФС №11б).

Для ФС с *ǎ* в открытом 2С и безударным *ǎ* 1С характерно общее нисходящее тоновое движение на протяжении всего слова: разница между тональной вершиной ФС на безударном гласном 1С и ЧОТ финальной части *ǎ* 2С составляет 70—90 Гц.

Анализ данных *Таблицы 1*, в которой приведены числовые показатели по Д, И и ЧОТ широких гласных (нижнего подъема) двусложных ФС с однородным вокалическим составом (*á—a*, *a—á*, *ǎ—ǎ*), позволяет описать комбинаторику акустических параметров, релевантных для ударения в ФС с таким вокалическим составом, следующим образом.

1) Если 1С открытый, длительность УГ 1С всегда превосходит длительность БГ 2С. Если 1С закрытый, длительность УГ 1С может быть сопоставима с длительностью БГ 2С. Длительность УГ 2С всегда превосходит длительность БГ 1С.

2) В большинстве случаев интенсивность УГ 1С («нейтрального» по долготе) будет превосходить интенсивность БГ 2С, однако это можно рассматривать только как тенденцию. Признак интенсивности нельзя считать доминирующим при акцентном маркировании квантитативно «нейтрального» гласного 2С — интенсивность УГ 2С и БГ 1С сопоставимы между собой, однако интенсивность УГ 2С также может превосходить интенсивность БГ 1С. Если БГ 1С является кратким, то его интенсивность превосходит интенсивность краткого УГ 2С.

3) Частота основного тона УГ 1С всегда выше ЧОТ БГ 2С, т. е. для слов с ударением на 1С характерен высокий тон на УГ 1С с последующим общим нисходящим движением тона к концу ФС. Этот же просодический контур может быть характерен для ФС с ударением на 2С, однако возможно также локальное повышение тона на УГ 2С с последующим понижением к концу ФС («тональный бугорок» на УГ 2С).

Таким образом, в Т гыдан. доминирующим (облигаторным) акустическим параметром ударения в ФС с гласными нижнего подъема в 1С и 2С можно считать длительность, а вспомогательными (факультативными) просодическими признаками — интенсивность и повышение тона. При этом наблюдаются следующие тенденции:

а) чем меньше разница по признаку интенсивности УГ 1С и БГ 2С, тем больше разница по длительности (например, ФС №5);

б) чем меньше разница по длительности УГ 1С и БГ 2С, тем больше — по интенсивности (например, ФС №9, 10);

в) чем больше разница по длительности УГ 2С и БГ 1С, тем меньше — по интенсивности и частоте основного тона (ср. ФС №11а и 11б в произнесении одного и того же информанта СУГ).

ФС с гласными среднего ⁷ подъема в 1С и 2С в Т гыдан.

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
1. слова с э в 1С и 2С								
1.1. слова с ударением на первом слоге (э—э)								
СэСэ(С) (СэСэ, С'эС'эС)								
(16)	хэ́хэ (хэ́үэ)	0,106	83,07 (80,73)	242	0,118	78,71 (75,58)	205-149	СУГ
(17)	јэ́с'эп ⁸	0,093	85,18 (83,24)	214-192	0,105	80,32 (77,89)	201-150	СУГ
1.2. слова с ударением на втором слоге (э—э)								
СэСэ(С) (С'эСэ, С'эС'эС, С'эС'эС')								
(18)	с'э́хэ (с'э́үэ)	0,131	83,59 (82,25)	210-149	0,180	82,63 (80,23)	152-167- 144	ЛАЛ
(19)	н'э́нэј	0,091	83,03 (82,38)	191	0,157	82,78 (81,46)	192-165	СУГ
(20а)	т'э́хэ (т'э́үэ)	0,089	82,69 (80,99)	305	0,356	84,10 (81,55)	281-296- 180	СУГ
(20б)	т'э́"хэ (т'э́"үэ)	0,093	76,74 (74,84)	250-217	0,247	83,30 (79,62)	215-230- 153	СУГ
(21)	јэ́дэј	0,079	81,59 (79,40)	223	0,267	82,76 (81,69)	222-184 (ср. 202)	СУГ
(22)	с'э́р'эс'	0,154	83,89 (82,20)	237	0,250	83,54 (80,92)	234-155	СУГ
2. слова с о в 1С и 2С								
2.1. слова с ударением на первом слоге (о—о)								
СоСо (СоСо, С'оСо)								
(23)	н'о́хо (н'о́үо)	0,169	84,35 (82,73)	202-150	0,152	79,76 (78,06)	154	ЛАЛ
(24)	со́хо (со́үо)	0,103	82,90 (81,35)	126	0,088	76,40 (74,54)	102	ЯНХ
2.2. слова с ударением на втором слоге (о—о)								
СоСо(С) (СоСо, СоСоС')								
(25)	но́хо (но́үо)	0,135	84,32 (83,21)	209-178	0,218	84,00 (81,46)	182-186- 156	ЛАЛ
(26)	һо́пој	0,074	85,04 (82,88)	251-287- 265	0,086	83,59 (82,41)	234-169	СУГ

Примечания к таблице 2

(16) хэ́хэ (этно.) 'хэ́хэ (дух-покровитель; дух непогоды)', 'идол' [Терещенко 1965, 2008: 804]

(17) есер'' 'полог (занавеска из материи, при помощи которой отделяется на ночь спальная часть чума; в летнее время служит также защитой от мошкары и комаров)' [Терещенко 1965, 2008: 109]

(18) сехэ 'большой ком снега; твердый снег' [Терещенко 1965, 2008: 550]

(19) ненэй 'настоящий, подлинный', 'ненецкий' [Терещенко 1965, 2008: 299]

(20) техэ 'тот дальний, тот отдаленный (о месте или времени)' [Терещенко 1965, 2008: 652]

(21) едэй 'новый', 'молодой (недавно появившийся)' [Терещенко 1965, 2008: 89]

(22) сересь 'напильник' [Терещенко 1965, 2008: 547]

(23) нёхо 'пот' [Терещенко 1965, 2008: 308]

(24) сохо 'высокая остроконечная сопка с широким основанием' [Терещенко 1965, 2008: 567] (ПС *sok- (~ *sokâ, ?*sokâ) [Janhunen 1977: 143])

(25) нохо 'песец' [Терещенко 1965, 2008: 317] (ПС *nokâ [Janhunen 1977: 84])

(26) һоной (числ. колич.) 'один, одна, одно' [Терещенко 1965, 2008: 398]

⁷ ФС с гласным средне-нижнего подъема э(е) в 1С и 2С нами не обнаружено, они отсутствуют и в словаре [Терещенко 1965, 2008].

⁸ Без гортанного смычного ʔ в абсолютном конце слова.

Комментарии к таблице 2

1) Длительность \acute{e} 1С количественно сопоставима с длительностью безударного \acute{e} 2С: вне зависимости от открытости / закрытости 2С длительность БГ \acute{e} 2С незначительно превышает длительность УГ \acute{e} 1С в ФС №16, 17 (на 0,012 сек., т. е. 12 мсек., что является несущественным, незаметным «обычному уху» при восприятии звучащей речи темпоральным различием — о пороге слышимости см. выше и подробнее в [Клатт 1976; Lehiste 1970; Кривнова 2004: 4]). Если ударение падает на 2С, то вне зависимости от открытости / закрытости 2С длительность \acute{e} 2С значительно превосходит длительность безударного \acute{e} 1С: на 0,05—0,1 сек. (50—100 мсек.) в ФС №18, 19, 22, на 0,15—0,18 сек. (150—180 мсек.) в ФС №20б, 21 и даже на 0,27 сек. (270 мсек.) в ФС №20а (последнее вызвано продлением гласного звука в абсолютном конце ФС перед паузой).

Если ударение падает на 1С, длительность \acute{o} 1С незначительно (на 0,015—0,017 сек., 15—17 мсек.) превосходит длительность безударного \acute{o} 2С (ФС №23, 24), т. е. темпоральные различия оказываются почти «сглажены». Если ударение падает на 2С, длительность \acute{o} 2С превышает длительность безударного \acute{o} 1С: на 0,08 сек. (80 мсек.) в ФС №25, где 2С является открытым, и на 0,012 сек. (12 мсек.) в ФС №26, где 2С — закрытый, т. е., иными словами, длительность ударного \acute{o} 2С зависит от структуры слога, от того, является ли он открытым или закрытым.

2) Максимальная (пиковая) и средняя интенсивность \acute{e} 1С значительно (на 4—5 дБ) превышают пиковую и среднюю интенсивность безударного \acute{e} 2С. Если ударным оказывается 2С, то максимальная интенсивность \acute{e} 2С может превосходить пиковую интенсивность безударного \acute{e} 1С на 1—1,4 дБ (ФС №20а, 21) и даже значительно — на 6,5 дБ (ФС №20б) — или быть сопоставимой с ней (ФС №18, 19, 22). При этом макс.И БГ 1С может незначительно превышать макс.И УГ 2С после фрикативного свистящего s' (ФС №18, 22). Средняя интенсивность \acute{e} 2С также может превышать ср.И безударного \acute{e} 1С (ФС №20а, 20б, 21) или уступать ей на 1—2 дБ (ФС №18, 19, 22).

Максимальная и средняя интенсивность \acute{o} 1С значительно (на 4,5—6,8 дБ) превосходят пиковую и среднюю интенсивность безударного \acute{o} 2С (ФС №23, 24). Если ударение падает на 2С, то различия по максимальной и средней интенсивности \acute{o} 2С и безударного \acute{o} 1С становятся менее заметными: так, макс.И \acute{o} 2С оказывается меньше макс.И безударного \acute{o} 1С на 0,3—1,4 дБ, а ср.И \acute{o} 2С — на 0,5—1,8 дБ (ФС №25, 26).

3) Если ударение падает на 1С, то частота основного тона \acute{e} и \acute{o} 1С выше ЧОТ безударного \acute{e} или \acute{o} 2С соответственно — наблюдается падение тона на безударном гласном 2С: на 10—50 Гц (ФС №16, 17, 23, 24), а ЧОТ в конце произнесения БГ 2С может быть меньше ЧОТ УГ 1С на 60—90 Гц (ФС №16, 17). Это дает возможность говорить о нисходящем направлении движения тона в ФС вокалического состава \acute{e} — \acute{e} и \acute{o} — \acute{o} .

Если ударение падает на 2С (\acute{e} 2С), то возможны две «тональные картины»:

а) если 2С открытый, ЧОТ в конце произнесения безударного \acute{e} 1С сопоставима с ЧОТ в начале произнесения \acute{e} 2С, а в течение произнесения \acute{e} 2С тон характеризуется восходяще-нисходящим движением с небольшим (на 15 Гц) повышением и последующим падением на 20—110 Гц (ФС №18, 20а, 20б);

б) если 2С закрытый, то ЧОТ в конце произнесения безударного \acute{e} 1С сопоставима с ЧОТ в начале произнесения \acute{e} 2С, а тон на \acute{e} 2С характеризуется нисходящим движением (без «тонального бугорка») — ЧОТ на \acute{e} 2С понижается на 30—80 Гц (ФС №19, 21, 22).

Ср. аналогично в ФС вокалической структуры \acute{o} — \acute{o} : а) восходяще-нисходящее движение тона на \acute{o} открытого 2С с минимальным повышением и последующим падением на 30 Гц (ФС № 25); б) нисходящее движение тона на \acute{o} закрытого 2С при «тональном бугорке» (с повышением тона на 35 Гц и последующим понижением на 20 Гц) на безударном \acute{o} открытого 1С — разница между ЧОТ в конце произнесения безударного \acute{o} 1С и ЧОТ в начале произнесения \acute{o} 2С составляет 30 Гц, а разница между ЧОТ в конце произнесения безударного \acute{o} 1С и ЧОТ в конце произнесения \acute{o} 2С насчитывает 95 Гц, т. е. падение тона на протяжении произнесения \acute{o} 2С составляет 65 Гц (ФС №26).

Анализ данных *Таблицы 2*, в которой приведены числовые показатели по Д, И и ЧОТ гласных среднего подъема двусложных ФС с однородным вокалическим составом (\acute{e} — \acute{e} , \acute{e} — \acute{e} , \acute{o} — \acute{o} , \acute{o} — \acute{o}), позволяет описать комбинаторику акустических параметров, релевантных для ударения в ФС с таким вокалическим составом, следующим образом.

1) В связи с тем, что ингерентная длительность гласных среднего подъема меньше ингерентной длительности гласных нижнего подъема, темпоральное противопоставление УГ и БГ среднего подъема является менее выраженным, чем противопоставление по длительности УГ и БГ нижнего подъема (см. выше). Так, если ударение падает на 1С, длительность УГ 1С оказывается количественно сопоставимой с длительностью БГ 2С; если ударение падает на 2С, длительность УГ 2С значительно превосходит длительность БГ 1С.

2) Возможно, при некотором «ослаблении» признака длительности при маркировании ударного слога ФС с вокалическим составом, представленным гласными среднего подъема, акустический признак интенсивности «активизируется» и играет большую роль, чем в ФС с «нейтральными» по долготе УГ и БГ нижнего подъема. Если ударение падает на 1С, интенсивность УГ 1С значительно превосходит ин-

тенсивность БГ 2С. При ударе на 2С различия гласных по интенсивности, как правило, оказываются «сглаженными», однако возможны и варианты произнесения с большей интенсивностью УГ 2С.

3) Частота основного тона УГ 1С всегда выше ЧОТ БГ 2С, т. е. для слов с ударением на 1С характерен высокий тон (иногда с «тональным бугорком») на УГ 1С с последующим общим нисходящим движением тона к концу ФС. Если ударение падает на 2С, то может наблюдаться восходяще-нисходящее движение на УГ 2С («тональный бугорок») или просто падение тона на УГ 2С.

Таким образом, в Т гыдан. доминирующим (облигаторным) акустическим параметром ударения в ФС с гласными среднего подъема в 1С и 2С можно считать длительность, а вспомогательными (факультативными) просодическими признаками — интенсивность и повышение тона. При этом, однако, следует отметить некоторое «ослабление» роли длительности и «усиление» интенсивности при акцентном маркировании гласного среднего подъема в первом слоге ФС с однородным вокалическим составом (при сопоставлении с маркированием ударности «нейтрального» по долготе гласного нижнего подъема в 1С ФС с однородным вокалическим составом).

Таблица 3

ФС с гласными верхнего подъема в 1С и 2С в Т гыдан.

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
1. слова с <i>и</i> в 1С и 2С								
1.1. слова с ударением на первом слоге (<i>и́—и</i>)								
а. слова с открытым первым слогом								
<i>С́иСиС</i> (<i>С'иС'иС</i>)								
(27а)	<i>н'и́ч'и?</i>	0,147	83,55 (81,94)	208-224- 186	0,140	83,75 (81,82)	184-165 (ср. 175)	ЛАЛ
(27б)	<i>н'и́ч'и?</i>	0,213	84,62 (81,73)	232-269- 214	0,167	84,86 (82,24)	201-172	ЛАЛ
б. слова с закрытым первым слогом								
<i>С́иССи</i> (<i>С'иСС'и</i> , <i>С'иС'С'и</i>)								
(28)	<i>н'и́р'ч'и</i>	0,099	87,11 (84,51)	220-240- 233	0,111	84,32 (82,20)	203-128	ЛАЛ
(29)	<i>н'и́нч'и</i>	0,151	85,34 (82,28)	199-163 (ср. 185)	0,107	79,96 (76,86)	186-123	ЛАЛ
1.2. слова с ударением на втором слоге (<i>и—и́</i>)								
<i>СиС́и</i> (<i>С'иС'и́</i>)								
(30)	<i>жур'и́</i>	0,117	83,23	217-249	0,213	82,75	205-171	СУГ
2. слова с <i>ы</i> в 1С и 2С								
2.1. слова с ударением на первом слоге (<i>ы́—ы</i>)								
<i>С́ыСы</i> (<i>С'ыС'ы</i>)								
(31)	<i>жы́вы</i>	0,206	82,91 (81,75)	212-243- 226	0,122	79,19 (77,05)	171-138	СУГ
2.2. слова с ударением на втором слоге (<i>ы—ы́</i>)								
<i>СыС́ы(С)</i> (<i>С'ыС'ы́С</i> , <i>С'ыС'ы́</i>)								
(32)	<i>пы́хы́т</i>	0,104	88,72 (85,48)	226-153	0,151	86,39 (83,93)	165-175-142 (ср. 159)	ЛАЛ
(33)	<i>жы́хы́</i>	0,079	83,62 (82,65)	179-162 (ср. 171)	0,155	83,43 (82,68)	192	ЛАЛ
(34)	<i>жы́лы́</i>	0,059	87,71 (85,11)	155	0,249	82,41 (81,05)	169-189- 152-(172)	ЯНХ
3. слова с <i>и/ы</i> в 1С и 2С ⁹								
3.1. слова с ударением на первом слоге (<i>ы́—и</i>)								
<i>С́ыСиС</i> (<i>С'ыС'иС</i>)								
(35)	<i>ты́н'ич'</i>	0,168	84,56 (83,16)	207-188 (ср. 200)	0,132	83,09 (82,04)	184	ЛАЛ

⁹ Подробнее о фонологическом статусе *и* и *ы* в Т ненец. см. выше. Здесь мы рассматриваем ФС с вокалической структурой *ы́—и* отдельно от ФС с вокалическим составом *и́—и* и *ы́—ы*, а ФС со структурой *и—ы́* — отдельно от

3.2. слова с ударением на втором слоге (<i>u—ý</i>)								
а. слова с открытым первым слогом								
<i>СuСý (C'uCý)</i>								
(36а)	<i>жирý</i>	0,107	82,89 (82,18)	221-259- 255	0,204	83,55 (79,98)	196-151	СУГ
(36б)	<i>жирý</i>	0,104	82,79 (81,59)	231-273- 266	0,218	80,28 (78,87)	198-141 (ср. 164)	СУГ
(36в)	<i>жирý</i>	0,114	84,18 (82,51)	226-241- 235	0,248	83,63 (81,95)	222-143	ЛАЛ
(36г)	<i>жирý</i>	0,140	84,39 (82,77)	221-275	0,303	83,47 (81,66)	199	ЛАЛ
(37)	<i>т'икý</i>	0,061	82,68 (80,76)	207	0,216	84,00 (82,05)	259-187	СУГ
б. слова с закрытым первым слогом								
<i>СuССýС(C) (C'uССýС(C))</i>								
(38)	<i>жимбýт(?)</i>	0,095	86,32 (84,58)	212	0,161	86,90 (83,77)	238-262-237	СУГ
4. слова с у в 1С и 2С								
4.1. слова с ударением на первом слоге (<i>y'—y</i>)								
<i>СýСу (CýCу, C'ýCу)</i>								
(39)	<i>ж'ýху</i> (<i>ж'ýуу</i>)	0,120	85,03 (83,05)	215-148	0,088	79,64 (78,17)	153-129	ЛАЛ
(40)	<i>н'ýну</i>	0,089	85,17 (84,09)	222	0,101	82,18 (80,79)	182-155	ЛАЛ
4.2. слова с ударением на втором слоге (<i>y—y'</i>)								
<i>СуСý(C) (CуCý, CуCýC)</i>								
(41)	<i>жутý</i>	0,068	83,66 (82,65)	263-307	0,182	83,77 (81,49)	271-139	СУГ
(42)	<i>т'укý</i>	0,104	81,00 (79,19)	256-297- 274	0,195	81,27 (78,25)	247-141	СУГ
(43)	<i>уух'út</i> (<i>уу'út</i>)	0,086	83,09 (82,08)	168-146	0,115	82,75 (82,11)	155-165-158	ЛАЛ

Примечания к таблице 3

(27) *нинзи'(н)* 'нёбо' [Терещенко 1965, 2008: 313]

(28) *пирци, пирця́* 'желудок птицы' [Терещенко 1965, 2008: 469] (ПС **pirkä* (~ **perkä*) [Janhunen 1977: 122])

(29) *пибти'(н) = пибтя'(н)* 'нижняя губа' [Терещенко 1965, 2008: 461]

(30) *ури* 'дедушка; старший брат отца или матери; свекор; старший брат мужа; все мужчины из рода мужа, старше его' [Терещенко 1965, 2008: 147] (ПС **irз- (?*iräj)* ~ **jirз- (?*jiräj)* [Janhunen 1977: 27])

(31) *хýвны (хывы)* 'грех' ('нельзя', 'плохо') [ПИМАГ 2011: СУГ]

(32) *пыхыд* (вост.) [Терещенко 1965, 2008: 499] = *пыд* (б.-з., зап.) 'туловище' [Терещенко 1965, 2008: 494]

(33) *уыхы* 'далекий, отдаленный, дальний', 'давний' [Терещенко 1965, 2008: 411]

(34) *уылы* 'нижний, находящийся внизу, находящийся под кем-л., чем-л.', 'являющийся моложе кого-л., следующий за кем-л. по возрасту' [Терещенко 1965, 2008: 409]

(35) *тýн'ич' (тыниць')* 'вторая половина мая — первая половина июня' ('месяц отела') [ПИМАГ 2011: ЛАЛ]

(36) *уры* (вост.) [Терещенко 1965, 2008: 150] = *урий* (б.-з., зап.) 'луна, месяц (светило)', 'месяц (часть года)' [Терещенко 1965, 2008: 147]

(37) *тикы* 'тот, та, то', 'этот, эта, это' [Терещенко 1965, 2008: 659]

(38) *имбýt''(д)* 'рубашка, рубаха, сорочка', 'платье (женское)' [Терещенко 1965, 2008: 143]

(39) *юху* (анат.) 'сетка, сетчатый желудок (олень)' [Терещенко 1965, 2008: 819]

ФС состава *u—ú* и *ы—ý*, что связано с разными ингерентными темпоральными характеристиками гласных *u* и *ы*. Однако мы не относим ФС вокалических структур *ý—u* и *u—ý* к ФС с неоднородным вокалическим составом, о которых речь пойдет ниже. Такая подача материала кажется нам наиболее репрезентативной при выявлении и анализе релевантных акустических параметров ударения в Т гыдан.

(40) *пуну* (вост.) [Терещенко 1965, 2008: 490] = *пуно* ‘мох, употребляемый при строительстве’ [Терещенко 1965, 2008: 489]

(41) *жуту́* (*юту*) ‘вяленая на солнце и ветру рыба типа юколы’ [ПМАГ 2011: СУГ]

(42) *тюку* ‘этот, эта, это’ [Терещенко 1965, 2008: 696]

(43) *уухуд* ‘верхняя губа’ [Терещенко 1965, 2008: 405] (ПС **ukā* (der.?) [Janhunen 1977: 30])

Комментарии к таблице 3

1) Если ударение падает на 1С, длительность УГ 1С имеет тенденцию превосходить длительность БГ 2С: а) длительность *í* 1С превышает длительность безударного *и* 2С на 0,045 сек. (45 мсек.) в ФС №276, 29; б) длительность *ы́* 1С превышает длительность безударного *ы* 2С на 0,08 сек. (80 мсек.) в ФС №31; в) длительность *у́* 1С превышает длительность безударного *у* 2С на 0,03 сек. (30 мсек.) в ФС №39; г) длительность *ы́* 1С превышает длительность безударного *и* 2С на 0,035 сек. (35 мсек.) в ФС №35.

Однако длительность УГ 1С может быть количественно сопоставима с длительностью БГ 2С: так, в ФС №27а разница между длительностью УГ 1С и БГ 2С составляет всего 0,007 сек. (7 мсек.), что не является существенной и заметной «обычному уху» темпоральной разницей (подробнее о «пороге восприятия» см. выше). Возможно также произнесение с большей длительностью БГ 2С, если 2С является открытым, что вызвано продлением гласного в абсолютном конце ФС перед паузой: так, длительность БГ 2С превышает длительность УГ 1С на 0,012 сек. (12 мсек.) в ФС №28, 40, однако эта разница также не может считаться существенной.

Если ударение падает на 2С, длительность УГ 2С превосходит длительность БГ 1С: а) длительность *í* 2С превышает длительность безударного *и* 1С на 0,1 сек. (100 мсек.) в ФС №30; б) в ФС с закрытым 2С (ФС №32) длительность *ы́* 2С превышает длительность безударного *ы* 1С на 0,045 сек. (45 мсек.), а в ФС с открытым 2С — на 0,075 сек. (75 мсек.) в ФС №33 и даже на 0,19 сек. (190 мсек.) в ФС №34 (что вызвано спорадическим продлением гласного абсолютного конца ФС перед паузой в речи информанта ЯНХ); в) длительность *у́* 2С превышает длительность безударного *у* 1С на 0,03 сек. (30 мсек.) в ФС №43, где 2С является закрытым, и на 0,09—0,11 сек. (90—110 мсек.) в ФС №41 и 42, где 2С — открытый; г) длительность *ы́* 2С превышает длительность безударного *и* 1С на 0,1—0,16 сек. (100—160 мсек.) в ФС №36а—г и 37, где 2С является открытым, и на 0,065 сек. (65 мсек.) в ФС №38, где оба слога являются закрытыми.

Таким образом, мы видим, что темпоральные различия между УГ и БГ верхнего подъема в ФС с однородным вокалическим составом играют важную роль при акцентном маркировании 2С: так, длительность УГ 2С всегда превышает длительность БГ 1С — с большей разницей, если 2С открытый, и с меньшей — если 2С закрытый. При акцентном маркировании гласного 1С темпоральные различия также оказываются релевантными (длительность УГ 1С, как правило, превосходит длительность БГ 2С), однако менее значимыми, чем при маркировании 2С, о чем свидетельствует возможность произнесения УГ 1С и БГ 2С с несущественными, т. е. незаметными «уху», темпоральными различиями.

2) Если ударение падает на 1С, максимальная (пиковая) и средняя интенсивность УГ 1С, как правило, превосходят макс.И и ср.И БГ 2С: а) пиковая интенсивность *í* 1С превышает макс.И безударного *и* 2С на 2,8—5,3 дБ, а средняя интенсивность *í* 1С превышает ср.И *и* 2С на 2,5—5,4 дБ в ФС №28 и 29; б) пиковая интенсивность *ы́* 1С превышает макс.И безударного *ы* 2С на 3,7 дБ, а средняя интенсивность *ы́* 1С превышает ср.И *ы* 2С на 4,7 дБ в ФС №31; в) пиковая интенсивность *у́* 1С превышает макс.И безударного *у* 2С на 3—5,4 дБ, а средняя интенсивность *у́* 1С превышает ср.И *у* 2С на 3,3—4,9 дБ в ФС №39 и 40; г) пиковая интенсивность *ы́* 1С превышает макс.И безударного *и* 2С на 1,5 дБ, а средняя интенсивность *ы́* 1С превышает ср.И *и* 2С на 1,1 дБ в ФС №35.

Кроме того, возможен также вариант произнесения УГ 1С и БГ 2С с практически одинаковой (количественно сопоставимой) интенсивностью (ФС №27а и 27б), что может быть связано с наличием закрывающего 2С гортанного смычного согласного, перед которым интенсивность гласного имеет тенденцию повышаться.

Если ударение падает на 2С, динамические различия оказываются «сглажены»; возможны следующие варианты соотношения интенсивности УГ 2С и БГ 1С: а) максимальная и средняя интенсивность УГ 2С количественно сопоставимы с макс.И и ср.И БГ 1С — разница составляет меньше 1 дБ (ФС №30, 33, 36в, 38, 41—43); б) максимальная и средняя интенсивность БГ 1С превосходят макс.И и ср.И УГ 2С (ФС №32, 34, 36б, 36г); в) максимальная и средняя интенсивность УГ 2С незначительно (на 1,3 дБ) превосходят макс.И и ср.И БГ 1С (ФС №37).

3) Если ударение падает на 1С, частота основного тона УГ 1С превышает ЧОТ БГ 2С — наблюдается значительное падение тона на БГ 2С: разница между тональной вершиной УГ 1С и ЧОТ в начале произнесения БГ 2С составляет 10—40 Гц (ФС №27а, 28, 29, 35, 40) и даже 60—70 Гц (ФС №27б, 31, 39), а между тональной вершиной УГ 1С и ЧОТ в конце произнесения БГ 2С — 60—110 Гц (ФС №27а, 27б, 28, 29, 31, 39, 40). При этом падение тона в течение всего произнесения БГ 2С насчитывает 20—30 Гц (ФС №27а, 27б, 31, 39, 40) и даже 65—80 Гц (ФС №28, 29). Следует указать также на возможное восходяще-нисходящее движение тона («тональный бугорок») на УГ 1С (ФС №27а, 27б, 28, 31) — с повышением ЧОТ на 15—40 Гц и последующим падением на 10—55 Гц.

Если ударение падает на 2С, то возможными оказываются две «тональные картины».

а) Частота основного тона БГ 1С выше ЧОТ УГ 2С, наблюдается падение тона на протяжении всего ФС: разница между тональной вершиной на БГ 1С и началом произнесения УГ 2С составляет 20—75 Гц (ФС №30, 36а—г, 41, 42), а между тональной вершиной на БГ 1С и концом произнесения УГ 2С — 70—110 Гц (ФС №30, 36а, 36в, 41) и даже 130—155 Гц (ФС №36б, 42). При этом падение тона на самом УГ 2С может насчитывать 30—80 Гц (ФС №30, 36а—в, 41) и даже более 100 Гц (ФС №42), а на БГ 1С, как правило, наблюдается повышение тона: на 30—55 Гц (ФС №30, 36г), чаще — на 40 Гц (ФС №36а, 36б, 41, 42), редко — менее, чем на 20 Гц (ФС №36в). Следует отметить, что в ряд ФС с таким нисходящим движением тона входят только ФС с открытым 2С.

б) Частота основного тона УГ 2С может быть количественно сопоставима с ЧОТ БГ 1С (разница около 10—15 Гц, как в ФС №33, 34, 43) или даже превышать ее (на 25—50 Гц, как в ФС №37, 38). При этом на УГ 2С наблюдается небольшое повышение тона (на 10—25 Гц, как в ФС №32, 34, 38, 43) с последующим падением в конце ФС (на 30—50 Гц, как в ФС №32, 34, 37, 38), что несколько отличает эту тональную картину от описанной выше (а), где тон равномерно понижается на протяжении всего ФС — без локального повышения на УГ 2С, — а разница между ЧОТ БГ 1С и ЧОТ УГ 2С значительна. Следует отметить, что в ряд ФС с таким тональным оформлением входят как слова с открытым (ФС №33, 34, 37), так и закрытым (ФС №32, 38, 43) 2С.

Анализ данных *Таблицы 3*, в которой приведены числовые показатели по Д, И и ЧОТ гласных верхнего подъема двусложных ФС с однородным вокалическим составом (*ú—и, и—ú, í—ы, ы—í, ú—у, у—ú*), а также ФС с вокалическими структурами *и—í* и *í—и*, позволяет описать комбинаторику акустических параметров, релевантных для ударения в ФС с таким вокалическим составом, следующим образом.

1) Темпоральные различия между УГ и БГ верхнего подъема в ФС с однородным вокалическим составом более заметны при акцентном маркировании 2С (длительность УГ 2С всегда превышает длительность БГ 1С: с большей разницей, если 2С оказывается открытым, с меньшей — если 2С закрытым), чем при акцентном выделении гласного 1С (длительность УГ 1С, как правило, превосходит длительность БГ 2С, но количественные различия могут быть несущественными, незаметными «уху»).

2) Если ударение падает на 1С, интенсивность УГ 1С значительно превосходит интенсивность БГ 2С. При ударении на 2С различия гласных по интенсивности, как правило, оказываются «сглаженными», однако возможны и варианты произнесения с большей интенсивностью УГ 2С.

3) Частота основного тона УГ 1С всегда выше ЧОТ БГ 2С, т. е. для слов с ударением на 1С характерен высокий тон (иногда с «тональным бугорком») на УГ 1С с последующим общим нисходящим движением тона к концу ФС. Если ударение падает на 2С, то, как правило, наблюдается восходяще-нисходящее движение на УГ 2С («тональный бугорок») или просто падение тона на УГ 2С, однако возможны варианты произнесения ФС с ЧОТ УГ 2С, сопоставимой с ЧОТ БГ 1С или даже превышающей ее.

Таким образом, в Т гыдан. доминирующим (облигаторным) акустическим параметром ударения в ФС с гласными верхнего подъема в 1С и 2С можно считать длительность, а вспомогательными (факультативными) просодическими признаками — интенсивность и повышение тона. При этом, однако, как и в случае с гласными среднего подъема, следует отметить некоторое «ослабление» роли длительности и «усиление» интенсивности при акцентном маркировании гласного верхнего подъема в 1С ФС с однородным вокалическим составом (при сопоставлении с маркированием ударности «нейтрального» по долготе гласного нижнего подъема в 1С ФС с однородным вокалическим составом).

Обобщая результаты анализа просодических характеристик гласных 1С и 2С в ФС с однородным вокалическим составом в Т гыдан., можно сделать следующие выводы о релевантных признаках акцентного выделения гласного и степени их облигаторности / факультативности в ФС с однородной вокалической структурой.

1) Если как акцентно маркированный воспринимается гласный 1С в ФС с однородным вокалическим составом, то можно говорить о следующих акустических коррелятах ударения.

а) Длительность УГ 1С, как правило, превышает длительность БГ 2С, при этом количественные различия более заметны в последовательностях с «нейтральными» по долготе гласными нижнего подъема в 1С и 2С (*á—а*), особенно, если 1С является открытым, и менее — в ФС с гласными среднего и верхнего подъема, что связано с ослаблением темпорального противопоставления УГ и БГ при меньшей ингерентной (собственной) длительности этих гласных в Т гыдан. (т. е. с тем фактом, что разница между длительностью УГ и БГ находится в прямо пропорциональной зависимости от ингерентной длительности этих гласных, если они являются реализациями одной и той же фонемы).

б) Пиковая и средняя интенсивность УГ 1С в большинстве случаев превосходят макс.И и ср.И БГ 2С, однако это является обязательным условием только в ФС с гласными среднего и верхнего подъема и представляет собой всего лишь тенденцию в последовательностях с «нейтральными» по долготе гласными 1С и 2С.

в) Частота основного тона УГ 1С всегда выше ЧОТ БГ 2С, наблюдается падение тона к концу ФС, т. е. общее нисходящее тональное движение в ФС с акцентом на 1С (от высокого тона на УГ 1С к низкому на БГ 2С), при этом УГ 1С может также характеризоваться локальным повышением тона («тональным бугорком»).

2) Если как акцентно маркированный воспринимается гласный 2С в ФС с однородным вокалическим составом, то наблюдаются следующие акустические корреляты ударения.

а) Длительность УГ 2С всегда превышает длительность БГ 1С (вне зависимости от подъема и ингентной длительности гласных): с большей разницей, если 2С открытый, с меньшей — если 2С закрытый.

б) Максимальная и средняя интенсивность УГ 2С в большинстве случаев количественно сопоставимы с макс.И и ср.И БГ 1С или незначительно превосходят их в тех случаях, когда УГ и БГ являются квантитативно «нейтральными», но, если УГ и БГ являются краткими (\check{a} — \check{a}), макс.И и ср.И БГ 1С всегда больше макс.И и ср.И УГ 2С.

в) УГ 2С может характеризоваться локальным повышением тона с последующим понижением к концу ФС (при этом тональный максимум ФС все равно приходится на 1С, даже безударный), однако возможны также варианты произнесения с общим нисходящим тональным движением (от высокого тона на БГ 1С к низкому — на УГ 2С).

Таким образом, просодический параметр длительности можно считать основным акцентогенным или, иначе, облигаторным релевантным признаком ударения, его основным акустическим коррелятом, а интенсивность и повышение тона — факультативными, вспомогательными признаками словесного акцента в Т гыдан. Следует отметить, что динамический параметр становится более значимым при «ослаблении» темпорального (квантитативного), т. е. в ФС с гласными среднего и верхнего подъемов (при акценте на 1С), и менее значимым — при «усилении» темпорального, т. е. при акцентном выделении любого гласного 2С (т. к. ФС в Т гыдан. и, видимо, вообще в Т ненец. [Амелина 2011: 33], характеризуется большей интенсивностью на начальном слоге), в ФС с «нейтральными» по долготе гласными нижнего подъема (при акценте на 1С) и в ФС с краткими гласными нижнего подъема (при акценте на 2С). Тональный признак (повышение тона на УГ) является вспомогательным, т. к. ФС в Т гыдан. (но не во всех диалектах Т ненец. [Амелина 2011: 33]) характеризуется более высоким тоном на начальном слоге, что «ослабляет» тенденцию к тоновому выделению УГ 2С.

Сформулированные выше выводы обобщены и наглядно представлены в *Таблице 4*.

Таблица 4

Акустические корреляты словесного акцента в ФС с однородным вокалическим составом в Т гыдан.¹⁰

гласные 1С — гласные 2С	ударение на 1С	ударение на 2С
<i>a—a</i>	$D_1 > D_2$, если 1С и 2С открытые $D_1 = D_2$, если 1С закрытый, а 2С открытый ($I_1 > I_2$) $ЧОТ_1 > ЧОТ_2$	$D_1 < D_2$ $I_1 \sim I_2$ ($(I_1 < I_2)$) $ЧОТ_1 > ЧОТ_2$, но м. б. повышение ЧОТ на 2С
<i>ǎ—ǎ</i>	—	$D_1 < D_2$ $I_1 > I_2$ $ЧОТ_1 > ЧОТ_2$
<i>э—э</i>	$D_1 \geq D_2$ $I_1 > I_2$ $ЧОТ_1 > ЧОТ_2$	$D_1 < D_2$ $I_1 \sim I_2$ $ЧОТ_1 > ЧОТ_2$, но м. б. повышение ЧОТ на 2С
<i>о—о</i>		
<i>и—и</i>		
<i>ы—ы</i>		
<i>у—у</i>		

Примечания к таблице 4

Знаком \sim обозначено такое соотношение I_1 и I_2 (как макс.И, так и ср.И), при котором количественные показатели интенсивности 1С и 2С оказываются сопоставимы или разница между ними в конкретных произнесениях проявляется непоследовательно: либо I_1 незначительно превосходит I_2 , либо наоборот.

¹⁰ В *Таблице 4* приведены наиболее типичные соотношения гласных 1С и 2С по длительности, интенсивности и частоте основного тона. Менее продуктивные типы соотношений D_1 и D_2 , I_1 и I_2 , $ЧОТ_1$ и $ЧОТ_2$ были отражены в *Таблицах 1—3* и специально оговорены в комментариях к ним.

Акустические характеристики словесного акцента в ФС с однородным вокалическим составом в Т гыдан. обнаруживают сходство с признаками ударения в ямальском диалекте Т ненец. (подробнее см. [Амелина 2011]).

1) В Т ямал., как и в Т гыдан., в ФС однородного вокалического состава с «нейтральными» по долготе гласными нижнего подъема УГ 1С оказывается выделен количественно (обычно $D_1 > D_2$ на 0,02—0,06 сек., т. е. 20—60 мсек., и даже более, например, в ФС 1Я *láta*, 2Я *háda*, 3Я *hála*, 4Я *n'ába*, 6Я *hámba*, 14Я *n'áwa*, 15Я *n'áda*, 16Я *cápwá* [Амелина 2011: 14—15]) и динамически (на 1—4,5 дБ в ФС 1Я—6Я, 14Я—16Я [Амелина 2011: 14—15]). В ФС однородного вокалического состава с гласными верхнего подъема в Т ямал. так же, как и в Т гыдан., наблюдается «ослабление» темпорального параметра и «усиление» экспираторного при выделении УГ 1С: так, $D_1 = D_2$, а $I_1 > I_2$ на 7 дБ в ФС 44Я *n'úr'č'i* [Амелина 2011: 18].

Следует, однако, упомянуть о нерелевантности тонального параметра при акцентном маркировании УГ в Т ямал. в отличие от Т гыдан.: частота основного тона ямальского ФС в большинстве случаев остается почти неизменной на всем протяжении слова, т. е. тон остается ровным (с незначительными изменениями) в течение произнесения ФС, — можно отметить лишь общее небольшое (часто примерно на 10—20 Гц) понижение ЧОТ от начала к концу ФС [Амелина 2011: 33].

2) В Т ямал., как и в Т гыдан., при акцентном выделении УГ 2С в ФС с однородным вокалическим составом количественный признак выходит на первый план, а экспираторное противопоставление оказывается несколько «сглаженным»: так, в большинстве случаев $D_1 < D_2$ на 0,04—0,08 сек., 40—80 мсек., и иногда даже более (например, в ФС 51Я *soxó*, 52Я *noxó*, 54Я *s'эхэ*, 56Я *yuxúđ*, 60Я *jur'ú* [Амелина 2011: 18—19]); количественные показатели интенсивности УГ 2С и БГ 1С, при этом, сопоставимы (ФС 52Я [Амелина 2011: 18]), или I_1 немного превосходит I_2 (ФС 54Я, 56Я, 60Я [Амелина 2011: 19]), возможны также варианты произнесения с большей интенсивностью УГ 2С (ФС 51Я [Амелина 2011: 18]). В Т ямал. тон на протяжении звучания ФС с ударением на 2С остается практически ровным.

Облигаторность темпорального параметра при акцентном выделении УГ в ФС с однородным вокалическим составом является общей чертой не только диалектов восточного ареала Т ненец., т. е. Т гыдан. и Т ямал., но и шире, — видимо, всех (в т. ч. и западных) говоров Т ненец. Так, в Т канин. длительность гласного, который соответствует УГ в Т гыдан. и Т ямал., всегда превышает длительность гласного, который соответствует БГ в Т гыдан. и Т ямал. (подробнее см. [Амелина 2011]), при этом разница между D_1 и D_2 в Т канин. значительно больше, чем в Т ямал. и Т гыдан. (обычно она составляет около 0,11—0,16 сек., 110—160 мсек.; см. ФС 2К—5К, 44К [Амелина 2011: 14, 18]), что может свидетельствовать о дополнительном квантитативном выделении гласного начального слога ФС в Т канин. (о количественном маркировании гласного первого слога в другом западном диалекте Т ненец. — малоземельском — см. [Staroverov 2006: 5—6]).

II. Акцентные характеристики двусложных имен с неоднородным вокалическим составом в гыданском диалекте

В предыдущем разделе были рассмотрены просодические характеристики ФС с однородным вокалическим составом — слов, определение места ударения в которых осуществляется не только на основании оценок «по максимуму» и «по контрасту», но и на основании непосредственной оценки «по временному эталону» (см. подробнее выше). Ниже будут рассмотрены акцентные параметры ФС с неоднородным вокалическим составом (с разными гласными 1С и 2С) — слов, определение места ударения в которых будет опираться в первую очередь на оценки «по максимуму» и «по контрасту».

Таблица 5

ФС с «нейтральным» по долготе гласным нижнего подъема (а) в 1С в Т гыдан.

№	слово	D_1	I_1	ЧОТ1	D_2	I_2	ЧОТ2	инф.
1. слова с ударением на первом слоге (<i>á—V</i>)								
1.1. слова с <i>á</i> во 2С (<i>á—á</i>)								
<i>CáCáC(C)</i> (<i>CáCáC</i> , <i>CáCáCC</i>)								
(44)	<i>náđáw?</i>	0,202	85,14 (83,01)	220	0,087	88,89 (85,39)	185	ЛАЛ
(45)	<i>hářát</i>	0,176	86,67 (83,05)	256	0,093	82,94 (82,05)	255	СУГ

1.2. слова с э во 2С (<i>á—э</i>) <i>СáСэ (СáСэ, С'áСэ)</i>								
(46)	<i>náwэ</i>	0,196	85,85 (82,95)	191-160 (ср. 180)	0,124	82,79 (79,57)	159	ЛАЛ
(47)	<i>jáwэ</i>	0,153	83,70 (82,57)	190	0,119	82,20 (80,34)	161	ЛАЛ
1.3. слова с о во 2С (<i>á—о</i>) <i>СáСо</i>								
(48)	<i>wáno</i>	0,140	83,16	188	0,101	80,37	168	ЛАЛ
(49)	<i>háсо</i>	0,101	83,05	220	0,086	77,45	173	СУГ
(50)	<i>táто</i>	0,142	86,84 (83,32)	194	0,129	84,08 (82,08)	193-150	ЛАЛ
(51)	<i>wáто</i>	0,090	84,74 (82,79)	229	0,076	77,42 (75,69)	203-173	СУГ
1.4. слова с ы во 2С (<i>á—ы</i>) <i>СáС(С)ы (СáСы, СáССы)</i>								
(52)	<i>náлы</i>	0,116	83,81 (82,35)	213-226- 216 (ср. 219)	0,142	80,05 (76,69)	174-138 (ср. 155)	СУГ
(53)	<i>náды</i>	0,199	85,88 (82,61)	212-238	0,169	83,30 (81,20)	214	СУГ
1.5. слова с у во 2С (<i>á—у</i>) <i>СáС(С)у (СáСу, СáСС'у, С'áС'Су)</i>								
(54)	<i>náду</i>	0,155	85,62 (82,89)	186	0,110	83,30 (81,59)	174	ЛАЛ
(55)	<i>сáрн'у</i> ¹¹	0,162	86,28 (82,85)	235	0,109	82,20 (81,64)	203-157	ЛАЛ
(56)	<i>л'áл'ку</i>	0,180	85,29 (82,75)	218	0,157	84,68 (82,00)	203	СУГ
2. слова с ударением на втором слоге (<i>а—V́</i>)								
2.1. слова с э во 2С (<i>а—э́</i>) <i>СаСэ́С(С) (СаС'э́С(С), СаСэ́С', С'аСэ́С')</i>								
(57)	<i>χájэ́р(?)</i>	0,091	83,80 (82,21)	220	0,184	82,84 (80,47)	198-146	СУГ
(58а)	<i>нарэ́ж</i>	0,189	84,13 (82,94)	186	0,197	83,67 (82,41)	183-224	ЛАЛ
(58б)	<i>нарэ́ж</i>	0,164	84,39 (83,54)	180	0,216	84,16 (82,91)	184-261- 250	ЛАЛ
(59)	<i>с'адэ́ж</i>	0,119	83,69 (81,71)	224-247	0,188	82,95 (81,52)	212-162	СУГ
2.2. слова с о во 2С (<i>а—о́</i>) <i>СаСо́С(С) (СаС'о́С(С), С'аСо́С')</i>								
(60)	<i>табóр</i> ¹²	0,096	86,88 (84,04)	200-182 (ср. 194)	0,165	85,88 (82,62)	195	ЛАЛ
(61)	<i>jánóч'</i>	0,105	83,28 (82,33)	202	0,172	81,19 (78,07)	184-160	СУГ
2.3. слова с и во 2С (<i>а—и́</i>) <i>Са(С)С'и́С (С'аС'и́С, СаСС'и́С)</i>								
(62)	<i>н'ал'и́к</i>	0,113	89,15 (85,30)	222	0,129	84,64 (82,39)	218-276- 265	СУГ
(63)	<i>сарм'и́к</i>	0,121	85,84 (83,82)	191	0,116	83,44 (82,28)	214-231	ЛАЛ

¹¹ Без горланного смычного ? после *p*.¹² Без горланного смычного ? в конце ФС.

2.4. слова с <i>ы</i> во 2С (<i>a—b́i</i>) <i>CaCb́i(CC)</i> (<i>CaCb́i, CaCb́iCC</i>)								
(64)	<i>такы́</i>	0,110	82,94 (81,49)	257-279	0,289	79,45 (76,50)	261-154	СУГ
(65)	<i>таты́с</i> ¹³	0,119	86,67 (82,92)	252	0,168	82,51 (81,66)	243-193	СУГ
2.5. слова с <i>у</i> во 2С (<i>a—ý</i>) <i>CaC(C)ýC</i> (<i>CaCCýC', CaCýC'</i>)								
(66а)	<i>салму́j</i>	0,166	84,98 (82,90)	233-190	0,247	83,74 (82,85)	197-238- 222	СУГ
(66б)	<i>салму́j</i>	0,121	86,61 (83,76)	223-204	0,151	84,17 (83,32)	205-212- 199	СУГ
(67)	<i>хасу́j</i>	0,101	84,03 (81,89)	239-262- 239	0,142	81,70 (80,05)	188	СУГ

Примечания к таблице 5

- (44) *надáм* 'сопли' [Терещенко 1965, 2008: 281] (ПС **nátá* → ПС der.)
 (45) *харáд* 'дом, здание, изба, хата', 'поселок, населенный пункт, село' [Терещенко 1965, 2008: 746]
 (46) *навэ* 'затылок, затылочная часть' [Терещенко 1965, 2008: 427]
 (47) *явы* (иносказ.) 'белый медведь' [Терещенко 1965, 2008: 826]
 (48) *вано* 'корень' [Терещенко 1965, 2008: 41] (ПС **wáncz* → ПС der. **wáncâj* [Janhunen 1977: 171])
 (49) *хасо* 'плата шаману' [Терещенко 1965, 2008: 757] (ПС **kásâj* [Janhunen 1977: 61])
 (50) *тато* 'искра' [Терещенко 1965, 2008: 640]
 (51) *вато* 'обещание', 'условие, уговор', 'согласие', 'правило, обычай; закон' [Терещенко 1965, 2008: 51—52]
 (52) *палы* 'сабля, меч' [Терещенко 1965, 2008: 439] (ПС **pálV* → ПС der. **pálâjâ*)
 (53) *падвы* 'пестрый, в пятнах' [Терещенко 1965, 2008: 430]
 (54) *паду* 'щека' [Терещенко 1965, 2008: 433], *пайды* 'щека' [Терещенко 1965, 2008: 435] (ПС **pât-* ~ **pât3* (?**pâtâ*) → ПС der. **pâtâ-* [Janhunen 1977: 117])
 (55) *сар"ню* 'яйцо' [Терещенко 1965, 2008: 537]
 (56) *л'áл'ку* (*ляльку*) 'поварешка, половник' [ПИМАГ 2011: СУГ]
 (57) *хаер"ð* 'солнце' [Терещенко 1965: 721] (ПС **kâjâ* → ПС der. **kâjâ-râ-t* [Janhunen 1977: 58])
 (58) *нарэй* 'весенний, вешний', 'весна до ледохода' [Терещенко 1965: 287]
 (59) *сядэй* 'деревянный идол, болван' [Терещенко 1965: 597]
 (60) *табор"* 'мусор, соринка' [Терещенко 1965: 611]
 (61) *яноць* 'поздно' [Терещенко 1965: 844]
 (62) *пялик* 'нагрудник в виде кусочка мягкой шкурки, которая закладывается за ворот одежды ребенка' [Терещенко 1965: 510]
 (63) *сармик* 'волк', (б.-з., вост.) 'зверь' [Терещенко 1965: 536]
 (64) *такты* 'тот, та, то (при указании)' [Терещенко 1965: 617]
 (65) *таты* 'младшая жена (при многоженстве)' [Терещенко 1965: 641]
 (66) *салму́j* 'ровный, гладкий' [Терещенко 1965: 524]
 (67) *хасу́j* 'сухой' [Терещенко 1965: 757]

Комментарии к таблице 5

А) Гласный *a* 1С воспринимается как акцентно выделенный в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) Длительность *á* 1С превышает длительность «нейтральных» по долготе безударных гласных 2С на 0,015—0,05 сек. (15—50 мсек.) в ФС №47—51, 53—56 и даже на 0,07 сек. (70 мсек.) в ФС №46, а длительность краткого *â* 2С — на 0,08—0,11 сек. (80—110 мсек.) в ФС №44, 45.

2) Максимальная интенсивность *á* 1С в большинстве случаев превосходит пиковую интенсивность безударных гласных 2С на 1,5—4 дБ (ФС №45—48, 50, 52—55), реже разница может быть как больше (5,5 и даже 7,3 дБ в ФС №49, 51), так и меньше (0,6 дБ в ФС №56) этих пределов. Возможно, незначительная разница макс.И *á* 1С и макс.И гласного 2С в ФС №56 связана с положением УГ между мягкими согласными (*л'áл'ку*). ФС с гортанным смычным *ʔ* в абсолютном конце могут характеризоваться большей пиковой интенсивностью БГ 2С: так, макс.И *á* 1С может уступать макс.И безударного *â* 2С в ФС с конечным гортанным смычным *ʔ* на 3,8 дБ (ФС №44 *надáwʔ*);

¹³ Слово употреблено в форме множественного числа.

ср.И *á* 1С < ср.И *ǎ* 2С в ФС №44 на 2,4 дБ. Средняя интенсивность *á* 1С превосходит ср.И безударных гласных 2С на 0,7—3,4 дБ (ФС №45—47, 50, 53—56) и даже на 5,5—7 дБ (ФС №51, 52).

3) Частота основного тона *á* 1С всегда выше ЧОТ безударных гласных 2С — наблюдается нисходящее движение тона от начала ФС к концу: разница между тональным максимумом *á* 1С и средней ЧОТ БГ 2С составляет около 20—50 Гц (ФС №44, 46—50, 53, 56). ЧОТ в начале и в конце БГ 2С может иметь значительные расхождения: так, падение тона с тональной вершины *á* 1С к началу произнесения БГ 2С может насчитывать 25—50 Гц, а к концу БГ 2С — 55—140 Гц (ФС №51, 52, 55), т. е. в течение звучания БГ 2С тон может понизиться на 30—90 Гц.

Б) Гласный *a* 1С воспринимается как безударный (в противоположность гласному 2С) в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) Длительность безударного *a* 1С количественно уступает длительности УГ 2С — как правило, на 0,03—0,09 сек., 30—90 мсек. (ФС №57, 58б, 59—61, 65, 66а, 66б, 67), но может и более, если 2С является открытым, — даже на 0,19 сек., 190 мсек. (ФС №64). Однако в последовательности *a—ú* с широким БГ 1С (с наибольшей ингерентной длительностью) и узким УГ 2С (с наименьшей собственной длительностью) это соотношение может не соблюдаться: длительность безударного *a* может быть количественно сопоставима с длительностью ударного *ú* 2С (ФС №62, 63). Ср.: аналогичное соотношение возможно и в ФС структуры *a—ǎ* (ФС №58а).

2) Пиковая интенсивность безударного *a* 1С количественно не уступает максимальной интенсивности УГ 2С, что связано с экспираторным усилением начала ФС: макс.И безударного *a* 1С может быть сопоставима с макс.И УГ 2С, т. е. незначительно (на 0,4—1 дБ) превосходить последнюю (ФС №57, 58а, 58б, 59, 60, 66а), или превышать ее на более значительные величины (на 2—2,4 дБ в ФС №61, 63, 66б, 67 и даже на 3,5—4 дБ в ФС №62, 64, 65). Средняя интенсивность безударного *a* 1С обычно также количественно сопоставима со ср.И УГ 2С (ФС №59, 66) или превышает ее на 0,4—2 дБ (ФС №57, 58а, 58б, 60, 63, 65, 66б, 67). Возможны также варианты произнесения с бóльшей разницей между ср.И *a* 1С и ср.И УГ 2С: так, ср.И *a* 1С > ср.И УГ 2С на 4,3 и 5 дБ в ФС №61 и 64.

3) При просодическом оформлении ФС с акцентом на 2С возможными оказываются две «тональные стратегии».

а) Частота основного тона безударного *a* 1С выше ЧОТ УГ 2С, наблюдается падение тона к концу ФС: разница между тональным максимумом на безударном *a* 1С и ЧОТ в начале произнесения УГ 2С составляет 20—40 Гц, а между тональным максимумом на *a* 1С и ЧОТ в конце УГ 2С — 60—125 Гц, т. е. падение тона в течение произнесения гласного 2С может насчитывать 25—115 Гц (ФС №57, 59, 61, 64, 65, 66б, 67).

б) Частота основного тона УГ 2С превышает ЧОТ безударного *a* 1С, наблюдается повышение тона на УГ 2С: разница между средней ЧОТ безударного *a* 1С и тональной вершиной УГ 2С составляет 40—80 Гц (ФС №58а, 58б, 62, 63). Возможным также оказывается произнесение ФС с двумя равными по ЧОТ тональными максимумами — на безударном *a* 1С, который тонально выделен, потому что находится в начальном слоге ФС, и на УГ 2С; при этом наблюдается падение тона после тональной вершины на *a* 1С на 40 Гц с последующим повышением ЧОТ на УГ 2С на эту же величину (40 Гц) и незначительным падением в конце ФС (ФС №66а).

Следует отметить, что вторая «тональная стратегия», отличающаяся бóльшим выделением УГ 2С с помощью тона, осуществляется только в том случае, если 2С является закрытым, и оказывается характерной для звучащей речи информанта ЛАЛ (в отличие от информанта СУГ, предпочитающего «стратегию» без тонального выделения УГ 2С — с общим нисходящим движением тона от начала к концу ФС).

Обобщая данные *Таблицы 5*, в которой приведены числовые показатели по Д, И и ЧОТ гласного *a* 1С и других гласных 2С двусложных ФС с неоднородным вокалическим составом, можно прийти к следующим выводам.

Ударный *á* 1С оказывается маркирован наибольшей длительностью, наибольшей максимальной и средней интенсивностью и наиболее высоким тоном в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом, при этом наблюдается тенденция: чем меньше количественное противопоставление между УГ 1С и БГ 2С, тем больше разница по интенсивности (ФС №49—52), т. е. при «ослаблении» основного акустического признака ударения (темпорального выделения) «активизируется» вспомогательный (экспираторное выделение). Об акцентном выделении *á* 1С в ФС с неоднородным вокалическим составом в Т ямал. см. [Амелина 2011: 27, а] (в таблице слова 7Я—13Я, 17Я [там же: 14—15]), а в Т канин. — см. [там же: 30, а] (в таблице слова 7К, 14К—17К [там же: 14—15]).

Ударный гласный 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном *a* 1С) оказывается маркирован наибольшей длительностью (для УГ верхнего и иногда даже среднего подъема это может не соблюдаться, т. к. ингерентная длительность *a* 1С превышает собственную длительность УГ) и факультативно — повышением тона.

Сравнительный анализ разных вариантов произнесения одного и того же слова одним и тем же информантом свидетельствует об облигаторности количественного признака при акцентном выделении гласного 2С и о факультативности тонального признака, который выражается, как правило, при более четком произнесении ФС. При этом степень выраженности тонового параметра прямо пропорционально

зависит от степени выраженности темпорального: чем больше длительность УГ 2С превышает длительность безударного а 1С, тем более заметно повышается ЧОТ на УГ 2С (ср. варианты произнесения ФС №58 *нарэ́ж* в речи информанта ЛАЛ и ФС №66 *салму́ж* в исполнении диктора СУГ). Об акцентном выделении гласного 2С в ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном а 1С) в Т ямал. см. [Амелина 2011: 29, а] (в таблице слова 48Я, 49Я [там же: 18]), а в Т канин. — см. [там же: 31, а] (в таблице слово 49К [там же: 18]).

Таблица 6

ФС с кратким гласным нижнего подъема (ǎ) в 1С в Т гыдан.

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
слова с ударением на втором слоге (ǎ—ǎ́) ¹⁴								
1. слова с а во 2С (ǎ—ǎ́) Cǎ(C)Cǎ (CǎCǎ, C'ǎCCǎ)								
(68а)	<i>мǎ́ра</i>	0,069	84,66 (84,02)	169	0,178	83,06 (81,45)	155	ЛАЛ
(68б)	<i>мǎ́ра</i>	0,075	82,58 (81,84)	197-204	0,162	73,96 (71,11)	145	СУГ
(69)	<i>мǎ́ха (мǎ́ха)</i>	0,064	81,02 (78,71)	247-210	0,097	77,67 (76,43)	209-183	СУГ
(70)	<i>сǎ́ва</i>	0,058	86,13 (83,81)	258-215	0,101	82,19 (77,64)	185-156- (глухой)	СУГ
(71)	<i>ǰǎ́пта</i>	0,066	83,36 (82,51)	213	0,161	86,34 (83,31)	207-154	ЛАЛ
2. слова с э во 2С (ǎ—ǎ́) CǎC(C)ǎ́(C) (CǎCǎ́(C), CǎCǎ́C, CǎCCǎ́C)								
(72)	<i>нǎ́рэ¹⁵</i>	0,047	85,66 (84,57)	210	0,143	82,59 (81,29)	188-170 (ср. 178)	СУГ
(73)	<i>тǎ́дэ́?</i>	0,055	88,82 (86,10)	193	0,142	88,65 (84,12)	181-198 (ср. 195)	ЯНХ
(74)	<i>хǎ́рү́с</i>	0,051	82,77 (82,04)	215	0,174	84,49 (82,23)	219-242- 216	ЛАЛ
3. слова с о во 2С (ǎ—ǎ́) CǎCCǎ́(C) (CǎCCǎ́, C'ǎCCǎ́, C'ǎCCǎ́'ǎ́C)								
(75)	<i>лǎ́мдó</i>	0,072	84,24 (83,15)	217	0,106	83,34 (80,41)	172	СУГ
(76)	<i>ǰǎ́птó</i>	0,047	83,70 (82,08)	190-177 (ср. 185)	0,150	85,08 (82,97)	217-161	ЛАЛ
(77)	<i>ǰǎ́пт'ǎ́j</i>	0,057	82,51 (80,69)	212-216- 203	0,117	82,36 (81,37)	265-293- 280	СУГ
4. слова с и во 2С (ǎ—ǎ́) CǎC(C)ǎ́(C) (CǎCCǎ́'í, CǎC'íC)								
(78)	<i>хǎ́рч'í</i>	0,062	87,61 (85,38)	256	0,130	84,60 (82,14)	202-132	ЛАЛ
(79)	<i>хǎ́б'í?</i>	0,060	83,03 (81,95)	222-251	0,221	79,73 (77,58)	223-151	СУГ
5. слова с ы во 2С (ǎ—ǎ́) CǎC(C)ǎ́(C) (CǎCǎ́'í, CǎCCǎ́'í)								
(80)	<i>нǎ́ны́</i>	0,060	87,31 (85,37)	207-194 (ср. 201)	0,157	84,33 (82,12)	202-225- 205	СУГ
(81)	<i>нǎ́рды́</i>	0,098	84,64 (83,17)	176	0,169	87,99 (83,45)	134-83	ЯНХ

¹⁴ По нашим полевым данным, гласный ǎ в 1С ФС в Т гыдан. не может нести на себе словесный акцент (об ударном ǎ во 2С см. выше — в разделе, посвященном просодическим характеристикам ФС с однородным вокалическим составом).

¹⁵ Без гортанного смычного ʔ в конце ФС.

б. слова с у во 2С (ǎ—ǎ')								
CǎC(C)ǎC (CǎC'ǎC', CǎCCǎC)								
(82)	<i>ǎǎ'ǎǎ'</i>	0,071	83,79 (82,46)	235-242	0,146	82,09 (81,26)	195-154	СУГ
(83)	<i>ǎǎ'ǎǎ'</i>	0,042	85,57 (84,30)	193-212	0,150	83,35 (82,26)	209-149	ВЗТ

Примечания к таблице 6

- (68) *ǎǎ'* 'песчаный берег, отмель' [Терещенко 1965, 2008: 234] (ПС **mǎrǎ* [Janhunen 1977: 88])
 (69) *ǎǎ'*¹⁶ 'спина' [Терещенко 1965, 2008: 242] (ПС **mǎkǎ* [Janhunen 1977: 85])
 (70) *ǎǎ'* 'капюшон (малицы); шапка' [Терещенко 1965, 2008: 517] (ПС **sǎmǎ* [Janhunen 1977: 132—133])
 (71) *ǎǎ'* 'роса, влага' [Терещенко 1965, 2008: 822]
 (72) *ǎǎ'* '(н)' 'сверло' [Терещенко 1965, 2008: 453] (ПС **pǎrǎǎǎ'* [Janhunen 1977: 114])
 (73) *ǎǎ'* '(н)' 'распорка (челнока), поперечные палки в лодке (которые служат для крепления продольных досок бортов и дна)' [Терещенко 1965, 2008: 453] (ПС **pǎrǎǎǎ'* [Janhunen 1977: 616])
 (74) *ǎǎ'*, *ǎǎ'* 'ворон' [Терещенко 1965, 2008: 751], *ǎǎ'* 'ворон' [Терещенко 1965, 2008: 750] (ПС **kǎrnǎǎ'* [Janhunen 1977: 55])
 (75) *ǎǎ'*¹⁷ 'низкий' [Терещенко 1965, 2008: 174] (ПС **ǎǎmtǎ* → ПС der. **ǎǎmtǎǎ* [Janhunen 1977: 81])
 (76) *ǎǎ'* 'гусь' [Терещенко 1965, 2008: 824]
 (77) *ǎǎ'* 'влажный, мокрый, сырой' [Терещенко 1965, 2008: 824]
 (78) *ǎǎ'* 'седалище, зад, ягодицы' [Терещенко 1965, 2008: 754]
 (79) *ǎǎ'* 'ханты (народность)' [Терещенко 1965, 2008: 708]
 (80) *ǎǎ'* 'одежда', 'верхняя женская одежда (паница, ягушка)' [Терещенко 1965, 2008: 442]
 (81) *ǎǎ'* 'бубны (в картах)': *ǎǎ'* *ǎǎ'* 'стрела с железным наконечником' [Терещенко 1965, 2008: 285]
 (82) *ǎǎ'* 'замороженный, мороженый, мерзлый', 'очень холодный (например, о железе, дереве на морозе)', 'холодный, остывший, утративший тепло' [Терещенко 1965, 2008: 742]
 (83) *ǎǎ'* ' (зоол.) сиг; пыжьян' [Терещенко 1965, 2008: 438]

Комментарии к таблице 6

1) Длительность УГ 2С всегда превышает длительность безударного краткого ǎ 1С: на 0,03—0,04 сек. (30—40 мсек.) в ФС №69, 70, 75; на 0,05—0,075 сек. (50—70 мсек.) в ФС №77, 78, 81, 82; на 0,09—0,12 сек. (90—120 мсек.) в ФС №68б, 71—74, 76, 80, 83; на 0,16—0,18 сек. (160—180 мсек.) в ФС №68а, 79.

2) Максимальная и средняя интенсивность безударного ǎ 1С в большинстве произнесений превосходят пиковую и среднюю интенсивность УГ 2С, что связано с экспираторным выделением начального слога ФС в Т гыдан.: так, макс.И ǎ 1С > макс.И УГ 2С на 1—4 дБ (ФС №68а, 69, 70, 72, 75, 78—80, 82, 83), а ср.И ǎ 1С > ср.И УГ 2С на 1,2—4,4 дБ (ФС №68а, 69, 72, 73, 75, 78—80, 82, 83). В речи информанта СУГ возможны также варианты произнесения с крайне низкой интенсивностью УГ 2С: макс.И ǎ 1С > макс.И УГ 2С на 8,6 дБ (ФС №68б), ср.И ǎ 1С > ср.И УГ 2С на 10,7 дБ (ФС №68б) и на 6,2 дБ (ФС №70).

Кроме того, возможны также варианты произнесения, при которых максимальная и средняя интенсивность УГ 2С оказываются количественно сопоставимы с пиковой и средней интенсивностью безударного ǎ 1С (ФС №77) или даже превосходят последние (ФС №71, 74, 76, 81). Такая просодическая тактика выделения УГ 2С характерна, в первую очередь, для информантов ЯНХ и ЛАЛ (в отличие от диктора СУГ).

3) При просодическом оформлении ФС со словесным акцентом на 2С и безударном ǎ 1С возможны две «тональные стратегии».

а) Частота основного тона безударного ǎ 1С выше ЧОТ УГ 2С, наблюдается падение тона к концу ФС: разница между тональным максимумом на безударном ǎ 1С и ЧОТ в начале произнесения УГ 2С составляет 20—55 Гц, а между тональным максимумом на ǎ 1С и ЧОТ в конце УГ 2С — 30—125 Гц, т. е. падение тона в течение произнесения гласного 2С может насчитывать 20—70 Гц (ФС №68б, 69, 70—72, 75, 78, 79, 81—83). Числовые показатели максимальной ЧОТ ǎ 1С и УГ 2С могут быть сопоставимы, если гортанный смычный согласный, вызывающий повышение тона предшествующего гласного, находится в абсолютном конце ФС и закрывает 2С (см. ФС №73).

б) Тональная вершина ФС может приходиться на УГ 2С — наблюдается повышение тона на УГ 2С: так, тональный максимум УГ 2С превосходит тональный максимум ǎ 1С на 20—25 Гц в ФС №74, 76, 80 и даже на 80 Гц в ФС №77. После тональной вершины УГ 2С следует падение тона к концу ФС (на 10—55 Гц в ФС №74, 76, 77, 80).

¹⁶ В [Терещенко 1965, 2008: 242] не отмечена краткость гласной фонемы (ǎ) первого слога.

¹⁷ В [Терещенко 1965, 2008: 174] не отмечена краткость гласной фонемы (ǎ) первого слога.

Обобщая данные *Таблицы 6*, в которой приведены числовые показатели по Д, И и ЧОТ безударного гласного *э* 1С и других гласных 2С двусложных ФС с неоднородным вокалическим составом и ударением на 2С, можно прийти к следующему выводу. Ударный гласный 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном *э* 1С) оказывается маркирован наибольшей длительностью и факультативно — повышением тона. Об акцентном выделении гласного 2С в ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном *э* 1С) в Т ямал. см. [Амелина 2011: 29, з] (в таблице слова 61Я—75Я, 77Я, 78Я, 80Я [там же: 19—21]), а в Т канин. — см. [там же: 31, ж] (в таблице слова 61К—67К, 69К—71К, 73К—75К, 77К, 79К [там же: 19—21]).

Таблица 7

ФС с гласным средне-нижнего подъема (*э*)¹⁸ в 1С в Т гыдан.

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
1. слова с ударением на первом слоге (<i>э—V</i>)								
слова с <i>a</i> во 2С (<i>э—a</i>)								
<i>CéCa</i> (<i>CéCa</i> , <i>CéC'a</i>)								
(84)	<i>wéba</i>	0,124	82,13 (80,72)	188	0,127	75,82 (74,37)	183-137	ЛАЛ
(85)	<i>wéja</i>	0,140	78,51 (77,71)	158	0,136	75,10 (73,40)	164-145	ЛАЛ
(86)	<i>téta</i>	0,111	83,45 (82,29)	199-211- 200	0,154	79,71 (76,05)	196-125	СУГ
2. слова с ударением на втором слоге (<i>э—V'</i>)								
2.1. слова с <i>э</i> во 2С (<i>э—э'</i>)								
<i>CэCэ'</i> (<i>CэC'э'</i>)								
(87)	<i>mэб'э'</i>	0,121	83,46 (82,34)	204-217- 209	0,211	84,44 (80,26)	172	СУГ
(88)	<i>уэд'э'</i> ¹⁹	0,083	83,12 (82,56)	203	0,178	81,80 (78,24)	165	СУГ
2.2. слова с <i>o</i> во 2С (<i>э—o'</i>)								
<i>CэCо'</i> (<i>CэC'о'</i> , <i>CэCоC'</i>)								
(89)	<i>уэр'о'</i>	0,153	83,81 (82,85)	175-162 (ср. 168)	0,173	83,47 (82,23)	167-202	ЛАЛ
(90)	<i>уэсо?</i>	0,124	85,49 (82,90)	208-219- 178	0,163	85,08 (82,32)	194-158	ЛАЛ

Примечания к таблице 7

(84) *вэба* 'лист (растения)' [Терещенко 1965, 2008: 65]

(85) *вэя* 'кровь' [Терещенко 1965, 2008: 79]

(86) *тэта* 'имеющий оленей', (уст.) 'богач-оленовод, кулак, оленщик' [Терещенко 1965, 2008: 692]

(87) ср. *мэбець* 'быть сильным, могучим'; *мэбе* 'э' 'очень сильный, могучий, богатырский', 'силач, богатырь' [Терещенко 1965, 2008: 267]

(88) *уэде* '(н)' 'прикрытие, щит (доска или кусок ткани, укрепленные на короткой лыже; пользуясь таким щитом, стрелок подползает к дичи, к зверю)', 'защита, оборона' [Терещенко 1965, 2008: 418]

(89) *уэрэ* 'осень; осенний' [Терещенко 1965, 2008: 420] (ПС **erâjâj* [Janhunen 1977: 22])

(90) *уэсо* '(н)' 'сустав' [Терещенко 1965, 2008: 423]

Комментарии к таблице 7

А) Гласный *э* 1С воспринимается как акцентно выделенный в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) Длительность *э* 1С количественно сопоставима с длительностью безударного *a* открытого 2С (ФС №84, 85), однако может и уступать ей (ФС №86), что связано как с большей ингерентной длительностью широкорастворного *a*, так и с продлением безударного гласного в абсолютном конце ФС перед паузой.

¹⁸ В записи Н. М. Терещенко в [Терещенко 1965, 2008] эта гласная фонема обозначена как *э*.

¹⁹ Без гортанного смычного *ʔ* в конце ФС.

2) Максимальная интенсивность $\acute{\epsilon}$ 1С превосходит пиковую интенсивность безударного a 2С: на 3,4—3,7 дБ в ФС №85, 86 и даже на 6,3 дБ в ФС №84. Средняя интенсивность $\acute{\epsilon}$ 1С также превышает ср.И безударного a 2С: на 4,3 дБ в ФС №85 и даже на 6,2—6,3 дБ в ФС №84, 86.

3) Частота основного тона $\acute{\epsilon}$ 1С выше ЧОТ безударного a 2С — наблюдается понижение тона к концу ФС: так, средняя ЧОТ $\acute{\epsilon}$ 1С выше ЧОТ в конце произнесения a 2С на 50 Гц в ФС №84; тональный максимум на $\acute{\epsilon}$ 1С превышает ЧОТ в начале безударного a 2С на 15 Гц, а ЧОТ в конце a 2С — на 85 Гц, т. е. падение тона на БГ 2С составляет около 70 Гц (ФС №86).

Б) Гласный ϵ 1С воспринимается как безударный (в противоположность гласному 2С) в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) Длительность гласного 2С превышает длительность ϵ 1С: на 0,02—0,04 сек. (20—40 мсек.) в ФС №89, 90 (информант ЛАЛ) и на 0,09—0,095 сек. (90—95 мсек.) в ФС №87, 88 (информант СУГ).

2) Максимальная и средняя интенсивность гласного 2С могут количественно совпадать с макс.И и ср.И ϵ 1С: так, макс.И ϵ 1С > макс.И УГ 2С на 0,3—0,4 дБ, а ср.И ϵ 1С > ср.И УГ 2С на 0,6 дБ (ФС №89, 90 в произнесении диктора ЛАЛ). Максимальная и средняя интенсивность ϵ 1С могут также превосходить макс.И и ср.И УГ 2С, что связано с экспираторным выделением начального слога ФС: макс.И ϵ 1С > макс.И УГ 2С на 1,3 дБ в ФС №88 (однако макс.И ϵ 1С < макс.И УГ 2С на 1 дБ в ФС №87); ср.И ϵ 1С > ср.И УГ 2С на 2 дБ (ФС №87), на 4,3 дБ (ФС №88).

3) При акцентном выделении гласного 2С возможны две «тональные стратегии».

а) Частота основного тона ϵ 1С выше ЧОТ УГ 2С — наблюдается понижение тона к концу ФС: разница между тональным максимумом ФС на ϵ 1С и средней частотой основного тона на УГ 2С составляет 40—45 Гц (ФС №87 и 88 в исполнении диктора СУГ).

б) Частота основного тона повышается не только на ϵ 1С, но и на УГ 2С, при этом тональный максимум на УГ 2С может превышать тональный максимум на ϵ 1С на 25 Гц (ФС №89). Отмечается также вариант произнесения ФС с двумя повышением тона (на ϵ 1С и на УГ 2С) и тональной вершиной ФС на ϵ 1С, числовой показатель которой превышает тональный максимум на УГ 2С на 25 Гц; при этом падение тона после тональной вершины на ϵ 1С насчитывает 40 Гц, затем следует повышение ЧОТ на УГ 2С на 15 Гц с последующим понижением тона в абсолютном конце ФС на 35 Гц (ФС №90).

Обобщая данные *Таблицы 7*, в которой приведены числовые показатели по Д, И и ЧОТ гласного ϵ 1С и других гласных 2С двусложных ФС с неоднородным вокалическим составом, можно прийти к следующим выводам.

Ударный $\acute{\epsilon}$ 1С оказывается маркирован наибольшей максимальной и средней интенсивностью и наиболее высоким тоном в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом (c a во 2С).

Ударный гласный 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном ϵ 1С) оказывается маркирован наибольшей длительностью и факультативно — повышением тона. Следует отметить, что количественное выделение УГ 2С более четко выражено в звучащей речи информанта СУГ, тогда как для диктора ЛАЛ характерно маркирование УГ 2С как с помощью темпорального, так и с помощью тонового признака (при этом в речи ЛАЛ наблюдается тенденция к «уравниванию» динамических показателей гласных 1С и 2С, тогда как для СУГ характерно большее экспираторное выделение начального слога). Об акцентном выделении гласного 2С в ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном ϵ 1С) в Т ямал. см. [Амелина 2011: 29, б] (в таблице слово 50Я [там же: 18]), а в Т канин. — см. [там же: 31, б] (в таблице слово 50К [там же: 18]).

Таблица 8

ФС с гласным переднего ряда среднего подъема ($\acute{\epsilon}$) в 1С в Т гыдан.

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
1. слова с ударением на первом слоге ($\acute{\epsilon}$ —V)								
1.1. слова с a во 2С ($\acute{\epsilon}$ — a)								
а. слова с открытым первым слогом								
$C\acute{\epsilon}Ca(CC)$ ($C\acute{\epsilon}Ca$, $C'\acute{\epsilon}Ca$, $C'\acute{\epsilon}C'a$, $C'\acute{\epsilon}CaCC$)								
(91)	<i>y'wa</i>	0,128	84,69 (82,88)	160	0,100	82,06 (80,38)	142	ЛАЛ
(92)	<i>n'wa</i>	0,121	83,93 (82,93)	214-238 (ср. 226)	0,111	82,77 (79,78)	180	СУГ
(93)	<i>n'wa</i>	0,104	86,29 (83,87)	242-218 (ср. 231)	0,108	83,01 (80,73)	185-163 (ср. 169)	СУГ
(94а)	<i>j'wa</i>	0,094	84,09 (81,42)	219-242- 231	0,142	83,85 (80,77)	199-161	СУГ

(94б)	<i>јэс'а</i>	0,105	83,93 (82,38)	201-179 (ср. 187)	0,135	84,05 (82,09)	203-160 (ср. 178)	ЛАЛ
(95а)	<i>м'эја</i>	0,162	84,59 (82,09)	202-226- 217	0,111	82,52 (81,72)	188	СУГ
(95б)	<i>м'эја</i>	0,153	83,82 (82,94)	193-222	0,146	82,08 (81,37)	194-177 (ср. 186)	ВЗТ
(96)	<i>н'эл'а</i>	0,124	83,47 (82,56)	187-155 (ср. 165)	0,110	77,31 (75,32)	148	СУГ
(97)	<i>с'элас?</i>	0,172	83,10 (81,35)	240-262- 243	0,084	81,23 (79,46)	196-152	СУГ
б. слова с закрытым первым слогом <i>С'эС(С)а (С'эССа, С'эС'С'а)</i>								
(98)	<i>л'эм'н'а</i>	0,132	84,63 (82,30)	211-176 (ср. 197)	0,128	84,28 (81,53)	152	ЛАЛ
(99)	<i>л'эска</i>	0,134	84,28 (81,82)	227-230- 175	0,077	82,43 (80,31)	277-217	СУГ
1.2. слова с <i>о</i> во 2С (<i>э—о</i>) <i>С'эСо (С'эСо)</i>								
(100)	<i>н'эро</i>	0,176	83,39 (81,75)	213-190 (ср. 202)	0,165	83,12 (82,10)	198	ЛАЛ
1.3. слова с <i>и</i> во 2С (<i>э—и</i>) <i>С'э(С)Си (С'эС'и, С'эСС'и)</i>								
(101)	<i>н'эб'и</i>	0,194	84,06 (82,07)	221-234- 203	0,186	77,35 (75,24)	165	СУГ
(102)	<i>т'эрс'и</i>	0,129	82,77 (81,26)	245-257- 250	0,072	70,08 (68,77)	203-169	СУГ
1.4. слова с <i>ы</i> во 2С (<i>э—ы</i>) <i>С'эСС(С)ы (С'эСССы, С'эССы)</i>								
(103)	<i>с'эугры</i>	0,180	87,95 (84,12)	207-240	0,186	84,27 (82,00)	208-150	ЯНХ
(104)	<i>х'эwхы</i>	0,112	83,16 (82,29)	213	0,129	80,90 (79,75)	206-183	СУГ
2. слова с ударением на втором слоге (<i>э—ŷ</i>)								
2.1. слова с <i>а</i> во 2С (<i>э—á</i>) <i>С'эСáС (С'эС'áС)</i>								
(105а)	<i>јэн'áт</i>	0,107	84,68 (82,98)	214	0,129	83,54 (82,56)	197	СУГ
(105б)	<i>јэн'áт</i>	0,122	83,70 (83,25)	216	0,204	83,30 (82,25)	232-279- 261	СУГ
(105в)	<i>јэн'áт</i>	0,142	84,50 (83,14)	215-242- 233	0,224	82,00 (79,59)	160	СУГ
(106)	<i>н'эн'áк</i> ²⁰	0,073	83,95 (83,28)	181	0,116	84,99 (82,80)	195	ВЗТ
2.2. слова с <i>о</i> во 2С (<i>э—ó</i>) <i>С'эСó</i>								
(107)	<i>сэдó</i> ²¹	0,128	87,58 (85,56)	233	0,183	86,20 (83,09)	179	СУГ
2.3. слова с <i>и</i> во 2С (<i>э—í</i>) <i>С'эСí (С'эС'íС)</i>								
(108)	<i>т'э'эн'íк</i>	0,130	87,82 (84,87)	161	0,184	83,39 (80,61)	188-229	ЯНХ

²⁰ В речи диктора ВЗТ — без заднеязычного носового *у* перед конечным согласным, хотя для остальных информантов, владеющих говором с. Гыда Тазовского района ЯНАО, характерно произношение с сочетанием согласных в конце ФС.

²¹ Без гортанного смычного *ʔ* в конце ФС.

2.4. слова с у во 2С (э—у)								
СэССУС (С'эСС'УС)								
(109)	н'эр ^м ч'у́у	0,077	83,35 (82,50)	224-207	0,103	84,22 (82,63)	234-248- 239	СУГ

Примечания к таблице 8

- (91) *уэва* 'голова; вершина; начало' [Терещенко 1965: 412—413] (ПС **ájwã* [Janhunen 1977: 17])
 (92) *неда* 'след, проложенный аргишом' [Терещенко 1965, 2008: 291] (ПС **etã* [Janhunen 1977: 24])
 (93) *пена* 'камыс (шкура с ног оленя)' [Терещенко 1965, 2008: 457] (ПС **pençã* [Janhunen 1977: 118])
 (94) *еся* 'железо; металл' [Терещенко 1965, 2008: 111] (ПС **wesã* [Janhunen 1977: 175])
 (95) *мея* 'невестка; сноха' [Терещенко 1965: 457] (ПС **mejã* / **meñã* (**mejñã*) [Janhunen 1977: 92])
 (96) *пеля* 'половина; часть, доля' [Терещенко 1965, 2008: 457] (ПС **pelã* [Janhunen 1977: 120])
 (97) *селас*'' — форма множественного числа от *сел* 'невестки, жены братьев (по отношению друг к другу)', 'зятя, мужа сестер', 'сестры, вышедшие замуж за братьев', 'братья, женившиеся на сестрах' [Терещенко 1965, 2008: 544]
 (98) *лембя* 'лопасть' (*юуда* 'лембя' 'кисть руки') [Терещенко 1965, 2008: 186] (ПС **lempã* [Janhunen 1977: 82])
 (99) *леска* (ямал.) 'резка (хлеб, выпекаемый в чуме на палке у костра), лепешка', 'пирог', 'тесто' [Терещенко 1965, 2008: 188]
 (100) *неро* 'ивняк, тальник' [Терещенко 1965, 2008: 303] (ПС **ner-* → ПС der. **ner-ê-j* [Janhunen 1977: 108])
 (101) *пэби* 'темно' [Терещенко 1965, 2008: 500]
 (102) ср. *терся*(сь) 'быть пустым, без содержимого', 'быть пустынным, незаселенным'; *терси*'' 'пусто', 'пустынно' [Терещенко 1965, 2008: 650]
 (103) *сеугры*: *сеугры япто* 'казарка белолобая (порода гусей средней величины с розово-белым клювом)' [Терещенко 1965, 2008: 546]
 (104) *хэвхы* 'находящийся на какой-либо стороне, относящийся к какой-либо стороне' [Терещенко 1965, 2008: 799]
 (105) *еняд* 'пятка', 'задник (обуви)' [Терещенко 1965, 2008: 100]
 (106) *неняуг* 'комар' [Терещенко 1965, 2008: 301]
 (107) *сэдо*'(н) 'шов, стежок' [Терещенко 1965, 2008: 582]
 (108) *теник*: *теник япто* 'гусь-гуменник' [Терещенко 1965, 2008: 649]
 (109) *нерцью́й* 'горячий; злой (о человеке и животном)' [Терещенко 1965, 2008: 304]

Комментарии к таблице 8

А) Гласный э 1С воспринимается как акцентно выделенный в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) Длительность э 1С часто превышает длительность гласного 2С: на 0,03—0,09 сек. (30—90 мсек.) в ФС №91, 95а, 97, 99, 102. Однако при открытом 2С длительность э 1С может быть количественно сопоставима с длительностью БГ 2С, что связано с возможностью продления гласного в абсолютном конце ФС перед паузой (ФС №92, 93, 95б, 96, 98, 100, 101, 103, 104); при широкорастворном *a*, обладающем большей собственной длительностью, чем э, в открытом 2С длительность БГ 2С может даже превышать длительность э 1С (на 0,03—0,05 сек., 30—50 мсек., в ФС №94а и №94б в речи двух информантов — СУГ и ЛАЛ).

2) Максимальная и средняя интенсивность э 1С всегда превышают макс.И и ср.И БГ 2С: в абсолютном большинстве случаев макс.И э 1С > макс.И БГ 2С на 1,2—3,7 дБ (ФС №91—93, 95а, 95б, 97, 99, 103, 104), а ср.И э 1С > ср.И БГ 2С на 1,5—3 дБ (те же ФС, кроме ФС №95а).

В некоторых произнесениях динамические различия между э 1С и БГ 2С могут быть менее заметны: так, пиковая интенсивность э 1С превосходит максимальную интенсивность БГ 2С всего лишь на 0,3 дБ в ФС №94а, 98, 100, а в ФС №94б макс.И э 1С и БГ 2С оказываются количественно сопоставимы. Средняя интенсивность э 1С превышает ср.И БГ 2С всего на 0,3—0,8 дБ в ФС №94а, 94б, 95а, 98, а в ФС №100 ср.И э 1С < ср.И БГ 2С на 0,3 дБ. Возможно, что экспираторное выделение УГ 1С менее заметно в позиции между двумя палатализованными согласными, если согласный, предшествующий УГ 1С, не является взрывным (см., например, ФС №94а, 94б, 98).

Наибольшие динамические различия между э 1С и БГ 2С наблюдаются в ФС, в которых э 1С следует после глухого взрывного согласного, что связано с обязательным увеличением пиковой и — часто — средней интенсивности гласного после взрывного: так, в ФС №96 и №101 максимальная и средняя интенсивность э 1С (которому предшествует губной взрывной *n*) превышают макс.И и ср.И БГ 2С на 6—7 дБ, а в ФС №102 максимальная и средняя интенсивность э 1С (которому предшествует зубной взрывной *m*) превышают макс.И и ср.И БГ 2С на 12,5 дБ.

3) В абсолютном большинстве случаев (кроме «нестандартного» произнесения ФС №99 в исполнении диктора СУГ) частота основного тона э 1С выше ЧОТ БГ 2С — наблюдается падение тона к концу ФС: так, разница между тональным максимумом на э 1С и частотой основного тона в начале БГ 2С насчитывает 30—60 Гц (ФС №93, 94а,

95б, 97, 102—104), а между тональным максимумом на *э* 1С и ЧОТ в конце произнесения БГ 2С — 30—110 Гц, т. е. понижение тона в течение произнесения БГ 2С может составлять 20—60 Гц. В тех случаях, когда БГ 2С произносится с относительно ровным тоном, разница между тональной вершиной на *э* 1С и средней частотой основного тона на БГ 2С составляет 20—70 Гц (ФС №91, 92, 95а, 96, 98, 100, 101). Кроме того, на *э* 1С возможно локальное повышение тона по сравнению с общим высоким уровнем тона в начале ФС — на 20—30 Гц (ФС №92, 94а, 95а, 95б, 97, 103) и реже — на 10 Гц (ФС №101, 102).

Б) Гласный *э* 1С воспринимается как безударный (в противоположность гласному 2С) в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) Длительность УГ 2С превышает длительность *э* 1С на 0,02—0,08 сек. (20—80 мсек.) во всех рассмотренных ФС (ФС №105а—в, 106—109) — как с открытым, так и с закрытым 2С. При этом наибольшее темпоральное противопоставление (разница в 80 мсек.) наблюдается в ФС с широким *а* во 2С (ФС №105б, 105в), что вызвано большей ингерентной длительностью этого гласного.

2) В большинстве произнесений максимальная и средняя интенсивность *э* 1С превосходят пиковую и среднюю интенсивность УГ 2С, что связано с общим экспираторным выделением начального слога ФС: так, макс.И *э* 1С > макс.И УГ 2С на 1—2,5 дБ в ФС №105а, 105в, 107, а ср.И *э* 1С > ср.И УГ 2С на 1—3,5 дБ в ФС №105б, 105в, 107. После *т^н* динамическое различие между *э* 1С и УГ 2С может быть выражено наиболее заметно: пиковая и средняя интенсивность *э* 1С превышают макс.И и ср.И УГ 2С на 4,3—4,4 дБ (ФС №108 в произнесении информанта ЯНХ). Если *э* 1С находится в позиции между двумя палатализованными согласными, экспираторное выделение *э* 1С может быть менее заметно: пиковая интенсивность *э* 1С и УГ 2С количественно сопоставимы в ФС №105б, а в ФС №106 и №109 максимальная интенсивность УГ 2С превосходит макс.И *э* 1С на 1 дБ; показатели средней интенсивности *э* 1С и УГ 2С сопоставимы в ФС №105а, 106, 109.

3) При просодическом оформлении ФС со словесным акцентом на 2С возможными оказываются две «тональные стратегии».

а) Частота основного тона *э* 1С выше ЧОТ УГ 2С, что связано с большей тональной выделенностью начального слога ФС, — наблюдается падение тона к концу ФС: так, разница между тональным максимумом на *э* 1С и средней ЧОТ УГ 2С составляет 80 Гц в ФС №105в (при локальном повышении ЧОТ на *э* 1С на 30 Гц по сравнению с общим уровнем тона в начале ФС), а разница между средней ЧОТ *э* 1С и средней ЧОТ УГ 2С в ФС с ровным тоном на гласном начального слога насчитывает 20—50 Гц (ФС №105а, 107).

б) Наблюдается повышение тона на УГ 2С, частота основного тона УГ 2С оказывается выше ЧОТ *э* 1С: так, разница между средней ЧОТ *э* 1С и ЧОТ в начале УГ 2С насчитывает 15—30 Гц, а между средней ЧОТ *э* 1С и тональной вершиной УГ 2С — 70 Гц (ФС №105б, 108), т. е. тон в течение произнесения УГ 2С повышается на 40—50 Гц; тональная вершина УГ 2С превосходит тональный максимум *э* 1С на 25 Гц, а частота основного тона повышается на самом УГ 2С на 40 Гц по сравнению с общим уровнем тона в ФС №109.

Обобщая данные *Таблицы 8*, в которой приведены числовые показатели по Д, И и ЧОТ гласного *э* 1С и других гласных 2С двусложных ФС с неоднородным вокалическим составом, можно прийти к следующим выводам.

Ударный *э* 1С оказывается маркирован наибольшей длительностью (за исключением спорных случаев с открытым 2С в абсолютном конце ФС перед паузой), наибольшей максимальной и средней интенсивностью и наиболее высоким тоном в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом. Об акцентном выделении *э* 1С в ФС с неоднородным вокалическим составом в Т ямал. см. [Амелина 2011: 28, в] (в таблице слова 23Я—30Я, 47Я [там же: 16, 18]), а в Т канин. — см. [там же: 30, в] (в таблице слова 23К—28К, 30К [там же: 16]).

Ударный гласный 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном *э* 1С) оказывается маркирован наибольшей длительностью и факультативно — повышением тона. О выделении гласного 2С в ФС с неоднородным вокалическим составом (при *э* 1С) в Т канин. см. [Амелина 2011: 31, г] (в таблице слово 54К [там же: 19]).

Анализ просодических характеристик разных вариантов произнесения одного и того же слова одним и тем же информантом (диктором СУГ) показал следующее:

а) для наиболее нейтрального (дополнительно немаркированного) произнесения ФС №105 *јэн'át* характерно существенное, но наименее значительное темпоральное выделение УГ 2С (*á*) при большей интенсивности и более высоком тоне на БГ начального слога — *э* 1С (ФС №105а);

б) для интонационно выделенного изолированного произнесения ФС №105 характерно значительное количественное маркирование УГ 2С (*á*), сопровождающееся повышением тона на нем, при практически полном отсутствии динамического противопоставления гласных начального и конечного слогов (ФС №105б).

Своего рода промежуточное положение между этими двумя «полюсами» занимает вариант ФС №105в: значительное квантитативное маркирование УГ 2С сочетается с повышением тона и экспира-

торным выделением гласного начального слога ФС. Все это дает нам право считать длительность облигаторным параметром акцентного выделения гласного 2С в ФС с неоднородным вокалическим составом.

Таблица 9

ФС с гласным заднего ряда среднего подъема (о) в 1С в Т гыдан.

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
1. слова с ударением на первом слоге (ó—V)								
1.1. слова с а во 2С (ó—а)								
а. слова с открытым первым слогом								
СóСа(СС) (СóСа, СóС'а, С'óС'а, СóСаС, С'óСаСС)								
(110)	уóд'а	0,153	84,06 (83,09)	179	0,176	83,61 (82,28)	170	ЛАЛ
(111)	јóр'а	0,236	83,70 (82,51)	202-245- 227	0,225	77,38 (75,71)	204-161	СУГ
(112)	хóба	0,084	85,58 (84,17)	218	0,060	83,26 (80,44)	166	СУГ
(113)	хóра	0,092	83,33 (82,73)	220-193	0,109	83,72 (81,89)	172-139	ЛАЛ
(114)	уóба?	0,197	83,95 (82,08)	204-219- 199	0,155	84,44 (81,40)	190	СУГ
(115)	тóра	0,227	84,38 (82,78)	222-249- 211	0,146	75,14 (73,64)	165	СУГ
(116)	јóнар?	0,210	84,80 (82,34)	244-295- 243	0,119	81,74 (80,49)	189-162	СУГ
б. слова с закрытым первым слогом								
СóССа(С) (СóССа, С'óСС'а(С))								
(117)	јóмд'з'а(?)	0,128	85,97 (83,48)	219	0,095	83,70 (81,44)	189-164	ЛАЛ
(118)	пóрса	0,106	83,41 (81,57)	245-257- 240	0,101	75,55 (73,54)	215-172	СУГ
1.2. слова с и во 2С (ó—и)								
СóСиС (СóС'иС)								
(119)	уóр'ик	0,160	82,51 (81,69)	204-215- 178	0,111	81,68 (79,87)	166	СУГ
1.3. слова с ы во 2С (ó—ы)								
СóССы								
(120)	хóркы	0,198	82,95 (81,79)	208	0,093	82,26 (79,26)	228-188	СУГ
2. слова с ударением на втором слоге (о—V́)								
2.1. слова с а во 2С (о—á)								
СоСá(С) (СоСáС, СоСáСС)								
(121)	носáк	0,103	84,39 (82,78)	162-205- 196	0,122	85,61 (83,16)	126	ЯНХ
(122а)	тобáк?	0,113	85,85 (83,32)	242	0,123	84,88 (80,85)	248-217	СУГ
(122б)	тобáк?	0,090	86,53 (83,68)	267	0,105	84,63 (81,37)	266-201	СУГ
2.2. слова с э во 2С (о—э́)								
СоСэ́СС (СоС'э́СС)								
(123)	под'э́р?	0,144	85,69 (83,99)	228	0,244	84,64 (82,21)	207	СУГ

Примечания к таблице 9

(110) уодя 'ягода' [Терещенко 1965, 2008: 396] (ПС *wotz [Janhunen 1977: 177])

(111) ёря 'глубокий; густой' [Терещенко 1965, 2008: 125] (ПС *jorä [Janhunen 1977: 47])

- (112) *хобă*²² ‘шкура; поверхность чего-л.’ [Терещенко 1965, 2008: 766] (ПС **koră* [Janhunen 1977: 73])
 (113) *хора* ‘олень-самец’ [Терещенко 1965, 2008: 771] (ПС **koră* [Janhunen 1977: 74])
 (114) *уба* ‘рукавицы’ [Терещенко 1965, 2008: 392]
 (115) *тора* ‘плавник (рыбы)’ [Терещенко 1965, 2008: 669]
 (116) *ёнар* ‘тысяча’ [Терещенко 1965, 2008: 121]
 (117) *ёмзя* ‘мягкий пушистый снег’ [Терещенко 1965, 2008: 120] (ПС **jom-* [Janhunen 1977: 46] → ПС *der.*)
 (118) *порца* ‘варка (вяленая рыба или части рыбы, сваренные в рыбьем жиру)’ [Терещенко 1965, 2008: 479]
 (119) *уорик* (ямал., вост.) [Терещенко 1965, 2008: 398] = *уаворик* (б.-з.) ‘прожорливый (чаще об олене, собаке)’ [Терещенко 1965, 2008: 369]
 (120) *хоркы* (ямал.) ‘куропатка’ [Терещенко 1965, 2008: 772]
 (121) *носок* (б.-з.) ‘гарпун’ [Терещенко 1965, 2008: 317]
 (122) *тобак* (б.-з.) ‘тобаки (меховая обувь без швов и суконной отделки, надеваемая в зимнее время’, (ямал.) ‘чулки из оленьей шкуры’ [Терещенко 1965, 2008: 664]
 (123) *подер* ‘лямка’ [Терещенко 1965, 2008: 474]

Комментарии к таблице 9

А) Гласный *o* 1С воспринимается как акцентно выделенный в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) В абсолютном большинстве произнесений длительность *ó* 1С превышает длительность БГ 2С на 0,025—0,1 сек., 25—100 мсек. (ФС №112, 114—117, 119, 120); однако, если 2С является открытым, длительность *ó* 1С может уступать (не более, чем на 0,02 сек., 20 мсек.) длительности БГ 2С в абсолютном конце ФС перед паузой (ФС №110, 113) или быть количественно сопоставимой с ней (ФС №111, 118).

2) Часто максимальная интенсивность *ó* 1С превосходит пиковую интенсивность БГ 2С на 2—3 дБ (ФС №112, 116, 117), а средняя интенсивность *ó* 1С превышает ср.И БГ 2С на 1,8—3,8 дБ (те же ФС и ФС №119, 120).

В ФС с начальным глухим взрывным согласным динамическое выделение *ó* 1С может быть более значительным, что связано с усилением гласного после взрывного: так, в ФС №118 с начальным губным *n* разница между максимальной и средней интенсивностью *ó* 1С и макс.И с ср.И БГ 2С составляет около 8 дБ, а в ФС №115 с начальным зубным *m* — около 9 дБ. Существенное экспираторное выделение *ó* 1С, пиковая и средняя интенсивность которого превышает макс.И и ср.И БГ 2С на 6,3 и 6,8 дБ, отмечается также в ФС №111, где *ó* 1С следует после *j*.

В некоторых ФС наблюдается ослабление динамического противопоставления *ó* 1С и БГ 2С, что в некоторых случаях может объясняться особенностями речи конкретного информанта (ЛАЛ), склонного к интенсивностному «уравниванию» гласных (ФС №110, 113), в других же, возможно, — положением *ó* 1С после заднеязычного *y* (ФС №114, 119, а также ФС №110): так, показатели максимальной и средней интенсивности *ó* 1С и БГ 2С количественно сопоставимы (с различиями менее 0,8 дБ) в ФС №110, 113, 114, а только пиковой (с более существенным различием в средней интенсивности) — в ФС №119, 120.

3) Частота основного тона *ó* 1С выше ЧОТ БГ 2С — наблюдается падение тона к концу ФС: так, разница между тональным максимумом на *ó* 1С и частотой основного тона в начале БГ 2С насчитывает 30—50 Гц и даже 100 Гц, а между тональным максимумом на *ó* 1С и ЧОТ в конце БГ 2С — 55—95 Гц и даже 130 Гц (ФС №111, 113, 117, 118 и ФС №116), т. е. понижение тона в течение произнесения БГ 2С составляет 25—60 Гц. Средняя частота основного тона *ó* 1С может превышать среднюю ЧОТ БГ 2С на 50—85 Гц (ФС №112, 114, 115, 119). При этом локальное повышение ЧОТ на *ó* 1С (по сравнению с общим уровнем тона в начале ФС) может составлять 30—50 Гц (ФС №111, 115, 116).

Б) Гласный *o* 1С воспринимается как безударный (в противоположность гласному 2С) в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) Длительность УГ 2С (в ФС с закрытым 2С) превышает длительность *o* 1С на 0,01—0,02 сек. (10—20 мсек.) в ФС №121, 122а, 122б и более значительно — на 0,1 сек. (100 мсек.) в ФС №123.

2) Различия в максимальной интенсивности *o* 1С и УГ 2С незначительны: пиковая интенсивность *o* 1С может как превосходить макс.И УГ 2С на 1—2 дБ (ФС №122а, 122б, 123), так и уступать ей примерно на 1 дБ (ФС №121). Средняя интенсивность *o* 1С может быть больше ср.И УГ 2С на 2—2, 5 дБ (ФС №122а, 122б, 123) или быть сопоставимой с ней (ФС №121).

²² Можно предположить, что *ă* в [Терещенко 1965, 2008: 766] не обозначает краткую фонему (различить *ă* и *a* в абсолютном конце ФС, в открытом слоге перед паузой, практически невозможно; к тому же, отсутствуют основания для постулирования *ă* в этом слове — ср. ПС **koră* [Janhunen 1977: 73]), а служит для правильного прочтения слова *хобă* ‘шкура; поверхность чего-л.’ с ударением на первом слоге и помогает дополнительно графически отличить это существительное от слова *хоба* ‘люлька’ [Терещенко 1965, 2008: 766].

3) Частота основного тона *o* 1С, как правило, выше ЧОТ УГ 2С — наблюдается падение тона к концу ФС: так, разница между тональным максимумом на *o* 1С и средней ЧОТ УГ 2С может составлять 80 Гц, при этом наблюдается локальное повышение ЧОТ в начале произнесения *o* 1С на 40 Гц (ФС №121). Разница между средней ЧОТ на *o* 1С и ЧОТ в конце УГ 2С может составлять 30—70 Гц (ФС №122а, 122б). Тон в течение произнесения ФС может быть относительно ровный: средняя ЧОТ на *o* 1С может превышать среднюю ЧОТ на УГ 2С на 20 Гц (ФС №123, где в абсолютном конце представлен гортанный смычный согласный).

Обобщая данные *Таблицы 9*, в которой приведены числовые показатели по Д, И и ЧОТ гласного *o* 1С и других гласных 2С двусложных ФС с неоднородным вокалическим составом, можно прийти к следующим выводам.

Ударный *ó* 1С оказывается маркирован наибольшей длительностью (за исключением спорных случаев с открытым 2С в абсолютном конце ФС перед паузой), наибольшей максимальной и средней интенсивностью и наиболее высоким тоном в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом. Об акцентном выделении *ó* 1С в ФС с неоднородным вокалическим составом в Т ямал. см. [Амелина 2011: 28, б] (в таблице слова 18Я—22Я [там же: 15—16]), а в Т канин. — см. [там же: 30, б] (в таблице слова 18К—20К, 22К [там же: 15—16]).

Ударный гласный 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном *o* 1С) оказывается маркирован наибольшей длительностью. Об акцентном выделении гласного 2С в ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном *o* 1С) в Т ямал. см. [Амелина 2011: 29, в] (в таблице слово 53Я [там же: 19]), а в Т канин. — см. [там же: 31, в] (в таблице слово 53К [там же: 19]).

Таблица 10

ФС с гласным переднего ряда верхнего подъема (*u*) в 1С в Т гыдан.

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
1. слова с ударением на первом слоге (<i>ú—V</i>)								
1.1. слова с <i>a</i> во 2С (<i>ú—a</i>)								
а. слова с открытым первым слогом								
<i>CúCa (C'úC'a)</i>								
(124а)	<i>júw'a</i>	0,129	83,53 (81,58)	237-254-223	0,135	83,52 (82,39)	203-183 (ср. 193)	СУГ
(124б)	<i>júb'a</i>	0,074	82,54 (81,52)	259-226	0,123	82,73 (81,40)	197	СУГ
(125)	<i>jún'a</i>	0,120	83,85 (82,75)	252-270-259	0,140	82,61 (81,22)	199-165 (ср. 175)	СУГ
(126а)	<i>ч'úд'a</i>	0,097	81,74 (79,99)	222-186	0,118	85,12 (81,90)	197	СУГ
(126б)	<i>ч'úд'a</i>	0,112	82,50 (80,61)	222-188	0,152	84,85 (82,17)	191	СУГ
(126в)	<i>ч'úд'a</i>	0,068	85,15 (82,81)	263-274	0,087	82,26 (80,68)	195-172 (ср. 185)	ВЗТ
(127)	<i>n'úд'a</i>	0,117	86,80 (83,22)	260-284-232	0,157	84,28 (82,13)	227-158	ЛАЛ
б. слова с закрытым первым слогом								
<i>CúCCa (C'úCC'a, C'úC'a)</i>								
(128)	<i>n'úкч'a</i>	0,135	88,92 (85,21)	225-240-214	0,096	86,42 (82,61)	189-149	ЛАЛ
(129)	<i>n'úрч'a</i>	0,088	82,92 (81,61)	233	0,109	77,63 (75,21)	198-153	СУГ
1.2. слова с <i>y</i> во 2С (<i>ú—y</i>)								
<i>CúCy (C'úC'y)</i>								
(130а)	<i>c'úс'y</i>	0,155	85,47 (82,92)	251-219	0,181	83,44 (81,96)	228-164	ЛАЛ
(130б)	<i>c'úс'y</i>	0,083	80,79 (79,41)	261-270-267 (ср. 266)	0,123	80,65 (77,75)	225-183 (ср. 200)	СУГ

2. слова с ударением на втором слоге (<i>u—ŷ</i>)								
2.1. слова с <i>a</i> во 2С (<i>u—á</i>)								
<i>CuCaC(C)</i> (<i>C'uC'áCC</i> , <i>C'uC'áC</i>)								
(131a)	<i>c'ud'ájuk</i>	0,067	80,46 (78,60)	209-182	0,133	84,26 (81,74)	191-157	СУГ
(131б)	<i>c'ud'ájuk</i>	0,074	84,38 (83,05)	207-187	0,229	86,10 (82,79)	165	ЛАЛ
(132)	<i>л'уд'ájuk</i>	0,120	85,79 (83,35)	224-254-219	0,171	87,14 (83,09)	218-166	ЛАЛ
(133)	<i>c'uják</i>	0,097	78,07 (77,18)	218-194	0,151	82,79 (81,02)	199-208- 191	СУГ
2.2. слова с <i>э</i> во 2С (<i>u—ǝ</i>)								
<i>CuCǝC(C)</i> (<i>C'uC'ǝC'</i> , <i>C'uC'ǝC'C'</i>)								
(134)	<i>m'ч'уб'ǝj</i>	0,126	84,09 (82,73)	265-279-265	0,233	83,94 (81,97)	252-164	СУГ
(135)	<i>jul'ǝn'ч'</i>	0,041	83,55 (82,92)	200	0,181	85,07 (82,55)	199	ЛАЛ
(136)	<i>н'уб'ǝj</i>	0,128	84,36 (83,49)	228-318	0,237	85,83 (81,96)	270-165	ВЗТ
2.3. слова с <i>y</i> во 2С (<i>u—ý</i>)								
<i>CuCý</i> (<i>C'uC'ý</i>)								
(137)	<i>c'ин'ý</i>	0,084	87,69 (85,08)	205	0,202	83,11 (82,01)	187-209- 175	ЛАЛ

Примечания к таблице 10

(124) *ибя* 'клей' [Терещенко 1965, 2008: 135] (ПС **jimä* [Janhunen 1977: 45])

(125) *иня* 'ремень; веревка; вожжа' [Терещенко 1965, 2008: 145] (ПС **winä* [Janhunen 1977: 175])

(126) *тидя* 'младший брат матери; все мужчины из рода матери, моложе ее' [Терещенко 1965, 2008: 658] (ПС **sica* [Janhunen 1977: 33])

(127) *тидя* 'гнездо (птицы)' [Терещенко 1965, 2008: 464] (ПС **kitä* [Janhunen 1977: 71])

(128) *тикця* 'большой палец руки' [Терещенко 1965, 2008: 464] (ПС **pi-* (?**pij-*) [Janhunen 1977: 123] → ПС der.)

(129) *тирця* 'высокий' [Терещенко 1965, 2008: 469] (ПС **pirä* → ПС der. **pirkä* [Janhunen 1977: 125])

(130) *сисё* 'пена', 'накипь' [Терещенко 1965, 2008: 563]

(131) *сидяуг* 'тень (с расплывчатыми очертаниями)', 'изображение, фотография', (этн.) 'подставная фигурка человека (в женской или мужской одежде, которая делается после его смерти и оставляется в чуме' [Терещенко 1965, 2008: 558]

(132) *лидяуг* 'бобр (животное)' [Терещенко 1965, 2008: 191]

(133) *сияк* 'лживый, неверный, ложный'; 'лгун, врун, обманщик', 'ложь, обман' [Терещенко 1965, 2008: 564]

(134) *тибей* 'гнилой', 'кислый, испорченный', 'тухлый' [Терещенко 1965, 2008: 655]

(135) *илебць(н)* 'дикий олень' [Терещенко 1965, 2008: 140]

(136) ср. *ниби* = *нибиця* 'паук' [Терещенко 1965, 2008: 309]

(137) *синё* 'туман' [Терещенко 1965, 2008: 560]

Комментарии к таблице 10

А) Гласный *u* 1С воспринимается как акцентно выделенный в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) При акцентном маркировании узкого гласного *u* 1С темпоральный параметр отходит на второй план, что связано с малой собственной длительностью гласных верхнего подъема, а при открытом 2С (т. е. в ситуации продолжения гласного в абсолютном конце ФС перед паузой) длительность БГ 2С почти всегда превышает длительность *u* 1С на 0,02—0,05 сек., 20—50 мсек. (ФС №124б, 125, 126а—в, 127, 129, 130а, 130б). Однако даже при открытом 2С возможны варианты произнесения ФС, где длительность *u* 1С оказывается больше (на 0,04 сек., 40 мсек., в ФС №128 в произнесении ЛАЛ) или количественно сопоставима (ФС №124а) с длительностью широкого *a* 2С.

2) Данные по соотношению максимальной и средней интенсивности *u* 1С и БГ 2С оказываются противоречивы. Пиковая интенсивность *u* 1С может как превышать макс.И БГ 2С на 1—3 дБ (ФС №125, 126в, 127, 128, 130а) и

даже более, чем на 5 дБ (в ФС №129, где *ú* 1С следует после губного взрывного *п'*), так и уступать макс.И БГ 2С на 2—3 дБ (ФС №126а, 126б с *а* во 2С в произнесении диктора СУГ) или быть количественно сопоставимой с ней (ФС №124а, 124б, 130б в исполнении СУГ).

Средняя интенсивность *ú* 1С также может как превышать ср.И БГ 2С на 1—2,5 дБ (ФС №125, 126в, 127, 128, 130а, 130б) и даже более, чем на 6 дБ (в ФС №129, где *ú* 1С следует после губного взрывного *п'*), так и уступать ср.И БГ 2С на 1,5—2 дБ (ФС №126а, 126б с *а* во 2С в произнесении диктора СУГ) или быть количественно сопоставимой с ней (ФС №124а, 124б в исполнении СУГ).

Возможно, меньшие показатели пиковой и средней интенсивности *ú* 1С связаны с положением этого гласного между определенными мягкими согласными (после *ж, ч'*).

3) Частота основного тона *ú* 1С выше ЧОТ БГ 2С — наблюдается общее падение тона к концу ФС: разница между тональной вершиной ФС на *ú* 1С и частотой основного тона в начале БГ 2С насчитывает 20—80 Гц, а между тональной вершиной ФС на *ú* 1С и ЧОТ в конце БГ 2С — 70—120 Гц (ФС №124а, 125, 126в, 127—129, 130а, 130б), т. е. понижение тона в течение произнесения БГ 2С может составлять 20—70 Гц. При относительно ровном тоне (с меньшими колебаниями по ЧОТ) на БГ 2С разница между тональным максимумом на *ú* 1С и средней ЧОТ на БГ 2С насчитывает 20—60 Гц (ФС №124б, 126а, 126б).

Б) Гласный *и* 1С воспринимается как безударный (в противоположность гласному 2С) в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) Длительность УГ 2С во всех ФС (как с открытым, так и с закрытым 2С) превышает длительность узкого *и* 1С: на 0,05—0,065 сек. (50—65 мсек.) в ФС №131а, 132, 133 и даже на 0,1—0,15 сек. (100—150 мсек.) в ФС №131б, 134—136, 137.

2) Во многих ФС пиковая интенсивность *и* 1С уступает по своим количественным показателям максимальной интенсивности УГ 2С на 1—1,7 дБ (ФС №131б, 132, 135, 136) и даже на 3,8—4,7 дБ (ФС №131а, 133 в произнесении диктора СУГ, где ср.И *и* 1С < ср.И УГ 2С на 3—3,8 дБ). Показатели средней интенсивности *и* 1С и УГ 2С часто оказываются количественно сопоставимы (ФС №131б, 132—135; ср. также аналогично с макс.И в ФС №134). В ФС №137 в произнесении информанта ЛАЛ максимальная интенсивность *и* 1С превосходит пиковую интенсивность УГ 2С на 4,5 дБ, а средняя интенсивность *и* 1С превышает ср.И УГ 2С на 3 дБ.

3) Частота основного тона *и* 1С во многих ФС оказывается выше ЧОТ УГ 2С, что связано с общим высоким уровнем тона на начальном слоге и тенденцией к понижению тона к концу ФС: так, разница между тональным максимумом ФС на *и* 1С и ЧОТ в начале УГ 2С может составлять 20—50 Гц, а между тональным максимумом ФС на *и* 1С и ЧОТ в конце УГ 2С — 50—150 Гц (ФС №131а, 132, 134, 136), т. е. понижение тона в течение произнесения УГ 2С может насчитывать 25 Гц (ФС №131а) и даже 50—100 Гц (ФС №132, 134, 136). При этом возможны также варианты произнесений с небольшим тоновым выделением УГ 2С — повышение ЧОТ на УГ 2С можно отметить в ФС №133 и №137.

Обобщая данные *Таблицы 10*, в которой приведены числовые показатели по Д, И и ЧОТ гласного *и* 1С и других гласных 2С двусложных ФС с неоднородным вокалическим составом, можно прийти к следующим выводам.

Ударный *ú* 1С оказывается всегда маркирован наиболее высоким тоном, иногда (в очень ограниченном количестве случаев в связи с малой ингерентной длительностью) — с помощью темпорального параметра, а также посредством динамического параметра (не всегда) в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом. Об акцентном выделении *ú* 1С в ФС с неоднородным вокалическим составом в Т ямал. см. [Амелина 2011: 28, е] (в таблице слова 37Я—43Я [там же: 17—18]), а в Т канин. — см. [там же: 30, е] (в таблице слова 37К—43К [там же: 17—18]).

Ударный гласный 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном *и* 1С) оказывается маркирован наибольшей длительностью и факультативно — большей максимальной интенсивностью и повышением тона. Об акцентном выделении гласного 2С в ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном *и* 1С) в Т ямал. см. [Амелина 2011: 29, ж] (в таблице слово 59Я [там же: 19]), а в Т канин. — см. [там же: 31, е] (в таблице слово 59К [там же: 19]).

Анализ просодических характеристик ФС №131 *с'ид'а́нк*, произнесенного разными информантами (СУГ и ЛАЛ), дает нам возможность сделать вывод о «супрасегментных предпочтениях» каждого из них: для обоих из них характерно акцентное маркирование гласного 2С с помощью темпорального и экспираторного выделения, но тогда как СУГ делает упор на динамическом противопоставлении БГ 1С и УГ 2С, ЛАЛ предпочитает маркировать УГ 2С, в первую очередь, посредством его количественного выделения (напомним, что для ЛАЛ в принципе типичным оказывается «уравнивание» гласных 1С и 2С по параметру интенсивности).

Таблица 11

ФС с гласным среднего ряда верхнего подъема (ы) в 1С в Т гыдан.

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
1. слова с ударением на первом слоге (ы—V)								
1.1. слова с а во 2С (ы—а)								
<i>СыСа (СыС'а)</i>								
(138)	<i>хы́д'а</i>	0,098	83,89 (82,54)	197-167 (ср. 182)	0,088	77,75 (74,86)	192-140	СУГ
(139)	<i>ты́ја</i>	0,181	88,84 (84,12)	247-172	0,123	83,41 (81,70)	161	СУГ
(140)	<i>ны́ја</i>	0,115	88,93 (85,50)	255-224	0,115	86,53 (83,18)	185-158- (143)	СУГ
1.2. слова с у во 2С (ы—у)								
<i>СыСу</i>								
(141)	<i>лы́нту</i>	0,141	84,09 (82,07)	195-287- 272	0,156	76,97 (75,27)	193-129	СУГ
2. слова с ударением на втором слоге (ы—V')								
2.1. слова с а во 2С (ы—á)								
<i>СыСа́(С) (СыСа́, СыСа́С)</i>								
(142а)	<i>сыра́</i>	0,122	87,59 (84,81)	205-168	0,213	84,87 (83,23)	160-192- 159	ЛАЛ
(142б)	<i>сыра́</i>	0,096	84,25 (82,60)	249-259- 250	0,136	81,70 (79,98)	180-166	СУГ
(143)	<i>уына́п</i>	0,094	83,31 (82,74)	228-254	0,138	82,34 (80,46)	223-168	СУГ
2.2. слова с э во 2С (ы—э)								
<i>СыСэ́С (СыСэ́С, СыСэ́С')</i>								
(144)	<i>тыдэ́?</i>	0,093	83,08 (81,74)	226-231- 213	0,190	83,33 (81,91)	184	ЛАЛ
(145)	<i>сырэ́ј</i>	0,116	87,84 (84,88)	226-205 (ср. 214)	0,174	83,83 (82,91)	196	ЛАЛ
2.3. слова с у во 2С (ы—у')								
<i>СыСу́ (СыС'у')</i>								
(146)	<i>пыдэ́у'</i>	0,092	88,33 (86,33)	220	0,212	85,81 (83,62)	197	ЛАЛ

Примечания к таблице 11

(138) *хы́дя* 'чашка; миска' [Терещенко 1965, 2008: 789] (ПС **kĩcä*)

(139) *ты́я* 'узкий' [Терещенко 1965, 2008: 683] (ПС **tĩjã* [Janhunen 1977: 160])

(140) *ны́я* 'нос', 'клюв (птицы)' [Терещенко 1965, 2008: 499]

(141) *лы́нду* (вост.) [Терещенко 1965, 2008: 198] = *лэ́нду* (б.-з., зап.) 'топор для колки дров, для разбивания костей и т. д.; колун' [Терещенко 1965, 2008: 203]

(142) *сыра́* 'снег; зима' [Терещенко 1965, 2008: 574] (ПС **sĩrã* [Janhunen 1977: 140])

(143) *уына́п* 'отец жены или мужа; тесть; свекор', 'старший брат жены или мужа (как родной, так и двоюродный)', 'все мужчины из рода мужа, старше его (по отношению к жене); все мужчины из рода жены, старше ее мужа (по отношению к мужу)' [Терещенко 1965, 2008: 409—410]

(144) *тыдэ́?* 'кедр' [Терещенко 1965, 2008: 679] (ПС **tĩđjãn* [Janhunen 1977: 160])

(145) *сырэ́ј* 'зимний'; 'зима', 'двухгодовая важенка' [Терещенко 1965, 2008: 575]

(146) *пыдэ́у'* 'мелкий дождь, изморось' [Терещенко 1965, 2008: 495]

Комментарии к таблице 11

А) Гласный ы 1С воспринимается как акцентно выделенный в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) В ФС с открытым 2С и широкорастворным гласным а во 2С, длительность ы́ 1С может не только превышать длительность БГ 2С (на 0,06 сек., 60 мсек., в ФС №139), но и быть количественно сопоставимой с ней (ФС №138,

140). В ФС №141 *лынту*, где 1С является закрытым, 2С — открытым, а оба гласных верхнего подъема, также возможным оказывается произнесение с количественно сопоставимыми темпоральными показателями *ы* 1С и у 2С.

2) Максимальная и средняя интенсивность *ы* 1С превосходят пиковую и среднюю интенсивность БГ 2С на 2,5—7 дБ (ФС №138—141).

3) Частота основного тона на *ы* 1С выше ЧОТ на БГ 2С — наблюдается общее падение тона к концу ФС: разница между тональной вершиной ФС на *ы* 1С и частотой основного тона в начале БГ 2С составляет 70—100 Гц, а между тональной вершиной ФС на *ы* 1С и ЧОТ в конце БГ 2С — 100—160 Гц (ФС №140, 141), т. е. понижение тона в течение произнесения БГ 2С может насчитывать 25—65 Гц; разница между тональным максимумом *ы* 1С и средней ЧОТ на БГ 2С в ФС №139 составляет 90 Гц.

Б) Гласный *ы* 1С воспринимается как безударный (в противоположность гласному 2С) в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) Длительность УГ 2С превышает длительность *ы* 1С в ФС как с открытым, так и с закрытым 2С: в речи информанта СУГ разница между Д *ы* 1С и Д УГ 2С составляет около 0,04—0,045 сек., 40—45 мсек. (ФС №142б, 143), а в речи диктора ЛАЛ — 0,06—0,12 сек., 60—120 мсек. (ФС №142а, 144—146).

2) Максимальная и средняя интенсивность *ы* 1С превосходят пиковую и среднюю интенсивность УГ 2С, что может быть связано с экспираторным выделением начального слога ФС в Т гыдан.: так, макс.И *ы* 1С > макс.И УГ 2С на 1—4 дБ, а ср.И *ы* 1С > ср.И УГ 2С на 1,5—2,7 дБ (ФС №142а, 142б, 143, 145, 146). В ФС №144 *тыдэ?* пиковая и средняя интенсивность *ы* 1С оказываются количественно сопоставимы с макс.И и ср.И УГ 2С, что связано с возможным динамическим усилением гласного перед гортанным смывным согласным на конце слова.

3) Под влиянием общей тенденции к понижению тона от начала к концу ФС ЧОТ *ы* 1С оказывается выше ЧОТ УГ 2С — наблюдается падение тона к концу ФС: разница между тональным максимумом на *ы* 1С и частотой основного тона в начале УГ 2С может составлять 30—80 Гц, а между тональным максимумом на *ы* 1С и ЧОТ в конце УГ 2С — 85—95 Гц (ФС №142б, 143), т. е. общее падение тона на протяжении произнесения УГ 2С может насчитывать до 50 Гц. При более ровном (с меньшими колебаниями) тоне на УГ 2С разница между тональной вершиной ФС на *ы* 1С и средней ЧОТ УГ 2С составляет 20—45 Гц (ФС №144—146). Возможно также произнесение с небольшим (на 20 Гц) повышением тона на УГ 2С (ФС №142а в исполнении диктора ЛАЛ).

Следует отметить, что для информанта СУГ типично более резкое и значительное падение тона к концу ФС (даже при акценте на гласном 2С), а для диктора ЛАЛ — более ровный тон на протяжении всего ФС, более плавное понижение тона.

Обобщая данные *Таблицы 11*, в которой приведены числовые показатели по Д, И и ЧОТ гласного *ы* 1С и других гласных 2С двусложных ФС с неоднородным вокалическим составом, можно прийти к следующим выводам.

Ударный *ы* 1С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом оказывается маркирован наиболее высоким тоном, наибольшей пиковой и средней интенсивностью и в ограниченном количестве случаев (в ФС с закрытым 2С или в некоторых вариантах произнесения ФС с открытым 2С) — большей длительностью. Об акцентном выделении *ы* 1С в ФС с неоднородным вокалическим составом в Т ямал. см. [Амелина 2011: 28, д] (в таблице слова 35Я, 36Я [там же: 17]), а в Т канин. — см. [там же: 30, д] (в таблице слово 35К [там же: 17]).

Ударный гласный 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном *ы* 1С) оказывается маркирован наибольшей длительностью и факультативно (и редко) — повышением тона. Об акцентном выделении гласного 2С в ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном *ы* 1С) в Т ямал. см. [Амелина 2011: 29, е] (в таблице слова 57Я, 58Я [там же: 19]), а в Т канин. — см. [там же: 31, д] (в таблице слово 57К [там же: 19]).

Таблица 12

ФС с гласным заднего ряда верхнего подъема (y) в 1С в Т гыдан.

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
1. слова с ударением на первом слоге (y—V)								
1.1. слова с а во 2С (y—a)								
<i>CyC(C)a</i> (<i>CyCa</i> , <i>CyCa</i> , <i>CyCCa</i>)								
(147)	<i>н'ун'а</i>	0,157	84,11 (82,31)	233-260- 251	0,130	82,42 (81,52)	244-219	ЛАЛ
(148)	<i>луса</i>	0,194	79,31 (77,10)	194-240- 220	0,116	76,57 (74,43)	197-165	СУГ
(149а)	<i>н'урка</i>	0,108	82,13 (80,86)	184	0,093	75,31 (72,82)	186-141	ЛАЛ

(149б)	<i>н'урка</i>	0,146	82,42 (81,60)	203	0,145	82,91 (81,57)	224-172 (ср. 194)	ЛАЛ
(149в)	<i>н'урка</i>	0,156	83,08 (81,12)	222-231- 216	0,166	83,91 (81,78)	206-159	ЛАЛ
1.2. слова с <i>я</i> во 2С (<i>я—я</i>) С'яСяС (С'яСяС)								
(150)	<i>н'ул'як</i>	0,128	82,93 (82,35)	243-211	0,068	82,89 (80,61)	189-162	СУГ
1.3. слова с <i>и</i> во 2С (<i>я—и</i>) С'яСи (С'яС'и)								
(151)	<i>л'ус'и</i>	0,152	84,16 (83,16)	232-246- 201	0,172	84,18 (81,83)	195-148	ЛАЛ
1.4. слова с <i>ы</i> во 2С (<i>я—ы</i>) С'яСы (С'яСы, С'яСы)								
(152)	<i>п'улы</i>	0,166	86,74 (83,53)	224-253- 232	0,166	82,81 (82,05)	216-146	ЛАЛ
(153)	<i>с'уны</i>	0,181	81,14 (79,93)	233	0,118	80,61 (79,14)	192-174	СУГ
(154)	<i>п'уды</i>	0,150	81,74 (80,56)	245-275- 231	0,172	83,61 (79,86)	186-134	СУГ
2. слова с ударением на втором слоге (<i>я—й</i>)								
2.1. слова с <i>о</i> во 2С (<i>я—о</i>) С'яС(С)оС(С) (С'яСоС', С'яСоС, С'яССоСС)								
(155)	<i>мун'оч'²³</i>	0,087	83,32 (82,24)	194	0,135	84,49 (82,87)	186-170 (ср. 181)	ЛАЛ
(156)	<i>уто'с</i>	0,097	84,58 (82,64)	231-268- 251	0,165	85,88 (82,65)	223-178	СУГ
(157)	<i>тур'ос</i>	0,068	86,99 (84,81)	168-150 (ср. 160)	0,175	85,08 (82,89)	117	ЯНХ
(158)	<i>пур'копт²⁴</i>	0,094	85,31 (83,64)	280	0,108	86,83 (83,63)	212-180	СУГ
(159)	<i>ту'у'гос?</i>	0,059	79,82 (77,90)	205	0,158	83,12 (80,42)	224-156	СУГ
2.2. слова с <i>и</i> во 2С (<i>я—и</i>) С'яС'и(С) (С'яС'и, С'яС'иС)								
(160)	<i>х'ум'ч'и</i>	0,100	91,50 (87,89)	276-310- 299	0,202	84,62 (82,22)	240-248- 203	ЯЕЛ
(161)	<i>ту'и</i>	0,070	78,57 (77,41)	197-181 (ср. 189)	0,148	81,50 (79,30)	197-227- 193	ВЗТ
(162)	<i>су'й'ик^h</i>	0,128	84,88 (83,08)	224-230- 205	0,132	83,60 (82,09)	182-206- 186	ЛАЛ
2.3. слова с <i>ы</i> во 2С (<i>я—ы</i>) С'яСы								
(163а)	<i>сут'ы</i>	0,103	83,71 (81,90)	231-202	0,222	83,27 (81,91)	238-243- 149	СУГ
(163б)	<i>сут'ы</i>	0,157	86,72 (83,41)	268-312- 279	0,243	84,66 (82,22)	245-168	СУГ

Примечания к таблице 12

(147) *нюня* 'гагара' [Терещенко 1965, 2008: 332] (ПС **niidnä* [Janhunen 1977: 112])

(148) *луца* 'русский, представитель русского народа' [Терещенко 1965, 2008: 195]

(149) *нюрка* 'осина' [Терещенко 1965, 2008: 333] (ПС **nulka* [Janhunen 1977: 112])

(150) *нюл'як* 'мягкий; нежный' [Терещенко 1965, 2008: 330]

(151) *люси* (б.-з., анат.) 'селезенка' [Терещенко 1965, 2008: 207]

²³ Без гортанного смычного *ʔ* в конце ФС.

²⁴ Без гортанного смычного *ʔ* в конце ФС.

- (152) *пулы* ‘колено’ [Терещенко 1965, 2008: 488] (ПС **puāj* → ПС kompos. **puājlz* ~ **puājnlz* (< **puāj* + **lę* ‘кость’) [Janhunen 1977: 130])
- (153) *сюны* ‘дети двух сестер (как родных, так и двоюродных со стороны матери по отношению друг к другу)’ [Терещенко 1965, 2008: 589]
- (154) *пюды* ‘старшая жена (при многоженстве)’ [Терещенко 1965, 2008: 507]
- (155) *муноць*’(н) ‘борода и усы’ [Терещенко 1965, 2008: 263]
- (156) *уто*’(д) ‘нарта без настила для перевозки шестов от чума’ [Терещенко 1965, 2008: 405]
- (157) *турас* ‘рубанок’, *туроса́та(сь)* ‘выстрогать рубанком’, *туроса́тамбá(сь)* (длит.) ‘строгать рубанком’ [Терещенко 1965, 2008: 676]
- (158) *пырка́бт*’(д) (б.-з.) ‘изголовье’, ‘подушка’ [Терещенко 1965, 2008: 498]; *пыркы́бт*’(д) (ямал.) ‘изголовье’, ‘подушка’ [Терещенко 1965, 2008: 498]
- (159) *ту́гос*’(уст.) ‘тунгусы’ [Терещенко 1965, 2008: 676]
- (160) *хутий* ‘кукушка’ [Терещенко 1965, 2008: 787]
- (161) *туи* ‘хариус (рыба)’ [Терещенко 1965, 2008: 674]
- (162) *суик* ‘почка’ [Терещенко 1965, 2008: 569] (ПС **suǝz-* ~ **suǝz-* (**suǝjz-*) (? ~ **süǝz-* ~ **süǝz-* (**süǝjz-*)) [Janhunen 1977: 143])
- (163) *соты* ‘большая возвышенность с широким основанием, плоской вершиной и пологими склонами (удобна для стоянки чумов)’ [Терещенко 1965, 2008: 567]

Комментарии к таблице 12

А) Гласный у 1С воспринимается как акцентно выделенный в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) Длительность *ý* открытого 1С превышает длительность БГ 2С на 0,03—0,08 сек. (30—80 мсек.) в ФС №147, 148, 150, 153, а длительность *ý* закрытого 1С превышает длительность БГ 2С на меньшую величину — на 0,015 сек. (15 мсек.) в ФС №149а (в произнесении диктора ЛАЛ). Если 2С является открытым, длительность БГ 2С может незначительно превышать длительность *ý* 1С, что связано с продлением гласного в абсолютном конце ФС перед паузой: так, Д *ý* 1С < Д БГ 2С на 0,01—0,02 сек. (10—20 мсек.) в ФС №149в, 151, 154 (в ФС №149б Д *ý* 1С и Д БГ 2С количественно сопоставимы).

2) В некоторых произнесениях максимальная интенсивность *ý* 1С превосходит пиковую интенсивность БГ 2С: на 1,7—2,7 дБ в ФС №147, 148; на 4 дБ в ФС №152, где *ý* 1С следует после губного взрывного *n*; примерно на 7 дБ в ФС №149а (отчетливое, маркированное произнесение в отличие от ФС №149б, 149в). Средняя интенсивность *ý* 1С также может превосходить ср.И БГ 2С на 1,3—2,7 дБ (ФС №148, 150—152) и даже на 8 дБ в ФС №149а (см. выше о макс.И *ý* 1С в этом ФС).

Многие ФС произносятся без динамического противопоставления *ý* 1С и БГ 2С: так, максимальная интенсивность *ý* 1С и БГ 2С оказываются количественно сопоставимыми в целом ряде ФС (ФС №149б, 149в, 150, 151, 153); средняя интенсивность *ý* 1С и БГ 2С сопоставимы в ФС №147, 149в, 153, 154. Зафиксирован также вариант произнесения ФС №154 с бóльшей пиковой интенсивностью БГ 2С: макс.И *ý* 1С < макс.И БГ 2С на 2 дБ.

3) Частота основного тона *ý* 1С выше ЧОТ БГ 2С — наблюдается общее падение тона к концу ФС: разница между тональной вершиной ФС на *ý* 1С и ЧОТ в начале произнесения БГ 2С составляет в большинстве случаев 40—55 Гц (ФС №148, 150—153), реже — 15—25 Гц (ФС №147, 149в) и 90 Гц (ФС №154); разница между тональным максимумом на *ý* 1С и ЧОТ в конце БГ 2С насчитывает 40—140 Гц (ФС №147, 148, 149а—в, 150—154). Таким образом, тон в течение произнесения БГ 2С может стать ниже на 20—70 Гц (ФС №147, 148, 149в, 150—154), при этом возможно также локальное повышение ЧОТ на *ý* 1С на 30—45 Гц (ФС №147, 148, 152, 154).

Б) Гласный у 1С воспринимается как безударный (в противоположность гласному 2С) в тех ФС, в которых наблюдается следующее соотношение просодических признаков гласных 1С и 2С.

1) Длительность УГ 2С превышает длительность у 1С на 0,05—0,12 сек. (50—120 мсек.) в ФС №155—157, 159—161, 163а, 163б. В редких случаях, если 2С является закрытым, длительность УГ 2С может приближаться по своим числовым показателям к длительности у 1С (ФС №158, 162).

2) Максимальная интенсивность УГ 2С может превышать пиковую интенсивность у 1С на 1—3 дБ (ФС №155, 156, 158, 159, 161), а средняя интенсивность УГ 2С может превосходить ср.И у 1С на 2—2,5 дБ (ФС №159, 161). Максимальная интенсивность УГ 2С может также быть меньше пиковой интенсивности у 1С на 1—2 дБ (ФС №157, 162, 163б) и даже на 6 дБ (ФС №160, в котором высокая интенсивность у 1С может быть объяснена положением этого гласного после зубного взрывного *m*). Средняя интенсивность УГ 2С также может уступать ср.И у 1С на 1—2 дБ (ФС №157, 162, 163б) и даже на 5,7 дБ (ФС №160; см. выше о макс.И у 1С в этом ФС). Кроме того, у 1С и УГ 2С могут произноситься с одинаковой средней интенсивностью (ФС №155, 156, 158, 163а).

3) При акцентном выделении гласного 2С возможны две «тональные стратегии» просодического оформления ФС.

а) Частота основного тона на у 1С выше ЧОТ УГ 2С, что связано с более высоким тоном в начале произнесения ФС, — наблюдается падение тона к концу ФС: разница между тональной вершиной у 1С и ЧОТ в начале про-

изнесения УГ 2С насчитывает 45—70 Гц, а между тональной вершиной у 1С и ЧОТ в конце УГ 2С — 90—140 Гц (ФС №156—158, 160, 163б), т. е. падение тона в течение произнесения УГ 2С может составлять 30—75 Гц. При этом может наблюдаться локальное повышение тона на у 1С на 35—40 Гц (ФС №156, 160, 163б).

б) Для второй «тональной стратегии» характерно тоновое выделение УГ 2С — тональная вершина ФС приходится на УГ 2С: разница между тональными максимумами на УГ 2С и у 1С может составлять около 20—30 Гц (ФС №159, 161); локальное повышение тона на УГ 2С может насчитывать 25—45 Гц (ФС №161, 162, 163), после него следует понижение ЧОТ, характерное для конца ФС, — на 20—100 Гц (ФС №159, 161, 162, 163а).

Обобщая данные *Таблицы 12*, в которой приведены числовые показатели по Д, И и ЧОТ гласного у 1С и других гласных 2С двусложных ФС с неоднородным вокалическим составом, можно прийти к следующим выводам.

Ударный *у́* 1С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом оказывается маркирован наиболее высоким тоном, часто — бóльшей длительностью (в ФС с открытым 2С — не всегда) и наибольшей пиковой и средней интенсивностью. Об акцентном выделении *у́* 1С в ФС с неоднородным вокалическим составом в Т ямал. см. [Амелина 2011: 28, г] (в таблице слова 31Я—34Я [там же: 16—17]), а в Т канин. — см. [там же: 30, г] (в таблице слова 31К—34К [там же: 16—17]).

Анализ просодических характеристик разных вариантов произнесения ФС №149 *н'урка* одним и тем же информантом (ЛАЛ) показал, что для интонационно не выделенной речи ЛАЛ характерно «динамическое уравнивание» гласных 1С и 2С, а для интонационно окрашенного, более отчетливого изолированного произнесения ФС — значительное экспираторное выделение ударного гласного начального слога.

Ударный гласный 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном у 1С) оказывается маркирован наибольшей длительностью и факультативно (и редко) — повышением тона и бóльшей максимальной интенсивностью. Об акцентном выделении гласного 2С в ФС с неоднородным вокалическим составом (при безударном у 1С) в Т ямал. см. [Амелина 2011: 29, д] (в таблице слово 55Я [там же: 19]).

Анализ просодических характеристик разных вариантов произнесения ФС №163 *суты́* одним и тем же информантом (СУГ) показал следующее:

а) при бóльшей темпоральной маркированности УГ 2С «активизируются» и тоновые средства акцентного выделения (наблюдается локальное повышение тона на УГ 2С), а динамическое противопоставление гласных «более сильного» 1С и «более слабого» 2С оказывается невыраженным (ФС №163а);

б) при меньшей темпоральной маркированности УГ 2С наблюдается падение тона от начала к концу ФС без локального повышения на УГ 2С, при этом интенсивность гласного динамически «более сильного» начального слога превышает интенсивность УГ 2С (ФС №163б).

Таким образом, еще раз подтверждается вывод об облигаторности количественного параметра и факультативности тонового и динамического при акцентном маркировании гласного 2С.

В представленных выше *Таблицах 5—12*, посвященных ФС с неоднородным вокалическим составом, словарный материал следует в соответствии с классификацией, осуществленной по гласному 1С: в начале каждой таблицы под пунктом 1 подобраны ФС с определенным гласным 1С в ударной позиции (например, *á—V*), а под пунктом 2 — в безударной (например, *а—V*). Такая классификация материала предоставляет нам возможность сравнить, чем определенный ударный гласный 1С просодически отличается от такого же гласного 1С в позиции без ударения.

Не менее наглядным представляется классификация материала по следующему принципу: в первой части таблицы расположить ФС с определенным гласным в позиции под ударением в 1С (например, *á—V*), а во второй — с тем же гласным в позиции под ударением, но во 2С (например, *V—á*). Такое расположение материала даст возможность выявить облигаторные и факультативные просодические признаки при акцентном маркировании, а также понять, как выражается акцентное выделение гласного 1С и 2С. Следует отметить, что именно по этому принципу строится расположение материала в главе о ФС с однородным вокалическим составом.

Представленные ниже общие выводы о просодических характеристиках словесного акцента в ФС с неоднородным вокалическим составом будут сделаны на основе вышеизложенного подробного анализа данных, представленных в *Таблицах 5—12*, которые построены по первому принципу расположения материала, в сочетании с анализом материала, классифицированного по второму принципу²⁵.

²⁵ Ниже мы рассматриваем просодические признаки всех «нейтральных» по долготе гласных Т гыдан. в позиции под ударением в 1С и 2С и не касаемся краткого *á*, т. к. он может нести на себе словесный акцент, только будучи во 2С ФС с однородным вокалическим составом *á—á*.

1) **Ударный *á* 1С** обычно маркирован наибольшей длительностью, наибольшей максимальной и средней интенсивностью и наиболее высоким тоном в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом, при этом может наблюдаться тенденция: чем меньше количественное противопоставление между УГ 1С и БГ 2С, тем больше разница по интенсивности (ФС №49—52), т. е. при «ослаблении» основного акустического признака ударения (темпорального выделения) «активизируется» вспомогательный (экспираторное выделение). ФС неоднородного вокалического состава с ударным *á* 1С: *á—á* (ФС №44, 45), *á—э* (ФС №46, 47), *á—о* (ФС №48—51), *á—ы* (ФС №52, 53), *á—у* (ФС №54—56).

Ударный *á* 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом всегда маркирован наибольшей длительностью, а экспираторное и тоновое выделение являются факультативными акцентными признаками. ФС неоднородного вокалического состава с ударным *á* 2С: *á—á* (ФС №68—71), *э—á* (ФС №105, 106), *о—á* (ФС №121, 122), *и—á* (ФС №131—133), *ы—á* (ФС №142, 143).

2) **Ударный *é* 1С** маркирован наибольшей максимальной и средней интенсивностью и наиболее высоким тоном в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом (с *a* во 2С). Вероятно, ударный *é* 1С в зафиксированных нами произнесениях не маркирован наибольшей длительностью, т. к. гласный *a* 2С имеет бóльшую ингерентную длительность, чем *é*. ФС неоднородного вокалического состава с ударным *é* 1С: *é—a* (ФС №84—86). По нашим данным, гласный *e* во 2С не встречается.

3) **Ударный *é* 1С** маркирован наибольшей длительностью (за исключением спорных случаев с открытым 2С в абсолютном конце ФС перед паузой), наибольшей максимальной и средней интенсивностью и наиболее высоким тоном в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом. ФС неоднородного вокалического состава с ударным *é* 1С: *é—a* (ФС №91—99), *é—о* (ФС №100), *é—и* (ФС №101, 102), *é—ы* (ФС №103, 104).

Ударный *é* 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом всегда маркирован наибольшей длительностью, а экспираторное и тоновое выделение являются факультативными акцентными признаками. ФС неоднородного вокалического состава с ударным *é* 2С: *a—é* (ФС №57—59), *á—é* (ФС №72—74), *э—é* (ФС №87, 88), *о—é* (ФС №123), *и—é* (ФС №134—136), *ы—é* (ФС №144, 145).

4) **Ударный *ó* 1С** маркирован наибольшей длительностью (за исключением спорных случаев с открытым 2С в абсолютном конце ФС перед паузой), наибольшей максимальной и средней интенсивностью и наиболее высоким тоном в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом. ФС неоднородного вокалического состава с ударным *ó* 1С: *ó—a* (ФС №110—118), *ó—и* (ФС №119), *ó—ы* (ФС №120).

Ударный *ó* 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом всегда маркирован наибольшей длительностью, а экспираторное и тоновое выделение являются факультативными акцентными признаками. ФС неоднородного вокалического состава с ударным *ó* 2С: *a—ó* (ФС №60, 61), *á—ó* (ФС №75—77), *э—ó* (ФС №89, 90), *э—ó* (ФС №107), *у—ó* (ФС №155—159).

5) **Ударный *ú* 1С** всегда маркирован наиболее высоким тоном, иногда (в очень ограниченном количестве случаев в связи с малой ингерентной длительностью) — с помощью темпорального параметра, а также посредством динамического параметра (не всегда) в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом. ФС неоднородного вокалического состава с ударным *ú* 1С: *ú—a* (ФС №124—129), *ú—у* (ФС №130).

Ударный *ú* 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом маркирован наибольшей длительностью в большинстве ФС со всеми гласными, кроме широкорастворного *a*, имеющего бóльшую ингерентную длительность, чем узкий *и*. Экспираторное и тоновое выделение являются факультативными акцентными признаками, однако, возможно, повышение тона на *ú* 2С наблюдается чаще, чем в ФС с другими УГ 2С, что может объясняться «активизацией» тонального способа акцентного выделения при некотором «ослаблении» темпорального параметра. ФС неоднородного вокалического состава с ударным *ú* 2С: *a—ú* (ФС №62, 63), *á—ú* (ФС №78, 79), *э—ú* (ФС №108), *у—ú* (ФС №160—162).

6) **Ударный *í* 1С** в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом маркирован наиболее высоким тоном, наибольшей пиковой и средней интенсивностью и в ограниченном количестве случаев (в ФС с закрытым 2С или в некоторых вариантах произнесения ФС с открытым 2С) — бóльшей длительностью. ФС неоднородного вокалического состава с ударным *í* 1С: *í—a* (ФС №138—140), *í—у* (ФС №141).

Ударный *í* 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом маркирован наибольшей длительностью, а экспираторное и тоновое выделение являются факультативными акцентными признаками. ФС неоднородного вокалического состава с ударным *í* 2С: *a—í* (ФС №64, 65), *á—í* (ФС №80, 81), *у—í* (ФС №163).

7) **Ударный *ý* 1С** в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом маркирован наиболее высоким тоном, часто — бóльшей длительностью (в ФС с открытым 2С — не всегда) и наибольшей пи-

ковой и средней интенсивностью. ФС неоднородного вокалического состава с ударным y 1С: $y—a$ (ФС № 147—149), $y—\dot{a}$ (ФС № 150), $y—u$ (ФС № 151), $y—ы$ (ФС № 152—154).

Ударный y 2С в двусложном ФС с неоднородным вокалическим составом маркирован наибольшей длительностью, а экспираторное и тоновое выделение являются факультативными акцентными признаками. ФС неоднородного вокалического состава с ударным y 2С: $a—y$ (ФС № 66, 67), $\dot{a}—y$ (ФС № 82, 83), $\varepsilon—y$ (ФС № 109), $u—y$ (ФС № 137), $ы—y$ (ФС № 146).

Данные по средней длительности гласных в Т гыдан. (в позиции под ударением и без ударения) представлены в *Таблице 13*. Следует, однако, отметить, что эти числовые данные приблизительны и нуждаются в дальнейшем уточнении; особенно это касается темпоральных показателей гласных под ударением, т. к. длительность гласных в ударной позиции во многом зависит от степени отчетливости и интонационной выделенности каждого конкретного произнесения.

Таблица 13

Средняя длительность гласных в Т гыдан.

V	под ударением	без ударения
<i>a</i>	150 мсек. (0,15 сек.)	120 мсек. (0,12 сек.)
<i>\dot{a}</i>	— ²⁶	65 мсек. (0,065 сек.)
<i>\varepsilon</i>	$\langle 125 \text{ мсек. (0,125 сек.)} \rangle$ ²⁷	$\langle 120 \text{ мсек. (0,12 сек.)} \rangle$ ²⁸
<i>\varepsilon</i>	135 мсек. (0,135 сек.)	110 мсек. (0,11 сек.)
<i>o</i>	150 мсек. (0,15 сек.)	110 мсек. (0,11 сек.)
<i>u</i>	125 мсек. (0,125 сек.)	95 мсек. (0,95 сек.)
<i>ы</i>	130 мсек. (0,13 сек.)	95 мсек. (0,95 сек.)
<i>y</i>	135 мсек. (0,135 сек.)	95 мсек. (0,95 сек.)

Средняя длительность гласных в Т гыдан. в позициях под ударением и без ударения, как правило, превышает среднюю длительность тех же гласных в этих позициях в Т ямал.: так, например, в Т ямал. \dot{a} составляет в среднем 130 мсек. (0,13 сек.), \dot{a} — 100 мсек. (0,1 сек.), \acute{o} — 115 мсек. (0,115 сек.), ε — 90 мсек. (0,09 сек.), \acute{i} — 80 мсек. (0,08 сек.) [Амелина 2011: 32]. И, наоборот, средняя длительность гласных в Т гыдан. уступает средней длительности гласных в Т канин., для которого характерно квантитативное выделение начального слога ФС: так, например, в 1С ФС в Т канин. \dot{a} составляет в среднем 190 мсек. (0,19 сек.), y — 160 мсек. (0,16 сек.), u и $ы$ — 140—150 мсек. (0,14—0,15 сек.) [Амелина 2011: 32].

Разница в средней длительности гласных в Т гыдан. и Т ямал. с одной стороны и Т канин. с другой объясняется характерным для западных диалектов удлинением гласных 1С (см. об этом [Амелина 2011]; ср. также “word-initial lengthening” в [Staroverov 2006: 5—6]), однако, чем объясняется большая длительность гласных в Т гыдан. (крайневосточный диалект) по сравнению с Т ямал. (восточный диалект), пока неизвестно.

Я. Н. Попова интерпретирует этот факт следующим образом: «В тазовском говоре обнаруживаются уже больше отличительных от опорного говора черт, которые сближаются с лесным наречием. Причем, степень сходства с лесным наречием неодинакова в подговорах тазовского говора. Ближе всего к лесному наречию южный и северный подговоры (под «северным подговором тазовского говора», видимо, следует понимать Т гыдан.; далее выделено подчеркиванием) (вероятно, в силу их большей изолированности), в центральном же подговоре сходство с лесным наречием проявляется в меньшей степени. Так, при общей количественной неустойчивости, наблюдаемой по подговорам, в южном и частично северном все же заметна тенденция к удлинению гласных и согласных звуков, которая имеет место и в лесном наречии: б.-з. pon^h , таз. юж. $po:n$, таз. сев. $po:n$, таз. центр. pon^h , Л $po:n^h$ ‘долго’; б.-з. jed , таз. юж. $je:t$, таз. сев. jed , таз. центр. jed , Л $\dot{h}e:t$ ‘котел’; б.-з. $j\dot{a}na$, таз. юж. $jan:a$, таз. сев. $jana$, таз. центр. $jana$, Л $\dot{h}an:a$ ²⁹ ‘тихий’; <...> б.-з. $xana$, таз. юж. $xa:n:a$, таз. сев. $xa:n:a$, таз. центр. $xa:na$, Л $ka:n:a$ ‘увозит’» [Попова 1974: 70]. «Таким образом, сопоставляя говоры лесных ненцев с говорами тундровых, можно наблюдать постепенный характер перехода от одного наречия к другому, что особенно заметно в тазовских подго-

²⁶ Мало примеров (только ФС структуры $\dot{a}—\dot{a}$), к тому же, \dot{a} в конечном открытом слоге ФС перед паузой может быть продлен.

²⁷ Мало примеров.

²⁸ Мало примеров.

²⁹ \dot{h} — глухой среднеязычный смычный согласный в записи Я. Н. Поповой.

ворах. Этот переход выражается в постепенном освобождении от некоторых архаических черт, имеющих в наречии лесных ненцев и, по всей вероятности, унаследованных им от языка прасамодийских племен» [Попова 1974: 71].

В Таблице 14 приведены данные по количеству ФС определенных слоговых структур с ударением на 1С и 2С (количество слов с гортанным смычным согласным ? в абсолютном конце ФС отмечается особо). В статье к рассмотрению привлекалось 187 ФС (187 вариантов произнесения 163 имен), из них с ударением на первом слоге — 90, а с ударением на втором — 97.

Таблица 14

слоговая структура	количество ФС	%
1. ФС с ударением на первом слоге		
а. ФС с открытым вторым слогом		
<i>С'УСУ</i>	55	29,4%
<i>С'УССУ</i>	22	11,8%
<i>С'УСССУ</i>	1	0,5%
всего ФС с ударением на 1С и открытым 2С	78	41,7%
б. ФС с закрытым вторым слогом		
<i>С'УСVC</i> (в том числе <i>С'УСV?</i>)	8 (3)	4,3% (1,6%)
<i>С'УСVCС</i> (в том числе <i>С'УСV?</i>)	3 (3)	1,6% (1,6%)
<i>С'УССVC</i> (в том числе <i>С'УССV?</i>)	1 (1)	0,5% (0,5%)
всего ФС с ударением на 1С и закрытым 2С (в том числе с ? в абсолютном конце ФС)	12 (7)	6,4% (3,7%)
всего ФС с ударением на первом слоге	90	48,1%
2. ФС с ударением на втором слоге		
а. ФС с открытым вторым слогом		
<i>СVCУ'</i>	35	18,7%
<i>СVCСУ'</i>	6	3,2%
всего ФС с ударением на 2С и открытым 2С	41	21,9%
б. ФС с закрытым вторым слогом		
<i>СVCУ'С</i> (в том числе <i>СVCУ'?</i>)	34 (4)	18,2% (2,1%)
<i>СVCУ'СС</i> (в том числе <i>СVCУ'С?</i>)	11 (5)	5,9% (2,7%)
<i>СVCССУ'С</i>	8	4,3%
<i>СVCССУ'СС</i> (в том числе <i>СVCССУ'С?</i>)	3 (2)	1,6% (1,1%)
всего ФС с ударением на 2С и закрытым 2С (в том числе с ? в абсолютном конце ФС)	56 (11)	29,9% (5,9%)
всего ФС с ударением на втором слоге	97	51,9%
всего ФС	187	100%

В следующем разделе представлены общие выводы, полученные в ходе проведенного анализа просодических признаков словесного акцента в бисиллабических именах в Т гыдан., а также сопоставление результатов данной работы с результатами аналогичного исследования, сделанного на материале Т ямал. и Т канин. (подробнее см. [Амелина 2011: 28, 30—31, 32—34]).

III. Сопоставительный анализ акустических характеристик ударения в двусложных именах в гыданском, ямальском и канинском диалектах тундрового наречия ненецкого языка

В Таблице 15 представлены соответствия гыданским словам в ямальском и канинском диалектах, которые были рассмотрены нами в [Амелина 2011]; в Таблице 16 — соответствия гыданским словам в ямальском диалекте, которые не были рассмотрены в [Амелина 2011] (по данным [ПИМАЯ 2010]). В скобках приведены номера ФС в таблицах, представленных выше (для Т гыдан.) и в статье [Амелина 2011: 14—21]. Ударение проставлено в ФС в Т гыдан. и Т ямал.; для Т канин. отмечается значительное темпоральное выделение гласного (:) и повышение тона (ˊ); символ (—) обозначает, что слово не зафиксировано в Т канин.

Таблица 15

№	Т гыдан.	Т ямал.	Т канин.
ФС с ударением на первом слоге			
1	<i>láta</i> (1)	<i>láta</i> (1Я)	<i>ла:таˊ</i> (1К)
2	<i>háda</i> (2)	<i>háda</i> (2Я)	<i>ха:даˊ</i> (2К)
3	<i>hála</i> (3)	<i>hála</i> (3Я)	<i>ха:лаˊ</i> (3К)
4	<i>n'ába</i> (4)	<i>n'ába</i> (4Я)	<i>n'a:баˊ</i> (4К)
5	<i>jála</i> (5)	<i>jála</i> (5Я)	<i>ja:лаˊ</i> (5К)
6	<i>hámba</i> (6)	<i>hámba</i> (6Я)	<i>хабаˊ</i> (6К)
7	<i>n'úr'chi</i> (28)	<i>n'úr'chi</i> (44Я)	<i>n'u:рчиˊ</i> (44К)
8	<i>nádaw?</i> (44)	<i>nádaw?</i> (13Я)	<i>над(э)?</i>
9	<i>wáno</i> (48)	<i>wáno</i> (7Я)	<i>wa:ноˊ</i> (7К)
10	<i>háso</i> (49)	<i>háso</i> (8Я)	—
11	<i>nály</i> (52)	<i>nály</i> (11Я)	—
12	<i>nádu</i> (54)	<i>nádu</i> (17Я)	<i>na:jды</i> (17К)
13	<i>hэwa</i> (91)	<i>hэwa</i> (23Я)	<i>э:waˊ</i> (23К)
14	<i>n'эda</i> (92)	<i>n'эda</i> (24Я)	<i>n'э:даˊ</i> (24К)
15	<i>n'эna</i> (93)	<i>n'эna</i> (25Я)	<i>n'э:наˊ</i> (25К)
16	<i>jэca</i> (94)	<i>jэca</i> (26Я)	<i>jэ:c'aˊ</i> (26К)
17	<i>m'эja</i> (95)	<i>m'эja</i> (27Я)	<i>m'э:jaˊ</i> (27К)
18	<i>n'эла</i> (96)	<i>n'эла</i> (28Я)	<i>n'э:лаˊ</i> (28К)
19	<i>л'эм'на, л'эм'Б'a</i> (98)	<i>л'эм'на, л'эм'Б'a</i> (29Я)	—
20	<i>n'эро</i> (100)	<i>n'эро</i> (30Я)	<i>n'э:роˊ</i> (30К)
21	<i>hód'a</i> (110)	<i>hód'a</i> (18Я)	<i>о:д'aˊ</i> (18К)
22	<i>jór'a</i> (111)	<i>jór'a</i> (19Я)	<i>jo:p'aˊ</i> (19К)
23	<i>hóba</i> (112)	<i>hóba</i> (20Я)	<i>хо:баˊ</i> (20К)
24	<i>hóra</i> (113)	<i>hóra</i> (22Я)	<i>хо:p'эˊ</i> (22К)
25	<i>jómд'э'a(?)</i> (117)	<i>jóm3'a?</i> (21Я)	—
26	<i>júb'a, júw'a</i> (124)	<i>júb'a</i> (38Я)	<i>juw'aˊ</i> (38К)
27	<i>jún'a</i> (125)	<i>jún'a</i> (39Я)	<i>ju(:)н'aˊ</i> (39К)
28	<i>ч'юд'a</i> (126)	<i>t'юд'a</i> (41Я)	<i>t'u(:)д'aˊ</i> (41К)
29	<i>n'úk'a</i> (128)	<i>n'úk'a</i> (42Я)	<i>n'u(:)к'aˊ</i> (42Я)
30	<i>n'úr'chi</i> (129)	<i>n'úr'chi</i> (43Я)	<i>n'u(:)рчиˊ</i> (43К)
31	<i>х'ыд'a</i> (138)	<i>х'ыд'a</i> (35Я)	<i>хы:д'aˊ</i> (35К)
32	<i>tыja</i> (139)	<i>tыja</i> (36Я)	<i>тыjuˊк</i> (36К)
33	<i>n'ýn'a</i> (147)	<i>n'ýn'a</i> (31Я)	<i>n'y:n'aˊ</i> (31К)
34	<i>n'ýрка</i> (149)	<i>n'ýрка</i> (32Я)	<i>n'уркаˊ</i> (32К)
35	<i>пулы</i> (152)	<i>пулы</i> (33Я)	<i>пулыˊ</i> (33К)
ФС с ударением на втором слоге			
1	<i>халм'áр</i> (13)	<i>халм'эр</i> (48Я)	—
2	<i>пáд'á, пáд'á</i> (14)	<i>пáд'á, пáд'á</i> (76Я)	<i>пáд'á, пáд'áˊ</i> (76К)
3	<i>с'эхэ, с'эүэ</i> (18)	<i>с'эхэ, с'эүэ</i> (54Я)	<i>с'эхаˊ</i> (54К)
4	<i>нохó, ноүó</i> (25)	<i>нохó, ноүó</i> (52Я)	<i>нохоˊ, ноүоˊ</i> (52К)
5	<i>jur'ú</i> (30)	<i>jur'ú</i> (60Я)	<i>jur'uˊ</i> (60К)

6	<i>уухут</i> (<i>ууут</i>), <i>уухуд</i> (<i>уууд</i>) (43)	<i>уухут</i> (<i>ууут</i>), <i>уухуд</i> (<i>уууд</i>) (56Я)	—
7	<i>хажэр?</i> (57)	<i>хажэр?</i> (49Я)	<i>хажа-р(э)?</i> (49К)
8	<i>мэра</i> (68)	<i>мэра</i> (61Я)	<i>мэра-</i> (61К)
9	<i>мэхá, мэуá</i> (69)	<i>мэхá, мэуá</i> (62Я)	<i>мэхá, мэуá-</i> (62К)
10	<i>сáwá</i> (70)	<i>сáwá</i> (63Я)	<i>сáwá-</i> (63К)
11	<i>jáптá, jáБтá</i> (71)	<i>jáптá, jáБтá</i> (69Я)	<i>jáпта, jáБта-</i> (69К)
12	<i>нэ́рэ?</i> (72)	<i>нэ́рэ?</i> (78Я)	<i>нэ́рэ-</i> (?) (78К)
13	<i>хэ́рнэ́с</i> (74)	<i>хэ́р(э)нэ́с</i> (77Я)	<i>хэ́рна-</i> (77К)
14	<i>лэмдо́</i> (75)	<i>лэмдо́</i> (71Я)	<i>лэмдо-</i> (71К)
15	<i>нэр'о́</i> (89)	<i>нэр'о́</i> (50Я)	<i>ε:р'о-</i> (50К)
16	<i>сыра́</i> (142)	<i>сыра́</i> (57Я)	<i>сыра-</i> (57К)
17	<i>тыдэ́?</i> (144)	<i>тыдэ́?</i> (58Я)	—

Таблица 16

№	Т гыдан.	Т ямал.
ФС с ударением на первом слоге		
1	<i>тáрка</i> (7)	<i>тáрка</i>
2	<i>нáмса, нáмЗá</i> (8)	<i>нáмса, нáмЗá</i>
3	<i>нáрка</i> (9)	<i>нáрка</i>
4	<i>јэ́с'эр?</i> (17)	<i>јэ́с'эр?</i>
5	<i>н'и́ч'и?</i> (27)	<i>н'и́нс'и?, н'и́нЗ'и?</i>
6	<i>хы́wы</i> (31)	<i>хы́wы</i>
7	<i>пýну</i> (40)	<i>пýну, пýнó</i>
8	<i>хáрáт, хáрáд</i> (45)	<i>хáрáт, хáрáд</i>
9	<i>тáто, тáтó</i> (50)	<i>тáто, тáтó</i>
10	<i>нáдwы</i> (53)	<i>нáдwы</i>
11	<i>wéба</i> (84)	<i>wéба</i>
12	<i>wéja</i> (85)	<i>wéja</i>
13	<i>тéта</i> (86)	<i>тéта</i>
14	<i>л'э́ска</i> (99)	<i>л'э́ска</i>
15	<i>т'э́рс'и</i> (102)	<i>т'э́рс'и</i>
16	<i>хэ́wхы</i> (104)	<i>хэ́wхы</i>
17	<i>нóба?</i> (114)	<i>нóба?</i>
18	<i>тóра</i> (115)	<i>тóра</i>
19	<i>јóнар?</i> (116)	<i>јóнар?</i>
20	<i>нóр'ик</i> (119)	<i>нóр'ик</i>
21	<i>хóркы</i> (120)	<i>хóркы</i>
22	<i>н'и́д'á</i> (127)	<i>н'и́д'á</i>
23	<i>пýја</i> (140)	<i>пýја</i>
24	<i>лы́нту</i> (<i>лы́нтó</i>), <i>лы́нду</i> (<i>лы́ндó</i>) (141)	<i>лы́нту</i> (<i>лы́нтó</i>), <i>лы́нду</i> (<i>лы́ндó</i>) (141)
25	<i>лýса</i> (148)	<i>лýца</i>
ФС с ударением на втором слоге		
1	<i>н'э́нэ́ј</i> (19)	<i>н'э́нэ́ј</i>
2	<i>т'э́хэ́, т'э́уэ́</i> (20)	<i>т'э́хэ́, т'э́уэ́</i>
3	<i>јэдэ́ј</i> (21)	<i>јэдэ́ј</i>
4	<i>нóпóј</i> (26)	<i>нóпóј</i>
5	<i>ны́лы</i> (34)	<i>ны́лы</i>
6	<i>јиры́</i> (36)	<i>јиры́</i>
7	<i>т'икы́</i> (37)	<i>т'икы́</i>
8	<i>јимбы́т?</i> (38)	<i>јимбы́т?</i>
9	<i>т'укý</i> (42)	<i>т'укý</i>
10	<i>табóр?</i> (60)	<i>табóр?</i>
11	<i>н'ал'и́к</i> (62)	<i>н'ал'и́к</i>

12	<i>сарм'и́к</i> (63)	<i>сарм'и́к</i>
13	<i>такы́</i> (64)	<i>такы́</i>
14	<i>хасу́ј</i> (67)	<i>хасу́ј</i>
15	<i>ја́пнó, ја́Бтó</i> (76)	<i>ја́пнó, ја́Бтó</i>
16	<i>па́ны</i> (80)	<i>па́ны</i>
17	<i>ха́н'у́ј</i> (82)	<i>ха́н'у́ј</i>
18	<i>н'эн'а́(у)к, н'эн'а́(у)Г</i> (106)	<i>н'эн'а́ук, н'эн'а́уГ</i>
19	<i>под'э́р?</i> (123)	<i>под'э́р?</i>
20	<i>м'ч'уб'э́ј</i> (134)	<i>м'ч'уб'э́ј</i>
21	<i>јул'э́п'ч'</i> (135)	<i>јул'э́п'ч'</i>
22	<i>сырэ́ј</i> (145)	<i>сырэ́ј</i>
23	<i>мунóч'</i> (155)	<i>мунóч'</i>
24	<i>ту́ју</i> (161)	<i>ту́ју</i>

Просодические контуры ФС с ударением на 1С и 2С оказываются различными в Т гыдан., Т ямал. и Т канин., что вызвано разной степенью релевантности определенных акустических признаков при акцентном маркировании. Рассмотрим различия и сходства в просодическом оформлении ФС со словесным акцентом на гласных 1С и 2С в трех перечисленных диалектах.

Общим для Т гыдан., Т ямал. и Т канин. акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного как 1С, так и 2С можно считать длительность. Во всех трех диалектах ударный гласный ФС характеризуется большей длительностью по сравнению с безударным. Исключение здесь могут составлять лишь ФС с узким гласным в 1С и широким во 2С, т. к. собственная длительность гласных верхнего подъема меньше ингерентной длительности гласных нижнего подъема, а также ФС с открытым 2С, т. к. гласный в абсолютном конце ФС перед паузой может быть значительно продлен. Следует также отдельно упомянуть о квантитативном выделении гласного начального слога в Т канин.

Динамический признак при акцентном маркировании гласного является более релевантным в Т ямал., чем в Т гыдан. и Т канин.: максимальная и средняя интенсивность ударного гласного 1С в Т ямал. всегда превосходят пиковую и среднюю интенсивность БГ 2С, тогда как в Т гыдан. такое экспираторное соотношение можно считать лишь тенденцией, которая во многих случаях может нарушаться (возможно, для ФС с узким гласным в 1С она оказывается более устойчивой); в Т канин. эта тенденция выражена еще слабее. Для Т ямал. характерна следующая закономерность: если ударение падает на 1С, то интенсивность гласного 1С обычно значительно превосходит интенсивность гласного 2С; если ударение падает на 2С, то числовые показатели интенсивности гласных 1С и 2С количественно почти совпадают, т. к. гласный звук начального слога фонетического слова в Т ямал. обычно несет на себе экспираторное выделение.

Основное различие в просодическом оформлении ФС со словесным акцентом на 1С в Т гыдан., Т ямал. и Т канин. связано с тональным параметром. Если для ФС в Т ямал. вне зависимости от места ударения (на 1С или 2С) характерен ровный тон без значительных колебаний на всем протяжении ФС (иногда с небольшим понижением в конце ФС), то ФС в Т гыдан. и Т канин. характеризуются специфическими тональными контурами с резкими и значительными изменениями частоты основного тона.

Однако природа просодического маркирования гласных с помощью тона в Т гыдан. и Т канин. различна. Частота основного тона в Т канин. значительно (чаще на 70—100 Гц, но может также более, чем на 150—190 Гц) повышается на гласном 2С в ФС разных фонетических структур (часто *CVCV*) — наблюдается тоновое выделение гласного конечного слога в бисиллабических ФС (часто с открытым начальным слогом). Возможно, такое повышение тона на втором (конечном) слоге в Т канин. не является автоматическим (хотя вероятность этого не исключена) и «подчиняется» определенным закономерностям. Следует отметить, что ЧОТ на конечном гласном ФС в Т канин. повышается как в словах, имеющих в Т ямал. и Т гыдан. ударение на 1С, так и в ФС с акцентно выделенным 2С в этих двух восточных диалектах. Таким образом, типичным просодическим контуром ФС в Т канин. является тональный контур с резко повышающейся ЧОТ в конце ФС.

Для другого западного (правда, довольно централизованного) диалекта — малоземельского — постулируется следующее положение. «Акустическим коррелятом ударения (просодического акцента) является повышение частоты основного тона на одном из двух первых слогов (на двух первых морях) фонетического слова (“phrase-initial high tone”, “the pitch rise”): 1) для “lexically unaccented” фонетического слова — (а) на первом слоге, если он закрытый; (б) на втором слоге, если первый слог открытый; 2) для “lexically accented” фонетического слова — на том слоге из двух первых, который имеет “prelinked tone”» [Staroverov 2006: 6—7]. Необходимо дальнейшее изучение Т канин., чтобы принять или, наоборот, отвергнуть данную гипотезу для этого диалекта.

Тональное выделение гласного в Т гыдан. устроено иначе, чем в западных диалектах. Основной тональной моделью ФС в Т гыдан. является просодический контур с высоким тоном в начале ФС, который плавно, но значительно понижается к концу, — гласный начального слога ФС в Т гыдан. характеризуется самой высокой частотой основного тона, которая далее идет на спад. При этом, в зависимости от места словесного акцента, возможны оказываются следующие видоизменения этой тональной модели: если акцентно выделен гласный 1С, то ЧОТ может дополнительно локально повышаться на нем по сравнению с общим высоким уровнем; если же ударение падает на гласный 2С, то (а) основная тональная модель может не подвергаться изменениям (высокий тон на гласном начального слога с последующим падением к концу ФС; см. *Рис. 9*) или (б) на УГ 2С может наблюдаться локальное повышение тона («тональный бугорок» на УГ; см. *Рис. 10—14*).

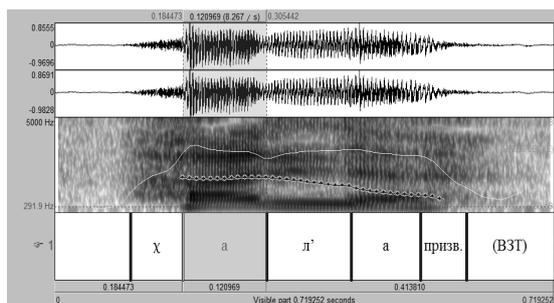


Рис. 1а. ФС №3: Т гыдан., диктор ВЗТ.

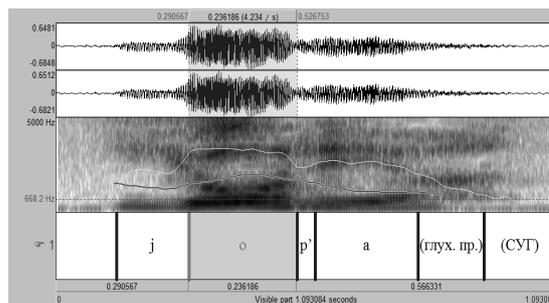


Рис. 2а. ФС №111: Т гыдан., диктор СУГ.

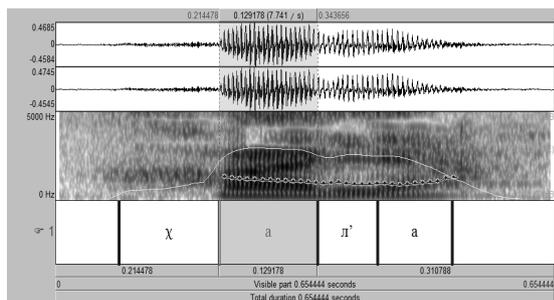


Рис. 1б. ФС №3: Т ямал., диктор ЯМГ.

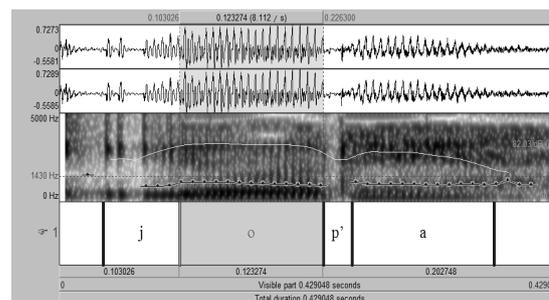


Рис. 2б. ФС №111: Т ямал., диктор ЯМГ.

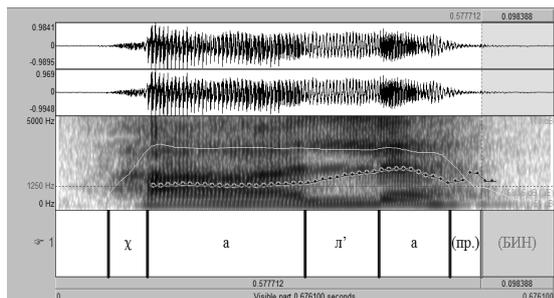


Рис. 1в. ФС №3: Т канин., диктор БИН.

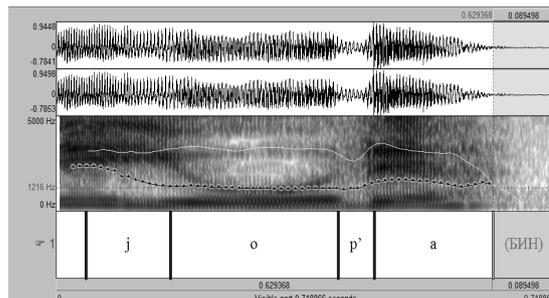


Рис. 2в. ФС №111: Т канин., диктор БИН.

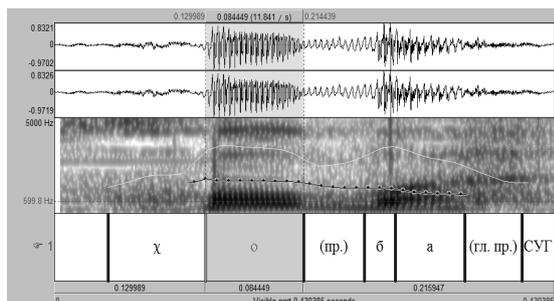


Рис. 3а. ФС №112: Т гыдан., диктор СУГ.

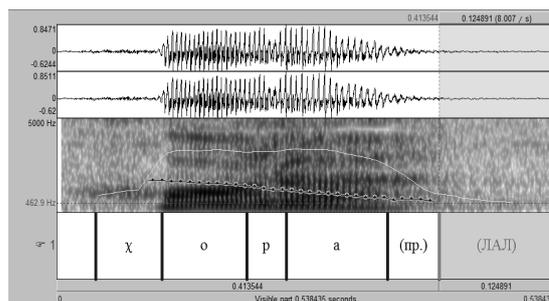


Рис. 4а. ФС №113: Т гыдан., диктор ЛАЛ.

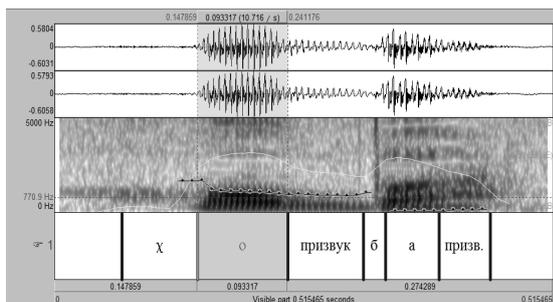


Рис. 3б. ФС № 112: Т ямал., диктор ЯМГ.

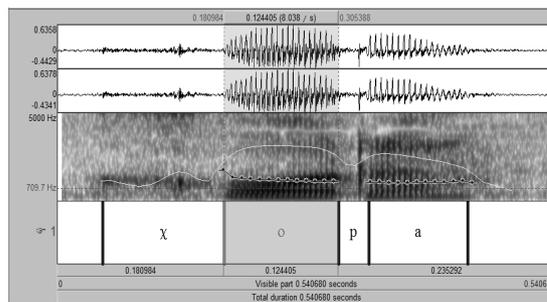


Рис. 4б. ФС № 113: Т ямал., диктор ЯМГ.

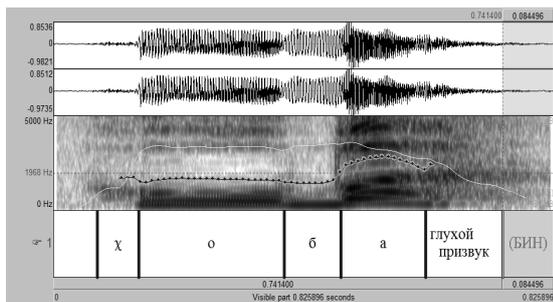


Рис. 3в. ФС № 112: Т канин., диктор БИН.

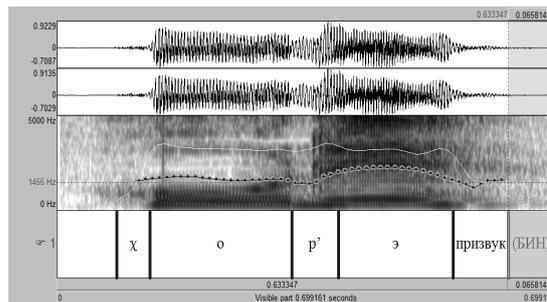


Рис. 4в. ФС № 113: Т канин., диктор БИН.

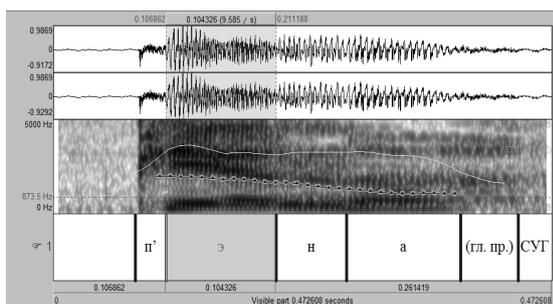


Рис. 5а. ФС № 93: Т гыдан., диктор СУГ.

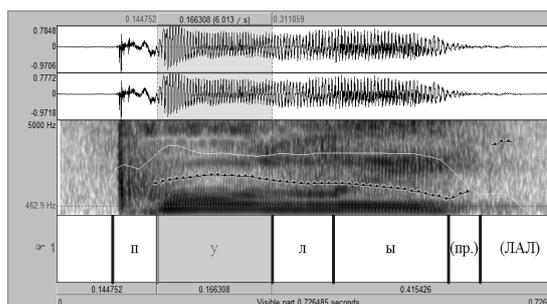


Рис. 6а. ФС № 152: Т гыдан., диктор ЛАЛ.

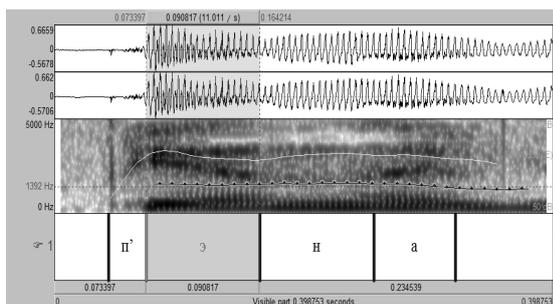


Рис. 5б. ФС № 93: Т ямал., диктор ЯМГ.

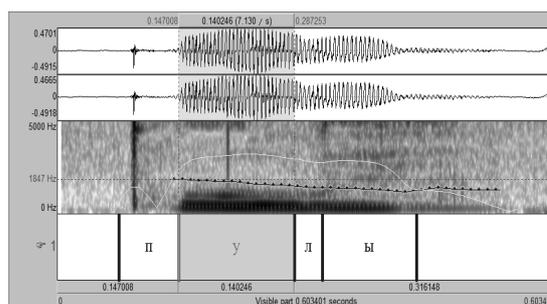


Рис. 6б. ФС № 152: Т ямал., диктор ЯМГ.

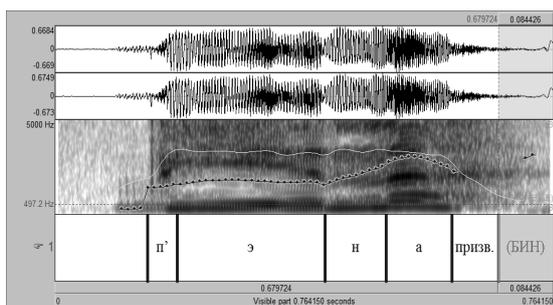


Рис. 5в. ФС № 93: Т канин., диктор БИН.

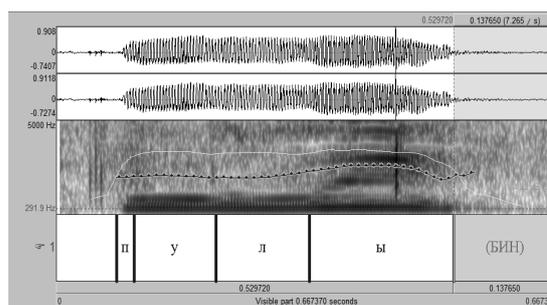


Рис. 6в. ФС № 152: Т канин., диктор БИН.

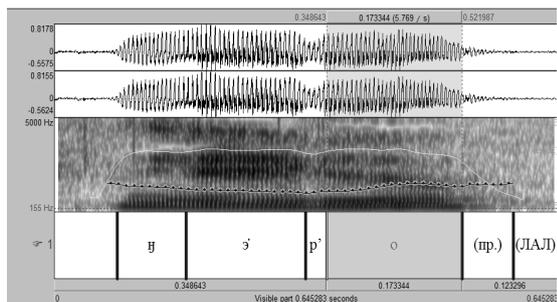


Рис. 7а. ФС №89: Т гыдан., диктор ЛАЛ.

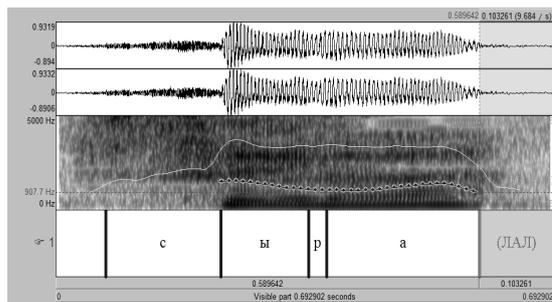


Рис. 8а. ФС №142: Т гыдан., диктор ЛАЛ.

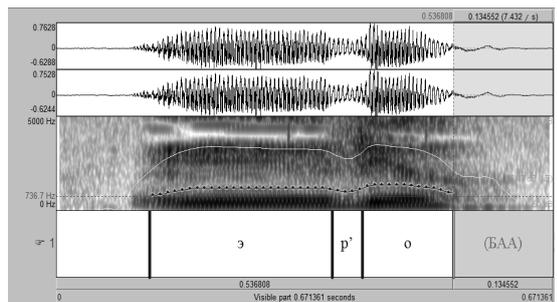


Рис. 7б. ФС №89: Т ямал., диктор ЯМГ.

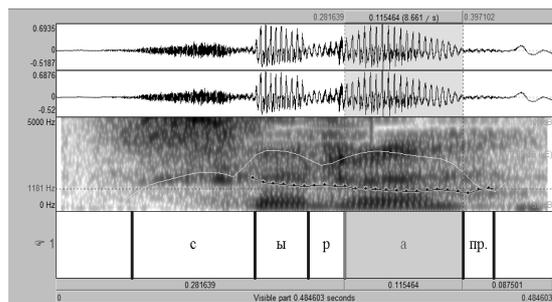


Рис. 8б. ФС №142: Т ямал., диктор ЯМГ.

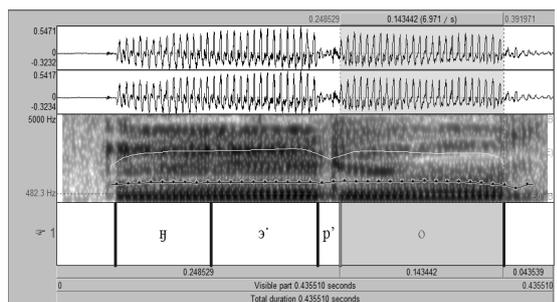


Рис. 7в. ФС №89: Т канин., диктор БАА.

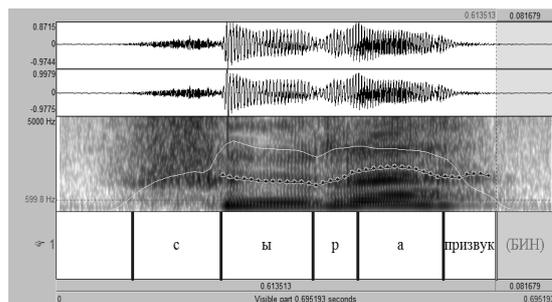


Рис. 8в. ФС №142: Т канин., диктор БИН.

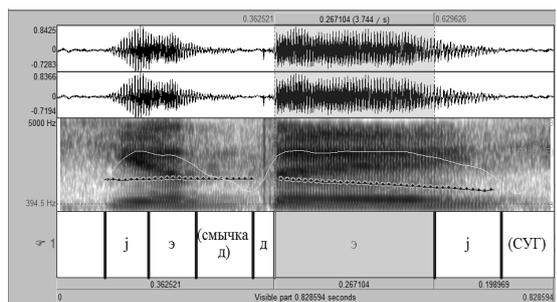


Рис. 9. ФС №21: Т гыдан., диктор СУГ.

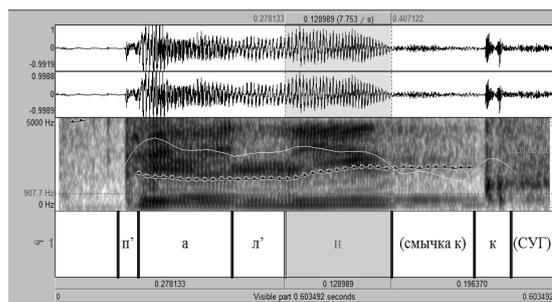


Рис. 12. ФС №62: Т гыдан., диктор СУГ.

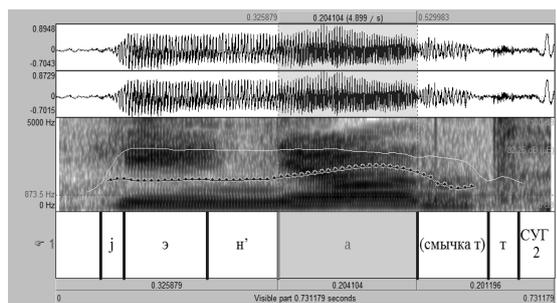


Рис. 10. ФС №105б: Т гыдан., диктор СУГ.

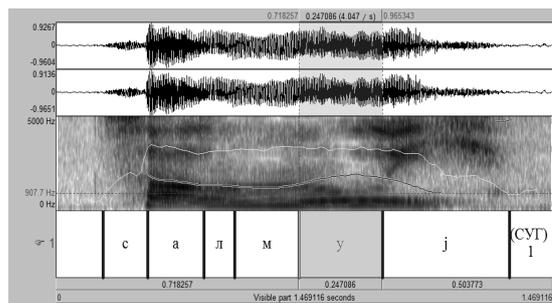


Рис. 13. ФС №66а: Т гыдан., диктор СУГ.

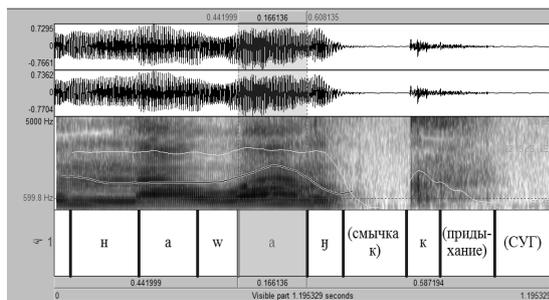


Рис. 11. ФС № 11а: Т гыдан., диктор СУГ.

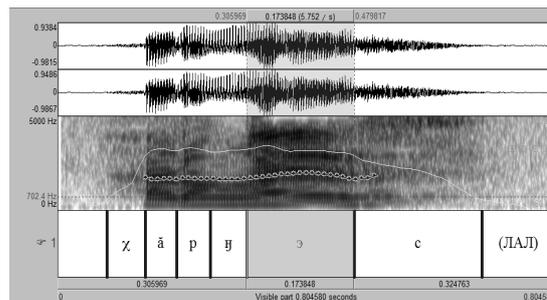


Рис. 14. ФС № 74: Т гыдан., диктор ЛАЛ.

Все это позволяет заключить, что тональный параметр оказывается нерелевантным при маркировании ударного гласного в Т ямал. (восточном диалекте), тогда как в Т гыдан. (крайневосточном диалекте) повышение тона на УГ является факультативным акустическим коррелятом словесного акцента.

Таким образом, облигаторным (основным) акустическим коррелятом ударения в Т гыдан., Т ямал. и Т канин. является длительность. Динамический параметр является вторым акустическим коррелятом словесного акцента в Т ямал., нерелевантным для акцентного маркирования в Т канин. и факультативным (вспомогательным, дополнительным) акустическим признаком ударения в Т гыдан. Тональный параметр является нерелевантным при маркировании ударного гласного в Т ямал. и факультативным признаком ударения в Т гыдан. Разница в просодических контурах ФС со словесным акцентом на 1С в Т гыдан. (а), Т ямал. (б) и Т канин. (в) отчетливо прослеживается на спектрограммах Рис. 1—6, а ФС с ударением на 2С — на Рис. 7—8.

Иными словами, ударение в Т гыдан. можно считать количественно-музыкальным (с элементами динамического), тогда как в Т ямал. — количественно-динамическим (квантитативно-эспираторным); акцентная система Т канин. является количественной (квантитативной) с элементами тональной (тоновой).

Дальнейшее привлечение данных по просодической организации ФС в других диалектах и говорах Т ненец., в частности центральных, позволит сделать полное системное описание диалектных различий в области супraseгментной фонетики в Т ненец.

Сокращения

Языки и диалекты

- ненец. — ненецкий язык
- Л — лесное наречие
- Т — тундровое наречие
 - б.-з. — большеземельский диалект
 - вост. — восточные диалекты
 - гыдан. — гыданский диалект
 - таз. — тазовский диалект
 - сев. — северный подговор тазовского диалекта
 - центр. — центральный подговор тазовского диалекта
 - юж. — южный подговор тазовского диалекта
 - тайм. — таймырский (енисейский) диалект
 - ямал. — ямальский диалект
- зап. — западные диалекты
 - крайне-зап. — крайнезападные диалекты
 - канин. — канинский диалект
- ПС — прасамодийский язык
- ПСС — прасеверносамодийский язык

Информанты

Носители гыданского диалекта тундрового наречия ненецкого языка
(ЯНАО, Тазовский район, с. Гыда; сентябрь 2011 г.)

ВЗТ — Вэнго Зоя Торневна (около 1975 г. р., род. в Гыданской тундре; зимой живет в с. Гыда, летом — на о. Оленьем)

- ЛАЛ — Лапцуй (урожд. Салиндер) Анжелика Ляликовна (1968 г. р., род. в Гыданской тундре, близ Танамы; 10 кл.; младший воспитатель в школе-интернате; с 1986—1992 гг. жила в тундре, с 1992 г. живет в с. Гыда)
- СУГ — Салиндер (урожд. Яптунай) Ульяна Григорьевна (1968 г. р., родом из Гыданской тундры; 8 кл., средне-специализированный образ.; уборщица; до 2002 г. жила в тундре, с 2002 г. живет в с. Гыда)
- ЯГВ — Яр (урожд. Лапцуй) Галина Ванзовна (1958 г. р., род. в Гыданской тундре; 10 кл., среднее специальное образование.; уборщица; с 1978—2007 гг. жила в тундре, с 2007 г. живет в с. Гыда)
- ЯЕЛ — Ядне (урожд. Салиндер) Елизавета Ляликовна (1963 г. р., род. в Гыданской тундре; 10 кл., педагогическое образование.; учитель начальных классов; с 1989 г. постоянно живет в с. Гыда)
- ЯНХ — Яптунай Николай Ханзотавич (1955 г. р., род. в Гыданской тундре; 10 кл., незаконченное высшее образование.; оленевод; постоянно живет в Гыданской тундре)

Носители ямальского диалекта тундрового наречия ненецкого языка

(ЯНАО, Ямальский район, с. Сё-Яха и Тамбейская, северно-ямальская, тундра; апрель—сентябрь 2010 г.)

- ЯМГ — Яунгад (урожд. Тусида) Мельне Григорьевна (1979 г. р., род. в Тамбейской тундре; 11 кл.; ночной сторож-вахтер; до 2007 г. жила в Тамбейской тундре, с 2007 г. живет в с. Сё-Яха)

Носители канинского диалекта тундрового наречия ненецкого языка

(НАО, Заполярный район, с. Ома и Канинская тундра; май—июнь 2011 г.)

- БАА — Бобрикова (урожд. Латышева) Александра Ананьевна (1955 г. р., род. в Канинской тундре; 8 кл., специальное образование. — мастер по пошиву женской одежды; чумработница; до 2007 г. постоянно жила в Канинской тундре, с 2007 г. живет в с. Ома)
- БИН — Бобрикова (урожд. Бармич) Инна Николаевна (1961 г. р., род. в Канинской тундре; 9 кл.; чумработница; постоянно живет в Канинской тундре)

Общие

анат. — анатомическое	сек. — секунда
БГ — безударный гласный	УГ — ударный гласный
Гц — герц	уст. — устаревшее
Д — длительность	ФС — фонетическое слово
Д1 — длительность гласного первого слога	числ. колич. — количественное числительное
Д2 — длительность гласного второго слога	ЧОТ — частота основного тона
дБ — децибел	ЧОТ1 — частота основного тона гласного первого слога
зоол. — зоологическое	ЧОТ2 — частота основного тона гласного второго слога
И — интенсивность	этно. — этническое
И1 — интенсивность гласного первого слога	1С — первый слог
И2 — интенсивность гласного второго слога	2С — второй слог
макс.И — максимальная (пиковая) интенсивность	С — согласный
ср.И — средняя интенсивность	der. — дериват
иносказ. — иносказательное	kompos. — сложное слово, композит
инф. — информант	PL — множественное число
м. б. — может быть	V — гласный
мсек. — миллисекунда	

ПМАГ 2011 — полевые материалы автора по гыданскому диалекту тундрового наречия ненецкого языка (ЯНАО, Тазовский район, с. Гыда; сентябрь 2011 г.)

ПМАК 2011 — полевые материалы автора по канинскому диалекту тундрового наречия ненецкого языка (НАО, Заполярный район, с. Ома и Канинская тундра; май—июнь 2011 г.)

ПМАЯ 2010 — полевые материалы автора по ямальскому диалекту тундрового наречия ненецкого языка (ЯНАО, Ямальский район, с. Сё-Яха и Тамбейская, северно-ямальская, тундра; апрель—сентябрь 2010 г.)

Литература

- Аванесов 1956 — Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов 2005 — Аванесов Р. И. Из истории Московской фонологической школы (фрагменты беседы) // Русский язык в научном освещении. 2005, 1 (9). С. 214—228.
- Аванесов, Сидоров 1945 — Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1945.

- Алпатов 2005 — *Алпатов В. М.* Московская фонологическая школа // История лингвистических учений. 4-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 256—260.
- Амелина 2011 — *Амелина М. К.* Акцентные характеристики непроемных имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть I. Ямальский и канинский диалекты // УАИ. 2011, 2 (5). С. 7—38.
- Баданова 2007 — *Баданова Т. А.* Акустические параметры словесного ударения в русском, алтайском и других тюркских языках // <http://www.e-lib.gasu.ru/vmu/arhive/2007/01/15.pdf>, 2007.
- Бармич 1969 — *Бармич М. Я.* Бытовая лексика канинского говора ненецкого языка // Языки и фольклор народов Севера. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 383. Л., 1969. С. 203—251.
- Бондарко 1977 — *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- Бурькин 2000 — *Бурькин А. А.* Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности (обзор) // Язык и речевая деятельность. Т. 3. Ч.1. СПб., 2000. С.150—180.
- Венцов, Малинникова 1981 — *Венцов А. В., Малинникова Т. Г.* Моделирование субъективного механизма сравнения длительностей // Исследование моделей речеобразования и речевосприятия. Л., 1981.
- Выучейская 1954 — *Выучейская А. И.* Некоторые фонетические особенности колгуевского говора ненецкого языка // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 101. Л., 1954. С. 321—327.
- Зиндер 1948 — *Зиндер Л. Р.* Экспериментальное изучение фонетики северных языков // ИАН ОЛЯ. Т. 7. Вып. 6. М., 1948. С. 579—581.
- Зиндер 2007 — *Зиндер Л. Р.* Еще об «ы» и «и» // Общая фонетика и избранные статьи. М., 2007. С. 417—421.
- Кодзасов 1991 — *Кодзасов С. В.* Пространство просодических возможностей и акцентная эволюция // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. М., 1991. С. 108—112.
- Кривнова 1991 — *Кривнова О. Ф.* Препаузальное продление гласных в связном тексте // Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара «АРСО—16». М., 1991. С. 153—154.
- Кривнова 2004 — *Кривнова О. Ф.* Длительность как средство реализации словесного ударения в тексте (сопоставительный анализ разных способов оценки выраженности ударения в слове) // Язык и речь: Проблемы и решения. М., 2004. С. 77—99.
- Люблинская 1988 — *Люблинская М. Д.* О консонантизме таймырского говора ненецкого языка // Лингвистические исследования — 1988. Языковые единицы и методы их исследования. Л., 1988. С. 94—98.
- Люблинская 2007 — *Люблинская М. Д.* В защиту фонологии (на материале ненецкого языка) // Альманах-2007: Языки народов России / Отв. ред. *Асиновский А. С., Раднаева Л. Д.* СПб., 2007. С. 26—31.
- Наделяев 1981 — *Наделяев В. М.* Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири: История и перспективы. Новосибирск, 1981. С. 11—37.
- Панов 1967 — *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967.
- Попова 1966а — *Попова Я. Н.* Заметки о системе вокализма ямальского диалекта ненецкого языка // Вопросы языка и литературы. Вып. 1. Ч. 2. Новосибирск, 1966. С. 47—58.
- Попова 1966б — *Попова Я. Н.* Некоторые особенности системы консонантизма ямальского диалекта ненецкого языка // Вопросы языка и литературы. Вып. 1. Ч. 2. Новосибирск, 1966. С. 59—68.
- Попова 1966в — *Попова Я. Н.* Фонетическая система ямальского диалекта ненецкого языка // Тезисы докладов научно-технической конференции молодых ученых и специалистов (секция «Гуманитарные науки»). Новосибирск, 1966. С. 52—54.
- Попова 1973 — *Попова Я. Н.* Фонетические особенности трех подговоров тазовского говора ненецкого языка в области гласных // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 199—211.
- Попова 1974 — *Попова Я. Н.* О характере некоторых фонетических явлений в процессе формирования ненецкого языка // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 65—80.
- Попова 1978 — *Попова Я. Н.* Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. М., 1978.
- Попова 1980 — *Попова Я. Н.* Консонантные расхождения в подговорах тазовского говора ненецкого языка // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 215—226.
- Терещенко 1956 — *Терещенко Н. М.* Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л., 1956.
- Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Терещенко 1966 — *Терещенко Н. М.* Ненецкий язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 376—395.
- Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008.
- Хелимский 1976 — *Хелимский Е. А.* Об одном переходном северносамодийском диалекте (к исторической диалектологии ненецкого языка) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976. С. 89—93.
- Хелимский 2000а — *Хелимский Е. А.* Прасамодийские **ɣ* и **ɣ̃*: Прауральские источники и нганасанские рефлекс-сы // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 196—201.
- Хелимский 2000б — *Хелимский Е. А.* Об одном переходном северносамодийском диалекте (к исторической диалектологии ненецкого языка) // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 50—55.

Щерба 1957 — *Щерба Л. В.* Теория русского письма // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 144—179.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (Castrelianumin toimitteita, 17.)

Janhunen 1980 — *Janhunen J.* Samojedologian peruskurssin luentomonisteet. Helsinki, 1980.

Kavitskaya, Staroverov 2008 — *Kavitskaya D., Staroverov P.* Opacity in Tundra Nenets // Proceedings of the 27th West Coast Conference on Formal Linguistics / Ed. *Abner N., Bishop J.* Somerville, 2008. P. 274—282 (<http://www.lingref.com/cpp/wccfl/27/abstract1841.html>).

Klatt 1976 — *Klatt D.* Linguistic uses of segmental duration in English: Acoustic and perceptual evidence // Journal of the Acoustical Society of America. 1976, 59. P. 1208—1221.

Lehiste 1970 — *Lehiste I.* Suprasegmentals. Cambridge, 1970.

Salminen 1997 — *Salminen T.* Tundra Nenets inflection // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 227. Helsinki, 1997.

Salminen 2007 — *Salminen T.* Notes on Forest Nenets phonology // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 2007. P. 349—372. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 253.)

Staroverov 2006 — *Staroverov P.* Vowel deletion and stress in Tundra Nenets // Proceedings of the First Central European Student Conference in Linguistics / Ed. *Gyuris B.* // http://www.nytud.hu/cescl/proceedings/Peter_Staroverov_CESCL.pdf, 2006.

РЕЗЮМЕ

Данная статья посвящена вопросам супraseгментной фонетики одного из крайневосточных диалектов тундрового наречия ненецкого языка — гыданского (говора с. Гыда Тазовского района ЯНАО). В ней выявлены основные и второстепенные акустические корреляты ударения в двусложных именах с однородным и неоднородным вокалическим составом в гыданском диалекте, а также проведен сопоставительный анализ акустических характеристик словесного акцента в гыданском, ямальском и канинском диалектах тундрового наречия ненецкого языка.

SUMMARY

The article deals with the problems of suprasegmental phonetics of one of the easternmost dialects of the Tundra Nenets language — the Gydan dialect (the subdialect of Gyda, Tazovski region of YaNAO). The basic and secondary acoustic correlates of stress in the disyllabic nouns with homogeneous and heterogeneous vocalic structure in the Gydan dialect are considered in the article. The comparative analysis of the acoustic characteristics of word accent in the Gydan, Yamal and Canin dialects of Tundra Nenets is presented in the article.

Ключевые слова: ненецкий язык, тундровые диалекты, гыданский диалект, ударение, словесный акцент, акустические корреляты ударения

Key words: Tundra Nenets, the Gydan dialect, stress, word accent, acoustic correlates of stress

Тюркские конструкции со вспомогательным глаголом и деепричастием на -р (на материале языков кыпчакской группы)

Введение

Главная задача, поставленная в данной работе, — «инвентаризация» грамматической семантики тюркских вспомогательных глаголов и установление связи грамматических значений, передаваемых такими глаголами, с их лексическим значением¹. Работы подобного рода осуществлялись на материале по разным группам тюркской языковой семьи: см., например, [Anderson 2004; Bacanlı 2009] для алтайского языка, а также монографию [Тазранова 2005] о грамматической семантике глаголов бытия (глаголов позиции и ненаправленного движения).

Данный подход обладает, однако, рядом особенностей, предопределяющих как плюсы, так и минусы исследования. В числе негативных сторон следует отметить, прежде всего, тот факт, что он не позволяет точно определить грамматические функции той или иной вспомогательной глагольной лексемы: чтобы узнать точное грамматическое значение или, вернее, набор значений некоторого глагола, необходимо для каждого исследуемого языка получить интерпретации сочетания данной лексики с единицами всех акциональных классов (как это делается, например, в [Лютикова и др. 2006; Шлуинский 2006]).

Основными задачами данной статьи, напротив, являются описание лексического состава и грамматических функций вспомогательных глаголов и поиск общих, инвариантных грамматических значений, наблюдаемых в языках кыпчакской группы и шире — в тюркских языках в целом. В работе предпринимается попытка сформулировать инвариантное для разных тюркских языков грамматическое значение того или иного вспомогательного глагола. Таким образом, каждый из исследуемых нами глаголов оказывается снабжен определенным грамматическим ярлыком или ярлыками, располагая которыми можно строить предположения о наличии / отсутствии регулярной связи между лексическим и грамматическим значениями. Данные ярлыки носят абстрактный характер и не претендуют на окончательную грамматическую характеристику того или иного глагола, однако без них системные наблюдения над связью лексической и грамматической семантики представляются невозможными. Отметим, что подобный метод использовался, например, при исследовании тюркских языков Алтая и Саян Г. Андерсоном (см., например, [Anderson 2004: 30—33], где представлена самая базовая грамматическая семантика вспомогательных глаголов без учета их взаимодействия с акциональной структурой глаголов разных типов). В том случае, если в рассматриваемых языках имеет место варьирование грамматического значения некоторого глагола (см. пункт №22 с глаголом *bol*), в статье делается попытка проиллюстрировать все имеющиеся значения.

В данной работе ставится также задача определить зависимость приобретенного глаголом грамматического значения от тематического класса, к которому он принадлежит. Для решения этой задачи все тюркские вспомогательные глаголы разбиты нами на шесть тематических классов: глаголы позиции и ненаправленного движения, глаголы смены собственности, глаголы изменения пространственного положения пациенса, глаголы направленного движения, глаголы восприятия, бытийные глаголы. Представляется, что выделение подобных классов позволяет сделать наблюдения о зависимости грамматической семантики глагола от его лексического значения.

Объект и методы исследования

В тюркских языках представлен класс глаголов, имеющих одновременно два варианта употребления: в одном из них такие глаголы идентичны обычным смысловым глаголам, в другом — выполняют грамматическую функцию подобно вспомогательным глаголам 'быть' и 'иметь' в европейских языках. В тюркологической литературе такие глаголы обычно называются вспомогательными, а образования с их участием — сложными или составными глаголами, аналитическими формами и т. д. [Котвич 1962;

¹ Автор выражает большую благодарность А. Б. Шлуинскому, С. Г. Татевосову и Е. А. Лютиковой за предоставленные ими данные и источники, а также А. В. Дыбо и И. А. Невской — за обсуждение многих проблем, связанных с темой данной работы.

СИГТЯ 1988; СИГТЯ 2006]. Одно из главных отличий таких тюркских глаголов от европейских состоит в их количестве: обычно такой подкласс вспомогательных глаголов составляет около 20—30 единиц [Щербак 1981: 135].

В данной работе мы ограничиваемся рассмотрением конструкций с деепричастиями на *-p* (и их аналогами: в чувашском — деепричастиями на *-sa*, в якутском — на *-(A)n*), образованными от смысловых глаголов. В статье описаны 23 основных, наиболее распространенных вспомогательных глагола. Исключение составляют глаголы со значениями ‘начинать’ и ‘кончать’: их семантика достаточно тривиальна; к тому же, они, в отличие от остальных глаголов с грамматическими функциями, лишены собственно лексического употребления (т. е. не могут передавать значений типа ‘брать’, ‘стоять’ и т. д.), а употребляются только вместе с другими глаголами, аспектуальные, модальные и прочие характеристики которых они модифицируют. За рамками описания остается также небольшое количество глаголов типа татарского *бас-* ‘давить’, выступающих в качестве вспомогательных в тюркских языках не столь регулярно.

Основной языковой материал был собран по казахскому, киргизскому, татарскому, кумыкскому и карачаево-балкарскому языкам; к исследованию привлекались также данные чувашского, алтайских, саянских, якутского, уйгурского и других тюркских языков. Сведения по первым пяти языкам были получены в ходе опроса носителей, а также из следующих источников:

1) по казахскому языку — [Оралбаева 1989], [Гуймебаев 1991, 1992], грамматический справочник, размещенный на сайте <http://techkz.kz>, и словарь — на сайте <http://sozdik.kz/>;

2) по киргизскому языку — [Юдахин 1985];

3) по татарскому языку — [Закиева, Ганиева 1993], [РТС 2001], [Ганиев 2003], интернет-ресурс <http://tatar.com.ru>;

4) по кумыкскому языку — [Джанмавов 1967], [Гаджиев 2002];

5) по карачаево-балкарскому языку — [Текуев 1979], словарь на сайте www.balkaria.narod.ru.

Примеры по этим пяти языкам приведены из вышеперечисленных источников или получены в результате опроса носителей. Описания глаголов снабжены отсылкой к древнетюркской форме по [ДТС 1969].

Статья разделена на шесть тематических рубрик в соответствии с выделенными лексическими типами глаголов. Описание каждого глагола представляет собой отдельную анкету с уникальным номером, способ представления данных по каждому глаголу является стандартным внутри всей работы. Анкета начинается с представления фонетической оболочки описываемого глагола в древнетюркском и пяти перечисленных выше языках; далее следуют грамматические ярлыки, обнаруженные нами в представленных выше источниках, где они используются для описания функций данного глагола в конкретном языке. Термины и описания, используемые авторами дескриптивных грамматик, зачастую носят условный характер, например: «стремительность» (Э. Н. Гаджиев о кумыкском *бер*), «значение интенсивности и внезапности» (Ф. А. Ганиев о татарском *ташла*), «констатация факта с модальным оттенком» (М. М. Текуев о карачаево-балкарском *чыкъ*) и т. д. Однако мы предпочли привести эти не всегда «прозрачные» характеристики в неизменном виде, снабдив их необходимыми примерами. После примеров из выбранных нами пяти языков следует подробный анализ материала, сопровождающийся примерами из других тюркских языков. В ходе такого анализа также предлагаются обнаруженные нами параллели с русскими конструкциями и примеры грамматикализации тюркских вспомогательных глаголов в морфологические показатели. Для некоторых глаголов (в тех случаях, когда это доступно по грамматическим описаниям) обсуждаются сочетаемостные ограничения на переходность и другие особенности дистрибуции. В конце анкеты формулируется инвариантное значение (или несколько инвариантных значений) описываемого глагола.

1) Глаголы позиции и ненаправленного движения

1. ‘стоять’

др.-тюрк. *tur*, каз. *тұр*, кирг. *тур*, тат. *тор*, кум. *тур*, кбалк. *тур*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	настоящее время
кирг.	длительность или постоянство действия, пребывание в каком-л. состоянии
тат.	длительность, регулярность или постоянство действия, пребывание в каком-л. состоянии; продолжение действия, повторяемость, длительность и регулярность действия; действие, происходящее постоянно или регулярно

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
кум.	действие происходит непосредственно в момент речи; многократность действия; действие носит временный характер; действие, которое произошло недавно
кбалк.	длительное действие одновременно с моментом речи, начатое до момента речи; действие, происходящее постоянно, непрерывно; факт с оттенком постфакта; многократность действия, проявляющаяся как постоянное свойство; результат действия, полная его исчерпанность

(1) тат.²

⟨...⟩ *sixri ber moң* ⟨...⟩ *өзлексез явы-п тор-ды*
 волшебный один мелодия постоянно падать-CONV стоять-PST
 ⟨...⟩ ‘волшебным дождем лилась музыка’

Пример демонстрирует длительное действие, внутри которого помещен момент речи.

2. ‘л е ж а т ь’

др.-тюрк. *jat*, каз. *жатыр*, кирг. *жат*, тат. *ят*, кум. *ят*, кбалк. *жата*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	продолжающееся, незаконченное действие
кирг.	длительность действия
тат.	выражает длительность, обычность, постоянство; соответствие действия данному моменту действия; длительное, продолжительное действие безотносительно к его пределу
кум.	— ³
кбалк.	—

(2) тат.

безгә кыш буе мэдрәсәдә киб-еп ят-кан шәкертләргә ⟨...⟩
 нам зима в. течение в. медресе сохнуть-CONV лежать-PFCT шекеры
 ‘Нам, сохнувшим всю зиму в медресе шекерам, ⟨...⟩’

Пример на длительное действие, наблюдаемое «снаружи» — после того, как оно уже завершилось.

3. ‘с и д е т ь’

др.-тюрк. *oltur*, каз. *отыр*, кирг. *олтур*, тат. *утыр*, кум. *олтур*, кбалк. *олтур*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	продолжительность действия
кирг.	длительность и непрерывность действия
тат.	продолжительность, длительность действия в одном месте; значение непрерывности, длительности
кум.	неожиданное действие, которое не одобряется говорящим; говорящий не был очевидцем совершения действия
кбалк.	—

(3) кирг.

Акмат, биз менен суйле-ш-уп олтур-уп, ачуулан-а кетти
 Акмат мы с говорить-REC-CONV сидеть-CONV сердиться-CONV уходить
 ‘Акмат, разговаривая с нами, (вдруг) рассердился’.

Фоновый процесс, длительность которого подчеркнута вспомогательным глаголом, включает в себя другой процесс.

² Здесь и далее глоссируются только релевантные для данной работы глагольные формы.

³ Здесь и далее такое обозначение используется, если в исследованных грамматиках глагол специально не описан.

4. 'ХОДИТЬ'

др.-тюрк. *jürü*, каз. *жүр*, кирг. *жур*, тат. *йөр*, кум. *юрю*, кбалк. *жюрю*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	придает действию основного глагола характер длительности или постоянства
кирг.	придает действию характер длительности, постоянства
тат.	длительное, постоянное действие; длительное действие, которое совершается во время движения или перемещения
кум.	действие, происходящее регулярно, постоянно
кбалк.	длительное действие; действие, воспринимаемое как свойство; повторяющиеся действия

(4) каз.

ол унемі орындалмаган үш арманым бар деп айтып жүреді е-кен
он все.время не.выполненный три мечта-1SG есть CONJ говорить ходить-PST AUX-PFCT
'Он говорил все время: «У меня есть три несбывшихся мечты»'.

Казахский пример демонстрирует регулярно повторяющееся действие (хабитуалис).

Как правило, глаголы данной группы выражают длительность действия в прошлом или настоящем и передают грамматическое значение настоящего времени, прогрессива, имперфектива; в настоящем времени допустима хабитуальная интерпретация. Современные казахские грамматики часто апеллируют к данным глаголам как показателям настоящего времени.

В алтайском языке длительные, многократные, повторяющиеся, долго продолжающиеся действия задаются глаголами *тур-*, *јат-*, *отур-* и *јүр-* [Тазранова 2005]; *тур-* — длительность совершения действия, *јат-* — совершение действия в данный момент [Баскаков 1966]. Узбекские *тур-*, *ўтир-* и *юр-* «передают семантику дуративного способа действия» [Насилов 1989: 147].

В тюркских языках эта группа глаголов встречается в грамматической функции наиболее регулярно: «Так, в большинстве тюркских языков настоящее время, как правило, формируется из причастия на *-ar / -er* сложного глагола, состоящего, в свою очередь, из деепричастия на *-yp / -ip / -p* или на *-a / -e / -j*, основного глагола + вспомогательный глагол (*јат-*, *тур-*, *јата тур-*, *јүр-* в различной степени морфологической редукции этих конструктивных морфологических элементов), т. е. от *kele јатар*, 'я подхожу в данный момент', в староузбекском языке до *gel-j-ar yn < gele-jat-ar-man* в современном туркменском языке. Таким образом, данная форма является не чисто временной, а видовременной, в которой категория вида выражается либо аналитически в виде вспомогательного глагола *јат-* в форме причастия будущего времени или комплекса *јат-а тур-ur*, либо синтетически (из стяжения вспомогательного глагола) в виде аффикса *-j* в туркменском языке» [СИГТЯ 1988: 328]; см. также [Котвич 1962]. Другая, более правдоподобная точка зрения на туркменский презенс состоит в том, что он, как и аналогичный показатель в турецком и азербайджанском языках, возводится к глаголу *јор-* 'ходить' [Щербак 1981:74; Грунина 2002].

Интересен вопрос о распределении данных глаголов в каждом конкретном языке. В [Щербак 1981:137] находим наблюдение о том, что употребление вспомогательного глагола *јор(у)-* характерно для языков огузской группы, *о(л)тур-* / *олур-* употребляется в ряде кыпчакских, тувинском, хакасском и шорском языках, *тур-* — во всех языках кроме огузских. Представляется, что наиболее нейтральным, т. е. обладающим более общим, неспецифицированным значением продолженного действия и демонстрирующим наименьшие лексические ограничения, по крайней мере в языках кыпчакской группы, является глагол *тур-*⁴. Отметим также, что, как утверждает в [Котвич 1962: 210], тюркским основам со зна-

⁴ Однако, как отмечает А. Б. Шлуинский, данный глагол регулярно является источником «результативно-статальной полисемии»; это можно наблюдать, например, в кбалк. языке. «Конструкция на *-p тура* в эпизодическом употреблении, таким образом, полисемична: в ряде случаев она описывает некоторую неопределенную ситуацию в настоящем, а в ряде случаев — результат некоторой предельной ситуации в прошлом» [Лютикова и др. 2006: 367]. Принципиальным представляется то, что «конкретная интерпретация конструкции "деепричастие + *tur*" зависит от свойств исходного глагола (его акционального класса), формы деепричастия (на *-p* или на гласную) и формы вспомогательного глагола *tur*» [там же: 402]. Было указано также на тот факт, что грамматическая «многозначность» вспомогательного глагола *tur-* проистекает из того, что он «выражает и значение 'встать' и значение 'стоять', отсюда и его "двойственность" в плане выражения им акциональных и аспектуальных значений». Однако результативное значение является в целом гораздо менее регулярным в тюркских языках, в то время как значение длитель-

чением 'идти' *yörü-, yüri-* и *bar-* в этой функции соответствуют монгольская и маньчжурская *yabu-*. Данная группа глаголов в казахском языке, где все они, по мнению подавляющего большинства авторов описательных и учебных казахских грамматик, выражают настоящее время, описывается следующим образом:

«*Отыр* указывает на действие, происходящее в данный момент речи. ⟨...⟩ *Олжас пен Арай шахмат ойнап отыр.* (Олжас и Арай играют в шахматы).

Жатыр придает действию постоянный характер и указывает на длительность: *Студенттер сабақ оқып жатыр.* (Студенты учатся). *Әжем ұйықтап жатыр.* (Бабушка спит).

Тұр придает действию характер повторения, указывая на то, что действие происходит в данный момент речи: *Әнші сахнада ән айтып тұр.* (Певец на сцене поет песню). ⟨...⟩ *Айжан, айналайын, жиі келіп тұр.* (Айжан, айналайн, заходи почаще).

Жүр указывает на продолжительность действий и их повторяемость: *Саят далада ойнап жүр.* (Саят играет на улице)» [ГСКЯ].

В некоторых тюркских языках данные глаголы выделяются в отдельный класс из-за того, что будучи употреблены в лексическом значении, они обладают отдельной парадигмой при образовании форм настоящего времени. Так, например, в туркменском языке настоящее время от обычных глаголов образуется прибавлением к суффиксу *-jар-*, восходящего к *jör-* 'ходить' [Щербак 1981: 74; Грунина 2002], личных окончаний, в то время как четыре описываемых туркменских глагола просто присоединяют личные окончания [Blacher 1996]. Похожим образом обстоит дело в казахском языке, с той лишь разницей, что в нем вспомогательные глаголы еще не грамматикализовались в суффиксы и простая форма настоящего времени от вспомогательных глаголов оказывается противопоставлена сложным (деепричастие на *-р* + вспомогательный глагол) формам обычных глаголов [ГСКЯ].

В ряде языков эти глаголы грамматикализовались в аффиксы (см. приведенные выше староузбекский, туркменский и азербайджанский примеры), о чем также пишет А. М. Щербак: «⟨...⟩ вспомогательных глаголов *тур-, jор-, jat-, отур-*, которые подверглись значительной грамматикализации и находятся на разных ступенях превращений в обычные словоформы ⟨...⟩» [Щербак 1981: 74]. Так, в тувинском языке показатель *-тыр-* образует «прошедшее повествовательное время»: *деп-тир* 'оказывается, он сказал', 'и вот он говорит'; *алып-тыр* 'оказывается, он взял', 'и вот он берет' [Исхаков, Пальмбах 1961]. Также «примером окончательно выделившихся морфологических образований могут служить формы типа турецкого настоящего конкретного на *jор-* и узбекского настоящего данного момента на *jan-*, ср.: тур. *gәli jорум*, узб. *kәl(a)janман*» [Щербак 1981: 75]. Похожая ситуация наблюдается в чувашском языке, где показатель настоящего времени *-t-* предположительно восходит к *tur-* [Левитская 1976: 60—61]. См. также приведенные в [Левитская 1976] глагольные парадигмы других тюркских языков, [Anderson 2004] для алтайских и саянских языков, [Мудрак 2009: 59—61].

Примечательно, что некоторые употребления глаголов позиции в русском языке напоминают те значения, которые, очевидно, явились отправной точкой грамматикализации значения длительности / одновременности в тюркских языках, ср.: *Я стоял курил на балконе // когда эта девятка пролетела по Пролетарской; Гуглил часа 3—4 // сидел читал тут топики.* В качестве аналога среди глаголов ненаправленного движения в русском языке можно привести глагол ненаправленного / однонаправленного движения *пойти*, который в русском может означать начальную фазу процесса: *Быстро засунул в ремингтон чистый лист и пошел барабанить по клавишам двумя только пальцами.*

Подводя итог, можно сказать, что для данной группы глаголов характерны следующие грамматические функции: прогрессив / имперфектив / хабитуалис.

2) Глаголы смены собственности

Оба тюркских глагола: *al-* 'брать' и *ber-* 'давать' — регулярно передают грамматическое значение аппликатива, вводя в аргументную структуру нового участника, являющегося бенефициантом описываемой ситуации. При этом *al-* делает бенефициантом субъект основного глагола ('сделать нечто для себя'), а *ber-* — некоторое третье лицо ('сделать нечто для кого-то другого'); см., например, [Rentsch 2006] об уйгурском *al-* и развившемся из него суффиксе *-ival-* (*ip-* + *al-* > *-ival-*). Кроме того, у *al-* и *ber-* есть

ности оказывается представлено (почти) всегда. См., например, [Bacanli 2009: 182] (на материале алтайских языков): "In any event, *-p tur-* (CONV B + stand) is used as a nontransformative marker which blocks transformative readings". См. также [Rentszh 2006: 211] для уйгурского: "Durativity [+ dur], i. e. the actional content is presented as having a certain extension in time".

также некоторые аспектуальные значения, о которых см. ниже. Здесь в первую очередь будут описаны аспектуальные функции данных глаголов, т. к. аппликативное употребление достаточно «прозрачно» семантически и имеет мало различий в конкретных тюркских языках.

5. ‘б р а т ь’

др.-тюрк. *al*, каз. *ал*, кирг. *ал*, тат. *ал*, кум. *ал*, кбалк. *ал*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	действующее лицо совершает данное действие для себя или в отношении себя
кирг.	действие для себя
тат.	совершение действия в короткий промежуток времени; завершение, результат действия; действие происходит в продолжение короткого времени в известных границах, пределах; действие совершается в интересах субъекта
кум.	действие, происходящее энергично, интенсивно
кбалк.	действие для себя, происходящее энергично, быстро

(5) кирг.

Курманбек дарылан-уп ал-ды
Курманбек лечиться-CONV дать-PST
‘Курманбек полечился’.

(6) кбалк.

адресин жаз-ып ал-ды-ла
адрес писать-CONV дать-PST-PL
‘Они записали адрес’.

Предположительно, оба приведенных примера (однозначна такая интерпретация лишь в первом) передают ограниченность действия во времени, причем такое действие необязательно заканчивается достижением результата.

Отметим, что в русском языке также существуют конструкции с глаголами *взять*, *взяться* и *браться*, акцентирующие ту или иную фазу события. *Взять* (сочетается только с глаголами совершенного вида) вводит неожиданно наступившие действия: *А он возьми (да / и) сбеги; Тогда еще историк взял да и спросил меня: «Какая фамилия у Петра Первого?»*. Рефлексивные глаголы *взяться* и *браться* задают начальную фазу некоторого процесса: *Он брался / взялся изучать английский / за изучение английского*. При этом *браться* (но не *взяться*) вводит так называемые антирезультативные действия (т. е. действия, не достигшие предполагаемого результата): *Он несколько раз брался / *взялся изучать английский*.

Как указано в [Шлуинский 2001], чувашский глагол *il-* ‘брать’ может функционировать как делимитатив (‘почитать’), семельфактив (‘куснуть’) и антирезультатив (‘потерять и найти’); в [Шлуинский 2006: 34] говорится, что данный чувашский глагол образует «аттенуативные конструкции, значение которых в литературе характеризуется как кратковременность действия». В [Шлуинский 2009] тубаларский глагол *al-* рассматривается как имеющий аспектуальное значение делимитатива; в [Bacanli 2009] данному глаголу в алтайских языках приписывается инхоативно-ингрессивная функция. Обобщая сказанное (в основном на материале, собранном А. Б. Шлуинским), аспектуальное значение глагола со значением ‘брать’ можно охарактеризовать как ограничивающее временные рамки события: «Указание на ограниченную во времени результирующую фазу ситуации, как наиболее распространенный случай, можно признать центральным, прототипическим значением конструкции со вспомогательным глаголом *il-*» [Шлуинский 2006: 40].

Часто глагол *al-* упоминается также как передающий значение возможности, однако, по нашим данным, такая интерпретация возникает только, если смысловой глагол оформляется конвербом на гласный, а не *-p*, мы же здесь ограничиваемся рассмотрением *-p*-конвербов. Именно к этому типу конструкций (конверб на гласный) относится большинство примеров превращения *al-* в суффиксальный показатель: например, чувашская морфема *-aj-* со значением возможности, скорее всего, восходит именно к такой конструкции (ср. также в кбалк., туб., кум.) [Левитская 1976: 54]. Однако в уйгурском языке *al-* грамматикализуется именно от конверба на *-p*: *tep-iw-al-d-im* ‘я это нашел’ (‘и это не мое, я воспользовался шансом’) [Bridges 2008: 29].

Грамматическая функция: аппликатив / лимитатив.

6. 'дать'

др.-тюрк. *ber*, каз. *бер*, кирг. *бер*, тат. *бир*, кум. *бер*, кбалк. *бер*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	действие совершается по поручению другого лица или для другого лица
кирг.	действие для другого лица; придает действию оттенок решительности, категоричности
тат.	результативное действие совершается по поручению другого лица или для другого лица; действие производится не для говорящего, а для другого лица
кум.	стремительность, быстрота совершения действия; законченность, завершенность действия в пользу другого лица
кбалк.	—

(7) кирг.

бир шырбазды сою-п бер-ди
 один откормленный ягненок резать-CONV давать-PST
 '(Он) зарезал откормленного ягненка'.

(8) каз.

автомобиль тарт-ып бер-дi
 машина тянуть-CONV давать-PST
 'Машина трогается'.

Если киргизский пример укладывается в рамки ярлыков «решительность» и «категоричность», то в случае казахского *бер*, для которого подобную интерпретацию обнаружить не удалось, мы, скорее всего, имеем дело с инхоативным значением. Как указывается в [Шлуинский 2009: 7], в тубаларском данный глагол выражает значение континуатива / инхоатива — «продолжение действия» ('Вася начал открывать дверь кому-то'). Примерно такое же значение этот глагол имеет в тувинском языке: «В отличие от других вспомогательных глаголов, выражающих начинательный подвид, здесь мысль о начале действия соединяется с мыслью о его продолжении, “я не только начал читать (а потом, может быть, бросил чтение), но именно принялся читать, т. е. начал и продолжаю читать”» [Исхаков, Пальмбах 1961]. Значение спонтанности / быстроты приписывается показателю *-iver-* (< *-p + ber-*) в уйгурском языке [Rentzsch 2006], при этом о полноценном вспомогательном глаголе *ber-* говорится как о передающем (лишь?) бенефактивное значение [Bridges 2008: 81].

Представляется, что русская императивная форма несовершенного вида *давай* также обозначает вхождение в некоторый процесс / состояние и пребывание в нем: *Ну и она давай рассказывать*. Интересно, что в русском языке некоторые схожие употребления формы *давай* (а именно побуждение к началу некоторого действия) также допускают выражение участника, в пользу которого происходит или должно происходить действие: *Ты мне давай лучше производство стендов наладь*.

Грамматическая функция: аппликатив / инхоатив / результатив.

3) Глаголы изменения пространственного положения пациенса

Здесь будут описаны трехместные предикаты — глаголы, описывающие ситуацию, при которой тематический (пациентивный) участник изменяет свое положение в пространстве.

7. 'посылать'

др.-тюрк. *jibär*, каз. *жібер*, кирг. *жибер / ир / ий*, тат. *жибәр*, кум. *йибер*, кбалк. *жибер*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	оттенок завершенности
кирг.	характер длительности, постоянства
тат.	начало действия; быстрота, внезапность или интенсивность действия; внезапное развертывание действия; интенсивное проявление действия
кум.	энергичное начало или развертывание действия; действие совершается внезапно, неожиданно для исполнителя
кбалк.	состояние лица в результате внезапного совершения действия; действие, которое чуть не совершилось

(9) тат.

⟨...⟩ *чиркану тойгысы йөрәк-не өшет-еп жибәр-гән-дәй бул-ды*
 отвращение чувство сердце-ACC морозить-CONV посылать-PFCT-CMP быть-PST
 ⟨...⟩ ‘(я) похолодел от ужаса’ (букв. ‘чувство отвращения заморозило мое сердце’)

(10) кбалк.

къызчыкъ жырла-п ий-ди
 девушка петь-CONV посылать-PST
 ‘Девушка запела’.

Татарский пример демонстрирует переход в некоторое конечное состояние, карачаево-балкарский — вхождение в процесс.

В целом, данный глагол довольно редко упоминается в списках вспомогательных глаголов в грамматиках конкретных тюркских языков. В некоторых тюркских языках его дистрибуция ограничена или он вообще не используется; это часто объясняется тем, что данный глагол является относительно недавним образованием, сложившимся из *idu + ber-* (деепричастие на гласный от глагола **id-* ‘посылать’ + вспомогательный глагол *ber-*)⁵. По замечанию К. К. Юдахина, киргизский глагол *жибер-* близок по функциям к вспомогательным *ир-* и *ий-*, которые, как можно предположить, также восходят к *id-* [Юдахин 1985: 253]; узбекский глагол *юбор-* задает начало неопределенных процессов [Насилов 1989: 145].

Хакасское слово *ыс-* ‘посылать’ «в качестве вспомогательного глагола указывает на решительность, энергичность действия. Вспомогательный глагол *ыс-* в современном хакасском языке превратился уже в аффикс» [Баскаков и др. 1953: 433]. По замечанию И. А. Невской, «*ыс-* — это, пожалуй, наиболее распространенный глагол в Сибири, образующий перфектив». Сюда же можно отнести тубаларский глагол *ij-* ‘отправлять’, «указывающий на однократность и внезапность действия», а также некоторые другие глаголы со схожей семантикой и функциями в других тюркских языках.

Грамматическая функция: результатив.

8. ‘к л а с т ь’

др.-тюрк. *sal*, каз. *сал*, кирг. *сал*, тат. *сал*, кум. *сал*, кбалк. *сал*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	завершенность, внезапность или неожиданность совершенного действия
кирг.	завершенность, решительность, быстрота или неожиданность, необдуманность действия
тат.	результативное действие или внезапное или неожиданное совершение действия; действие, которое происходит неожиданно, внезапно
кум.	—
кбалк.	оттенок быстроты, решительности

(11) кирг.

⟨...⟩ *сиздин аялыңызга айт-ып сал-ды*
 ваш жена говорить-CONV класть-PST
 ⟨...⟩ ‘(она) Вашей жене рассказала (выболтала)’

(12) кбалк.

Малжей биринчи баразаны жыры-п сал-ды
 Малжей первый борозда пахать-CONV класть-PST
 ‘Малжей решительно провел первую борозду’.

Исходя из грамматических описаний, можно утверждать, что значение данного вспомогательного глагола связано с действием, протяженность которого существенно ограничивается во времени, причем это может происходить с тем или иным «количеством контроля» со стороны агенса: так, действие в примере (12) представляется гораздо более контролируемым, чем в (11).

Глагол *сал* распространен несколько шире, чем предыдущий. Неосознанный, случайный характер действия приписывается данному глаголу в уйгурском языке [Bridges 2008]. В [Шлуинский 2009: 43] ту-

⁵ Выражаю благодарность рецензентам за это наблюдение и замечание о происхождении глагола *жибер-*. См., однако, в [Грунина 2002: 44] о туркм. *iber-*: «Вряд ли из **id ber-*, как у Севортяна [ЭСТЯ 1978: 322]: ср. наличие рефлексов начального **j-* в кыпчакском материале; ср. также якутские и чувашские соответствия (як. *ip-* ‘улизнуть’, чув. *jaBыр-* ‘быстро двигаться’). Видимо, **jip-* > **ip-*».

баларскому глаголу *сал-* приписывается функция пунктива, задающего при сочетании с предельными предикатами точку кульминации, а с неопределёнными — вступление в состояние / процесс. В [Bacanli 2009] утверждается, что *сал-* в алтайских языках передает значение ‘действие определенно завершилось’ (примеры: ‘взглянуть’, ‘спрятать’).

Интересно сравнить следующие примеры из казахского словаря для *сал* и *қой* (о *қой* подробнее см. ниже); ср. также пример (11): каз. *айтып салу* ‘высказать то, что было на душе’ (= «выговориться»), каз. *айтып қою* ‘сказать заранее; выдать секрет’ (= «проговориться»). Ориентируясь на русский перевод (варианты в скобках предложены мной), можно предположить, что *сал* и *қой*, оба передавая значение внезапного действия, отличаются наличием контроля над ситуацией: если *сал* задает действие, контролируемое агенсом, то в случае с *қой* такой контроль отсутствует. Основываясь на этих примерах из казахского языка, данные значения можно сравнить со значением глагола *шық* (см. пункт 15 в разделе о глаголах направленного движения): каз. *айтып шығу* ‘рассказать до конца; высказать, ничего не тая’ (= «высказаться»). Так, если при глаголах *сал* и *қой* ситуация рассматривается «извне», т. е. как событие, не имеющее внутреннего компонента, то глагол *шық* выделяет в смысловом глаголе ту фазу события, которая соответствует процессу и привносит значение завершения данного процесса.

Грамматическая функция: пунктив.

9. ‘ставить’

др.-тюрк. *qoj*, каз. *қой*, кирг. *кой*, тат. *куй*, кум. *кьой*, кбалк. *кьой*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	оттенок усиления
кирг.	оттенок усиления, неожиданности или быстроты
тат.	результативное действие
кум.	активное категорическое завершение действия; действие, происходящее неожиданно, вдруг; действие, которое осуществляется заблаговременно
кбалк.	действие, выполненное до конца; действие, которое вначале субъект не собирался совершать, т. е. действие неожиданное; действие, чуть не совершившееся

(13) кирг.

ич-ип кой
пить-CONV класть
‘выпей’ (всё или определенную дозу)

(14) кбалк.

танамы ёлтур-юп кьоя эдинг да
мой.теленка убить-CONV класть.CONV AUX.2SG PRT
‘Ты чуть не убил моего теленка’.

Киргизский пример представляет действие, для которого важно, чтобы оно завершилось либо достижением результирующего состояния (ср. рус. *выпей*), либо достижением временного предела (ср. рус. *попей*). Карачаево-балкарский пример, видимо, соответствует русскому *поубивал* (некоторое время).

Уйгурский глагол *qoj-* передает значение случайного, кратковременного действия, произведенного без усилий [Rentzch 2006; Bridges 2008] (ср. рус. *покоситься / бросить взгляд* в отличие от *смотреть*). В [Шлуинский 2009: 43—45] детально описана семантика тубаларского глагола *qoj-* (ср. описание *sal-*), которая для этих обоих глаголов сводится к тому, «чтобы выделить в ситуации некоторую точечную фазу, вынеся за пределы рассмотрения фазы динамические». Как утверждает А. Б. Шлуинский, «конструкция со вспомогательным глаголом *qoj-* ‘ставить’, в отличие от конструкции со вспомогательным глаголом *sal-*, ориентирована скорее на описание не финальной, а начальной точки кульминации» [Шлуинский 2009: 50]. Относительно чувашского глагола *хур-* ‘класть’ в [Шлуинский 2001: 4] утверждается, что он задает «действие, завершающееся покиданием объекта».

Отметим также, что значение пунктивности иногда пересекается с результативом. Так, в [Гаджиев 2002: 58] утверждается, что «вспомогательный глагол *кьой-* / *коу-* ‘оставить, оставлять’ в кумыкском и турецком языках обладает видовым значением результативности. Он образует бивербальную конструкцию, ⟨...⟩ выражающую завершенность, законченность, конечную фиксированность действия». Кроме

того, в [Шлуинский 2009: 43] утверждается, что в тубаларском языке глагол *qoj-* ‘ставить’ в своей грамматической функции синонимичен глаголу *qal-* ‘оставаться’, в то время как, по нашим представлениям, первый скорее можно охарактеризовать как пунктив, а второй — как результатив (см. ниже). Синонимичность кумыкских *къой* и *къал* отмечается также в [Джанмавов 1967]. Как утверждается в [Насилов 1989: 168], с помощью узбекского глагола *қўй-* «эксплицируется консеквентное состояние как результат завершённого процесса».

Грамматическая функция: пунктив / результатив (– контроль).

10. ‘бросать’

др.-тюрк. *taşla*, каз. *таста*, кирг. *ташта*, тат. *ташла*, кум. *ташла*, кбалк. *ат* (лексический аналог *ташла*, см. пункт 11)

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	законченность действия
кирг.	однократность и окончательность действия
тат.	результативное действие с оттенком неожиданности; быстрота, энергичность, законченность; превышение; ошибочность действия; значение интенсивности и внезапности, иногда и некоторой фамильярности
кум.	внезапная законченность, исчерпанность совершаемого субъектом действия; интенсивность достижения результата, где момент интенсивности эксплицирует семему ‘вдруг’
кбалк.	—

(15) кирг.

Сарыбай малдан кеч-ип ташта-ды
Сарыбай от.скота отказываться-CONV бросать-PST
‘Сарыбай (решительно) отрекся от своего скота’.

(16) кум.

Казбек душмангъа ювукъ да гелип, башын гес-ип ташла-ды
Казбек к.врагу близко PRT приходить его.голова рубить-CONV бросать-PST
‘Казбек, приблизившись к врагу, (резко) отрубил ему голову’.

В обоих примерах вспомогательный глагол присоединяется к глагольным основам, задающим ограниченные во времени события, которые имеют внутренний результат; причем употребление *ташта* / *ташла* призвано подчеркнуть краткость (спонтанность) данного действия.

Как указано в [Юдахин 1985: 217], в киргизском языке данный глагол «употребляется с некоторыми переходными глаголами» и «в этом значении часто совпадает со вспомогательными глаголами *ий-*, *жибер-*, *жазда-*». Уйгурский глагол *taşla-* (так же, как и уйг. *sal-* и *qoj-*) задает случайные, несознательные действия, происходящие внезапно, без усилий и контроля [Bridges 2008: 26, 30].

Кумыкский глагол *ташла-* «встречается не очень часто и содержит в себе видовое значение завершенности, результативности действия с оттенком неприязни. Образуется от глаголов, выражающих активное действие, и обозначает внезапную законченность, исчерпанность совершаемого субъектом действия: *Керим сююп берген чечеклени алып ташлады* ‘Она взяла и выбросила цветы, любовно подаренные Керимом’» [Гаджиев 2002: 84]. В башкирском языке вспомогательные глаголы *куй-*, *ташла-* и *һал-* выражают «резкое завершение однократного процесса» [СИБЯ]. Как указывается в [Шлуинский 2001: 4], чувашский глагол *хăвар-* ‘бросать, оставлять’ имеет функции перфектива.

Таким образом, этот тюркский глагол, вероятно, будет правильно снабдить ярлыком «пунктивный». Отметим, что русские глаголы *броситься* / *кинуться* скорее обозначают начальную фазу некоторого процесса, чем пунктивность (что характерно для неопределённых глаголов): *Он бросился бежать, но был быстро окружен дикарями; И он кинулся обнимать Ёжика и Медвежонка...* (значение интенсивности при этом также присутствует). Заметим также, что русский глагол *бросить* может также задавать финальную точку некоторого процесса, например: *Я бросил курить*.

Грамматическая функция: пунктив.

11. ‘кидать’

др.-тюрк. *ат*, каз. *ат*, кирг. *ат*, тат. *ат*, кум. *ат*, кбалк. *ат*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	—
кирг.	—
тат.	выражает результирующее действие с оттенком стремительности; степень быстроты, поспешность действия
кум.	—
кбалк.	энергично, стремительно происходящее действие

(17) кирг.

мектептин мұдүрү безелен-ип сүйлө-п ат-кан э-кен
 школа заведующий украшаться-CONV сказать-CONV бросить-PFCT AUX-PFCT
 ‘Заявил, приукрасив (рисуюсь), директор школы’.

(18) кбалк.

⟨...⟩ *терек бутакъгъа тийсе, аны юз-юп ат-ады*
 дерево ветка касаться он(а) ломать-CONV кидать-PST⁶
 ⟨...⟩ ‘ветки дерева коснувшись, сразу ее ломает’

По всей вероятности, функции данного глагола дублируют функции глагола *ташла-*. В частности, для карачаево-балкарского языка, где значение ‘бросать’ передается основой *ат-* (а *ташла-* отсутствует), в [Текуев 1979] указывается на близость грамматических значений вспомогательных глаголов *ат-* и *жибер-*.

Кроме приведенного примера из киргизского языка, где добавление *ат-* к глаголу ‘говорить’ дает, вероятно, нечто среднее между рус. *заявить* и *ляпнуть*, можно привести примеры на *ат-* из турецкого. Турецкий глагол *atmak* ‘бросать’ задает «интенсивность совершения действия: *Ytiregim hizlanip atti* ‘У меня забилось сердце’; *Mermer yontulurken pargalanip atti* ‘Мрамор при обработке треснул’» [Гаджиев 2002: 84].

Грамматическая функция: пунктив.

4) Глаголы направленного движения

Способность иметь более одного грамматического значения объединяет данные глаголы с глаголами смены собственности. Всем глаголам направленного движения свойственна директивная семантика (движение в сторону ориентира, от ориентира и т. д.); кроме того, они способны передавать и аспектуальные значения. По возможности (т. е. при рассмотрении тех языков, где такое употребление существует и свободно порождается носителями) мы прежде всего будем описывать именно аспектуальное функционирование данных глаголов.

12. ‘идти’

др.-тюрк. *bar-*⁷, каз. *бар*, кирг. *бар*, тат. *бар*, кум. *бар*, кбалк. *бар*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	—
кирг.	действие или состояние все более и более нарастает или все более и более отдалается
тат.	нарастание действия, регулярно совершающееся действие, постоянное действие, внезапное действие, протекающее в определенном направлении; действие, протекающее в определенном направлении; нарастание действия; постоянное и длительное действие; постепенное развитие, нарастание действия или постепенное ослабление, уменьшение его

⁶ Как было замечено И. А. Невской, данная форма появилась в результате стяжения формы на *-а* и глагола *тур-*, что дало настоящее неактуальное значение.

⁷ Как заметила А. В. Дыбо, данный глагол точнее всего переводить английским *go*, а в русском ему могут соответствовать глаголы *идти* и *уходить*. По замечанию И. А. Невской, также имеет место «эгоцентричность этого глагола — движение от субъекта говорения или наблюдения, — отсюда и семантика ‘уходить’ и близость с английским глаголом». Интересно также, что в [Котвич 1962: 210] *bar-* объединяется с глаголами позиции *yöri-* и *yüri-*, а не с глаголами направленного движения.

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
кум.	становление, развитие, развертывание действия или приближение его к концу
кбалк.	действие, которое рассматривается как свойство предметов и явлений; действие, приближающееся к своему пределу; прерывистые многократные действия; результат действия

(19) кум.

юртда яратыл-ып бар-агъан янгы яшав булан иштагъланды
в.селе создаваться-CONV идти-PART новый жизнь быть заинтересоваться
'Он заинтересовался новой жизнью, которая создавалась в селении'.

(20) кбалк.

⟨...⟩ *эллерине жууукълаш-ып бар-гъан ол уллу аскер кимди?*
к.селама приближаться-CONV идти-PART этот великий войско чей
⟨...⟩ 'чье войско приближается к селам [нартов]?'

Оба примера передают значение приближения к некоторому конечному состоянию (наступление новой жизни, прибытие к селам).

Как представляется, глагол *bar-* отличается от остальных директивных лексем в тюркских языках тем, что он в наименьшей степени склонен к выражению директивной семантики и, напротив, гораздо более регулярно, чем многие глаголы этой группы (см. пункт 16 с глаголом *kir* и пункт 18 с *tüŝ*), выражает грамматические значения. Собственно директивные значения можно наблюдать в конструкциях типа башкирского *алып барып ташила* 'отнеси, отвези' [СИБЯ]. По замечанию И. А. Невской, «для тюркских языков, не имеющих *ket-* и *par-* этот глагол является антиподом *kel-*», т. е. в таких языках глагол *bar-* передает директивное значение удаления от ориентира. Взаимозаменимость глаголов *bar-* и *ket-* отмечается в [Гаджиев 2002] для турецкого и кумыкского языков: турецкий глагол *git-* выражает значения, передающиеся кумыкским *бар-* (например: *Ya, demek beni birakip gidiyorsun!*... 'А, значит ты покидаешь меня!').

Для глагола *бар-* в алтайском языке отмечается «направленность и развитие действия от настоящего момента к будущему» [Баскаков 1947: 261]. Согласно [Тыбыкова 1966], в алтайском языке конструкции с *бар-* указывают на «направленность, продолжительность и усиление действия», а в [Anderson 2004] алтайско-сибирскому *par* приписывается законченное ("completed"), перфективное, и инхотивное значения.

В кумыкском языке конструкции с *бар* обладают «аспектуально-видовыми значениями направленности, развития, постепенного развертывания действия. ⟨...⟩ Форма деепричастия на *-p + бар-*: *гючленип бармакъ* 'усиливаться', *яйылып бармакъ* 'распространяться' ⟨...⟩ указывает на процессуальность, постепенное нарастание, развитие действия, а также приближение его к своему завершению» [Гаджиев 2002: 71].

Грамматическая функция: директив / инхотив.

13. 'приходить'

др.-тюрк. *kel*, каз. *кел*, кирг. *кел*, тат. *кил*, кум. *гел*, кбалк. *кел*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	действие, которое совершалось или совершается непрерывно
кирг.	действие совершалось или совершается непрерывно
тат.	направление действия к какому-л. предмету, постепенное развитие действия (к его пределу); результативное действие или то, которое совершалось или совершается непрерывно, регулярно; регулярно совершаемое действие
кум.	возникновение, зарождение действия или состояния; неожиданность действия
кбалк.	длительное действие; результат действия; нарастание действия; действие, переходящее в свойство

(21) каз.

ол бизди қоста-п кел-ди
он нас поддерживать-CONV приходит-PST
'Он все время поддерживал нас'.

(22) каз.

машина тас жолмен жүр-ип кел-ди
 машина камень по дороге ходить-CONV приходит- PST
 ‘Машина едет по шоссе’.

Первый пример демонстрирует наступившее фоновое состояние (наличие поддержки), второй — нахождение внутри неопределенного процесса.

Глаголы, приводимые в словарях в качестве модифицируемых при помощи *кел-*, в основном относятся к стативам, с которыми данный вспомогательный глагол выражает значение задания временного отрезка, в течение которого данное состояние актуально: кирг. *Терек жыгылып келатат* ‘Тополь падает (сюда)’; *Ушундай болуп келди жана мындан ары да ушундай болот* ‘Так было и так будет’. Интересно, что в [Юдахин 1985] также приводится пример возвратного деепричастия от данного глагола (*келин-*), который, по словам авторов, употребляется только в роли вспомогательного глагола и дает следующие значения: *эсептелип келинген* (от *эсепте-* ‘считать’) ‘считалось (до какого-то времени)’; *кыргыздардын оозеки элдик чыгармаларында айтылып келинген ырлар* (от *айт-* ‘говорить’) ‘исполняемые устные произведения киргизского народного творчества’. Как мы видим, возвратный показатель на непереходном глаголе *кел-* употребляется, если смысловой глагол получает пассивный показатель; таким образом формируется нечто вроде «согласования» по категориям возвратности / пассивности (т. е. категориям, «устраняющим» переходность).

В тувинском языке *кел-* обозначает «1) длительное действие, продолжающееся (продолжавшееся) вплоть до настоящего времени, например: *ажылда* ‘работать’, *ажылдап кел-* ‘работать вплоть до настоящего времени’; <...> *Мен көдээге өзүп келген* ‘Я (вы)рос в деревне’; 2) начало и завершенность действия, например: *хады* ‘дуть (о ветре)’, *хадып кел-* ‘начать дуть, подуть’; <...> *көзүл* ‘виднеться, возникать’, *көстүп кел-* ‘возникнуть, появиться» [Исхаков, Пальмбаха 1961: 413]. В тубаларском языке данный глагол указывает на «направленность и развитие действия от прошлого к настоящему» [Шлуинский 2009: 7].

В качестве примеров директивных показателей можно привести следующие карачаево-балкарские пары: *учуп келирге* (от *уч-* ‘летать’) ‘прилететь’, *чабып келирге* (от *чаб-* ‘бегать’) ‘подбегать, сбегать’, *сюрюп келирге* (от *сюр-* ‘гнать’) ‘пригнать’ [КБС]⁸; ср. также кирг. *алынып келинген кой* (от *ал-* ‘брать’) ‘приведенная овца’ (здесь также присутствует повторение возвратных показателей на обоих глаголах).

Видимо, справедливым для вспомогательного глагола *кел-* можно считать следующее правило: с лексическими глаголами, задающими состояние, он обозначает наступление этого состояния (ср. рус. *пришел в гнев, ярость* и т. д.), а с глаголами, задающими процесс, — пребывание в этом процессе (ср. рус. *машина едет, ветер дует* и т. д.).

Грамматическая функция: директив / прогрессив / хабитуалис.

14. ‘уходить’

др.-тюрк. *ket*, каз. *кет*, кирг. *кет*, тат. *кит*, кум. *гет*, кбалк. *кет*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	внезапность завершенного действия; завершенность действия; удаление от говорящего или действующего лица в роли вспомогательного глагола после деепричастия
кирг.	внезапность или решительность действия
тат.	действие с удалением от исходного пункта; приобретение качества; начало действия; внезапность завершенного действия или решительность действия
кум.	внезапный, неожиданный, мгновенный характер действия, которое обычно протекает интенсивно; действие, происходящее нечаянно, невольно
кбалк.	движение от субъекта, от говорящего, с результативным значением; действие, совершаемое нечаянно, без воли субъекта; действие, совершенное полностью, без остатков, без возврата; чуть не совершившееся действие или действие результативное

⁸ Некоторые карачаево-балкарские примеры, представленные далее в данной работе, также были взяты с этого электронного ресурса.

(23) кирг.

мен жанында турганымда жыгыл-ып кет-ти
я рядом в.мое.стояние упасть-CONV уходить-PST

‘Он упал в моем присутствии (в тот момент, когда я стоял возле него)’.

(24) кирг.

ал менин көзүмөө бир аяк кымызды тынбастан ич-ип кет-ти
он мой на.глазах один чашка кумыс не.дыша пить-CONV уходить-PST

‘Он чашку кумыса выпил одним духом на моих глазах’.

Директивное значение данного глагола достаточно универсально — в тюркских языках он употребляется с лексемами, задающими способ передвижения (‘плыть’, ‘лететь’ и т. д.) и обозначает удаление от дейктического центра: туркм. *uçup gitmek* ‘улететь’ [Blacher 1996: 130], кбалк. *жюзюп кетерге* ‘уплыть’ и т. д.

Что касается видового значения, то в словаре казахского языка представлены следующие примеры: *қорқып кету* ‘внезапно испугаться’; *жүрегім соғып кетті* ‘у меня сердце вдруг заколотилось’; *күн ашылып кетті* ‘погода окончательно прояснилась’; *ол қайтып кетті* ‘он уехал’; *жүріп кету* ‘двинуться; трогаться’; *өтіп кету* ‘переходить; проходить мимо’; *уақытым босқа өтіп кетті* ‘у меня время ушло попусту’. При сравнении казахских образований от глагола *жүр-* ‘ходить’ со вспомогательными глаголами *кел-* и *кет-* становится ясно, что *кел-* задает внутреннюю часть процесса (‘ехать’), а *кет-* — его начало (‘двинуться’). Похожую ингрессивную⁹ функцию выполняет узбекский глагол *кет-*, сочетающийся в основном с процессами; его значение дополняется «указанием на внезапность возникновения состояния» [Насилов 1989: 143, 161—162].

В чувашском языке глагол *kaj-* ‘уходить’ имеет следующие значения: «1) вхождение в процесс или состояние (‘засыпать’); 2) “перфективатор” (‘умереть’)» [Шлуинский 2001: 4]. Оба чувашских значения можно рассматривать как «вхождение в процесс или состояние».

В кумыкском языке глагол *гет-* ‘уходить’ имеет значение «совершенности действия». «Полученная конструкция чаще используется с предельными глаголами и передает значение ингрессива, она предназначена для группы глаголов становления, развития: *кызып гетмек* ‘разозлиться’, *агъарып гетмек* ‘побледнеть’. (...) Данная конструкция с глаголами “динамического” характера действия выражает завершенность, результативность, резкость совершения действия: *Вазипат правлениягъа къатты алгъасан гирип гетди* (...) ‘Вазипат очень торопливо зашла в правление’» [Гаджиев 2002: 70]. «В турецком языке соответствующая конструкция *-ip git-* (...) выражает обычность, длительность, постоянность совершения действия: *bakip / baka gitmek* ‘просматривать’. (...) В своей работе П. И. Кузнецов отмечает, что в турецком языке форма со вспомогательным глаголом *git-* выражает монотонно развертывающееся действие, (...) например: *Sabahlari artik evi babasi derleyip topluyor, gocugun ekmeğini birahp gidiyordu* (...) ‘Теперь по утрам дом прибирал отец и оставлял питание для ребенка’. (...) Данная конструкция турецкого языка, как и в кумыкском, обозначает завершенное, законченное действие» [Гаджиев 2002: 71].

Видимо, столь регулярно повторяющаяся в грамматических описаниях идея завершенности действия, которая чаще всего обозначает наступление результирующего состояния (ср., однако, в тур.), приблизительно соответствует категории результата. Примечательно, что русский глагол *пойти* способен задавать начало неопредельного процесса: *Саймон Уилер загнал меня в угол, загородил стулом, уселся на него и пошел рассказывать скучнейшую историю, которая следует ниже*.

Отметим также интересное «согласование» по количеству участников, обнаруженное при анализе словаря карачаево-балкарского языка [КБС]. Если мы наблюдали употребление показателей возвратности с обсуждавшимся выше глаголом *кел-*, когда главный глагол стоит в пассиве, то здесь подобное «согласование» организовано несколько иначе: переходность лексического и вспомогательного глаголов иногда можно (необходимо?) согласовывать при помощи каузативной и пассивной морфологии. Например: *жуууп кетерирге* ‘смыть’ (= ‘мыть’ + ‘увести’ — каузативная форма от ‘уходить’), *жууулуп кетерге* ‘смыться’ (‘мыться’, пассив от ‘мыть’ + ‘уйти’).

Грамматическая функция: директив / результатив (– контроль?).

15. ‘выходить’

др.-тюрк. *çiq*, каз. *шық*, кирг. *чык*, тат. *чык*, кум. *чыкъ*, кбалк. *чыгъ*

⁹ вхождение в процесс / состояние

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	законченность действия
кирг.	законченность действия полностью или в какой-то части; от начала до конца или какое-л. определенное количество
тат.	действие изнутри чего-л., продолжающееся в полном объеме, в продолжение промежутка времени через пространство; законченность действия полностью или в какой-то части; результативное действие; действие определяется в границах, конкретизируется
кум.	завершенность действия, которое обычно совершается неосновательно, поверхностно, невнимательно
кбалк.	констатация факта с модальным оттенком; исчерпанность действия от начала до конца, без остатка

(25) каз.

айтқаны шын бол-ып шық-ты
его.сказанное верно быть-CONV выходить-PST
'Оказалось правдой то, что он сказал'.

(26) кирг.

суу кайна-п чык-ты
вода кипеть-CONV выходить-PST
'Вода закипела'.

Директивное значение данного глагола можно проиллюстрировать следующими казахскими примерами: *алып шыгу* 'вынести', *қашып шыгу* 'выбежать', *тастап шыгу* '(вы)бросить', *ұшып шыгу* 'вылететь'; ср. также кбалк. *чабып чығаргъа* 'выбегать', *учуп чығаргъа* 'вылетать'. При этом, если исходный глагол переходный, в балкарском словаре приводится вспомогательный глагол с каузативом: *эмип чығарыргъа* 'высасывать', *тюртюп чығарыргъа* 'выталкивать', *тартып чығарыргъа* 'вытягивать'. Похожий эффект наблюдается и в татарском языке: если смысловой глагол является переходным, в словаре приводится каузативный вариант *чыгыр-*, а не *чык-*: *бәрәп чыгарырга* 'отбить' (от *бәр-* 'бить').

Следующие примеры иллюстрируют видовую семантику данного глагола: каз. *болып шыгу* 'оказаться', *оқып шыгу* 'прочитать', *айтып шыгу* 'пересказать', *қарап шыгу* 'просмотреть', *санап шыгу* 'посчитать', *шолып шыгу* 'обозреть'; кирг. *кулагына чейин кызарып чыкты* 'он покраснел до ушей', *текшерип чык-* 'обследовать', *ал кунку иштеле турган иштин багытын аныктап чыгат* 'он уточняет направление работы, которая должна быть выполнена за день'.

В чувашском языке глагол *тух-* 'выходить' употребляется как «перфективатор» [Шлуинский 2001: 4]; башкирский глагол *сык-* обозначает «завершение процесса»: *укып сыкты* 'прочитал' [СИБЯ]. Как утверждается в [Гаджиев 2002: 79], «(...) глагол *чыкъ-* / *gik-* 'выходить, выйти' в кумыкском и турецком языках в сочетании с деепричастием на *-ып / -а, -е* образует бивербальные конструкции, обладающие значением полноты совершения действия над объемным объектом. Данная форма обозначает исчерпывающий охват действия, завершенность перехода из одного состояния в другое, а также результативность действия». Вероятно, на перфективную функцию указывает и отмеченная в [Текуев 1979: 57] «констатация факта с модальным оттенком».

Завершенность действия как функция данного вспомогательного глагола упоминается также и в [Rentzsch 2006] в связи с уйгурским языком. В узбекском языке глагол *чиқ-* «используется для указания на окончание процесса, который помещен в определенные временные рамки», он обозначает «полноту совершения действия над объемным аффицированным объектом» [Насилов 1989: 146, 168]: (*всю ночь прокашлял / пропел / прошумел / пересчитал / пронумеровал*).

Интересно, что в некоторых тюркских языках вспомогательный глагол с определенным лексическим значением может быть представлен формально (фонологически) несовпадающей единицей. Такие глаголы, однако, также могут функционировать в роли вспомогательных, хоть и не всегда с тем же грамматическим значением. Так, например, обстоит дело с тувинским глаголом *ун-* 'выходить', который обозначает «завершенность действия в его начале, (...) например: *ырла-* 'петь', *ырлап ун-* 'запеть, начать петь'» [Исхаков, Пальмбах 1961]; см. также [Котвич 1962: 210] о параллелях между тюркскими и другими алтайскими языками.

Грамматическая функция: директив / перфектив.

16. 'входить'

др.-тюрк. *kir*, каз. *кір*, кирг. *кир*, тат. *кир*, кум. *гир*, кбалк. *кир*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	—
кирг.	указывает на движение внутрь
тат.	действие, направленное вовнутрь, с оттенком неожиданности
кум.	—
кбалк.	войти внутрь чего-л.

Примеров на выражающий акциональность вспомогательный глагол *кир-* в казахском, киргизском и татарском языках обнаружить не удалось, что, однако, не исключает возможности такого употребления. В киргизском языке представлены следующие примеры на употребление глагола *кир-* в директивной функции: *учуп кир-* 'влететь', *үңүп кир-* 'врезаться во что-л.'; схожие директивные употребления встречаются и в других тюркских языках: каз. *жарып кир-* 'ворваться', *бұғып кир-* 'подкрасться'.

Интересные примеры директивных употреблений предоставляет карачаево-балкарский язык, где обнаруживается «согласование» по количеству участников: так, сочетание глагола *уру-* 'бить' с данным вспомогательным глаголом (*уруп кир-*) имеет значение 'влетать, врываться, вторгаться', но сочетание с каузативным дериватом *кийир-* (*уруп кийир-*) употребляется уже в значении 'вбить'. Скорее всего, в первом случае мы имеем дело с непереходным употреблением *ур-* в значении 'стучать', а во втором — в значении 'бить кого-л. (что-л.)'; ср. употребление каузативного варианта с другими переходными глаголами: *басып кийир-* 'вдавливать', *сюрюп кийир-* 'загнать'.

В киргизском языке также встречаются случаи стяжения двух глаголов (смыслового и вспомогательного), когда они регулярно употребляются вместе и передают одно лексическое значение, что регулярно имеет место с директивами, например: *апкир-* (*алып- + кир-*) 'вносить'. Возможно, эти случаи ограничены смысловым глаголом *ал-* (ср. также *апбер*); по крайней мере, для туркменского языка утверждается, что стяженные формы регулярно образуются именно (только?) от этого глагола: *алып гелmek — äkel, алып гитmek — äkit* [Blacher 1996].

Описание видового употребления глагола *кир-* встречается в грамматике тувинского языка, где он «обозначает завершенность действия в его начале, приступ к действию, например: *ажылда-* 'работать', *ажылдап кир-* 'начать работать'» [Исхаков, Пальмбах 1961: 413]. В [Гаджиев 2002: 66] говорится о возвратном варианте данного глагола *гириш-* / *giriş-* 'приступать' в кумыкском и турецком языках, где он обозначает «ингрессивную начинательность, т. е. определенное действие, начало и продолжение которого составляет единое целое».

Грамматическая функция: директив.

17. 'проходить'

др.-тюрк. *öt*, каз. *өт*, кирг. *өт*, тат. *үт*, кум. *оът*, кбалк. *ёт*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	—
кирг.	—
тат.	действие, совершающееся мимоходом, исчерпанность действия
кум.	—
кбалк.	интенсивный результат действия

(27) тат.

уз чыгышында Ә. М. кызы Швейцария тәҗрибәсе турында искә ал-ып¹⁰ үт-те
 свой выступление.в Ә. М. дочь Швейцария опыт о упоминать-CONV проходить-PST
 'В своем выступлении дочь Ә. М. [Элфиры Миңнуллинной] упомянула опыт Швейцарии'.

Даже если в казахском, киргизском и кумыкском языках у данного глагола имеется грамматическое употребление, оно является несколько «вырожденным». Директивное значение, однако, регулярно встречается в тюркских языках, например: кбалк. *учуп ётерге* 'перелететь', *жюзюп ётерге* 'переплыть', *сюркелип ётерге* 'переползти', *секирип ётерге* 'перепрыгнуть', *секирип ётерге* 'перескочить'.

¹⁰ *искә ал-* 'упоминать' (букв. 'на память брать')

Кроме исследований по татарскому языку глагол *öt-* упоминается в качестве носителя видовой семантики также в работах по уйгурскому языку, где он передает значения полноты или быстроты / поверхностности законченного действия [Rentzch 2006].

Грамматическая функция: директив / пунктив.

18. 'спускаться, падать'

др.-тюрк. *tüş*, каз. *түс*, кирг. *туш*, тат. *төш*, кум. *тюш*, кбалк. *тюш*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	—
кирг.	—
тат.	действие, которое охватывает предмет полностью, результативное, внезапное действие; действие сверху вниз; частичное развитие действия; интенсивность действия; действие, совершаемое неожиданно, внезапно
кум.	—
кбалк.	—

Встреченные нами примеры из татарского языка на «результативное» и др. употребления содержат глаголы движения, т. е. по сути являются директивными употреблениями *төш*. Приведем примеры директивных употреблений глагола *туш* в киргизском языке: *учуп туш-* 'свалиться (с лошади)', *кыялап туш-* 'спускаться с горы серпантином' (от *кыяла-* 'двигаться по склону, идти серпантином'), *секирип туш-* 'спрыгнуть'. В карачаево-балкарском языке встречаем: *чабып тюш-* 'сбежать', *учуп тюш-* 'слететь', *секирип тюш-* 'соскочить', *учуп тюш-* 'сехать'; в случае, если смысловой глагол переходный, вспомогательный принимает показатель каузатива (см. выше): *атып тюшюр-* 'сбить', *сюйреп тюшюр-* 'стащить'. Чувашский глагол *ап-* 'спускаться' не совпадает со стандартной общетюркской единицей, но, что примечательно, также передает значение движения, направленного вниз.

Что касается видовой семантики, то подобные значения передаются данным глаголом не в сочетании с деепричастием на *-р*, а при помощи других форм: например, тувинский глагол *душ-* выражает подобные значения только в сочетании с деепричастиями на гласный [Исхаков, Пальмбах 1961], то же имеет место в татарском и башкирском языках [СИБЯ]. В кумыкском и турецком языках данный вспомогательный глагол сочетается только с инфинитивными формами [Гаджиев 2002]. В уйгурском языке грамматическое значение глагола *чиш-*, состоящее в «деструктивности и повреждении», описывается как встречающееся редко и с глаголами, близкими по семантике [Rentzch 2006]; при этом в качестве примера приводится другой глагол со значением 'падать', что больше соответствует конструкции с редуцированными деепричастиями.

Грамматическая функция: директив.

5) Глаголы восприятия

Все глаголы, которые будут описаны в данном разделе, объединяет то, что они выражают различные модальные значения. Грамматическая семантика данных глаголов достаточно «прозрачна»: глагол со значением 'знать' выражает внешнюю / внутреннюю возможность, а глаголы 'видеть' и т. д. — попытку.

19. 'знать'

др.-тюрк. *bil*, каз. *біл*, кирг. *бил*, тат. *бел*, кум. *бил*, кбалк. *бил*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	—
кирг.	—
тат.	—
кум.	—
кбалк.	—

(28) кирг.

Нурзатка телефон чалы-п бил-дим
 Нурзат телефон звонить-CONV знать-1SG
 ‘Я мог позвонить Нурзату по телефону’.

(29) каз.

хан ойын болжа-п бил-ген-дей Оспан-Кожжа <...>
 хан мысль предвидеть-CONV знать-PART-ADJ Оспан-Кожа
 ‘Оспан-Кожа, который мог предвидеть мысли хана <...>’

Грамматические значения данных глаголов достаточно единообразны в тюркских языках. Так, в тубаларском данный глагол имеет «значение капацтива (указывает на овладение данным действием, умение его совершить)» [Шлуинский 2009: 7]. В туркменском языке глагол ‘знать’ функционирует в той же роли, причем, по замечанию авторов грамматики [Blacher 1996], предшествующее деепричастие сливается с ним в одно фонологическое слово, а деепричастный согласный *-p* и начальный *b-* в слове *bil-* преобразуются в *-v-*: *görüþ bil-* [görüvilmek] ‘мочь увидеть’.

Часто данные вспомогательные глаголы сочетаются с деепричастиями на гласный, причем иногда значение возможности способно передаваться обеими формами смыслового глагола.

Грамматическая функция: POSSIBILITY.

20. ‘видеть’

др.-тюрк. *kör*, каз. *kөр*, кирг. *кер*, тат. *күр*, кум. *гёр*, кбалк. *кёр*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	пробовать, пытаться
кирг.	попробовать, попытаться
тат.	—
кум.	—
кбалк.	проба действия; модальный оттенок удивления свершившимся действием

(30) кирг.

ушул китепти кара-п керчу
 этот книга смотреть-CONV знать-1SG
 ‘Посмотри-ка вот эту книгу (можешь не читать внимательно)’.

(31) кбалк.

кьонакьла этни аша-п кёр-дю-ле
 гости мясо есть-CONV видеть-PST-PL
 ‘Гости попробовали мясо’.

В казахском словаре предложены следующие примеры со значением попытки: *айтып көру* ‘попытаюсь рассказать’, *аңгеме жазып көру* ‘попытаюсь написать рассказ’, *көтеріп көру* ‘попытаюсь поднять’, *күшімізді сынап көрейік* ‘попробуем свои силы’. В карачаево-балкарском словаре [КБС] встречаем следующие лексикализованные значения с глаголом *кёр-*: *тенглешидирип кёр-* ‘сверить’ (от *тенглешидир-* ‘сравнить’), *тийип кёр-* ‘щупать’ (от *тий-* ‘касаться’). То же значение имеют глаголы со значением ‘видеть’ в тубаларском [Шлуинский 2009], уйгурском [Bridges 2008], тувинском [Исхаков, Пальмбах 1961] и других тюркских языках.

Грамматическая функция: ATTEMPTIVE.

21. ‘смотреть’

др.-тюрк. *qara-* ‘присматривать’, др.-тюрк. *baу*, каз. *қара*, кирг. *кара*, тат. *кара*, кум. *къара*, кбалк. *къара*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	пытаться; пробовать
кирг.	—
тат.	пробовать, пытаться что-л. сделать
кум.	действие, совершаемое субъектом без уверенности в положительном исходе, как попытка, проба
кбалк.	—

(32) тат.

ул Поддубный белән берничә мәртәбә кереше-п кара-ган <...>
 он Поддубный с несколько раз бороться-CONV смотреть-PFCT
 ‘Он несколько раз пытался бороться с [Иваном] Поддубным <...>’

(33) кирг.

Кубандык бир топ жергечейин бар-ып кар-ап чык-ты
 Кубандык много землям к двигаться-CONV видеть-CONV выходить-PST
 ‘Кубандык до многих земель постарался дойти’.

В казахском словаре находим следующие примеры с этим значением: *пернені басып қарау* ‘пробовать нажать на клавиши’, *дәмін татып қарау* ‘дегустировать (о пище)’. В целом, данный глагол не очень распространен в тюркских языках, однако в тех языках, в которых он встречается, особых колебаний в выражаемой им грамматической функции нами не обнаружено. Данное грамматическое значение может также выражаться глаголом со значением ‘присматривать’ (от др.-тюрк. *baγ-*): так, например, обстоит дело с уйгурским *baq-* [Bridges 2008].

Грамматическая функция: аттемптив.

6) Бытийные глаголы

22. ‘быть’

др.-тюрк. *bol*¹¹, каз. *бол*, кирг. *бол*, тат. *бул*, кум. *бол*, кбалк. *бол*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	законченность действия
кирг.	заканчивать; доходить до предела
тат.	форма возможности
кум.	действие, имевшее место в отдаленном прошлом, свидетелем которого говорящий не был; действие, о котором говорящий сообщает не как очевидец
кбалк.	завершение действия до конца, без остатка; состояние субъекта; действие неочевидности

(34) тат.

вокзалга ничек бар-ып бул-а?
 на.вокзал как двигаться-CONV быть-3SG
 ‘Как можно проехать на вокзал?’

(35) кирг.

үшү-п бол-дум
 мерзнуть-CONV быть-PST.1SG
 ‘Я совсем замерз’.

Грамматическая семантика данных глаголов различна внутри тюркских языков. Так, в киргизском и казахском языках данные глаголы передают значение, которое можно условно обозначить термином «результатив»: каз. *жазып бол-* ‘написать’ (букв. ‘закончить писать’), *оқып бол-* ‘прочитать’ (букв. ‘закончить читать’); ср. выше пример из киргизского языка. Эти примеры позволяют предположить, что в казахском языке *бол-* обозначает действие, приводящее к вхождению в определенное результирующее состояние (‘замерз’, ‘написано’, ‘прочитано’). Те же функции имеет этимологически родственный глагол в уйгурском языке [Rentsch 2006].

¹¹ По замечанию И. А. Невской: «*Bol* в древнетюркском — это ‘становиться’, а не ‘быть’, отсюда и значение законченности действия в казахском и киргизском языках». В [ДТС 1969] приводятся следующие значения этого глагола: 1) ‘случаться, происходить, совершаться, иметь место’; 2) ‘быть в наличии, иметься, существовать’; 3) ‘миновать (о времени)’; 4) ‘становиться, делаться кем-л., чем-л., каким-л.’. Как мы видим, набор значений др.-тюрк. *bol*, действительно, не очень похож на наборы значений как русского глагола *быть*, так и рефлексов *bol* в современных тюркских языках: ему может быть свойственно инхоативное значение. Мы оставляем здесь русский перевод «быть», т. к. подобное значение, как представляется, присутствует в семантике и др.-тюрк. *bol*, и его рефлексов в современных тюркских языках.

В то же время татарский глагол *бул-* выражает возможность. Модальность возможности передавалась данным глаголом еще в древнетюркском [ДТС 1969: 111], где он имел значение ‘случаться, происходить, совершаться, иметь место’. Такое же грамматическое значение находим в тувинском [Исхаков, Пальмбах 1961] и тубаларском [Шлуинский 2009]; ср. также кум. *айтып бол-* ‘быть в состоянии сказать’, *гелип бол-* ‘смочь прийти’ [Гаджиев 2002: 75]. Узбекский *бул-* «передает окончание с некоторого момента проявления определенного состояния, обозначенного неопределенным глаголом» и «реализует значение законченности с достижением результата» (‘отработать’, ‘отшуметь’, ‘договорить’) [Насилов 1989: 146].

В русском языке также существует конструкция с глаголом *быть* в прошедшем времени, которая передает значение нереализовавшейся возможности и является источником русского сослагательного наклонения с частицей *бы*: *Я было испугался, но потом понял в чем дело.*

Грамматическая функция: POSSIBILITY / RESULTATIVE.

23. ‘оставаться’

др.-тюрк. *qal*, каз. *qal*, кирг. *кал*, тат. *кал*, кум. *къал*, кбалк. *къал*

Язык	Функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	—
кирг.	неожиданность или решительность действия
тат.	результативное действие; незавершенное действие; завершение действия с установлением длительного состояния; переход действия в состояние или динамики в статику
кум.	категорическая завершенность, законченность действия; действие, которое происходит вдруг, неожиданно, случайно или независимо от воли субъекта; интенсивность действия; пассивное самопрекращение действия, произвольность, независимость действия от воли субъекта
кбалк.	переход действия в безвозвратное состояние; результат действия; действие, которое чуть не свершилось, или неполнота действия

(36) кирг.

кыргыздын бир топ белгилүү адамдарын көрүп бил-ип кал-дым
киргизов много группа известный людей видеть-CONV знать-CONV оставаться-1SG
‘Я увидел и узнал много известных киргизов’.

(37) кум.

Девлетгерей Исрапилге къара-п къал-ды
Девлетгерей Исрапила смотреть-CONV оставаться-PST
‘Девлетгерей (пристально) посмотрел на Исрапила’.

Несмотря на то, что кумыкский пример приведен в качестве иллюстрации интенсивности действия, представляется, что в данном случае он, как и киргизский, описывает вхождение в определенное состояние. Ср. также примеры из других тюркских языков: тат. *укуп калды* ‘сумел прочитать’; каз. *ауырып қал-* ‘заболеть’, *кешигіп қал-* ‘опаздывать’, *айырылып қал-* ‘отбиться’, *ұмытып қал-* ‘забывать’, *ойланып қал-* ‘думать’.

Относительно тубаларского *qal-* в [Шлуинский 2009] утверждается, что он синонимичен глаголу *qoj* ‘бросать’ (см. выше) и задает вхождение в состояние / процесс; ту же грамматическую функцию находим у уйгурского глагола *qal-* [Rentsch 2006]. В тувинском языке глагол *кал-* задает «законченность действия (состояния) с непереходным значением, например: *уду-* ‘спать’, *удуп кал-* ‘уснуть» [Исхаков, Пальмбах 1961: 414]. В кумыкском и турецком языках *къал-* обозначает «неожиданность, внезапность, случайность, фиксированность глагольного действия» [Гаджиев 2002: 146]. Башкирский глагол *һал-* имеет значение «резкого завершения однократного процесса» [СИБЯ]. В узбекском языке, согласно [Насилов 1989: 145], глагол *қол-* выполняет ингрессивную функцию, «выявляя момент скачка в состояние, названное деепричастной формой» (‘заснуть’, ‘завертеться’, ‘перепугаться’ и т. д.); кроме того, данный глагол может передавать результативное значение (‘покосился’, ‘устарел’) [Насилов 1989: 175].

Грамматическая функция: RESULTATIVE.

Заключение

Итак, представляется возможным говорить о наличии регулярных параллелей между лексическим значением глагола и той грамматической функцией, которую он выражает.

Так, глаголы позиции и ненаправленного движения ведут себя наиболее последовательно и обычно грамматизируются в прогрессив / имперфектив / хабитуалис, что вполне закономерно, если принять во внимание тот факт, что данные глаголы обычно выражают длительные фоновые действия.

Несмотря на то, что оба глагола смены собственности выполняют аппликативную функцию, их аспектуальные значения несколько расходятся: для *al-* 'брать' характерно лимитативное значение, тогда как *ber-* 'давать' выражает инхоатив / результатив.

Глаголы изменения пространственного положения пациенса ('ставить', 'класть' и т. д.) передают значение временной ограниченности и интенсивности действия, т. е. пунктива (и, возможно, перфектива в случае глагола *жибер-* и его коррелятов).

Все глаголы направленного движения могут выражать директивное значение. Если же им оказывается свойственно также аспектуальное значение, то они следуют одному из двух «сценариев». Первый «сценарий» характерен для глаголов, подразумевающих некоторую конечную точку движения (*bar* 'идти' и *kel* 'приходить'): они могут объединиться с глаголом ненаправленного движения *jür(ü)* и грамматизоваться в инхоатив / прогрессив. Второй «сценарий» имеет место с глаголами, передающими значение удаления от ориентира (*ket* 'уходить', *čiq* 'выходить', *öt* 'проходить'): они могут выражать достижение и прохождение некоторой внутренней или временной фазы события, т. е. передавать значения результата / пунктива.

Глаголы восприятия передают модальные значения возможности (глаголы со значением 'знать') или попытки (глаголы 'видеть', 'смотреть').

Бытийные глаголы *bol* 'быть' и *qal* 'оставаться' обычно обозначают результативное состояние. Глагол *bol* также может передавать значение возможности; это значение также близко к результативному — с той лишь разницей, что результат действия является не наблюдаемым, а лишь предполагаемым.

Результаты исследования могут быть подытожены в следующей таблице.

Грамматические значения, передаваемые различными классами глаголов

Тематический класс	Глагол	Грамматическое значение
глаголы позиции и ненаправленного движения	<i>tur</i> 'стоять'	прогрессив имперфектив хабитуалис
	<i>jat</i> 'лежать'	
	<i>oltur</i> 'сидеть'	
	<i>jürü</i> 'ходить'	
глаголы смены собственности	<i>al</i> 'брать'	аппликатив, лимитатив
	<i>ber</i> 'дать'	аппликатив, инхоатив, результатив
глаголы изменения пространственного положения пациенса	<i>jibär</i> 'посылать'	перфектив
	<i>sal</i> 'класть'	пунктив
	<i>qoj</i> 'ставить'	пунктив, результатив
	<i>tašla</i> 'бросать'	пунктив
	<i>at</i> 'кидать'	пунктив
глаголы направленного движения	<i>bar</i> 'идти'	директив, инхоатив
	<i>kel</i> 'приходить'	директив, прогрессив, хабитуалис
	<i>ket</i> 'уходить'	директив, результатив
	<i>čiq</i> 'выходить'	директив, перфектив
	<i>kir</i> 'входить'	директив
	<i>öt</i> 'проходить'	директив, пунктив
	<i>tüş</i> 'спускаться, падать'	директив
глаголы восприятия	<i>bil</i> 'знать'	поссибилитив
	<i>kör</i> 'видеть'	аттемптив
	<i>qara</i> 'смотреть'	аттемптив
бытийные глаголы	<i>bol</i> 'быть'	поссибилитив, результатив
	др.-тюрк. <i>qal</i> 'оставаться'	результатив

Сокращения

Языки

др.-тюрк. — древнетюркский	туб. — тубаларский
каз. — казахский	тур. — турецкий
кбалк. — карачаево-балкарский	туркм. — туркменский
кирг. — киргизский	узб. — узбекский
кум. — кумыкский	уйг. — уйгурский
рус. — русский	чув. — чувашский
тат. — татарский	як. — якутский

Общие

букв. — буквально	PFCT — перфект
ACC — аккузатив	PL — множественное число
ADJ — адъективизатор	PRT — частица
AUX — вспомогательный глагол	PST — прошедшее время
CMP — компаратив	REC — реципрок
CONJ — союз	SG — единственное число
CONV — деепричастие	1 — первое лицо
PART — причастие	2 — второе лицо
	3 — третье лицо

Литература

- Баскаков 1947 — Ойротско-русский словарь с приложением грамматического очерка ойротского языка / Ред. Баскаков Н. А. М., 1947.
- Баскаков и др. 1953 — Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасско-русский словарь (с грамматическим очерком). М., 1953.
- Гаджиев 2002 — Гаджиев Э. Н. Видо-временные формы глагола в кумыкском и турецком языках в сравнительном освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2002.
- Ганиев 2003 — Ганиев Ф. А. Способы действия глаголов в татарском языке. Казань, 2003.
- Грунина 2002 — Грунина Э. А. Огузские языки: Глагол // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 2002. С. 157—215.
- ГСКЯ — Грамматический справочник по казахскому языку // www.techkz.kz/grammar.pdf, 2012.
- Джанмавов 1967 — Джанмавов Ю. Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Борвокова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Лелягина Н. И., Тугушева Л. Ю. Л., 1969.
- Закиев, Ганиев 1993 — Татарская Грамматика. В 3-х тт. / Ред. Закиев М. З., Ганиев Ф. А. Казань, 1993.
- Исхаков, Пальмбах 1961 — Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и Морфология. М., 1961.
- КБС — Карачаево-балкарский словарь // www.balkaria.narod.ru, 2012.
- Котвич 1962 — Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
- Левитская 1976 — Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
- Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Шлуинский А. Б., Пазельская А. Г. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006.
- Мудрак 2009 — Мудрак О. А. Классификация тюркских диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике // *Orientalia et Classica*, XXIII. М., 2009.
- Насилов 1989 — Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. Л., 1989.
- Оралбаева 1989 — Изучаем казахский язык: Учебник казахского языка для слушателей курсов / Ред. Оралбаева Н. Алма-Ата, 1989.
- РТС 2001 — Русско-татарский словарь / Ред. Ганиев Ф. А. Казань, 2001.
- СИБЯ — Сайт изучения башкирского языка // www.tel.bashqort.com, <http://tel.bashqort.com/glagol/paragraf22>, 2012.
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Ред. Тенишев Э. Р. М., 1988.

- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Ред. *Тенишев Э. Р., Дыбо А. В.* М., 2006.
- Тазранова 2005 — *Тазранова А. Р.* Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск, 2005.
- Текуев 1979 — *Текуев М. М.* О глагольном словосложении в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1979.
- Туймебаев 1991 — *Туймебаев Ж. К.* Казахский язык: Грамматический справочник. Алматы, 1991.
- Туймебаев 1992 — *Туймебаев Ж. К.* Индикативные формы глагола в казахском языке: Формы прошедшего времени. Алматы, 1992.
- Тыбыкова 1966 — *Тыбыкова А. Т.* Сложные глаголы в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1966.
- Шлуинский 2001 — *Шлуинский А. Б.* Отчет о проделанной работе в Чувашской лингвистической экспедиции в августе 2001 г. в с. Шимкусы Янтиковского района Республики Чувашия. М., 2001.
- Шлуинский 2006 — *Шлуинский А. Б.* Акциональность и аспектуальный показатель: Конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006, 1. С. 32—43.
- Шлуинский 2009 — *Шлуинский А. Б.* Бивербальные конструкции в тубаларском диалекте и их лексические ограничения // Тубаларские этюды / Ред. *Татевосов С. Г.* М., 2009. С. 6—53.
- Щербак 1981 — *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. М., 1981.
- ЭСТЯ 1978 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Ред. *Севортян Э. В.* М., 1978.
- Юдахин 1985 — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. Фрунзе, 1985.
- Anderson 2004 — *Anderson G. D. S.* Auxiliary Verb Constructions in Altai-Sayan Turkic. Wiesbaden, 2004.
- Bacanli 2009 — *Bacanli E.* Phase Marking on Initiationtransformative Verbs in Altai Turkic // *Turkic Languages*. 2009, 12. P. 170—186.
- Blacher 1996 — *Blacher P. S.* Grammaire Descriptive de Turkmene à l'Usage des Francophones. Paris, 1996.
- Bridges 2008 — *Bridges M.* Auxiliary Verbs in Uyghur. Cansas, 2008. (manuscript)
- Rentzch 2006 — *Rentzch J.* Actionality Operators in Uyghur // *Turkic Languages*. 2006, 10. P. 193—219.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена вспомогательным глаголам в тюркских языках. Основная цель статьи — рассмотреть все продуктивные вспомогательные глаголы и определить их наиболее устойчивые грамматические значения в тюркских языках. Среди таких значений можно выделить аспектуальные, модальные и директивные. Наиболее подробно рассмотрены языки кыпчакской группы.

SUMMARY

The article deals with the Turkic auxiliary verbs. The goal of the paper is to consider all productive auxiliaries and establish their most prominent grammatical functions in different Turkic languages. Those functions are aspectual, modal and directive. The main attention is paid to the Kypchak languages.

Ключевые слова: тюркские языки, вспомогательные глаголы, деепричастия, грамматическая семантика, лексическое значение

Key words: the Turkic languages, auxiliary verbs, converbs, grammar semantics, the lexical meaning

Структурно-вероятностная модель монгольского языка (на базе Генерального корпуса современного монгольского языка)

1. О Генеральном корпусе монгольского языка

Создана первоначальная версия корпуса современного монгольского языка¹ (далее — СМЯ), включающего тексты разных жанров:

- 1) художественную прозу XX в. (романы, повести, рассказы, очерки);
- 2) поэзию XX в.;
- 3) перевод эпоса «Сокровенное сказание» на современный монгольский язык;
- 4) подборку газетных статей (из газеты «Даяар монгол»).

Корпус содержит 966 текстов (длиной 1 155 583 слов). Основные разделы корпуса представлены в *Таблице 1*.

Таблица 1

том	автор	название	перевод	год	длина тома в словах
1	хрестоматия	Монголын өгүүллэгийн цоморлиг	Антология монгольских рассказов	—	186215
2	Лодойдамба Ч.	Тунгалаг тамир	Прозрачный Тамир	1967	167163
3	хрестоматия	<i>Монголын шилдэг өгүүллэг</i>	Избранные монгольские рассказы	—	148251
4	Намдаг Д.	<i>Цаг төрийн үймээн</i>	Тревожные годы	1985	128670
5	Эрдэнэ С.	<i>Шилмэл Өгүүллэгүүд</i>	Избранные рассказы	—	93939
6	Намдаг Д.	<i>Д. Намдаг өгүүллэгүүд</i>	Рассказы	—	78768
7	Ренчин Б.	<i>Заан залуудай</i>	Зан Залуудай	1964	62191
8	Нацагдорж Д.	<i>Д. Нацагдоржийн түүвэр</i>	Избранное	—	43854
9	Чойном Р.	<i>Сүмтэй бударын чулуу</i>	Священные камни	1990	40748
10	Дамдинсүрэн Ц.	<i>Монголын нууц товчоо</i>	Сокровенное сказание монголов	1976	40714
11	Батбаяр Д.	<i>Цахилж яваа гөрөөс</i>	Скачущая антилопа	1981	28142
12	Гаадамба Ш.	<i>Багын явдал</i>	Детство	1972	24348
13	хрестоматия	<i>Монголын шилдэг яруу найраг</i>	Избранная монгольская поэзия	—	18709
14	Явуухулан Б.	<i>Түүвэр зохиол</i>	Избранные произведения	—	17698
15	Шажинбат Ш.	<i>Алтан замагт буу</i>	Ружье с золотым затвором	?	16511
16	Цэнд Ш.	<i>Адтай Мятав</i>	Смышленный Мятав	1980	6472
17	хрестоматия	<i>Монголын яруу найргийн цоморлиг</i>	Антология монгольской поэзии	—	5852
18	выборка	<i>Даяар монгол</i>	(газетные статьи)	2009—2011	47608
Итого графических словоформ					1155853

Также были созданы морфологический анализатор, словарь на 63 071 лексему, таблица омонимов; были проведены лемматизация и глоссирование корпуса (в духе Лейпцигских правил глоссирова-

¹ Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке Программы Президиума РАН по корпусной лингвистике на 2011 г. (направление №4 — «Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам мира»). Корпус создавался при участии д.ф.н. Г. Ц. Пюрбеева, к. ф. н. Н. С. Яхонтовой и к. ф. н. М. П. Петровой, которым автор приносит сердечную благодарность.

ния²). На данный момент морфологический анализатор для СМЯ работает под управлением информационной среды StarLing³. Разработка находится на экспериментальной стадии: эффективно анализируется 97% текстовых словоформ (соответствующих 89% словоформ, являющихся входами в конкорданс словоформ). Распознавание включает в себя лемматизацию (т. е. возведение к той или иной словарной вокабуле) и грамматический разбор (т. е. возведение к той или иной грамматеме), поэтому в нижеприведенной таблице отдельно приведены сведения о доле «хоть как-то» проанализированных словоформ, о доле лемматизированных (лексически размеченных) словоформ, о доле грамматически разобранных (грамматически размеченных) словоформ и о доле **полностью** проанализированных (и лемматизированных, и грамматически разобранных) словоформ.

На сегодняшний день общее количество графических словоформ (лексов) в корпусе составляет 1 155 583, из них доля «хоть как-то» распознанных графических словоформ (аллолексов) составляет 1 123 156 (97%), а доля **полностью** распознанных — 1 103 233 (95%). Всего различных аллолексем в словнике конкорданса к корпусу (и в словнике аллолексем) насчитывается 89 190, из них доля «хоть как-то» распознанных составляет 79 137 (89%), а доля **полностью** распознанных — 67 531 (76%).

Эффективность работы морфологического анализатора наглядно представлена в *Таблице 2*.

Таблица 2

	в корпусе	доля в %	в словнике	доля в %
всего словоформ	1155583	100%	89190	100%
проанализированных	1123156	97%	79137	89%
проанализированных лексически	1104911	96%	68212	76%
проанализированных грамматически	1121478	97%	78456	88%
проанализированных и лексически, и грамматически	1103233	95%	67531	76%

Доля омонимических пучков лексем в списке лексем составляет $6086/21752 = 28\%$. Доля омонимических пучков грамматем в списке грамматем составляет $613/1221 = 50\%$. Доля омонимически разобранных словоформ в словнике конкорданса полностью разобранных словоформ составляет 16%. Доля омонимически разобранных словоформ в тексте (от общего числа полностью разобранных словоформ) составляет $313435/1103233 = 28\%$.

2) Монгольский язык в количественном освещении

По материалам корпуса подготовлена монография «Монгольский язык в количественном аспекте: опыт корпусного исследования», краткий проспект которой прилагается ниже.

0. Предмет, цель и методы исследования. Корпус МЯ. Структурно-вероятностная модель МЯ.

1. Частотные словари МЯ (ЧСМЯ). Типы ЧСМЯ, методы их создания и единицы измерения частотности.

1.1. Частотные словари (ЧС) словоформ. ЧСС в ранговом и в алфавитном порядке (прямом и инверсионном).

1.2. ЧС основ. ЧСО в ранговом и в алфавитном порядке (прямом и инверсионном).

1.3. ЧС флексий. ЧСФ в ранговом и в алфавитном порядке (прямом и инверсионном).

1.4. ЧС грамматем⁴. ЧСГт в ранговом и в алфавитном порядке (прямом и инверсионном), а также в идеографическом порядке.

1.5. ЧС лексем. ЧСЛ в ранговом и в алфавитном порядке (прямом и инверсионном).

1.6. ЧС флексионам⁵. ЧСФм в ранговом и в алфавитном порядке (прямом и инверсионном).

² См. [Lehmann 1982; Croft 2003; Касевич 2011: 214—221], а также www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php. См. опыт использования подобной нотации в монголиктике (применительно к корпусу со снятой омонимией) в [Баранова, Сай 2009: 10—16, 873].

³ Информационная среда StarLing была создана С. А. Старостиним (1953—2005), а позже усовершенствована Ф. С. Крыловым.

⁴ Грамматема — то же, что грамматическая форма [Булыгина 1977: 129].

⁵ Флексионема — инвариант флексии в отвлечении от ее алловариантов.

- 1.7. ЧС аффиксальных алломорфем (ЧСАА) и аффиксальных морфем (ЧСАМ).
 - 1.7.а. ЧСАА в ранговом и в алфавитном порядке (прямом и инверсионном).
 - 1.7.б. ЧСАМ в ранговом и в алфавитном порядке (прямом и инверсионном).
 - 1.8. ЧС корневых алломорфем (ЧСКА) и корневых морфем (ЧСКМ).
 - 1.8.а. ЧСКА в ранговом и в алфавитном порядке (прямом и инверсионном).
 - 1.8.б. ЧСКМ в ранговом и в алфавитном порядке (прямом и инверсионном).
 - 1.9. ЧС граммем (ЧСГ). ЧСГ в ранговом и в алфавитном порядке, а также в идеографическом порядке.
2. Заключение. Выводы.

3. Вероятностно-статистическая модель монгольского языка

Актуальность проблемы изучения количественных характеристик СМЯ обусловлена тем обстоятельством, что большинство этих характеристик до сих пор неизвестны ученым из-за отсутствия представительных и хотя бы относительно сбалансированных корпусов СМЯ, на материале которых могут быть применены дистрибутивно-статистические методы, позволяющие профессионально составлять высококачественные частотные словари и квантитативные грамматики, описывающие частотность единиц морфологии, дериватологии, синтаксиса и лексикологии.

Квантитативный подход позволяет классифицировать сами тексты в соответствии с языковыми стилями и жанрами, в рамках которых эти тексты создавались. Так как различия между стилями и жанрами «носят преимущественно статистический характер» [Шайкевич 1990: 231], то, таким образом, можно основать статистическую стилистику МЯ, описывающую и классифицирующую тексты МЯ на строго объективной базе.

Квантитативный подход к текстам открывает путь к изучению самого МЯ, поскольку сегменты текстов, являющиеся объектами подсчетов, соотнесены с единицами МЯ. Лингвостатистический метод позволяет количественно описывать поведение различных языковых единиц (букв, морфем, слов и т. д.) в письменном тексте: частоту употребления единиц, их распределение в текстах разного жанра, сочетаемость с другими единицами и т. д. «Одновременно накапливается обобщенная количественная информация о классах единиц, о языковых конструкциях (например, данные о средней длине слова или предложения, о частоте употребления каких-либо грамматических форм в тех или иных синтаксических функциях и т. д.). Такая информация углубляет описание единиц языка» [Шайкевич 1990: 231].

Например, простая констатация наличия форм множественного числа существительных в русском и монгольском языках недостаточна для выявления типологических различий, если не учитывать количественные различия в текстовом поведении соответствующих единиц. «Таким образом, создается перспектива превращения обычной структурной модели языка в структурно-вероятностную модель, в которой учитываются результаты статистического анализа текстов (в этой модели единицы языка обладают “весом”, измеряемыми оказываются языковые противопоставления и связи). Структурно-вероятностная модель языка отличается большей реалистичностью, особенно эффективна она в диахронических и типологических исследованиях <...>» [Шайкевич 1990: 231].

4) Частотные словари монгольского языка

«Верхушки» некоторых ЧС можно привести уже сейчас. Числовые показатели в колонке С обозначают относительную частоту (количество вхождений данной единицы на миллион словоформ⁶), в колонке D представлено количество текстов, в которых встретилась данная единица, а в колонке E — ранг данной единицы.

Что касается столбца D, который кажется довольно информативным, то здесь естественным образом возникает вопрос, почему в словарях словоформ и словарях лексем мы не видим никакого приближения к заветной цифре 966 (т. е. к единицам, встречающимся во всех текстах). Лишь показатель номинатива (NOM) в таблице грамматем более или менее приближается к этой цифре — 885. Причина такой странности заключена в следующем: в данном корпусе 4% приходится на газетные статьи и 2% — на современную поэзию, где по понятным причинам представлены короткие и сверхкороткие тексты. В общем случае число текстов, входящих в корпус, становится информативным, когда эти тексты примерно равны по объему (далеко не во всех корпусах соблюдается этот принцип); в противном случае параметр числа текстов отражает не столько употребительность единицы как таковую (во всем разнообразии тек-

⁶ Об использовании единицы ipm (item pro million) см. [Sharoff 2002; Ляшевская, Шаров 2009: 9].

стов), сколько ее употребительность в составе тех языковых жанров, к которым принадлежат короткие и сверхкороткие (т. е. газетные и поэтические) тексты.

4.1. Частотность словоформ в монгольском языке

Таблицы 3а—3с дают представление о частотности словоформ. В колонке А представлены словоформы, а в колонке В — приблизительный перевод слов МЯ (в их основных значениях) на русский язык.

Таблица 3а

Ранговый список словоформ с частотами более 922 ipm

А	В	С	Д	Е
нь	его, ее, их (также определенный артикль)	24463	666	1
гэж	что (изъяснительный союз)	13884	478	2
юм	(показатель ремы)	10052	529	3
ч	же	9883	540	4
л	-ка	6798	441	5
энэ	этот, он, она, оно, они	6629	463	6
тэр	тот, он, она, оно, они	5802	421	7
нэг	один, раз (актантная позиция)	5658	399	8
би	я (подлежащее)	5430	446	9
хүн	человек	5260	493	10
байна	является, имеется	4850	437	11
шиг	подобный	4619	526	12
хоёр	два, оба, и	4591	409	13
минь	мой (также определенный артикль)	4161	496	14
байгаа	быть (имперфективное причастие)	3667	340	15
бол	а, что касается (показатель темы)	3607	363	16
дээр	на	3340	461	17
чинь	твой (также определенный артикль)	3109	344	18
байсан	был (перфективное причастие)	2916	337	19
их	большой, очень	2908	403	20
дээ	-ка	2858	293	21
юу	что (номинатив); ли	2723	307	22
гээд	сказав	2626	275	23
чи	ты (подлежащее)	2621	289	24
уу	ли	2415	321	25
бас	тоже, также	2360	349	26
билээ	находится	2339	303	27
байх	быть	2313	316	28
сайхан	красивый	2217	429	29
байлаа	был	2191	265	30
шуу	не так ли?	2189	264	31
гэсэн	сказал	2091	314	32
вэ	(специальный вопрос)	2050	283	33
болж	становясь	2018	322	34
биш	не	1966	306	35
та	вы, Вы (подлежащее)	1966	259	36
гэдэг	поговаривают, сказывают, говорят	1926	322	37
одоо	теперь, сейчас	1884	283	38
миний	мой	1877	330	39
хар	черный; смотри	1817	315	40
газар	страна, земля	1813	331	41
үгүй	нет	1795	282	42
хүний	человека (генитив)	1761	389	43

А	В	С	Д	Е
<i>болсон</i>	стал	1701	317	44
<i>даа</i>	-ка	1674	283	45
<i>олон</i>	много	1655	371	46
<i>хэдэн</i>	сколько?	1620	266	47
<i>бид</i>	мы (подлежащее)	1614	281	48
<i>нэгэн</i>	один (атрибутивная позиция)	1582	337	49
<i>ямар</i>	какой?	1574	274	50
<i>сайн</i>	хороший	1529	266	51
<i>бөгөөд</i>	и	1524	189	52
<i>мэт</i>	словно, подобно, как будто	1507	287	53
<i>тэгээд</i>	сделав это	1492	232	54
<i>нар</i>	(множественное число)	1481	317	55
<i>сэтгэл</i>	мысль, намерение	1475	325	56
<i>хүү</i>	сын, мальчик, дитя	1472	220	57
<i>харин</i>	но	1453	307	58
<i>авч</i>	беря	1405	249	59
<i>байдаг</i>	бывает	1397	283	60
<i>орж</i>	входя	1396	252	61
<i>боловч</i>	хотя, несмотря на	1394	213	62
<i>гэтэл</i>	в то время как, между тем как, тем не менее, но, однако, и все же	1357	229	63
<i>цагаан</i>	белый	1350	305	64
<i>байж</i>	будучи, являясь	1347	273	65
<i>үг</i>	слово	1321	270	66
<i>болов</i>	стал	1318	247	67
<i>гарч</i>	выходя	1296	253	68
<i>мөн</i>	да, действительно, правильно	1268	243	69
<i>за</i>	да	1255	186	70
<i>тийм</i>	так	1254	254	71
<i>үү</i>	ли	1245	255	72
<i>байв</i>	быть (аорист)	1236	217	73
<i>ээ</i>	(звательная частица)	1225	261	74
<i>том</i>	большой, взрослый	1224	228	75
<i>өмнө</i>	перед	1219	248	76
<i>түүний</i>	его, ее, их (генитив)	1218	251	77
<i>гэхэд</i>	когда скажет	1216	195	78
<i>хэн</i>	кто? (подлежащее)	1174	267	79
<i>өөр</i>	особый, другой	1152	253	80
<i>намайг</i>	меня (аккузатив)	1126	252	81
<i>өдөр</i>	день	1125	264	82
<i>бие</i>	тело	1124	296	83
<i>эр</i>	мужчина, муж	1114	247	84
<i>гэвч</i>	хоть, однако, тем не менее, а, зато	1096	185	85
<i>ийм</i>	так	1090	269	86
<i>болох</i>	стать, становиться	1088	242	87
<i>өвгөн</i>	старик	1072	157	88
<i>хэрэг</i>	дело, работа	1043	208	89
<i>монгол</i>	монгольский	1004	199	90
<i>дуу</i>	звук, голос, крик, удар, песня	1002	280	91
<i>манай</i>	наш	993	213	92

А	В	С	Д	Е
<i>ер</i>	обычно, обыкновенно, вообще, просто, впрочем, значит, так, очень, только, вовсе, ничуть, совсем, совершенно, никогда, с давних времен; пожалуй, стало быть, видите ли, впрочем если, во всяком случае	988	200	93
<i>улаан</i>	красный	988	256	94
<i>муу</i>	плохой	972	213	95
<i>болно</i>	можно	963	228	96
<i>тул</i>	так как, потому что, ввиду, для, ради, за, чтобы	954	151	97
<i>эх</i>	мать; материнский	946	285	98
<i>гурван</i>	три (атрибутивная позиция)	928	223	99
<i>залуу</i>	молодой	922	282	100

Таблица 3б

Список словоформ с частотами более 922 ipm в прямом алфавитном порядке

А	В	С	Д	Е
<i>авч</i>	беря	1405	249	59
<i>байв</i>	быть (аорист)	1236	217	73
<i>байгаа</i>	быть (имперфективное причастие)	3667	340	15
<i>байдаг</i>	бывает	1397	283	60
<i>байж</i>	будучи, являясь	1347	273	65
<i>байлаа</i>	был	2191	265	30
<i>байна</i>	является, имеется	4850	437	11
<i>байсан</i>	был (перфективное причастие)	2916	337	19
<i>байх</i>	быть	2313	316	28
<i>бас</i>	тоже, также	2359	349	26
<i>би</i>	я (подлежащее)	5430	446	9
<i>бид</i>	мы (подлежащее)	1614	281	48
<i>бие</i>	тело	1124	296	83
<i>билээ</i>	находится	2339	303	27
<i>биш</i>	не	1966	306	35
<i>бол</i>	а, что касается (показатель темы)	3607	363	16
<i>болж</i>	становясь	2018	322	34
<i>болно</i>	можно	963	228	96
<i>болов</i>	стал	1318	247	67
<i>боловч</i>	хотя, несмотря на	1394	213	62
<i>болох</i>	стать, становиться	1088	242	87
<i>болсон</i>	стал	1701	317	44
<i>бөгөөд</i>	и	1524	189	52
<i>вэ</i>	(специальный вопрос)	2050	283	33
<i>газар</i>	страна, земля	1813	331	41
<i>гарч</i>	выходя	1296	253	68
<i>гурван</i>	три (атрибутивная позиция)	928	223	99
<i>гэвч</i>	хоть, однако, тем не менее, а, зато	1096	185	85
<i>гэдэг</i>	поговаривают, сказывают, говорят	1926	322	37
<i>гэж</i>	что (изъяснительный союз)	13884	478	2
<i>гэсэн</i>	сказал	2091	314	32
<i>гэтэл</i>	в то время как, между тем как, тем не менее, но, однако, и все же	1357	229	63
<i>гэхэд</i>	когда скажет	1216	195	78
<i>гээд</i>	сказав	2626	275	23

А	В	С	Д	Е
<i>даа</i>	-ка	1674	283	45
<i>дуу</i>	звук, голос, крик, удар; песня	1002	280	91
<i>дээ</i>	-ка	2858	293	21
<i>дээр</i>	на	3340	461	17
<i>ер</i>	обычно, обыкновенно, вообще, просто, впрочем, значит, так, очень, только, вовсе, ничуть, совсем, совершенно, никогда, с давних времен; пожалуй, стало быть, видите ли, впрочем если, во всяком случае	988	200	93
<i>за</i>	да	1255	186	70
<i>залуу</i>	молодой	922	282	100
<i>ийм</i>	так	1090	269	86
<i>их</i>	большой, очень	2908	403	20
<i>л</i>	-ка	6799	441	5
<i>манай</i>	наш	993	213	92
<i>миний</i>	мой	1877	330	39
<i>минь</i>	мой (также определенный артикль)	4161	496	14
<i>мөн</i>	да, действительно, правильно	1268	243	69
<i>монгол</i>	монгольский	1004	199	90
<i>муу</i>	плохой	972	213	95
<i>мэт</i>	словно, подобно, как будто	1507	287	53
<i>намайг</i>	меня (аккузатив)	1126	252	81
<i>нар</i>	(множественное число)	1481	317	55
<i>нь</i>	его, ее, их (также определенный артикль)	24463	666	1
<i>нэг</i>	один, раз (актантная позиция)	5658	399	8
<i>нэгэн</i>	один (атрибутивная позиция)	1582	337	49
<i>одоо</i>	теперь, сейчас	1884	283	38
<i>олон</i>	много	1655	371	46
<i>орж</i>	входя	1396	252	61
<i>өвгөн</i>	старик	1072	157	88
<i>өдөр</i>	день	1125	264	82
<i>өмнө</i>	перед	1219	248	76
<i>өөр</i>	особый, другой	1152	253	80
<i>сайн</i>	хороший	1529	266	51
<i>сайхан</i>	красивый	2217	429	29
<i>сэтгэл</i>	мысль, намерение	1475	325	56
<i>та</i>	вы, Вы (подлежащее)	1966	259	36
<i>тийм</i>	так	1254	254	71
<i>том</i>	большой, взрослый	1224	228	75
<i>тул</i>	так как, потому что, ввиду, для, ради, за, чтобы	954	151	97
<i>түүний</i>	его, ее, их (генитив)	1218	251	77
<i>тэгээд</i>	сделав это	1492	232	54
<i>тэр</i>	тот, он, она, оно, они	5802	421	7
<i>улаан</i>	красный	988	256	94
<i>уу</i>	ли	2415	321	25
<i>үг</i>	слово	1321	270	66
<i>үгүй</i>	нет	1795	282	42
<i>үү</i>	ли	1245	255	72
<i>хар</i>	черный; смотри	1817	315	40
<i>харин</i>	но	1453	307	58
<i>хоёр</i>	два, оба, и	4591	409	13
<i>хүн</i>	человек	5260	493	10

А	В	С	Д	Е
<i>хүний</i>	человека (генитив)	1761	389	43
<i>хүү</i>	сын, мальчик, дитя	1472	220	57
<i>хэдэн</i>	сколько?	1620	266	47
<i>хэн</i>	кто? (подлежащее)	1174	267	79
<i>хэрэг</i>	дело, работа	1043	208	89
<i>цагаан</i>	белый	1350	305	64
<i>ч</i>	же	9883	540	4
<i>чи</i>	ты (подлежащее)	2621	289	24
<i>чинь</i>	твой (также определенный артикль)	3109	344	18
<i>шиг</i>	подобный	4619	526	12
<i>шүү</i>	не так ли?	2189	264	31
<i>энэ</i>	этот, он, она, оно, они	6629	463	6
<i>эр</i>	мужчина, муж	1114	247	84
<i>эх</i>	мать; материнский	946	285	98
<i>ээ</i>	(звательная частица)	1225	261	74
<i>юм</i>	(показатель ремы)	10052	529	3
<i>юу</i>	что (номинатив); ли	2723	307	22
<i>ямар</i>	какой?	1574	274	50

Таблица 3с

Список словоформ с частотами выше 922 ipm в обратном алфавитном порядке

А	В	С	Д	Е
<i>байгаа</i>	быть (имперфективное причастие)	3667	340	15
<i>даа</i>	-ка	1674	283	45
<i>байлаа</i>	был	2191	265	30
<i>за</i>	да	1255	186	70
<i>байна</i>	является, имеется, есть	4850	437	11
<i>та</i>	вы, Вы (подлежащее)	1966	259	36
<i>байв</i>	быть (аорист)	1236	217	73
<i>болов</i>	стал	1318	247	67
<i>байдаг</i>	бывает	1397	283	60
<i>шиг</i>	подобный	4619	526	12
<i>намайг</i>	меня (аккузатив)	1126	252	81
<i>үг</i>	слово	1321	270	66
<i>гэдэг</i>	поговаривают, сказывают, говорят	1926	322	37
<i>нэг</i>	один, раз (актантная позиция)	5658	399	8
<i>хэрэг</i>	дело, работа	1043	208	89
<i>бид</i>	мы (подлежащее)	1614	281	48
<i>бөгөөд</i>	и	1524	189	52
<i>гэхэд</i>	когда скажет	1216	195	78
<i>гээд</i>	сказав	2626	275	23
<i>тэгээд</i>	сделав это	1492	232	54
<i>бие</i>	тело	1124	296	83
<i>байж</i>	будучи, являясь	1347	273	65
<i>болж</i>	становясь	2018	322	34
<i>орж</i>	входя	1396	252	61
<i>гэж</i>	что (изъяснительный союз)	13884	478	2
<i>би</i>	я (подлежащее)	5430	446	9
<i>чи</i>	ты (подлежащее)	2621	289	24
<i>манай</i>	наш	993	213	92
<i>миний</i>	мой	1877	330	39
<i>тууний</i>	его, ее, их (генитив)	1218	251	77

А	В	С	Д	Е
<i>хүний</i>	человека (генитив)	1761	389	43
<i>үгүй</i>	нет	1795	282	42
<i>л</i>	-ка	6798	441	5
<i>бол</i>	а, что касается (показатель темы)	3607	363	16
<i>монгол</i>	монгольский	1004	199	90
<i>тул</i>	так как, потому что, ввиду, для, ради, за, чтобы	954	151	97
<i>сэтгэл</i>	мысль, намерение	1475	325	56
<i>гэтэл</i>	в то время как, между тем как, тем не менее, но, однако, и все же	1357	229	63
<i>ийм</i>	так	1090	269	86
<i>тийм</i>	так	1254	254	71
<i>том</i>	большой, взрослый	1224	228	75
<i>юм</i>	(показатель ремы)	10052	529	3
<i>цагаан</i>	белый	1350	305	64
<i>улаан</i>	красный	988	256	94
<i>гурван</i>	три (атрибутивная позиция)	928	223	99
<i>байсан</i>	был (перфективное причастие)	2916	337	19
<i>сайхан</i>	красивый	2217	429	29
<i>харин</i>	но	1453	307	58
<i>сайн</i>	хороший	1529	266	51
<i>олон</i>	много	1655	371	46
<i>болсон</i>	стал	1701	317	44
<i>өвгөн</i>	старик	1072	157	88
<i>мөн</i>	да, действительно, правильно	1268	243	69
<i>хүн</i>	человек	5260	493	10
<i>нэгэн</i>	один (атрибутивная позиция)	1582	337	49
<i>хэдэн</i>	сколько?	1620	266	47
<i>гэсэн</i>	сказал	2091	314	32
<i>хэн</i>	кто? (подлежащее)	1174	267	79
<i>болно</i>	можно, достаточно, хватает	963	228	96
<i>одоо</i>	теперь, сейчас	1884	283	38
<i>өмнө</i>	перед	1219	248	76
<i>газар</i>	страна, земля	1813	331	41
<i>ямар</i>	какой?	1574	274	50
<i>нар</i>	(множественное число)	1481	317	55
<i>хар</i>	черный; смотри	1817	315	40
<i>ер</i>	обычно, обыкновенно, вообще, просто, впрочем, значит, так, очень, только, вовсе, ничуть, совсем, совершенно, никогда, с давних времен; пожалуй, стало быть, видите ли, впрочем если, во всяком случае	988	200	93
<i>хоёр</i>	два, оба, и	4591	409	13
<i>өдөр</i>	день	1125	264	82
<i>өөр</i>	особый, другой	1152	253	80
<i>эр</i>	мужчина, муж	1114	247	84
<i>тэр</i>	тот, он, она, оно, они	5802	421	7
<i>дээр</i>	на	3340	461	17
<i>бас</i>	тоже, также	2359	349	26
<i>мэт</i>	словно, подобно, как будто	1507	287	53
<i>уу</i>	ли	2415	321	25
<i>дуу</i>	звук, голос, крик, удар; песня	1002	280	91
<i>залуу</i>	молодой	922	282	100
<i>муу</i>	плохой	972	213	95

А	В	С	Д	Е
юу	что (номинатив); ли	2723	307	22
үү	ли	1245	255	72
хүү	сын, мальчик, дитя	1472	220	57
шүү	не так ли?	2189	264	31
их	большой, очень	2908	403	20
байх	быть	2313	316	28
болох	стать, становиться	1088	242	87
эх	мать; материнский	946	285	98
ч	же	9883	540	4
авч	беря	1405	249	59
боловч	хотя, несмотря на	1394	213	62
гэвч	хоть, однако, тем не менее, а, зато	1096	185	85
гарч	выходя	1296	253	68
биш	не	1966	306	35
нь	его, ее, их (также определенный артикль)	24463	666	1
минь	мой (также определенный артикль)	4161	496	14
чинь	твой (также определенный артикль)	3109	344	18
вэ	(специальный вопрос)	2050	283	33
энэ	этот, он, она, оно, они	6629	463	6
ээ	(звательная частица)	1225	261	74
дээ	-ка	2858	293	21
билээ	находится	2339	303	27

4.2. Частотность лексем в монгольском языке

Таблицы 4а—4с дают представление о частотности лексем. В колонке А представлены лексемы, а в колонке В дается примерный перевод слов МЯ (в их основных значениях) на русский язык.

Так как работа велась по корпусу с неснятой омонимией, то иногда статус лексем получают не собственно лексемы, а дизъюнктивные пучки (частично) омонимических лексем. Однако информация о частотности таких единиц в корпусе является не менее ценной, нежели информация о частотности собственно лексем. Во всяком случае, для получения информации о количественных характеристиках лексики и грамматики МЯ не стоит ждать, пока будет создан корпус со снятой омонимией: ждать придется слишком долго, и в любом случае данные, полученные на основе корпуса со снятой омонимией, будут базироваться на малых эмпирических фактах, что обесценит их статистическую значимость.

Таблица 4а

Ранговый список лексем с частотами выше 1198 ipm

А	В	С	Д	Е
нь	его, ее, их (также определенный артикль)	24463	666	1
гэж	что (изъяснительный союз)	13888	478	2
байх	быть	13638	525	3
юм ~ юм(ан)	(показатель ремы)	10409	531	4
ч	же	9883	540	5
болох	стать, становиться	9673	528	6
явах	уходить	7327	511	7
л	-ка	6845	443	8
энэ	этот, он, она, оно, они	6637	463	9
тэр	тот, он, она, оно, они	6025	427	10
нэг(эн)	один	5749	402	11
хүн	человек	5539	497	12
ирэх	приходить	5497	439	13
би	я	5435	448	14
байн ~ байх	быть	5365	449	15

А	В	С	Д	Е
<i>хоёр</i>	два, оба, и	5197	427	16
<i>шиг ~ шигэх</i>	подобный	4624	526	17
<i>дээр</i>	на	4445	503	18
<i>байг ~ бай</i> <i>~ байх</i>	будь	4322	362	19
<i>минь</i>	мой (также определенный артикль)	4163	497	20
<i>хэлэх</i>	разговаривать	3646	348	21
<i>бол</i>	а, что касается (показатель темы)	3609	363	22
<i>гарах</i>	выходить	3329	392	23
<i>чинь</i>	твой (также определенный артикль)	3110	344	24
<i>орох</i>	входить	3051	363	25
<i>гэх</i>	сказать, говорить	3019	328	26
<i>их</i>	большой, очень	3012	411	27
<i>дээ</i>	-ка	2864	294	28
<i>юу ~ юу(н)</i>	что?	2725	307	29
<i>чи</i>	ты	2661	307	30
<i>бодох</i>	думать, вычислять, стремиться	2638	303	31
<i>гээд ~ гээ ~ гэх</i>	сказав	2627	275	32
<i>сэтгэл</i>	мысль, намерение	2465	405	33
<i>сайхан</i>	красивый	2448	458	34
<i>уу ~ уух</i>	ли	2424	322	35
<i>харах</i>	смотреть	2386	343	36
<i>бас</i>	тоже, также	2365	350	37
<i>билээ</i>	находится	2340	303	38
<i>мэдэх</i>	знать	2266	316	39
<i>үзэх</i>	видеть	2158	355	40
<i>өгөх</i>	дать, давать	2127	307	41
<i>гэсэх ~ гэх</i>	сказать, говорить	2101	314	42
<i>вэ</i>	(специальный вопрос)	2052	284	43
<i>гэдэг ~ гэх</i>	поговаривают, сказывают, говорят	2050	325	44
<i>биш</i>	нет	2039	310	45
<i>та</i>	вы, Вы	1986	261	46
<i>хүү</i>	сын, мальчик, дитя	1956	243	47
<i>суух</i>	сидеть	1949	358	48
<i>миний ~ минь</i>	мой	1934	330	49
<i>одоо ~ одох</i> <i>~ од</i>	теперь, сейчас	1888	285	50
<i>хар</i>	черный, смотри	1858	322	51
<i>бие</i>	тело	1855	365	52
<i>үгүй</i>	нет	1819	283	53
<i>хийх</i>	делать	1819	278	54
<i>нар ~ нар(ан)</i>	(множественное число)	1768	336	55
<i>яах</i>	что делать?	1764	279	56
<i>даа</i>	-ка	1692	286	57
<i>очих</i>	идти, ехать, пойти, поехать	1688	279	58
<i>нэгэн ~ нэг(эн)</i>	один	1656	347	59
<i>олон ~ олох</i>	много	1656	371	60
<i>ярих</i>	беседовать	1645	250	61
<i>сайн</i>	хороший	1629	275	62
<i>хэд(эн)</i>	сколько?	1624	267	63
<i>бид ~ **бид(эн)</i>	мы	1615	281	64

А	В	С	Д	Е
<i>ямар</i>	какой?	1584	276	65
<i>цаг</i>	время, период, час, часы	1575	350	66
<i>бөгөөд</i>	и	1540	191	67
<i>өөр</i>	особый, другой	1518	300	68
<i>мэт</i>	словно, подобно, как будто	1517	287	69
<i>зүг</i>	сторона, страна света, направление	1514	277	70
<i>тэгээд ~ тэгэх</i>	сделав так	1492	232	71
<i>тал</i>	поле, степь; сторона, место, половина, часть, доля	1476	318	72
<i>харин ~ харих</i>	но	1466	310	73
<i>хүмүүс</i>	люди	1446	261	74
<i>авч ~ авах</i>	беря	1423	249	75
<i>бай ~ байх</i>	мишень, цель; расстояние, путь; приз; перестань!	1408	283	76
<i>цагаан ~ цагаа(н)</i>	белый	1396	308	77
<i>боловч ~ болох</i>	хотя, несмотря на	1395	213	78
<i>гурав</i>	три	1393	263	79
<i>өдөр</i>	день	1391	307	80
<i>үг(эн)</i>	слово	1390	277	81
<i>өмнө</i>	перед	1383	271	82
<i>гаргах</i>	выносить, выпускать, издавать, выгонять	1377	273	83
<i>дуу ~ дуу(н)</i>	звук, голос, крик, удар; песня	1366	299	84
<i>гэтэл ~ гэх</i>	в то время как, между тем как, тем не менее, но, однако, и все же	1357	230	85
<i>тийм</i>	да, действительно, правильно	1355	64	86
<i>нүдэх ~ нүд(эн)</i>	глаза	1336	268	87
<i>барих</i>	держать в руках, хватать, ловить	1326	265	88
<i>хүрэх</i>	доходить, доезжать, достигать	1305	274	89
<i>морь (морин)</i>	лошадь, конь	1300	168	90
<i>авах</i>	брат, взять	1295	239	91
<i>мөн</i>	да, действительно, правильно	1292	246	92
<i>бүхэн</i>	весь, все, каждый, всякий	1282	285	93
<i>толгой</i>	голова	1262	261	94
<i>за</i>	да	1258	186	95
<i>том</i>	большой, взрослый	1251	231	96
<i>үү ~ үүх</i>	ли	1246	130	97
<i>ээ ~ ээх</i>	о!; эх!; фу!; да!; ой!; эй!; увы!; ах!	1226	261	98
<i>түүний ~ түүн ~ тэр</i>	его, ее, их (притяжательное местоимение)	1219	252	99
<i>тэгэх</i>	делать так, делать это	1198	245	100

Таблица 4б

Список лексем с частотами более 1198 ipm в прямом алфавитном порядке

А	В	С	Д	Е
<i>авах</i>	брат, взять	1295	239	91
<i>авч ~ авах</i>	беря	1423	249	75
<i>бай ~ байх</i>	мишень, цель; расстояние, путь; приз; перестань!	1408	283	76

А	В	С	Д	Е
<i>байг</i> ~ <i>бай</i> ~ <i>байх</i>	будь	4322	362	19
<i>байн</i> ~ <i>байх</i>	быть	5365	449	15
<i>байх</i>	быть	13638	525	3
<i>барих</i>	держать в руках, хватать, ловить	1326	265	88
<i>бас</i>	тоже, также	2365	350	37
<i>би</i>	я	5435	448	14
<i>бид</i> ~ ** <i>бид(эн)</i>	мы	1615	281	64
<i>бие</i>	тело	1855	365	52
<i>билээ</i>	находится	2340	303	38
<i>биш</i>	нет	2039	310	45
<i>бодох</i>	думать, вычислять, стремиться	2638	303	31
<i>бол</i>	а, что касается (показатель темы)	3609	363	22
<i>боловч</i> ~ <i>болох</i>	хотя, несмотря на	1395	213	78
<i>болох</i>	стать, становиться	9673	528	6
<i>бөгөөд</i>	и	1540	191	67
<i>бүхэн</i>	весь, все, каждый, всякий	1282	285	93
<i>вэ</i>	(специальный вопрос)	2052	284	43
<i>гарах</i>	выходить	3329	392	23
<i>гаргах</i>	выносить, выпускать, издавать, выгонять	1377	273	83
<i>гурав</i>	три	1393	263	79
<i>гэдэг</i> ~ <i>гэх</i>	поговаривают, сказывают, говорят	2050	325	44
<i>гэж</i>	что (изъяснительный союз)	13888	478	2
<i>гэсэх</i> ~ <i>гэх</i>	сказать, говорить	2101	314	42
<i>гэтэл</i> ~ <i>гэх</i>	в то время как, между тем как, тем не менее, но, однако, и все же	1357	230	85
<i>гэх</i>	сказать, говорить	3019	328	26
<i>гээд</i> ~ <i>гээ</i> ~ <i>гэх</i>	сказав	2627	275	32
<i>даа</i>	-ка	1692	286	57
<i>өдөр</i>	день	1391	307	80
<i>дуу</i> ~ <i>дуу(н)</i>	звук, голос, крик, удар; песня	1366	299	84
<i>дээ</i>	-ка	2864	294	28
<i>дээр</i>	на	4445	503	18
<i>за</i>	да	1258	186	95
<i>зүг</i>	сторона, страна света, направление	1514	277	70
<i>ирэх</i>	приходить	5497	439	13
<i>их</i>	большой, очень	3012	411	27
<i>л</i>	-ка	6845	443	8
<i>миний</i> ~ <i>минь</i>	мой	1934	330	49
<i>минь</i>	мой (также определенный артикль)	4163	497	20
<i>өмнө</i>	перед	1383	271	82
<i>мөн</i>	да, действительно, правильно	1292	246	92
<i>морь (морин)</i>	лошадь, конь	1300	168	90
<i>мэдэх</i>	знать	2266	316	39
<i>мэт</i>	словно, подобно, как будто	1517	287	69
<i>нар</i> ~ <i>нар(ан)</i>	(множественное число)	1768	336	55
<i>нүдэх</i> ~ <i>нүд(эн)</i>	глаза	1336	268	87
<i>нь</i>	его, ее, их (также определенный артикль)	24463	666	1
<i>нэг(эн)</i>	один	5749	402	11
<i>нэгэн</i> ~ <i>нэг(эн)</i>	один	1656	347	59

А	В	С	Д	Е
<i>одоо ~ одох</i> ~ <i>од</i>	теперь, сейчас	1888	285	50
<i>олон ~ олох</i>	много	1656	371	60
<i>орох</i>	входить	3051	363	25
<i>очих</i>	идти, ехать, пойти, поехать	1688	279	58
<i>өгөх</i>	дать, давать	2127	307	41
<i>өөр</i>	особый, другой	1518	300	68
<i>сайн</i>	хороший	1629	275	62
<i>сайхан</i>	красивый	2448	458	34
<i>суух</i>	сидеть	1949	358	48
<i>сэтгэл</i>	мысль, намерение	2465	405	33
<i>та</i>	вы, Вы	1986	261	46
<i>тал</i>	поле, степь; сторона, место, половина, часть, доля	1476	318	72
<i>тийм</i>	да, действительно, правильно	1355	64	86
<i>толгой</i>	голова	1262	261	94
<i>том</i>	большой, взрослый	1251	231	96
<i>түүний ~</i> <i>түүн ~ тэр</i>	его, ее, их (притяжательное местоимение)	1219	252	99
<i>тэгэх</i>	делать так, делать это	1198	245	100
<i>тэгээд ~</i> <i>тэгэх</i>	сделав так	1492	232	71
<i>тэр</i>	тот, он, она, оно, они	6025	427	10
<i>уу ~ уух</i>	ли	2424	322	35
<i>үг(эн)</i>	слово	1390	277	81
<i>үгүй</i>	нет	1819	283	53
<i>үзэх</i>	видеть	2158	355	40
<i>үү ~ үүх</i>	ли	1246	130	97
<i>хар</i>	черный; смотри	1858	322	51
<i>харах</i>	смотреть	2386	343	36
<i>харин ~ харих</i>	но	1466	310	73
<i>хийх</i>	делать	1819	278	54
<i>хоёр</i>	два, оба, и	5197	427	16
<i>хүмүүс</i>	люди	1446	261	74
<i>хүн</i>	человек	5539	497	12
<i>хүрэх</i>	доходить, доезжать, достигать	1305	274	89
<i>хүү</i>	сын, мальчик, дитя	1956	243	47
<i>хэд(эн)</i>	сколько?	1624	267	63
<i>хэлэх</i>	разговаривать	3646	348	21
<i>цаг</i>	время, период, час, часы	1575	350	66
<i>цагаан ~</i> <i>цагаа(н)</i>	белый	1396	308	77
<i>ч</i>	же	9883	540	5
<i>чи</i>	ты	2661	307	30
<i>чинь</i>	твой (также определенный артикль)	3110	344	24
<i>шиг ~ шигэх</i>	подобный	4624	526	17
<i>энэ</i>	этот, он, она, оно, они	6637	463	9
<i>ээ ~ ээх</i>	о!; эх!; фу!; да!; ой!; эй!; увы!; ах!	1226	261	98
<i>юм ~ юм(ан)</i>	(показатель ремы)	10409	531	4
<i>юу ~ юу(н)</i>	что?	2725	307	29
<i>яах</i>	что делать?	1764	279	56
<i>явах</i>	уходить	7327	511	7
<i>ямар</i>	какой?	1584	276	65
<i>ярих</i>	беседовать	1645	250	61

Список лексем с частотами более 1198 ipm в обратном алфавитном порядке

A	B	C	D	E
<i>даа</i>	-ка	1692	286	57
<i>за</i>	да	1258	186	95
<i>та</i>	вы, Вы	1986	261	46
<i>гурав</i>	три	1393	263	79
<i>цаг</i>	время, период, час, часы	1575	350	66
<i>шиг ~ шигэх</i>	подобный	4624	526	17
<i>үг(эн)</i>	слово	1390	277	81
<i>зүг</i>	сторона, страна света, направление	1514	277	70
<i>нэг(эн)</i>	один	5749	402	11
<i>нэгэн ~ нэг(эн)</i>	один	1656	347	59
<i>нүдэх ~ нүд(эн)</i>	глаза	1336	268	87
<i>хэд(эн)</i>	сколько?	1624	267	63
<i>би</i>	я	5435	448	14
<i>чи</i>	ты	2661	307	30
<i>миний ~ минь</i>	мой	1934	330	49
<i>түүний ~ түүн ~ тэр</i>	его, ее, их (притяжательное местоимение)	1219	252	99
<i>бид ~ **бид(эн)</i>	мы	1615	281	64
<i>бөгөөд</i>	и	1540	191	67
<i>бие</i>	тело	1855	365	52
<i>гэж</i>	что (изъяснительный союз)	13888	478	2
<i>толгой</i>	голова	1262	261	94
<i>үгүй</i>	нет	1819	283	53
<i>л</i>	-ка	6845	443	8
<i>тал</i>	поле, степь; сторона, место, половина, часть, доля	1476	318	72
<i>бол</i>	а, что касается (показатель темы)	3610	363	22
<i>сэтгэл</i>	мысль, намерение	2465	405	33
<i>тийм</i>	да, действительно, правильно	1355	64	86
<i>том</i>	большой, взрослый	1251	231	96
<i>юм ~ юм(ан)</i>	(показатель ремы)	10409	531	4
<i>цагаан ~ цагаа(н)</i>	белый	1396	308	77
<i>сайхан</i>	красивый	2448	458	34
<i>харин ~ харих</i>	но	1466	310	73
<i>сайн</i>	хороший	1629	275	62
<i>олон ~ олох</i>	много	1656	371	60
<i>мөн</i>	да, действительно, правильно	1292	246	92
<i>хүн</i>	человек	5539	497	12
<i>бүхэн</i>	весь, все, каждый, всякий	1282	285	93
<i>одоо ~ одох ~ од</i>	теперь, сейчас	1888	285	50
<i>өмнө</i>	перед	1383	271	82
<i>ямар</i>	какой?	1584	276	65
<i>нар ~ нар(ан)</i>	(множественное число)	1768	336	55

A	B	C	D	E
<i>хар</i>	черный; смотри	1858	322	51
<i>хоёр</i>	два, оба, и	5197	427	16
<i>өдөр</i>	день	1391	307	80
<i>өөр</i>	особый, другой	1518	300	68
<i>тэр</i>	тот, он, она, оно, они	6025	427	10
<i>дээр</i>	на	4445	503	18
<i>бас</i>	тоже, также	2365	350	37
<i>хүмүүс</i>	люди	1446	261	74
<i>мэт</i>	словно, подобно, как будто	1517	287	69
<i>уу ~ уух</i>	ли	2424	322	35
<i>дуу ~ дуу(н)</i>	звук, голос, крик, удар; песня	1366	299	84
<i>юу ~ юу(н)</i>	что?	2725	307	29
<i>үү ~ үүх</i>	ли	1246	130	97
<i>хүү</i>	сын, мальчик, дитя	1956	243	47
<i>авах</i>	брать, взять	1295	239	91
<i>авч ~ авах</i>	беря	1423	249	75
<i>явах</i>	уходить	7327	511	7
<i>гаргах</i>	выносить, выпускать, издавать, выгонять	1377	273	83
<i>гарах</i>	выходить	3329	392	23
<i>харах</i>	смотреть	2386	343	36
<i>яах</i>	что делать?	1764	279	56
<i>их</i>	большой, очень	3012	411	27
<i>барих</i>	держат в руках, хватать, ловить	1326	265	88
<i>ярих</i>	беседовать	1645	250	61
<i>очих</i>	идти, ехать, пойти, поехать	1688	279	58
<i>байх</i>	быть	13639	525	3
<i>бай ~ байх</i>	мишень, цель; расстояние, путь; приз; перестань!	1408	283	76
<i>байг ~ бай ~ байх</i>	будь	4322	362	19
<i>байн ~ байх</i>	быть	5369	449	15
<i>хийх</i>	делать	1819	278	54
<i>бодох</i>	думать, вычислять, стремиться	2638	303	31
<i>болох</i>	стать, становиться	9673	528	6
<i>боловч ~ болох</i>	хотя, несмотря на	1395	213	78
<i>орох</i>	входить	3051	363	25
<i>өгөх</i>	дать, давать	2127	307	41
<i>суух</i>	сидеть	1949	358	48
<i>гэх</i>	сказать, говорить	3019	328	26
<i>гэдэг ~ гэх</i>	поговаривают, сказывают, говорят	2050	325	44
<i>гээд ~ гээ ~ гэх</i>	сказав	2627	275	32
<i>гэтэл ~ гэх</i>	в то время как, между тем как, тем не менее, но, однако, и все же	1357	230	85
<i>гэсэх ~ гэх</i>	сказать, говорить	2101	314	42
<i>тэгэх</i>	делать так, делать это	1198	245	100
<i>тэгээд ~ тэгэх</i>	сделав так	1492	232	71
<i>мэдэх</i>	знать	2266	316	39
<i>үзэх</i>	видеть	2158	355	40
<i>хэлэх</i>	разговаривать	3646	348	21
<i>ирэх</i>	приходить	5497	439	13

А	В	С	Д	Е
<i>хурэх</i>	доходить, доезжать, достигать	1305	274	89
<i>ч</i>	же	9883	540	5
<i>биш</i>	нет	2039	310	45
<i>нь</i>	его, ее, их (также определенный артикль)	24463	666	1
<i>минь</i>	мой (также определенный артикль)	4163	497	20
<i>чинь</i>	твой (также определенный артикль)	3110	344	24
<i>морь (морин)</i>	лошадь, конь	1300	168	90
<i>вэ</i>	(специальный вопрос)	2052	284	43
<i>энэ</i>	этот, он, она, оно, они	6637	463	9
<i>ээ ~ ээх</i>	о!; эх!; фу!; да!; ой!; эй!; увы!; ах!	1226	261	98
<i>дээ</i>	-ка	2864	294	28
<i>билээ</i>	находится	2340	303	38

Из «верхушек» языковых единиц в ранговых словарях можно извлечь немало ценных сведений, которые предоставляют почву для наблюдений типологического характера. Приведем несколько примеров таких наблюдений.

1) **Союз *богөөд* ‘и’** занимает всего лишь 52-е место в ЧС словоформ и 67-е место в ЧС лексем МЯ. Ср.: союз *and* в английских ЧС занимает 3-е (или 4-е, или 5-е) место; союз *и* в русском ЧС занимает 1-е место.

Такая большая разница в частотности союза ‘и’ в МЯ (с одной стороны), английском и русском языках (с другой) объясняется следующими факторами. Монгольский язык «предпочитает» бессоюзные конструкции: частота бессоюзия обычно компенсируется явлением т. н. алтайского типа сочинения, предполагающего групповую флексию при сочинении существительных и богатство системы деепричастного таксиса в сфере глагола.

2) **Притяжательные местоимения** (особенно клитизованные) имеют очень высокую частоту в МЯ.

Например, *нь* (букв. ‘его, ее, их’) занимает 1-е место в ЧС лексем и 1-е место в ЧС словоформ МЯ. Ср.: в английских ЧС *his* ‘его’ занимает 25-е (или 23-е, или 12-е) место, *her* ‘ее’ — 42-е (или 29-е, или 13-е) место, *its* ‘его’ — 78-е (или 77-е, или 142-е) место, *their* ‘их’ — 36-е (или 39-е, или 61-е) место. В русских ЧС притяжательное местоимение *его* занимает 41-е (или 50-е) место, *её* — 72-е (или 121-е) место, *их* — 86-е (или 134-е) место.

Притяжательное местоимение *минь* (букв. ‘мой’) занимает 14-е место в ЧС словоформ и 20-е место в ЧС лексем МЯ. Ср.: в английских ЧС *my* ‘мой’ занимает 44-е (или 34-е, или 24-е) место; в русских ЧС *мой* занимает 60-е (или 69-е) место.

Притяжательное местоимение *чинь* (букв. ‘твой’) занимает 18-е место в ЧС словоформ и 24-е место в ЧС лексем МЯ. Ср.: в английских ЧС *your* ‘твой’ занимает 69-е (или 64-е, или 62-е) место; в русских ЧС *твой* занимает 266-е (или 579-е) место.

Эта существенная разница объясняется тем, что в монгольском языке есть грамматическая категория притяжания, которая может быть выражена синтетически или аналитически. Аналитические средства выражения этой категории — энклитизованные притяжательные местоимения, в монгольском языке фактически играющие роль, сходную с той, которую во многих артиклевых европейских языках (например, романских и германских) играют артикли.

Если сравнить западноевропейские притяжательные местоимения с русскими, то можно убедиться, что западноевропейские притяжательные местоимения используются чаще, чем русские. Например, при переводе с русского языка на английский и обратно такие факты проявляются особенно ярко: ср. такие переводные эквиваленты, как *жена* — *my wife (your wife, his wife)*, *мать* — *my mother (your mother, his mother, her mother, our mother)*, *муж* — *my husband (your husband, her husband)*, *отец* — *my father (your father, his father, her father, our father)*, *нос* — *my nose (your nose, his nose, her nose)*, *голова* — *my head (your head, his head, her head)* и т. д.

Сравнение ЧС показывает, что монгольский язык, как и другие алтайские, продвинулся по шкале грамматикализации притяжательных местоимений еще дальше, чем западноевропейские языки. В результате этого продвижения сами притяжательные местоимения подверглись мощному процессу генерализации, транспозиции и десемантизации: они играют уже не только и не столько роль показателей притяжательности в собственном смысле слова, сколько роль показателей определенности, топикальности и субстантивации. Но такой процесс свойственен всем грамматическим категориям, так что сам факт

наличия у притяжательных показателей вторичных (непритяжательных) функций на самом деле парадоксальным образом демонстрирует их грамматикализованный характер.

4.3. Частотность грамматем в монгольском языке

Таблицы 5а—5с дают представление о частотности грамматем. В колонке А представлены грамматемы, а в колонке В дается разъяснение используемой нотации.

Так как работа велась по корпусу с неснятой омонимией, то иногда статус грамматем получают не собственно грамматемы, а дизъюнктивные пучки (частично) омонимических грамматем. Тем не менее, информация о частотности таких единиц в корпусе представляет не меньшую ценность, нежели информация о частотности собственно грамматем. Приведенные выше соображения о целесообразности использования корпуса с неснятой омонимией *mutatis mutandis* относятся и к грамматике.

Наличие в составе дизъюнктивных пучков грамматем таких пучков, в которых левый член дизъюнкции тождественен правому, объясняется тем, что в МЯ немало частично-омонимических пар, (а) внутри которых налицо отношение субкатегориальной конверсии (один из членов пары принадлежит к тематическому склонению, а другой — к атематическому), а также (б) члены которых различаются тем, что в исходе одного из них стоит «устойчивое» *н*, а в исходе другого — «неустойчивое» *н*.

Таблица 5а

Ранговый список грамматем с частотами выше 761 ipm

А	В	С	Д	Е
NOM	номинатив	281693	885	1
0	единственная форма неизменяемого слова	93457	865	2
CONV.CNGR	деепричастие конгрессивное ⁷	50196	806	3
NOM ~ GEN-NOM	номинатив ~ генитивный атрибут в номинативе	34055	857	4
PART.PROSP-NOM	причастие проспективного ⁸ вида в номинативе	30514	794	5
CONV.MOD	деепричастие модификативное ⁹	23820	733	6
NOM ~ CONV.MOD	номинатив ~ деепричастие модификативное	23777	777	7
PART.PFCT-NOM	причастие перфективного вида в номинативе	23659	767	8
NOM ~ ABS-NOM	номинатив ~ абсолютный номинатив	23602	753	9
GEN-NOM	генитивный атрибут в номинативе	16387	779	10
NOM ~ VF.OPT.IMP	номинатив ~ предикативная роль, оптатив ¹⁰ , императив	12322	675	11
DAT	датов	11860	753	12
VF.IND.AOR	предикативная роль, индикатив ¹¹ , аорист	11502	489	13
POSS.REFL	возвратно-притяжательная форма	10404	664	14
NOM ~ DAT	номинатив ~ датив	9257	639	15
REL-NOM	общий атрибут в номинативе	9122	662	16
NOM ~ REL-NOM	номинатив ~ общий атрибут в номинативе	8675	677	17
NOM ~ COM-NOM	номинатив ~ комитативный ¹² атрибут в номинативе	8229	646	18
NOM ~ VF.OPT.JUSS	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, юссив	8070	666	19
CONV.ANT	деепричастие антецессивное ¹³	8031	548	20
PART.PROSP-DAT	причастие проспективного вида в дативе	7072	490	21
VF.IND.PRS I	предикативная роль, индикатив, I-й презенс	6936	590	22

⁷ «одновременностное»

⁸ «прозревательное», «предвосхитительное», «прогностическое»

⁹ деепричастие образа действия, в других терминах — «слитное деепричастие»

¹⁰ Оптатив трактуется как репрезентация (субпарадигма), включающая в себя императив, юссив, волонтиатив и т. д.

¹¹ Индикатив трактуется как репрезентация (субпарадигма), включающая в себя презенс, аорист, перфект и профект.

¹² «совместный»

¹³ «предшествовательное»

A	B	C	D	E
GEN / ACC	усеченная ¹⁴ форма генитива-аккузатива	6496	573	23
ACC	аккузатив	6383	647	24
ABL	аблатив	4746	532	25
PART.US-NOM	причастие узуального вида в номинативе	4708	477	26
0 ~ VF.OPT.IMP	единственная форма неизменяемого слова ~ предикативная роль, оптатив, императив	4624	526	27
A.COM-NOM ~ DAT	комитативно-адъективный атрибут в номинативе ~ датив	4610	552	28
NOM ~ ACC ~ VF.OPT.JUSS	номинатив ~ аккузатив ~ предикативная роль, оптатив, юссив	4436	377	29
VF.OPT.IMP	предикативная роль, оптатив, императив	4058	457	30
NOM ~ DAT ~ CONV.ANT	номинатив ~ датив ~ деепричастие антецессивное	3979	329	31
NOM ~ CONV.CNGR	номинатив ~ деепричастие конгрессивное	3920	401	32
NOM ~ CAR-NOM	номинатив ~ каритивный ¹⁵ атрибут в номинативе	3807	461	33
NOM ~ GEN-NOM ~ GEN-NOM	номинатив ~ генитивный атрибут в номинативе ~ генитивный атрибут в номинативе	3647	478	34
NOM ~ PART.PFCT -NOM	номинатив ~ причастие перфективного вида в номинативе	3352	534	35
VF.IND.PROF-EMPH	предикативная роль, индикатив, профект, эмфаза	3308	370	36
NOM ~ PART.PROSP -CAR-NOM	номинатив ~ причастие проспективного вида, каритивный атрибут в номинативе	3278	390	37
NOM ~ A.COM-NOM ~ DAT	номинатив ~ комитативно-адъективный атрибут в номинативе ~ датив	3274	509	38
COM-NOM	комитативный атрибут в номинативе	3157	415	39
NOM ~ CONV.ANT	номинатив ~ деепричастие антецессивное	3147	363	40
DAT ~ CONV.ANT	датив ~ деепричастие антецессивное	3115	390	41
NOM ~ CONV.TERM	номинатив ~ деепричастие целевое	3024	369	42
CONV.MOD ~ PART.PFCT-NOM	деепричастие модификативное ~ причастие перфективного вида в номинативе	2952	365	43
INSTR	инструменталис	2910	449	44
NOM ~ VF.IND.PRS I	номинатив ~ предикативная роль, индикатив, 1-й презенс	2899	353	45
VF.IND.PFCT -EMPH	предикативная роль, индикатив, перфект, эмфаза	2891	343	46
NOM ~ REL-NOM ~ CONV.MOD	номинатив ~ общий атрибут в номинативе ~ деепричастие модификативное	2822	470	47
NOM ~ PART.US-NOM	номинатив ~ причастие узуального вида в номинативе	2705	388	48
NOM ~ CONV.CONC	номинатив ~ деепричастие уступительное ¹⁶	2557	281	49
VF.OPT.VOL	предикативная роль, оптатив, волонтиатив	2512	347	50
REL-NOM ~ CONV.MOD	общий атрибут в номинативе ~ деепричастие модификативное	2390	403	51
VF.IND.PROF (Q)	предикативная роль, индикатив, профект (предвопросительная форма)	2362	295	52
PART.PFCT -POSS.REFL	причастие перфективного вида, возвратно-притяжательная форма	2337	272	53

¹⁴ Усеченная форма употребляется перед притяжательными местоименными клитиками.

¹⁵ «лишительный»

¹⁶ «концессивное» в международной терминологии

A	B	C	D	E
NOM ~ ACC	номинатив ~ аккумулятив	2333	368	54
PART.IPFV -NOM ~ POSS.REFL	причастие имперфективного вида в номинативе ~ возвратно-притяжательная форма	2261	395	55
VF.OPT.IMP ~ ABS-NOM	предикативная роль, опатив, императив ~ абсолютивный номинатив	2104	351	56
POSS.REFL ~ VF.IND.PROF-EMPH	возвратно-притяжательная форма ~ предикативная роль, индикатив, профект, эмфаза	2013	400	57
PART.PROSP -DAT-POSS.REFL	причастие проспективного вида в дативе, возвратно-притяжательная форма	2001	330	58
CONV.PERSEV	деепричастие персеверативное	2000	371	59
NOM ~ PART.IPFV ~ POSS.REFL	номинатив ~ причастие имперфективного вида ~ возвратно-притяжательная форма	1940	297	60
NOM ~ VF.OPT.IMP ~ DAT	номинатив ~ предикативная роль, опатив, императив ~ датив	1939	340	61
PART.IPFV-NOM	причастие имперфективного вида в номинативе	1879	351	62
NOM ~ CONV.COND1	номинатив ~ деепричастие условное ¹⁷ № 1	1845	313	63
NOM ~ POSS.REFL	номинатив ~ возвратно-притяжательная форма	1838	325	64
NOM ~ ABL	номинатив ~ аблатив	1825	377	65
CONV.COND1	деепричастие условное № 1	1778	330	66
NOM ~ VF.IND.AOR	номинатив ~ предикативная роль, индикатив, аорист	1713	281	67
PART.PROSP -CAR-NOM	причастие проспективного вида, каритивный атрибут в номинативе	1663	333	68
ACC ~ ACC	аккумулятив ~ аккумулятив	1651	335	69
PART.PFCT -GEN-NOM	причастие перфективного вида, генитивный атрибут в номинативе	1644	284	70
NOM ~ PART.IPFCT -NOM ~ POSS.REFL	номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе ~ возвратно-притяжательная форма	1619	303	71
NOM ~ PART.ACT -NOM	номинатив ~ причастие активного залога в номинативе	1569	341	72
PART.PROSP -GEN-NOM	причастие проспективного вида, генитивный атрибут в номинативе	1562	320	73
CONV.TERM	деепричастие целевое ¹⁸	1481	281	74
POSS.REFL ~ POSS.REFL	возвратно-притяжательная форма ~ возвратно-притяжательная форма	1397	276	75
A.COM-NOM	комитативно-адъективный атрибут в номинативе	1357	341	76
DAT ~ DAT	датив ~ датив	1311	353	77
ABS-NOM ~ PART.IPFCT-NOM	абсолютивный номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе	1297	312	78
GEN-NOM ~ GEN- NOM	генитивный атрибут в номинативе ~ генитивный атрибут в номинативе	1216	322	79
REL-DAT	тематический датив	1202	315	80
NOM ~ DAT ~ DAT	номинатив ~ датив ~ датив	1168	266	81
PART.PROSP-ACC	причастие проспективного вида в аккумулятиве	1148	270	82
NOM ~ INSTR	номинатив ~ инструменталис	1126	298	83
PART.PROSP -INSTR	причастие проспективного вида в инструменталисе	1093	249	84
N.PL4A-NOM	существительное множественного № 4А числа в номинативе	1047	256	85

¹⁷ «кондиционал(ис)» в международной терминологии

¹⁸ «терминал(ис)» в международной терминологии

A	B	C	D	E
PART.PROSP-ABL	причастие проспективного вида в аблативе	1044	245	86
NOM ~ ABS-NOM ~ PART.IPFCT -NOM ~ POSS.REFL	номинатив ~ абсолютивный номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе ~ возвратно-притяжательная форма	996	242	87
PART.IPFCT-NOM ~ VF.IND.PROF-EMPH	причастие имперфективного вида в номинативе ~ предикативная роль, индикатив, профект, эмфаза	966	242	88
NOM ~ VF.OPT.IMP ~ ABS-NOM	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, императив ~ абсолютивный номинатив	949	263	89
NOM ~ VF.OPT.IMP ~ A.COM-NOM ~ DAT	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, императив ~ комитативно-адъективный атрибут в номинативе ~ датив	936	234	90
PART.PROSP -GEN / ACC	причастие проспективного вида, усеченная форма генитива-аккузатива	922	231	91
VF.OPT.IMP ~ DAT	предикативная роль, оптатив, императив ~ датив	921	289	92
NOM ~ CONV.MOD ~ GEN-NOM	номинатив ~ деепричастие модификативное ~ генитивный атрибут в номинативе	890	259	93
NOM ~ NOM	номинатив ~ номинатив	890	229	94
NOM ~ PART.IPFCT -NOM	номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе	883	260	95
ABS-NOM ~ POSS.REFL	абсолютивный номинатив ~ возвратно-притяжательная форма	879	235	96
PART.PFCT-DAT	причастие перфективного вида в дативе	842	155	97
PART.PROSP -POSS.REFL	причастие проспективного вида, возвратно-притяжательная форма	836	222	98
DAT ~ PART.IPFCT -DAT ~ CONV.ANT	датив ~ причастие имперфективного вида в дативе ~ деепричастие антессивное	814	190	99
DAT-POSS.REFL	датив ~ возвратно-притяжательная форма	761	272	100

Таблица 5b

Список грамматем с частотами более 761 ipm в прямом алфавитном порядке

A	B	C	D	E
0	единственная форма неизменяемого слова	93457	865	2
0 ~ VF.OPT.IMP	единственная форма неизменяемого слова ~ предикативная роль, оптатив, императив	4624	526	27
A.COM-NOM	комитативно-адъективный атрибут в номинативе	1357	341	76
A.COM-NOM ~ DAT	комитативно-адъективный атрибут в номинативе ~ датив	4610	552	28
ABL	аблатив	4746	532	25
ABS-NOM ~ PART.IPFCT-NOM	абсолютивный номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе	1297	312	78
ABS-NOM ~ POSS.REFL	абсолютивный номинатив ~ возвратно-притяжательная форма	879	235	96
ACC	аккузатив	6383	647	24
ACC ~ ACC	аккузатив ~ аккузатив	1651	335	69
COM-NOM	комитативный атрибут в номинативе	3157	415	39
CONV.ANT	деепричастие антессивное	8031	548	20
CONV.CNGR	деепричастие конгрессивное	50196	806	3
CONV.COND1	деепричастие условное №1	1778	330	66
CONV.MOD	деепричастие модификативное	23820	733	6
CONV.MOD ~ PART.PFCT-NOM	деепричастие модификативное ~ причастие перфективного вида в номинативе	2952	365	43

A	B	C	D	E
CONV.PERSEV	деепричастие персеверативное	2000	371	59
CONV.TERM	деепричастие целевое	1481	281	74
DAT	датов	11860	753	12
DAT ~ CONV.ANT	датов ~ деепричастие антецессивное	3111	390	41
DAT ~ DAT	датов ~ датив	1311	353	77
DAT ~ PART.IPFCT -DAT ~ CONV.ANT	датов ~ причастие имперфективного вида в дативе ~ деепричастие антецессивное	814	190	99
DAT-POSS.REFL	датов ~ возвратно-притяжательная форма	761	272	100
GEN / ACC	усеченная форма генитива-аккузатива	6496	573	23
GEN-NOM ~ GEN-NOM	генитивный атрибут в номинативе ~ генитивный атрибут в номинативе	1216	322	79
GEN-NOM	генитивный атрибут в номинативе	16387	779	10
INSTR	инструменталис	2910	449	44
N.PL4A-NOM	существительное множественного числа №4А в номинативе	1047	256	85
NOM	номинатив	281693	885	1
NOM ~ A.COM-NOM ~ DAT	номинатив ~ комитативно-адъективный атрибут в номинативе ~ датив	3274	509	38
NOM ~ ABL	номинатив ~ аблатив	1825	377	65
NOM ~ ABS-NOM	номинатив ~ абсолютивный номинатив	23602	753	9
NOM ~ ABS-NOM ~ PART.IPFCT -NOM ~ POSS.REFL	номинатив ~ абсолютивный номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе ~ возвратно-притяжательная форма	996	242	87
NOM ~ ACC	номинатив ~ аккузатив	2333	368	54
NOM ~ ACC ~ VF.OPT.JUSS	номинатив ~ аккузатив ~ предикативная роль, оптатив, юссив	4436	377	29
NOM ~ CAR-NOM	номинатив ~ каритивный атрибут в номинативе	3807	461	33
NOM ~ COM-NOM	номинатив ~ комитативный атрибут в номинативе	8229	646	18
NOM ~ CONV.ANT	номинатив ~ деепричастие антецессивное	3147	363	40
NOM ~ CONV.CNGR	номинатив ~ деепричастие конгрессивное	3920	401	32
NOM ~ CONV.CONC	номинатив ~ деепричастие уступительное	2557	281	49
NOM ~ CONV.CONDI	номинатив ~ деепричастие условное № 1	1845	313	63
NOM ~ CONV.MOD	номинатив ~ деепричастие модификативное	23777	777	7
NOM ~ CONV.MOD ~ GEN-NOM	номинатив ~ деепричастие модификативное ~ генитивный атрибут в номинативе	890	259	93
NOM ~ CONV.TERM	номинатив ~ деепричастие целевое	3024	369	42
NOM ~ DAT	номинатив ~ датив	9257	639	15
NOM ~ DAT ~ CONV.ANT	номинатив ~ датив ~ деепричастие антецессивное	3979	329	31
NOM ~ DAT ~ DAT	номинатив ~ датив ~ датив	1168	266	81
NOM ~ GEN-NOM	номинатив ~ генитивный атрибут в номинативе	34055	857	4
NOM ~ GEN-NOM ~ GEN-NOM	номинатив ~ генитивный атрибут в номинативе ~ генитивный атрибут в номинативе	3647	478	34
NOM ~ INSTR	номинатив ~ инструменталис	1126	298	83
NOM ~ NOM	номинатив ~ номинатив	890	229	94
NOM ~ PART.ACT -NOM	номинатив ~ причастие активного залога в номинативе	1569	341	72
NOM ~ PART.IPFV ~ POSS.REFL	номинатив ~ причастие имперфективного вида ~ возвратно-притяжательная форма	1940	297	60
NOM ~ PART.IPFCT -NOM	номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе	883	260	95
NOM ~ PART.IPFCT -NOM ~ POSS.REFL	номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе ~ возвратно-притяжательная форма	1619	303	71

A	B	C	D	E
NOM ~ PART.PFCT -NOM	номинатив ~ причастие перфективного вида в номинативе	3352	534	35
NOM ~ PART.PROSP -CAR-NOM	номинатив ~ причастие проспективного вида, каритивный атрибут в номинативе	3278	390	37
NOM ~ PART.US-NOM	номинатив ~ причастие узуального вида в номинативе	2705	388	48
NOM ~ POSS.REFL	номинатив ~ возвратно-притяжательная форма	1838	325	64
NOM ~ REL-NOM	номинатив ~ общий атрибут в номинативе	8675	677	17
NOM ~ REL-NOM ~ CONV.MOD	номинатив ~ общий атрибут в номинативе ~ деепричастие модификативное	2822	470	47
NOM ~ VF.IND.AOR	номинатив ~ предикативная роль, индикатив, аорист	1713	281	67
NOM ~ VF.IND.PRS I	номинатив ~ предикативная роль, индикатив, 1-й презенс	2899	353	45
NOM ~ VF.OPT.IMP	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, императив	12322	675	11
NOM ~ VF.OPT.IMP ~ A.COM-NOM ~ DAT	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, императив ~ 2-й комитативный атрибут в номинативе ~ датив	936	234	90
NOM ~ VF.OPT.IMP ~ ABS-NOM	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, императив ~ абсолютный номинатив	949	263	89
NOM ~ VF.OPT.IMP ~ DAT	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, императив ~ датив	1939	340	61
NOM ~ VF.OPT.JUSS	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, юссив	8070	666	19
PART.IPFCT-NOM	причастие имперфективного вида в номинативе	1879	351	62
PART.IPFCT -NOM ~ POSS.REFL	причастие имперфективного вида в номинативе ~ возвратно-притяжательная форма	2261	395	55
PART.IPFCT-NOM ~ VF.IND.PROF-EMPH	причастие имперфективного вида в номинативе ~ предикативная роль, индикатив, профект, эмфаза	966	242	88
PART.PFCT-DAT	причастие перфективного вида в дативе	842	155	97
PART.PFCT -GEN-NOM	причастие перфективного вида, генитивный атрибут в номинативе	1644	284	70
PART.PFCT-NOM	причастие перфективного вида в номинативе	23659	767	8
PART.PFCT -POSS.REFL	причастие перфективного вида, возвратно-притяжательная форма	2337	272	53
PART.PROSP-ABL	причастие проспективного вида в аблативе	1044	245	86
PART.PROSP-ACC	причастие проспективного вида в аккузативе	1148	270	82
PART.PROSP -CAR-NOM	причастие проспективного вида, каритивный атрибут в номинативе	1663	333	68
PART.PROSP-DAT	причастие проспективного вида в дативе	7072	490	21
PART.PROSP -DAT-POSS.REFL	причастие проспективного вида в дативе, возвратно-притяжательная форма	2001	330	58
PART.PROSP -GEN-NOM	причастие проспективного вида, генитивный атрибут в номинативе	1562	320	73
PART.PROSP -GEN / ACC	причастие проспективного вида, усеченный генитив-аккузатив	922	231	91
PART.PROSP -INSTR	причастие проспективного вида в инструменталисе	1093	249	84
PART.PROSP-NOM	причастие проспективного вида в номинативе	30514	794	5
PART.PROSP -POSS.REFL	причастие проспективного вида, возврат- но-притяжательная форма	836	222	98
PART.US-NOM	причастие узуального вида в номинативе	4708	477	26

A	B	C	D	E
POSS.REFL	возвратно-притяжательная форма	10404	664	14
POSS.REFL ~ POSS.REFL	возвратно-притяжательная форма ~ возвратно-притяжательная форма	1397	276	75
POSS.REFL ~ VF.IND.PROF-EMPH	возвратно-притяжательная форма ~ предика- тивная роль, индикатив, профект, эмфаза	2013	400	57
REL-DAT	тематический датив	1202	315	80
REL-NOM	общий атрибут в номинативе	9122	662	16
REL-NOM ~ CONV.MOD	общий атрибут в номинативе ~ деепричастие модификативное	2390	403	51
VF.IND.AOR	предикативная роль, индикатив, аорист	11502	489	13
VF.IND.PFCT-EMPH	предикативная роль, индикатив, перфект, эмфаза	2891	343	46
VF.IND.PROF (Q)	предикативная роль, индикатив, профект (предвопросительная форма)	2362	295	52
VF.IND.PROF -EMPH	предикативная роль, индикатив, профект, эмфаза	3308	370	36
VF.IND.PRS1	предикативная роль, индикатив, 1-й презенс	6936	590	22
VF.OPT.IMP	предикативная роль, оптатив, императив	4058	457	30
VF.OPT.IMP ~ ABS-NOM	предикативная роль, оптатив, императив ~ абсолютивный номинатив	2104	351	56
VF.OPT.IMP ~ DAT	предикативная роль, оптатив, императив ~ датив	921	289	92
VF.OPT.VOL	предикативная роль, оптатив, волюнтатив	2512	347	50

Таблица 5с

Список грамматем с частотами более 761 ipm в обратном алфавитном порядке

A	B	C	D	E
0	единственная форма неизменяемого слова	93457	865	2
ACC	аккузатив	6383	647	24
ACC ~ ACC	аккузатив ~ аккузатив	1651	335	69
NOM ~ ACC	номинатив ~ аккузатив	2333	368	54
PART.PROSP-ACC	причастие проспективного вида в аккузативе	1148	270	82
GEN / ACC	усеченная форма генитива-аккузатива	6496	573	23
PART.PROSP -GEN / ACC	причастие проспективного вида, усеченный генитив-аккузатив	922	231	91
NOM ~ CONV.CONC	номинатив ~ деепричастие уступительное	2557	281	49
CONV.COND1	деепричастие условное № 1	1778	330	66
NOM ~ ONV.COND1	номинатив ~ деепричастие условное № 1	1845	313	63
CONV.MOD	модификативное деепричастие	23820	733	6
NOM ~ CONV.MOD	номинатив ~ модификативное деепричастие	23777	777	7
REL-NOM ~ CONV.MOD	общий атрибут в номинативе ~ модификативное деепричастие	2390	403	51
NOM ~ REL-NOM ~ CONV.MOD	номинатив ~ общий атрибут в номинативе ~ модификативное деепричастие	2822	470	47
VF.IND.PROF (Q)	предикативная роль, индикатив, профект (предвопросительная форма)	2362	295	52
VF.IND.PROF-EMPH	предикативная роль, индикатив, профект, эмфаза	3308	370	36
POSS.REFL ~ VF.IND.PROF-EMPH	возвратно-притяжательная форма ~ предика- тивная роль, индикатив, профект, эмфаза	2013	400	57
PART.IPFCT-NOM ~ VF.IND.PROF-EMPH	причастие имперфективного вида в номинати- ве ~ предикативная роль, индикатив, профект, эмфаза	966	242	88
VF.IND.PFCT-EMPH	предикативная роль, индикатив, перфект, эмфаза	2891	343	46
ABL	аблатив	4746	532	25
NOM ~ ABL	номинатив ~ аблатив	1825	377	65

A	B	C	D	E
PART.PROSP-ABL	причастие проспективного вида в аблативе	1044	245	86
POSS.REFL	возвратно-притяжательная форма	10404	664	14
POSS.REFL ~ POSS.REFL	возвратно-притяжательная форма ~ возвратно-притяжательная форма	1397	276	75
NOM ~ POSS.REFL	номинатив ~ возвратно-притяжательная форма	1838	325	64
ABS-NOM ~ POSS.REFL	абсолютивный номинатив ~ возвратно-притяжательная форма	879	235	96
PART.IPFCT -NOM ~ POSS.REFL	причастие имперфективного вида в номинативе ~ возвратно-притяжательная форма	2261	395	55
NOM ~ PART.IPFCT -NOM ~ POSS.REFL	номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе ~ возвратно-притяжательная форма	1619	303	71
NOM ~ PART.IPFV ~ POSS.REFL	номинатив ~ причастие имперфективного вида ~ возвратно-притяжательная форма	1940	297	60
NOM ~ ABS-NOM ~ PART.IPFCT -NOM ~ POSS.REFL	номинатив ~ абсолютивный номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе ~ возвратно-притяжательная форма	997	242	87
PART.PFCT -POSS.REFL	причастие перфективного вида, возвратно-притяжательная форма	2337	272	53
PART.PROSP -POSS.REFL	причастие проспективного вида, возвратно-притяжательная форма	836	222	98
DAT-POSS.REFL	дательный ~ возвратно-притяжательная форма	761	272	100
PART.PROSP-DAT- POSS.REFL	причастие проспективного вида в дательном, возвратно-притяжательная форма	2001	330	58
VF.OPT.VOL	предикативная роль, оптатив, волонтиатив	2512	347	50
NOM	номинатив	281693	885	1
NOM ~ NOM	номинатив ~ номинатив	890	229	94
NOM ~ PART.ACT -NOM	номинатив ~ причастие активного залога в номинативе	1569	341	72
PART.PFCT-NOM	причастие перфективного вида в номинативе	23659	767	8
CONV.MOD ~ PART.PFCT-NOM	модификативное деепричастие ~ причастие перфективного вида в номинативе	2952	365	43
NOM ~ PART.PFCT -NOM	номинатив ~ причастие перфективного вида в номинативе	3352	534	35
REL-NOM	общий атрибут в номинативе	9122	662	16
NOM ~ REL-NOM	номинатив ~ общий атрибут в номинативе	8675	677	17
N.PL4A-NOM	существительное множественного №4А числа в номинативе	1047	256	85
COM-NOM	комитативный атрибут в номинативе	3157	415	39
NOM ~ COM-NOM	номинатив ~ комитативный атрибут в номинативе	8229	646	18
A.COM-NOM	комитативно-адъективный атрибут в номинативе	1357	341	76
GEN-NOM	генитивный атрибут в номинативе	16387	779	10
GEN-NOM ~ GEN-NOM	генитивный атрибут в номинативе ~ генитивный атрибут в номинативе	1216	322	79
NOM ~ CONV.MOD ~ GEN-NOM	номинатив ~ модификативное деепричастие ~ генитивный атрибут в номинативе	890	259	93
NOM ~ GEN-NOM	номинатив ~ генитивный атрибут в номинативе	34055	857	4
NOM ~ GEN-NOM ~ GEN-NOM	номинатив ~ генитивный атрибут в номинативе ~ генитивный атрибут в номинативе	3647	478	34
PART.PFCT -GEN-NOM	причастие перфективного вида, генитивный атрибут в номинативе	1644	284	70
PART.PROSP -GEN-NOM	причастие проспективного вида, генитивный атрибут в номинативе	1562	320	73

A	B	C	D	E
PART.PROSP-NOM	причастие проспективного вида в номинативе	30514	794	5
NOM ~ CAR-NOM	номинатив ~ каритивный атрибут в номинативе	3807	461	33
PART.PROSP -CAR-NOM	причастие проспективного вида, каритивный атрибут в номинативе	1663	333	68
NOM ~ PART.PROSP -CAR-NOM	номинатив ~ причастие проспективного вида, каритивный атрибут в номинативе	3278	390	37
NOM ~ ABS-NOM	номинатив ~ абсолютивный номинатив	23602	753	9
VF.OPT.IMP ~ ABS-NOM	предикативная роль, оптатив, императив ~ абсолютивный номинатив	2104	351	56
NOM ~ VF.OPT.IMP ~ ABS-NOM	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, императив ~ абсолютивный номинатив	949	263	89
PART.US-NOM	причастие узуального вида в номинативе	4708	477	26
NOM ~ PART.US-NOM	номинатив ~ причастие узуального вида в номинативе	2705	388	48
PART.IPFCT-NOM	причастие имперфективного вида в номинативе	1879	351	62
NOM ~ PART.IPFCT -NOM	номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе	883	260	95
ABS-NOM ~ PART.IPFCT-NOM	абсолютивный номинатив ~ причастие имперфективного вида в номинативе	1297	312	78
CONV.TERM	деепричастие целевое	1481	281	74
NOM ~ CONV.TERM	номинатив ~ деепричастие целевое	3024	369	42
VF.OPT.IMP	предикативная роль, оптатив, императив	4058	457	30
0 ~ VF.OPT.IMP	единственная форма неизменяемого слова ~ предикативная роль, оптатив, императив	4624	526	27
NOM ~ VF.OPT.IMP	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, императив	12322	675	11
CONV.CNGR	деепричастие конгрессивное	50196	806	3
NOM ~ CONV.CNGR	номинатив ~ деепричастие конгрессивное	3920	401	32
VF.IND.AOR	предикативная роль, индикатив, аорист	11502	489	13
NOM ~ VF.IND.AOR	номинатив ~ предикативная роль, индикатив, аорист	1713	281	67
INSTR	инструменталис	2910	449	44
NOM ~ INSTR	номинатив ~ инструменталис	1126	298	83
PART.PROSP -INSTR	причастие проспективного вида в инструменталисе	1093	249	84
VF.IND.PRS1	предикативная роль, индикатив, 1-й презенс	6936	590	22
NOM ~ VF.OPT.JUSS	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, юссив	8070	666	19
DAT	датов	11860	753	12
DAT ~ DAT	датов ~ датив	1311	353	77
NOM ~ DAT ~ DAT	номинатив ~ датив ~ датив	1168	266	81
REL-DAT	тематический датив	1202	315	80
NOM ~ DAT	номинатив ~ датив	9257	639	15
A.COM-NOM ~ DAT	комитативно-адъективный атрибут в номинативе ~ датив	4610	552	28
NOM ~ A.COM-NOM ~ DAT	номинатив ~ комитативно-адъективный атрибут в номинативе ~ датив	3274	509	38
NOM ~ VF.OPT.IMP ~ A.COM-NOM ~ DAT	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, императив ~ комитативно-адъективный атрибут в номинативе ~ датив	936	234	90
VF.OPT.IMP ~ DAT	предикативная роль, оптатив, императив ~ датив	921	289	92
NOM ~ VF.OPT.IMP ~ DAT	номинатив ~ предикативная роль, оптатив, императив ~ датив	1939	340	61

A	B	C	D	E
PART.PFCT-DAT	причастие перфективного вида в дативе	842	155	97
PART.PROSP-DAT	причастие проспективного вида в дативе	7072	490	21
CONV.ANT	деепричастие антецессивное	8031	548	20
NOM ~ CONV.ANT	номинатив ~ деепричастие антецессивное	3147	363	40
DAT ~ CONV.ANT	датив ~ деепричастие антецессивное	3115	390	41
NOM ~ DAT ~ CONV.ANT	номинатив ~ датив ~ деепричастие антецессивное	3979	329	31
DAT ~ PART.IPFCT -DAT ~ CONV.ANT	датив ~ причастие имперфективного вида в дативе ~ деепричастие антецессивное	814	190	99
NOM ~ ACC ~ VF.OPT.JUSS	номинатив ~ аккузатив ~ предикативная роль, оптатив, юссив	4436	377	29
NOM ~ VF.IND.PRS I	номинатив ~ предикативная роль, индикатив, 1-й презенс	2899	353	45
CONV.PERSEV	деепричастие персеверативное	2000	371	59

Немало ценных сведений можно извлечь из анализа «верхушек» ранговых списков грамматем, такие сведения дают импульс для размышлений типологического характера. Остановимся для примера на следующих примечательных закономерностях.

1) **Деепричастные формы** глаголов (**конвербы**) занимают весьма высокие позиции в ЧС грамматем МЯ: конгрессивные деепричастия — 50195.83 ipm, модификативные деепричастия — 23820.50 ipm, антецессивные деепричастия — 8031.30 ipm.

В тех европейских языках, где есть деепричастия, они употребляются с гораздо более низкой частотностью; такая разница может быть объяснена следующим образом. Монгольский язык характеризуется т. н. алтайским типом сочинения, предполагающим богатую систему деепричастно выраженного таксиса в сфере глагола. Таким образом, он «предпочитает» бессоюзное сочинение: относительная редкость употребления союзов компенсируется богатством системы деепричастий.

2) **Возвратно-притяжательные формы** употребляются исключительно часто: «простые» возвратно-притяжательные формы — 10403.57 ipm, возвратно-притяжательные формы перфективных причастий — 2336.80 ipm, возвратно-притяжательные формы дательного падежа (дativa) проспективных причастий — 2001.12 ipm и т. д.

Наиболее знакомые нам западноевропейские языки вообще не имеют такой грамматической формы. Русский язык, правда, имеет ближайший переводной эквивалент — возвратное местоимение *свой*. Однако сравнение относительной частотности местоимения *свой* с относительной частотностью возвратно-притяжательных форм в МЯ показывает, что *свой* употребляется с гораздо меньшей частотностью: его относительная частотность составляет 3825.5 ipm.

Это значительное количественное различие можно объяснить следующим образом: возвратно-притяжательные формы монгольских языков используются как одно из важнейших средств выражения кореферентности. Западноевропейские артиклевые языки предпочитают иной способ выражения кореферентности: в этой функции используются преимущественно определенные артикли. Русский язык «предпочитает» т. н. «нулевые» формы выражения кореферентности: фактически они носят не столько «нулевой», сколько просодический (супрасегментный) характер; однако просодические механизмы не находят последовательного выражения в письменной форме языка (или, во всяком случае, находят его чрезвычайно редко).

Сокращения

букв. — буквально

МЯ — монгольский язык

СМЯ — современный монгольский язык

ЧС — частотный словарь

ЧСАА — частотный словарь аффиксальных алломорфем

ЧСАМ — частотный словарь аффиксальных морфем

ЧСГ — частотный словарь граммем

ЧСГт — частотный словарь грамматем

ЧСКА — частотный словарь корневых алломорфем

ЧСКМ — частотный словарь корневых морфем

ЧСЛ — частотный словарь лексем

ЧСМЯ — частотный словарь монгольского языка

ЧСО — частотный словарь основ

ЧСС — частотный словарь словоформ

ЧСФ — частотный словарь флексий

ЧСФм — частотный словарь флексием

Литература

- Баранова, Сай 2009 — *Баранова В. В., Сай С. С.* От составителей // Труды Института лингвистических исследований. Т. 5. Ч. 2. Исследования по грамматике калмыцкого языка (= Acta linguistica petropolitana). СПб., 2009. С. 7—21.
- Булыгина 1977 — *Булыгина Т. В.* Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Касевич 2011 — *Касевич В. Б.* Введение в языкознание. М.; СПб., 2011.
- Ляшевская, Шаров 2009 — *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009. <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
- Шайкевич 1990 — *Шайкевич А. Я.* Количественные методы в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. *Ярцева В. Н.* М., 1990. С. 231.
- Croft 2003 — *Croft B.* Typology and Universals. Cambridge, 2003.
- Lehmann 1982 — *Lehmann Ch.* Directions for interlinear morphemic translations // *Folia linguistica*. 1982, 16. P. 193—224.
- Sharoff 2002 — *Sharoff S.* Meaning as use: Exploitation of aligned corpora for the contrastive study of lexical semantics // Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference (LREC02; May, 2002. Las Palmas, Spain). Las Palmas, 2002. P. 447—451.

РЕЗЮМЕ

В статье описывается Генеральный корпус современного монгольского языка, содержащий 966 текстов общей длиной 1 155 583 слов. В статье современный монгольский язык рассматривается в количественном аспекте — в соответствии со структурно-вероятностной моделью, содержащей частотные словари (ЧС) разных типов: словоформ, лексем, грамматем, корневым и аффиксальным морфем и алломорфем, флексием, граммом. Приводятся «верхушки» некоторых ЧС: «верхние» 100 словоформ, (превышающие 922 ipm), «верхние» 100 лексем (превышающие 1198 ipm) и «верхние» 100 грамматем (превышающие 761 ipm).

SUMMARY

The article describes a General Corpus of the Modern Mongolian language, which contains 966 texts, 1 155 583 words. The Modern Mongolian language is described in its quantitative aspect, according to a structural-probabilistic model which contains frequency dictionaries (FDs) of different types: FDs of word forms, lexemes, grammemes, root morphemes and allomorphemes, affixal morphemes and allomorphemes, flexionemes, grammemes. The article reports the top-lists of some FDs: top-list of the “upper” 100 word forms having frequency higher than 922 ipm, top-list of the “upper” 100 lexemes having frequency higher than 1198 ipm and top-list of the “upper” 100 grammemes having frequency higher than 761 ipm.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, современный монгольский язык, частотные словари, количественные методы в лингвистике

Key words: corpus linguistics, the modern Mongolian language, frequency dictionaries, quantitative approach in linguistics

Особенности функционирования аккузатива в языке коми

Введение

В финно-угроведении произведена реконструкция материального облика прафинно-угорского архетипа аккузатива [ОФУЯ: 241—246; Хайду 1985: 231—232], тогда как определение его праязыковых функционально-семантических особенностей вызывает затруднения. Не менее трудно реконструировать семантическую эволюцию падежной единицы от прафинно-угорского до современного языкового состояния. В такой ситуации несомненный интерес представляет описание семантико-функциональных особенностей аккузатива в отдельных родственных языках. Актуальность такого рода исследования возрастает в связи с преобладанием в лингвистике последних десятилетий функционально-типологических исследований разноструктурных языков, преимущественно не связанных между собой генетически, структурно и ареально. Результаты таких исследований находятся в прямой зависимости от степени изученности языков.

Аккузатив включается в состав падежной системы уже в первых описаниях грамматического строя языка коми: стандартными показателями этой падежной единицы считаются суффикс *-õc* и нулевой показатель, дифференцированное использование которых связывается преимущественно с фактором одушевленности / неодушевленности, иногда также — определенности / неопределенности [Флеров 1813: 10; Gabelentz 1841: 7—8; Савваитов 1850: 18; Бубрих 1946: 29; СКЯ: 142; ОКК: 69].

Между тем, остается недостаточно уясненным вопрос о статусе нулевого показателя, используемого при маркировании прямого дополнения не только в коми, но и в ряде других финно-угорских языков. Существуют два взгляда на статус этого показателя. Согласно одному из них, нулевой показатель, используемый при маркировании прямого дополнения, является одной из форм аккузатива¹ [ГСУЯ: 93; КПЯ: 185; Галкин 1964: 45—46; Каракулова, Каракулов 2001: 127], в соответствии с другим — представляет собой показатель номинатива, который изначально использовался для выражения не только субъекта, но и объекта действия [Хайду 1985: 232; Тужаров 1987: 119].

Отмеченные расхождения во взглядах на статус нулевого показателя связаны с различными подходами к интерпретации падежа — семантическим подходом и формальным. А. А. Зализняк, имея в виду приемы выражения падежной семантики, отмечает, что «основное расхождение между ними состоит в том, допускается ли существование двух различных падежей, различие которых никак не выражается внешне. При семантическом понимании падежа ответ на этот вопрос положителен, при формальном — отрицателен» [Зализняк 2002: 615]. Совпадение форм падежей, или омонимия падежных форм, характерна для многих языков мира, представляет определенные трудности при их описании. Такие языковые единицы отличаются от типизированных падежных единиц пониженной морфологической самостоятельностью, что влияет на их деклинальный статус: они рассматриваются как «морфологически несамостоятельные падежи» [Зализняк 2002: 629], «падежи-классификаторы» (в терминологии [Тираспольский 2003: 140—143]).

Представляется, что вопрос о показателях аккузатива в финно-угорских языках, о времени их происхождения, а также об аккузативности / неаккузативности² финно-угорских языков требует отдельного рассмотрения. Поскольку эти задачи не входят в проблематику статьи, перейдем непосредственно к семантике аккузатива, учитывая при этом национальные лингвистические традиции. Рассматривая семантику аккузатива в языке коми, мы исходим из традиционного истолкования пермских языков как языков номинативного строя, характеризующихся противопоставлением субъекта и объекта, а также номинатива и аккузатива. Субъект переходного и непереходного глаголов в языке коми кодируется номинативом. Прямое дополнение, выраженное существительным, может иметь нулевой показатель, суффикс *-õc* и кумулятивные показатели аккузатива и посессивности, из которых суффиксы второго и третьего лица единственного числа (*-cõ*, *-mõ*) используются также для выражения определенности. Прямое дополне-

¹ Аккузатив с нулевым показателем нередко (например, в [Каракулова, Каракулов 2001: 127; Кондратьева 2002: 11]) именуется «неоформленным, или немаркированным», аккузатив с суффиксальным показателем — «оформленным, или маркированным».

² А. П. Володин определяет уральские языки как языки безаккузативного строя, поскольку в них отсутствует падеж прямого дополнения. Согласно его концепции, «суть грамматического строя уральских языков состоит в противопоставлении “определенный / неопределенный”» [Володин 2000: 35].

ние, выраженное местоимением, а в коми-пермяцком языке также субстантивированным прилагательным, числительным и причастием, получает суффиксы *-ö* и *-öc*, первый из которых является наиболее древним — возводится к прафинно-угорскому суффиксу аккузатива **-m* [ОФУЯ: 241—246; Хайду 1985: 231—232]. Релевантность и иерархия факторов, участвующих в стратегии оформления прямого объекта, описана в ряде работ; доминирующим фактором является одушевленность / неодушевленность [Прокушева 1988; Сердобольская, Толдова 2007: 215].

Существует немало синхронных и диахронических исследований, посвященных описанию семантики аккузатива в отдельных языках и группах языков, нередко в контексте исследований других грамматических единиц [Станишева 1966; Кондратьева 2002; Крысько 2006 и др.]. Тем не менее, комплексных типологических работ на эту тему пока не имеется. В типологическом плане проанализированы только функции, являющиеся наиболее частотными в языках мира, — пространственные и темпоральные [Эршлер 2009], тогда как, судя по грамматическим описаниям отдельных языков, аккузативом может также маркироваться и ряд других семантических ролей. Так, например, по данным [Тужаров 1987], в марийском языке аккузативом оформляются пространственные, темпоральные, количественные, компаративные, транслативные, причинные и комплетивные отношения, а также способ действия, субъект действия и делибератив. Следует отметить, что определение инвентаря значений, характерных для показателей аккузатива, зависит от критериев разграничения значений (о чем также см. в [Эршлер 2009: 34—35]). Представляется, что таким критерием может быть не только наличие достаточного количества глаголов, с которыми сочетается данное значение [Эршлер 2009], но и предложенный в [Ганенков 2002: 37] критерий специализации «*перекрытия семантики показателей*» в различных языках, который и был использован в данной работе.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу материала, отметим, что в грамматиках и специальных исследованиях по языку коми при рассмотрении аккузатива основное внимание уделялось выявлению факторов маркирования прямого объекта [Прокушева 1988; Сердобольская, Толдова 2007: 214—215; СКЯ: 142—143; КПЯ: 186—187], тогда как семантика и функционирование аккузатива в коми остаются недостаточно изученными. Ставя задачу рассмотрения семантико-функциональных особенностей аккузатива в коми, остановимся на анализе только тех случаев, когда с аккузативом активно конкурируют другие языковые единицы. Насколько типологически представлено в естественных языках то или иное употребление падежа, в работе специально не исследуется, для сравнения приводятся только данные из [Тужаров 1987; Кондратьева 2002; Крысько 2006].

Функционально-семантические особенности аккузатива

Аккузатив в языке коми употребляется для выражения объектных, пространственных, темпоральных, количественных и субъектных отношений. Снижение его встречаемости, а также частичное или полное вытеснение его другими языковыми средствами отмечается в случаях выражения инструмента, делибератива, темпоральных и пространственных отношений.

1) Аккузатив при глаголах движения

Аккузатив при глаголах движения может употребляться при выражении пространственного объекта, меры пройденного пространства, цели и динамического локатива. Для типологии интерес представляют конструкции с двумя независимыми друг от друга аккузативами, обозначающими неоднородные объекты. Такие конструкции зафиксированы в санскрите, древнегреческом, латинском, латышском, а также в истории некоторых славянских языков. Крайне редко они встречаются и в языке коми.

Биаккузативную валентность сохраняют глаголы со значением каузации движения по пространству (1)—(2), между тем одновременное введение двух аккузативных актантов при одном и том же глаголе считается недопустимым. Один из аккузативных объектов, как правило, эксплицитно не выражен, но он легко восстановим по контексту. Так, например, в конструкции (3) при глаголе *кыскыны* ‘тащить’ введен аккузативный объект *додь-сö* ‘сани’, при глаголе *вуджöтны* ‘перевозить’ — *лог-гез* ‘ложбины’; второй аккузативный объект, который должен был быть при этом глаголе, опущен, но он известен из контекста — *додь-сö* ‘сани’ (‘перевозить сани через ложбины’). При выражении пространственного объекта используются нулевой показатель и кумулятивные суффиксы *-сö*, *-тö*.

- (1) к.-з. *вудж-öд-ны* *туй-сö*
 к.-п. *вудж-öt-ны* *туй-сö*
 перейти-CAUS-INF дорога-px3sg.acc
 ‘перевести через дорогу’

- (2) к.-з. *вудж-өд-ны* *мен-ө,* *пыж-сө*
 к.-п. *вудж-өт-ны* *мен-ө,* *пыж-сө*
 перейти-CAUS-INF я-ACC лодка-PX3SG.ACC
 ‘перевезти меня, лодку (на другой берег)’
- (3) к.-п. *Воронко-ыс* <...> *кыск-и-с* *тыра* *додь-сө* *керөс-ок*
 Воронко-PX3SG тянуть-1PST-3SG полный сани-PX3SG.ACC гора-DIM
вывсянь *керөс* *вылө,* <...> *вудж-өт-и-с* *лог-гез*
 с гора на перевозить-CAUS-1PST-3SG ложбина-PL
 ‘Воронко <...> вез нагруженные сани с пригорка на гору, тащил [их] по ложбинам <...>’
 [Федосеев 1994: 222].

В языке коми наметилась тенденция замены аккузативного пространственного объекта лативным и пролативным адвербиалем. Из лативных единиц используются иллатив и послелог *сайö* ‘за’ (4)—(5), которые актуализируют конечную точку движения, в чем проявляется их сходство с аккузативом, т. к. аккузативом актуализируется не процесс, не траектория движения, а конечный результат движения, указывается предмет, пространственные пределы которого преодолеваются. В одном и том же контексте могут употребляться пролативные единицы и аккузатив, но в отличие от аккузатива пролатив и пролативные послелог актуализируют траекторию движения, указывают на пространственный ориентир, пределы которого преодолеваются на всем пути перемещения [Некрасова 2011а]. В диалектных текстах крайне редко встречаются конструкции, в которых аккузатив используется в типичной ситуации траектории движения (6), традиционно описываемой пролативом (7а) и пролативным послелогом (7б). Семантика преодоления пространства, выражаемая этими единицами, в таких конструкциях различается тем, что с помощью аккузатива акцентируется преодоление пределов пространственного ориентира, пролативными единицами — путь движения.

- (4) к.-з. *вудж-өд-ны* *пыж-сө* *мөдлапөл-ө*
 перейти-CAUS-INF лодка-PX3SG.ACC другой.сторона-ILL
 ‘перевезти лодку на другой берег’
- (5) к.-з. *вудж-өд-ны* *пыж-сө* *ю* *сайö*
 перейти-CAUS-INF лодка-PX3SG.ACC река за
 ‘перевезти лодку за реку’
- (6) к.-з. лл. Об. *мельнича* *пос-сө* *лакт-ө*
 мельница мост-PX3SG.ACC идет-PRS.3SG
 ‘По мосту, находящемуся рядом с мельницей, [он] идет’ [Образцы 1971: 157].
- (7а) к.-з. лл. Об. *мельнича* *пос(к)-өд* *лакт-ө*
 мельница мост-PROL идет-PRS.3SG
 ‘По мосту, находящемуся рядом с мельницей, [он] идет’ [ПМА 2012].
- (7б) к.-з. лл. Об. *мельнича* *пос* *вывті* *лакт-ө*
 мельница мост по идет-PRS.3SG
 ‘По мосту, находящемуся рядом с мельницей, [он] идет’ [ПМА 2012].

2) Темпоральные значения

В языках мира аккузатив может употребляться для выражения длительности, периодичности протекания действия (‘каждый’), темпоральной локализации и этапа (подробнее см. в [Эршлер 2009]). В языке коми, кроме отмеченных разновидностей темпорального значения, аккузатив встречается и при выражении срока-интервала. Конкуренцию с другими языковыми единицами аккузатив проявляет при реализации темпоральной локализации и срока-интервала.

2.1. Темпоральная локализация

Оформление темпоральной локализации в диалектах коми отличается крайней нерегулярностью: для его выражения используются аккузатив, иллатив, инструменталь и инессив. Такая ситуация характерна для многих аккузативных языков. Д. А. Эршлер предполагает, что в случае темпоральной локализации «уместнее говорить о лексической функции “темпоральная локализация”, которая по заданной лексеме выдает подходящее падежное маркирование» [Эршлер 2009: 44].

Между тем, в языке коми аккузатив при выражении темпоральной локализации засвидетельствован почти при всех существительных с темпоральной семантикой (названия частей суток, времен года и дней недели, лексемы *лун* ‘день’, *во* ‘год’, *вежон* ‘неделя’, *тöлысь* ‘месяц’; кроме лексем *секунд* ‘секунда’, *минут* ‘минута’ и *час* ‘час’). Именная группа получает нулевой показатель и кумулятивные суффиксы *-сö*, *-тö* (8)—(10). Некоторые именные группы с темпоральным значением (преимущественно с лексемой *во* ‘год’) подверглись адвербиализации: к.-з. *колян во* ‘в прошлом году’, *мöдво* ‘в будущем году’ (букв. ‘второй год’), *таво* ‘в этом году’ (букв. ‘этот год’), *талун* ‘сегодня’ (букв. ‘этот день’).

Контексты употребления аккузатива совпадают с инструментальными контекстами, но в отличие от аккузатива инструменталь в большинстве коми-зырянских диалектов может реализовывать темпоральные отношения только в контексте с посессивными суффиксами (11). Судя по анализу текстов, представленных в [Образцы], и опросу носителей диалектов, аккузатив темпоральной локализации наиболее последовательно сохраняется в северо-западных диалектах коми — в нижневычегодском и удорском.

- (8) к.-з. уд. Усть-В. *асув-сö* *сюр-и* *öти* *кунича*
 утро-PX3SG.ACC найти-1PST.3SG один куница
 ‘Утром попалась одна куница’ [Образцы 1971: 259].
- (9) к.-з. нв. Шеж. *коймöд лун бара петук-öс коль-а-с*
 третий день опять петух-ACC оставлять-FUT-3SG
 ‘На третий день [кот] опять оставляет петуха [одного дома]’ [Образцы 1971: 9].
- (10) к.-з. вв. Бог. *мöд лун сия ыст-а-с кыксё салдат-эс корсь-ни* *〈Краснэй Марпидаэс〉*
 второй день он отправить-FUT-3SG два.сто солдат-ACC искать-INF
 ‘На другой день он отправит двести солдат искать 〈Красную Марпиду〉 [Образцы 1971: 89].
- (11) к.-з. лл. Сл. *мöд рыт-нас тулан-тö аддз-и-м тöварыи-мыд*
 второй вечер-INSTR.PX3SG куница-PX2SG.ACC видеть-1PST-1PL товарищ-COM
 ‘На второй день под вечер мы с товарищем увидели куницу’ [Образцы 1971: 170].

2.2. Срок действия

Интерес вызывает употребление аккузатива в значении планируемого срока действия, который представлен двумя разновидностями: интервал, в течение которого предполагается (планируется) протекание действия, и интервал между установленным сроком события и его реализацией.

В коми-пермяцком языке эти разновидности могут быть совмещены в одном показателе — в послелоге *вылö* ‘на’ (12)—(13). Семантическим основанием для их формального совмещения является компонент ‘срок-интервал’, время реализации предполагаемого действия при этом игнорируется, т. е. не маркируется. При выражении предполагаемого срока действия параллельно с послелогом *вылö* ‘на’ используется также послелог *кежö* ‘на’.

В коми-зырянском языке разновидности срока-интервала выражаются разными показателями: интервал времени между установленным сроком события и его реализацией имеет нулевой показатель (14), а интервал, в течение которого предполагается (планируется) протекание действия, обозначается с помощью послелогов *кежö*, *кежлö* ‘на, к’ (15). Употребление аккузатива в значении срока-интервала представлено в конструкциях с наречиями *сёр* ‘поздно’ и *водз* ‘рано’, а также при глаголах со значениями ‘опоздать’ и ‘отстать’. Скорее всего, под влиянием русского языка протекает процесс вытеснения аккузатива послелогом *вылö* ‘на’, который, подобно аккузативу, обозначает срок, в течение которого описываемое действие отделено от предшествующего или предстоящего события (16).

- (12) к.-п. *поезд сёрм-и-с вит минута вылö*
 поезд опоздать-1PST-3SG пять минута на
 ‘Поезд опоздал на пять минут’.
- (13) к.-п. *горт-ат верм-а-т ветл-ыны кык лун вылö (~кежö)*
 дом-ILL.PX2SG мочь-FUT-2SG съездить-INF два день на
 ‘[Ты] можешь съездить домой на два дня’.
- (14) к.-з. уд. Чупр. *кöк Микöла-ысь вöтти вежалун вöдз во-а-с, Илья*
 кукушка Николай-EL раньше неделя рано прийти-FUT-3SG Илья

лун-ысь **вежалун** вотьти чөвь-ч-а-с кёк-ём-ысь,
 день-EL неделя раньше перестать-REFL-FUT-3SG куковать-DER-EL
 кёк-ё даc вежалун
 куковать-PRS.3SG десять неделя

‘Кукушка прибывает на неделю раньше Николина дня и перестает куковать на неделю раньше Ильина дня, кукует в течение десяти недель’ [Образцы 1971: 269].

- (15) к.-з. *ыджыд* *бать-ыд* *век* *шу-л-і-с:* *лун* *кежлө* *пет-а-н*
 большой отец-PX2SG всегда говорить-ASP-1PST-3SG день на выходить-FUT-2SG
туй-ё — *вежон* *кежлө* *пö* *босьт* *запас-тö,* *вежон* *кежлө*
 дорога-ILL неделя на мол брать-IMP2SG запас-PX2SG.ACC неделя на
кö *пö* — *тöлысь* *кежлө*
 если мол месяц на

‘Дедушка всегда говорил: выйдешь в дорогу на день — возьми с собой запас на неделю, если на неделю пойдешь — возьми на месяц’ [Шахов 1989: 179].

- (16) к.-з. *поезд* *сёрм-и-с* *вит* *минут* *вылö*
 поезд опоздать-1PST-3SG пять минута на
 ‘Поезд опоздал на пять минут’.

3) Делибератив

Использование аккузатива для выражения делибератива при глаголах речи и ментального состояния зафиксировано в удмуртском и марийском языках, а также в истории ряда индоевропейских языков. В большинстве диалектов коми стандартным средством выражения этого значения является послелог *йылысь*, диахронически восходящий к элативной форме слова *йыв* ‘верхушка, вершина’ [Rédei 1962: 35]. Параллельно с послелогом в этой функции употребляется аккузатив (17)—(19), в окраинных диалектах (в удорском, лузско-летском) — также элатив. При речемыслительных глаголах аккузатив может использоваться для выражения темы и содержания сообщения, тогда как послелог — только для выражения темы сообщения.

Биаккузативные конструкции, в которых содержатся два аккузативных объекта, выражающих тему и содержание сообщения, в языке коми, в отличие от удмуртского (20), не засвидетельствованы. Между тем, зафиксированы конструкции, в которых при одном и том же предикате содержатся два уточняющих друг друга объекта, выражающих тему сообщения: делибератив, выраженный послелогом, раскрывает, конкретизирует тему сообщения, выраженную аккузативом (21)—(22). В таких случаях аккузатив употребляется при местоимениях.

В диалектах прослеживается тенденция сужения круга лексем, в контексте с которыми аккузатив употребляется для выражения темы сообщения: предпочтительными контекстами являются местоимения и отглагольные имена. При выражении делибератива используются преимущественно кумулятивные суффиксы, реже — нулевой показатель (19), (22).

- (17) к.-з. вв. Бог. *перевожтшик* *шенз-е:* *мый-ла* *тэ* *бöр* *локт-а-н,*
 перевозчик удивляться-PRS.3SG что-CONS ты обратно идти-PRS-2SG
мен-э *ювал-і-н* *эн?*
 я-ACC спросить-1PST-2SG NEG.1PST.2SG

‘Перевозчик удивлен: «Почему ты обратно идешь, спросил ли [ты] про меня?» [Образцы 1971: 83].

- (18) к.-з. уд. Важ. *йорт-а-йорт-нысö* *вис'тал-а-с-ны*
 друг-COR-друг-PX3PL.ACC сказать-FUT-3-PL
 ‘Друг о друге говорят’ [ПМА 2010].

- (19) к.-п. *отир-ыс* *сёрм-и-с* *бригадир-ыс* *керку-ын,* *книга-ись*
 народ-PX3SG припоздниться-1PST-3SG бригадир-PX3SG дом-IN книга-EL
кывз-і-с-ё *олан* {...}
 слушать-1PST-3-PL жизнь

‘Народ припозднился в доме бригадира, слушали книгу [букв. ‘из книги’] про жизнь {...}’ [Федосеев 1991: 107].

- (20) удм. *пересь-анай* **выжы-кыл** *вера-з* **кеч-ен** **но** **кіон-эн-эз**
 старьй-женщина сказка рассказать.1PST-3SG коза-INSTR и волк-INSTR-ACC
 ‘Бабушка рассказала сказку о козе и волке’ [Ислентьев 1889: 66].
- (21) к.-з. *кузь* *туй-ад* **быдтор-сö** *сёрнит-і-с-ны,*
 длинный дорога-IN.PX2SG все-PX3SG.ACC разговаривать-1PST-3-PL
тиöтти *и* *Жеб-Ёль* *йылысь*
 тоже и Жеб-Ёль о
 ‘Во время долгого пути [они] говорили обо всем, и о Жеб-Ёле тоже’ [Юшков 1981: 54].
- (22) к.-з. нв. Гам **мöй-сö** / **мöй сöмын иг-ö** **с'орн'ит-ö,** **ч'эл'ад' йилыс',**
 что-PX3SG.ACC / что только NEG.1PST.1-PL разговаривать.F-PL дети о
удж йилыс', горт йилыс'
 работа о дом о
 ‘О чем только [мы] не разговаривали: и о детях, и о работе, и о доме’ [ПИМА 2011].

4) Инструмент

Инструмент в языках мира может выражаться разными падежами, в том числе и аккузативом (о маркировании инструмента в финно-угорских языках см. [Некрасова 2011б]). Использование аккузатива для выражения этой функции отмечается при глаголах двигательного действия (в терминологии [Золотова 2006: 245]) со значениями ‘кивать’, ‘шевелить’, ‘махать’ и т. д.; им оформляется «инклюзивный инструмент» (в терминологии [Мустайоки 2003: 129]), который таксономически ограничен названиями частей тела субъекта. Использование аккузатива для выражения инструмента отмечается в удмуртском, марийском и венгерском языках, оно засвидетельствовано также и в истории ряда индоевропейских языков.

В языке коми инструмент при глаголах «двигательного действия» может быть выражен аккузативом (23)—(24) и инструменталем (25)—(26), их взаимозамена без изменения смысла высказывания допускается в двуктантных конструкциях (27), но с введением в конструкцию дополнительного актанта, которым может быть и аккузативный объект, вариативность снимается в пользу инструментала (28). Представляется, что в истории языка коми участник ситуации при глаголах двигательного действия первоначально воспринимался как объект-пациенс, возможность чего предоставляет сама ситуация, т. к. такой участник не контролирует ситуацию и не влияет на свойства других участников, а сам подвергается каузации со стороны агенса. Ситуацией поддерживается и протекающий в настоящее время процесс переосмысления объекта в инструмент, так как при воздействии агенса участник ситуации не подвергается изменениям, что соответствует семантической роли инструмента. Именная группа, выражающая инструмент, почти всегда получает кумулятивный показатель аккузатива и посессивности (24), т. к. имеет определенный референциальный статус, реже — нулевой показатель.

- (23) к.-з. *Пера-ыд* ⟨...⟩ *пыркнит-і-с* **юр**
 Пера-PX2SG тряхнуть-1PST-3SG голова
 ‘Пера-то ⟨...⟩ потрянул головой’ [Лыткин 1975: 88].
- (24) к.-п. *он* *пöрьясь* — **юр-сö** *легнит-і-с* *нывка-ыс*
 NEG.PRS.2SG обманывать.F голова-PX3SG.ACC кивать-1PST-3SG девочка-PX3SG
 ‘«Не обманываешь?!» — головой кивнула девочка’ [Федосеев 1994: 19].
- (25) к.-з. *Бикметов сы-лы муртса* *довкнит-і-с* **юр-нас...**
 Бикметов он-DAT немного кивать-1PST-3SG голова-INSTR.PX3SG
 ‘Бикметов немного кивнул ему головой’ [Юхнин 1955: 12].
- (26) к.-п. *Андрей öвт-ышит-і-с* **юр-нас...**
 Андрей качать-ASP-1PST-3SG голова-INSTR.PX3SG
 ‘Андрей покачал головой’ [Федосеев 1994: 13].
- (27) к.-з. *сійö* **юр-нас** / **юр-сö** *довкй-öд-л-і-с*
 он голова-INSTR.PX3SG / голова-PX3SG.ACC кивать-CAUS-ASP-1PST-3SG
 ‘Он кивал головой’.
- (28) к.-з. *сійö* **юр-нас** *довкй-öд-л-і-с* *бать-ыс-лы*
 он голова-INSTR.PX3SG кивать-CAUS-ASP-1PST-3SG отец-PX3SG-DAT
 ‘Он кивал головой отцу’.

5) Каузируемый участник

Для выражения каузируемого участника в каузируемой конструкции могут быть использованы разные падежные единицы, в том числе и аккумулятив (например, в удмуртском языке).

В языке коми использование аккумулятива для обозначения каузируемого участника зафиксировано в конструкциях как с морфологическим (суффикс к.-з. *-õд / -эд*, к.-п. *-õt*), так и аналитическим (глагол к.-з., к.-п. *тиõктыны* ‘велеть, заставить, приказать’) каузативом. Эксплицитное выражение каузируемого участника отмечается при каузативах, образованных от непереходных глаголов (29), и при аналитическом каузативе (30), тогда как при каузативе, образованном от переходных глаголов, он в большинстве случаев эксплицитно не выражен.

Биаккумулятивные каузативные конструкции, в которых представлены каузативный участник и исходное прямое дополнение, употребляются крайне редко (31)—(32) [КПЯ: 269; Цыпанов 2005: 200]. Морфологическое оформление прямого объекта в таких каузативных конструкциях подчиняется тем же закономерностям, что и оформление объекта при непроизводных переходных глаголах; прямой объект может быть маркированным (33)—(34) и немаркированным (32), (35) (о закономерностях маркирования см. в [Сердобольская, Толдова 2007: 214—215]). Именная группа, обозначающая одушевленного каузируемого участника, всегда маркирована, имеет стандартный показатель или кумулятивный показатель аккумулятива и посессивности, необходимость чего обусловлена разграничением участников ситуации — каузатора и каузируемого участника.

При каузативах, образованных от переходных глаголов, каузируемый участник может быть выражен также показателем датива (34)—(35), инструментalia (36)—(37) и комитатива (38), из которых датив считается более частотным в коми-зырянских диалектах [Цыпанов 2005: 199]. Использование комитатива и инструментalia отмечено в присыктывкарском и лузско-летском диалектах [Жилина, Бараксанов 1971: 66; Жилина 1985: 46].

- (29) к.-з. нв. Гам *лун и вой бат'-ис чэл'ад'-сõ удж-õд-õ*
 день и ночь отец-PX3SG дети-PX3SG.ACC работать-CAUS-PRS.3SG
 ‘День и ночь отец заставляет детей работать’ [ПМА 2011].
- (30) к.-з. лл. Лет. *асъяпон-ыс миян-õс тиõкт-и-с-ны кай-ны гõра вылад*
 ранний.утро-PX3SG мы.GEN-ACC приказать-1PST-3-PL подняться-INF гора на
 ‘Ранним утром нам приказали подняться на гору’ [Образцы 1971: 168].
- (31) к.-п. *унтер-ыс <...> солдат-тэ-сõ тиõкт-и-с пыр-ны керку-õ*
 унтер-офицер-PX3SG солдат-PL-ACC велеть-1PST-3SG зайти-INF дом-ILL
 ‘Унтер-офицер велел солдатам зайти в дом’ [Федосеев 1994: 38].
- (32) к.-з. *таво вуз-ъяс-ысь студент-ъяс-õс картофель оз ёна кер-õд-ны*
 этот.год вуз-PL-EL студент-PL-ACC картофель NEG.PRS.3SG сильно делать-CAUS-INF
 ‘В этом году студентов вузов не очень заставляют убирать картофель’ [Цыпанов 2005: 200].
- (33) к.-з. *таво вуз-ъяс-ысь студент-ъяс-õс картофель-сõ оз ёна кер-õд-ны*
 этот.год вуз-PL-EL студент-PL-ACC картофель-PX3SG.ACC NEG.PRS.3SG сильно делать-CAUS-INF
 ‘В этом году студентов вузов не очень заставляют убирать картофель’.
- (34) к.-з. нв. Гам *С'эл'эзн'ов-лы ытшик-õд-и турун-сõ*
 Селезнев-DAT косить-CAUS-1PST.1SG трава-PX3SG.ACC
 ‘Траву [по моей просьбе] скошил Селезнев’ [ПМА 2011].
- (35) к.-з. нв. Гам *С'эл'эзн'ов-лы турун ытшик-õд-и*
 Селезнев-DAT трава косить-CAUS-1PST.1SG
 ‘Селезнев [по моей просьбе] скошил траву’ [ПМА 2011].
- (36) к.-з. скр. Ш. *плат'м'э вур-õд-и Вас'ка Палõ-õн / Вас'ка Палõ-кõд*
 платье шить-CAUS-1PST.1SG Васька Пелагея-INSTR / Васька Пелагея-COM
 ‘Платье я пошила у Пелагеи Васильевны’ [Жилина, Бараксанов 1971: 66].
- (37) к.-з. лл. Зан. *Ус'м'а Кол'а-кыд кõз'аин вõч-õд-л-и-с труба-сõ*
 Устя Коля-COM хозяин делать-CAUS-ASP-1PST-3SG труба-PX3SG.ACC
 ‘Трубу по просьбе хозяина (мужа) сделал Коля, сын Устины’ [Жилина 1985: 46].

б) Субъект вторичного предиката

Интерес для типологии представляют конструкции с аккузативным субъектом в зависимой предикации, которые зафиксированы в удорском диалекте языка коми (38)—(40а). В приведенных конструкциях главный предикат является переходным, поэтому субъект зависимой предикации оформляется так же, как прямое дополнение, обладающее определенным референциальным статусом: субъект имеет посессивный аккузативный показатель. Зависимая предикация оформляется причастием или прилагательным с показателем аккузатива *-õ* (*лѣк-õ* ‘плохой, слабый-АСС’, *чõвт-тõм-õ* ‘несметенный-АСС’, *бõрд-ысь-õ* ‘плачущий-АСС’). Заметим, что этот показатель считается самым древним из имеющихся в языке коми аккузативных показателей: он возводится к конечной гласной основы, морфологизация которой произошла после отпадения аккузативного суффикса *-*t* [ОФУЯ: 242]. В остальных диалектах суффикс *-õ* сохраняется только в местоименном (*мен-õ* ‘меня’, *тэн-õ* ‘тебя’) и посессивном (в составе суффиксов *-тõ* и *-сõ*: *пи-тõ* ‘твоего сына’, *пи-сõ* ‘его / ее сына’) склонениях.

Конструкции с аккузативным субъектом в зависимой предикации могут быть развернуты в отдельное предложение, где прямое дополнение занимает позицию подлежащего, прилагательное или причастие — позицию независимого предиката. Ср. конструкции (40а) и (40б): (40а) — конструкция с аккузативным субъектом в зависимой предикации, (40б) — независимое предложение. Под влиянием русского языка происходит замена морфологического оформления зависимого предиката инструментом (40в).

(38) к.-з. уд. *чой-õ* *здоровйõ-сõ* *лѣк-õ* *геж-õ*
сестра-PX1SG *здоровье*-PX3SG.ACC *плохой*-АСС *писать*-PRS.3SG
‘Сестра моя пишет, что ее здоровье слабое’ [ССКЗД: 488].

(39) к.-з. уд. *сабри-сõ* *чõвт-тõм-õ* *висьтал-а-с-ны*
стог-PX3SG.ACC *сметать*-NEGPART-АСС *говорить*-PRS-3-PL
‘Говорят, что стог еще не сметен’ [ССКЗД: 488].

(40а) к.-з. уд. Важ. *сы-лысь* *тятей-сõ* *бõрд-ысь-õ* *голь-õ-ны*
он-ABL *ребенок*-PX3SG.ACC *плакать*-PRS.PART-АСС *говорить*-PRS-3PL
‘Говорят, что его / ее ребенок плаксивый’ [ПМА 2010].

(40б) к.-з. уд. Важ. *шу-õ-ны*, *мый сы-лõн* *тятей-ыс* *бõрд-ысь*
говорить-PRS-3PL *что он*-GEN *ребенок*-PX3SG *плакать*-PRS.PART
‘Говорят, что его / ее ребенок плаксивый’ [ПМА 2010].

(40в) к.-з. уд. Важ. *сы-лысь* *тятей-сõ* *бõрд-ысь-õн* *голь-õ-ны*
он-ABL *ребенок*-PX3SG.ACC *плакать*-PRS.PART-INSTR *говорить*-PRS-3PL
‘Говорят, что его / ее ребенок плаксивый’ [ПМА 2010].

Обращаясь к историческим данным, можно предположить, что конструкции с аккузативным субъектом в зависимой предикации были распространены на более широкой территории, по крайней мере, в ареале распространения нижневыхгодских говоров (41). Однако фиксация таких конструкций приходится на переводные источники, поэтому с абсолютной уверенностью утверждать это все же нельзя.

(41) *Бурсиемаос шуинь тэнсидь мамто* (Румяновский список «Божественной литургии», XVIII в.)
[Кузнецова 1967: 63].
[*бурси-õма-õс* *шу-и-н* *тэн-сьыд* *мам-тõ*]
благословить-PST.PART-АСС *сказать*-1PST-2SG *ты*-EL.PX2SG *мать*-PX2SG.ACC
‘Благословенной ты назвал свою мать’.

Заключение

Каждая из рассмотренных функций аккузатива имеет в языке коми по меньшей мере одно альтернативное средство выражения, при этом аккузатив выступает единицей, слабо конкурирующей с другими падежами и послелогом — альтернативные средства, конкурируя с ним, постепенно вытесняют его, снижая тем самым его семантическую нагрузку. Процесс сужения сферы функционирования аккузатива сопровождается поиском новых форм, способных заменить аккузатив. В качестве таких форм в большинстве случаев выступают специализированные показатели: инструменталь в случае маркирования инструмента, послелог *йылысь* — делибератива.

Установление хронологии функционально-семантического развития аккузатива в условиях отсутствия релевантных для анализа его семантики древних письменных памятников не представляется возможным. Тем не менее, мы придерживаемся мнения, что большинство периферийных функций аккузатива, сохранившихся в языке коми, а также биаккузативные конструкции могут являться наследием пракоми, а возможно, и прапермского языка. На такую вероятность указывает наличие удмуртских параллелей.

Что касается оформления именных групп, выражающих то или иное значение, то, как правило, выбор формы в определенном контексте зависит от таких параметров, как одушевленность, референциальный и коммуникативный статусы. Оформление зависимой предикации суффиксом *-ö* свидетельствует о древности этой конструкции. Несмотря на то, что типологическое исследование аккузатива выходит за рамки этой статьи, нельзя не отметить, что функции, характерные для аккузатива в коми, имеют очевидные параллели в других, в том числе индоевропейских языках.

Сокращения

Языки и диалекты

к.-з. — коми-зырянский	к.-з. — коми-зырянский	к.-з. — коми-зырянский
к.-п. — коми-пермяцкий	к.-п. — коми-пермяцкий	к.-п. — коми-пермяцкий
вв. — верхневычегодский диалект	нв. — нижневычегодский	уд. — удорский
Бог. — говор с. Богородск	Гам — говор с. Гам	Важ. — говор с. Важгорт
лл. — лузско-летский	Шеж. — говор с. Шежам	Усть-В. — говор с. Усть-Вачерга
Зан. — говор с. Занулье	скр. — присыктывкарский	Чупр. — говор с. Чупрово
Лет. — говор с. Летка	Ш. — говор с. Шошка	
Об. — говор с. Объячево		
Сл. — говор с. Слудка		

Общие

ПМА 2010 — материал автора, собранный в ходе полевой работы с носителями удорского диалекта (говора с. Важгорт Удорского района Республики Коми)

ПМА 2011 — материал автора, собранный в ходе полевой работы с носителями нижневычегодского диалекта (говора с. Гам Усть-Вымского района Республики Коми)

ПМА 2012 — материал автора, собранный в ходе полевой работы с носителями лузско-летского диалекта (говора с. Объячево Прилузского района Республики Коми)

ABL — аблатив	NEGPART — отрицательное причастие
ACC — аккузатив	PART — причастие
ASP — аспект	PL — множественное число
CAUS — каузатив	PROL — пролатив
COM — комитатив	PRS — настоящее время
CONS — консекутив	PRS.PART — причастие настоящего времени
COR — соотносительный суффикс, оформляющий компоненты парных существительных	PX1SG — притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа обладателя
DAT — датив	PX2SG — притяжательный суффикс 2-го лица единственного числа обладателя
DER — деривационный суффикс	PX3SG — притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа обладателя
DIM — диминутив, показатель уменьшительности	PX3PL — притяжательный суффикс 3-го лица множественного числа обладателя
EL — элатив	REFL — рефлексив
F — основа финитного глагола	SG — единственное число
FUT — будущее время	1PST — первое прошедшее время
GEN — генитив	1 — первое лицо
ILL — иллатив	2 — второе лицо
IMP — императив	3 — третье лицо
IN — инессив	
INF — инфинитив	
INSTR — инструменталь	
NEG — отрицание	

Литература

- Бубрих 1949 — *Бубрих Д. В.* Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.
- Володин 2000 — *Володин А. П.* Безаккузативность как типологическая доминанта уральских языков (на материале финского) // *Материалы Международной научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, посвященной 75-летию кафедры финно-угорской филологии СПбГУ / Ред. Колпакова Н. Н.* СПб., 2000. С. 28—37.
- Галкин 1964 — *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка: Морфология. Ч. 1. Йошкар-Ола, 1964.
- Ганенков 2002 — *Ганенков Д. С.* Типология падежных значений: Семантическая зона пролатива // *Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира / Ред. Плунгян В. А.* М., 2002. С. 35—56.
- ГСУЯ — *Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. Перевоицков П. Н.* Ижевск, 1962.
- Жилина 1985 — *Жилина Т. И.* Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.
- Жилина, Бараксанов 1971 — *Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г.* Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
- Зализняк 2002 — *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.
- Золотова 2006 — *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2006.
- Ислентьев 1889 — *Ислентьев В.* Учебник русского языка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Елабуга, 1889.
- Каракулова, Каракулов 2001 — *Каракулова М. К., Каракулов Б. И.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебное пособие. Ижевск, 2001.
- Кондратьева 2002 — *Кондратьева Н. В.* Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.
- КПЯ — *Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология. Учебник для высших учебных заведений / Ред. Лыткин В. И.* Кудымкар, 1962.
- Крысько 2006 — *Крысько В. Б.* Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 2006.
- Кузнецова 1967 — *Кузнецова З. И.* Язык письменных коми памятников XVIII в. Дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1967.
- Лыткин 1975 — *Лыткин В. И.* Илля Васълӧн мойданкывъяс. Сыктывкар, 1975.
- Мустайоки 2003 — *Мустайоки А.* Роли актантов в рамках функционального синтаксиса // *Языковые функции: Семантика, синтактика, прагматика (Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VIII).* Тарту, 2003. С. 116—133.
- Некрасова 2011а — *Некрасова Г. А.* Семантическая структура пролатива в пермских языках // *Динамические процессы в системах пермских языков (Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 68).* Сыктывкар, 2011. С. 42—51.
- Некрасова 2011б — *Некрасова Г. А.* Средства выражения инструмента в финно-угорских языках // *Известия Коми научного центра УрО РАН. 2011, 4 (8).* С. 85—88.
- Образцы 1971 — *Образцы коми-зырянской речи / Ред. Тимушев Д. А.* Сыктывкар, 1971.
- ОФУЯ — *Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / Ред. Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редей К., Гуя Я., Феоктистов А. П., Ермушкин Г. И.* М., 1974.
- ОКК — *Лудыкова В. М., Некрасова Г. А., Попова Э. Н., Федюнева Г. В., Цыпанов Е. А.* О́ня коми кыв: Морфология. Сыктывкар, 2000.
- Прокушева 1988 — *Прокушева Т. И.* Лексико-семантические разряды существительных с показателем аккузатива -ӧс // *Лексикология и лексикография коми языка (Труды ИЯЛИ КНЦ УрО АН СССР. Вып. 41).* Сыктывкар, 1988. С. 59—71.
- Савваитов 1849 — *Савваитов П. И.* Грамматика зырянского языка. СПб., 1849.
- Сердобольская, Толдова 2007 — *Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю.* Расщепленное оформление прямого дополнения в финно-угорских языках: Референциальный статус и коммуникативное членение высказывания // *Тезисы конференции по уральским языкам, посвященной 100-летию К. Е. Майтинской.* М., 2007. С. 213—218.
- СКЯ — *Современный коми язык. Ч. 1. Фонетика, лексика, морфология / Ред. Лыткин В. И.* Сыктывкар, 1955.
- ССКЗД — *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Ред. Сорвачева В. А.* Сыктывкар, 1961.
- Станишева 1966 — *Станишева Д. С.* Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966.
- Тираспольский 2003 — *Тираспольский Г. И.* Морфолого-типологическая эволюция русского языка. Сыктывкар, 2003.
- Тужаров 1987 — *Тужаров Г. М.* Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола, 1987.
- Федосеев 1991 — *Федосеев С.* Кусӧм бизз. Кудымкар, 1991.

- Федосеев 1994 — *Федосеев С.* Съöd цветтез (роман). Кудымкар, 1994.
Флеров 1813 — *Флеров А.* Зырянская грамматика. СПб., 1813.
Хайду 1985 — *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.
Цыпанов 2005 — *Цыпанов Е. А.* Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005.
Шахов 1989 — *Шахов Б.* Гӧрд дзоридзьяса съöd шаль (роман). Сыктывкар, 1989.
Эршлер 2009 — *Эршлер Д. А.* К типологии непациентивных значений аккузатива // Вопросы языкознания. 2009, 3. С. 32—49.
Юхнин 1955 — *Юхнин В.* Алӧй лента (роман). Сыктывкар, 1955.
Юшков 1981 — *Юшков Г.* Чугра (роман). Сыктывкар, 1981.
Gabelentz 1841 — *Gabelentz H. C.* Grundzuge der syrjanischen Grammatik. Altenburg, 1841.
Rédei 1962 — *Rédei K.* Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. Budapest, 1962.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются семантико-функциональные особенности аккузатива в современном коми языке. Основное внимание уделено описанию функций, имеющих альтернативные средства выражения. Автор полагает, что в процессе развития грамматического строя происходит сокращение непациентивных функций аккузатива.

SUMMARY

The article deals with the semantic and functional peculiarities of the accusative in the modern Komi language. The main attention is paid to description of the functions having alternative means of expression. The author supposes that in the course of the grammatical system development reduction of non-patientive functions of the accusative is going on.

Ключевые слова: падеж, аккузатив, семантика, биаккузативные конструкции

Key words: case, accusative, semantics, biaccusative constructions

**Прасамодийское ударение и его внешние соответствия.
Часть I. Разноместное ударение
в центральных и южных диалектах селькупского языка**

В настоящее время считается, что описание происхождения прасамодийского вокализма из прауральского [Janhunen 1981; Sammallahti 1988] сделано с наименьшим количеством исключений. По данным [Sammallahti 1988: 478], генезис прасамодийской системы гласных выглядел следующим образом¹:

ПУ * <i>a</i> > ПС * <i>o</i>	ПУ * <i>ü</i> > ПС * <i>i</i>	ПУ * <i>e</i> > ПС * <i>i</i>	ПУ * <i>i</i> > ПС * <i>ë</i> .
ПУ * <i>u</i> > ПС * <i>ə</i>	ПУ * <i>i</i> > ПС * <i>ə</i>	ПУ * <i>ä</i> > ПС * <i>e</i>	

Однако при сопоставлении прауральских (по данным [UEW]) и прасамодийских (по [Janhunen 1977]) этимологий система соответствий выглядит следующим образом: каждая ПУ гласная (за исключением **ü* и **i*) имеет «двойную» или даже «тройную» рефлексацию в ПС: а) широкий гласный и б) *ə* или узкий гласный. Приведем здесь несколько примеров (более подробный анализ см. во второй части настоящей статьи).

- | | |
|---|---|
| <p>1.а. ПУ *<i>sala</i> ‘красть’ > ПС *<i>tälä</i>
ПУ *<i>pala</i> ‘кусать’ > ПС *<i>pälä</i></p> <p>2.а. ПУ *<i>ñon̄ða-</i> (*<i>ñow̄ða-</i>) ‘следовать’ > ПС *<i>ño-</i>
ПУ *<i>kopa</i> ‘кожа, кора’ > ПС *<i>kopä</i></p> <p>3.а. ПУ *<i>tule</i> ‘огонь’ > ПС *<i>tuj</i>
ПУ *<i>kuñce</i> ‘муравей’ > ПС *<i>kunsä</i></p> <p>4.а. ПУ *<i>jäps̄e</i> ‘острая палка, копье’ > ПС *<i>jäps̄ä-</i>
ПУ *<i>mättV</i> ‘дом, чум’ > ПС *<i>mät</i></p> <p>5.а. ПУ *<i>meke</i> (? *<i>meye</i>) ‘вещь, дело’ > ПС *<i>mej-</i> ‘делать’
ПУ *<i>nej̄de</i> (*<i>nej̄de</i> / *<i>ñej̄de</i>) ‘девочка’ > ПС *<i>ne</i></p> <p>6.а. ПУ *<i>icä</i> ‘отец’ > ПС *<i>ejsä</i></p> | <p>1.б. ПУ *<i>lamte</i> ‘низкий’ > ПС *<i>lämtV</i>
ПУ *<i>amta-</i> ‘давать’ > ПС *<i>äm-</i></p> <p>2.б. ПУ *<i>konta</i> ‘мороз, стужа’ > *<i>känts-</i></p> <p>3.б. ПУ *<i>kupsa</i> ‘стирать’ > ПС *<i>käptä</i>
ПУ *<i>kuma</i> ‘гнутья’ > ПС *<i>kämä-</i></p> <p>4.б. ПУ *<i>älV-</i> ‘древесный сок’ > ПС *<i>il̄z-</i> ~ *<i>il̄ä</i></p> <p>5.б. ПУ *<i>wete</i> ‘вода’ > ПС *<i>wit</i>
ПУ *<i>erV</i> ‘большой’ > ПС *<i>ir̄z</i> ~ *<i>jir̄z-</i></p> <p>6.б. ПУ *<i>ime-</i> ‘сосать’ > ПС *<i>ñim-</i> ~ *<i>ñüm-</i>
ПУ *<i>itä</i> ‘появляться, светить’ > ПС *<i>ätä-</i></p> |
|---|---|

Ситуация, которая существовала в сравнительно-исторической уралистике вплоть до недавнего времени, являлась в некотором смысле уникальной и служила для лингвистов иллюстрацией невыполнения главного постулата компаративистики — «закона де Соссюра» о системности исторических изменений. Родство уральских языков считается общепризнанным, в этимологический словарь прауральского языка [UEW], по мнению специалистов, вошли этимологии с очень надежными консонантными и семантическими рефлексамии по языкам. Однако в настоящее время даже на материале этимологий [UEW] не сделано описание развития системы вокализма, которое позволяло бы следующее: имея реконструированную форму прауральской основы, с помощью предложенных правил фонетического перехода (и, возможно, дополнительных объяснений, основанных на предположении аналогического развития) вывести формы тех языков, на которых была построена эта реконструированная форма. Однако даже описание развития вокализма от прафинно-угорского языка к современному мордовскому выглядит не вполне системно.

Нередко финно-угроведы даже не пытаются предложить системные объяснения для появления всех рефлексов праязыковых гласных, а удовлетворяются указанием на наиболее частотный рефлекс. Наглядным примером такого подхода является докторская диссертация М. В. Мосина [Мосин 1987]. Автор в процентном отношении подсчитал количество мордовских этимологий, в которых рефлекс гласных соответствуют традиционным правилам. Результат получился следующий: развитие рефлексов ФУ **a* в мордовских языках удается объяснить в 72% случаев, ФУ **ä* — в 48%, ФУ **e* — в 53,3%, ФУ **i* — в 34,7%, ФУ **o* — в 51%, ФУ **u* — в 30%. «Сделать какие-либо заключения о причинах переходов этих гласных в других случаях не представляется возможным», — отмечает М. В. Мосин [Мосин 1987: 7].

¹ Здесь материал представлен в сокращенном варианте; подробнее см.: [Sammallahti 1988: 478].

Переходы в системах вокализма других уральских языков описаны еще хуже. Зачастую, как это сделано в работах [Лыткин 1964; Wichmann 1915; Itkonen 1946; Itkonen 1953; Bereczki 1988; Csúcs 2005], приходится говорить о тенденциях развития, охватывающих в каждом конкретном случае лишь часть лексики (идея фонетических тенденций особенное распространение получила в венгерской уралоистике), или же о многочисленных изменениях спорадического характера.

Действительно ли неосуществимо системное описание развития прауральского вокализма? Правы ли те исследователи, которые утверждают, что фонетические переходы в системе прауральского вокализма в основном были спонтанными и аналогическими? Или все-таки возможно системно описать изменения вокализма от прауральского к современным языкам, принимая во внимание ранее неучтенные лингвистические факторы?

В недавно опубликованной монографии [Норманская 2008] было показано, что пять проблем уральского сравнительно-исторического языкознания, которые на первый взгляд кажутся несвязанными между собой, а именно: 1) генезис систем вокализма в современных мордовских языках, 2) происхождение двух типов спряжения в марийском языке, 3) происхождение третьего типа склонения существительных (с основой на ударные гласные) в марийском языке, 4) происхождение редуцированных гласных в марийском языке, 5) генезис системы вокализма в саамском языке — развивались в зависимости от одного очень важного и ранее неучтенного праязыкового фактора — подвижного ударения, не фиксированного грамматически или фонетически, которое должно быть реконструировано для прафинно-волжского языка. Место этого ударения (на корне или на окончании) без изменения сохранилось в современном мокшанском языке.

Оказывается, эти нерешенные проблемы, которые ранее служили для финно-угроведов иллюстрацией нарушения «постулата де Соссюра» о системности языковых изменений, могут быть описаны практически без исключений с помощью очень небольшого и простого набора правил, если реконструировать подвижное ударение в праязыке. В настоящее время мы продолжаем изучение подвижного ударения в других уральских языках и надеемся, что его анализ позволит решить не только проблемы финно-волжской исторической лингвистики, но и описать развитие вокализма в других уральских языках.

В статье [Норманская 2009] было показано, что и в пермских языках развитие вокализма можно описать с минимумом исключений, реконструируя для прапермского языка подвижное ударение, без изменений сохранившееся в современном коми-язьвинском диалекте, архаичность ударения в котором была впервые доказана в работе [Geisler 2005]. Во второй статье, посвященной прапермскому ударению, было доказано, что для прафинно-пермского языка восстанавливаются три акцентных парадигмы: а. п. 1 — финно-волжское и прапермское ударение на корне; а. п. 2 — финно-волжское ударение на корне, прапермское ударение на окончании; а. п. 3 — финно-волжское и прапермское ударение на окончании [Норманская 2010].

Для реконструкции прауральского ударения и объяснения многочисленных исключений в развитии гласных в уральских языках необходим анализ акцентных систем не только в финно-волжских, но и в самодийских и угорских языках. Тщательный анализ архивных данных и полевой сбор материала по этим языкам показал, что в полном противоречии с традиционной теорией, согласно которой в большинстве уральских языков ударение фиксировано на первом слоге, во многих из них представлено разноместное, фонологически значимое ударение, которое сохранилось², например, в современных южно- и центрально-селькупских, ненецких и восточно-хантыйских диалектах. Акцентные системы в современных мансийских и западно-хантыйских диалектах нуждаются в дальнейших полевых исследованиях, которые мы планируем организовать в ближайшее время. По данным архивных материалов М. А. Кастрена и К. Доннера, в юго-западных хантыйских диалектах, энецком, маторском и камасинском языках в XIX — нач. XX вв. также было разноместное, фонологически значимое ударение. Таким образом, становится ясно, что для окончательной реконструкции прауральского ударения необходим тщательный анализ акцентных систем в каждом из диалектов самодийских и угорских языков с привлечением полевых данных и полным анализом архивных сведений по всем сохранившимся идиомам с разноместным ударением.

В статье «Прасамодийское ударение и его внешние соответствия», которая будет состоять из двух частей собраны результаты наших исследований, посвященных разноместному ударению в самодийских языках. В настоящей статье, которая является первой частью работы представлено описание ак-

² Имеется в виду, что с помощью акцентных маркировок целесообразно описывать всю систему языка, а не ее отдельные фрагменты. Например, в энецком языке, по материалам М. А. Кастрена, ударение играло смысловоразличительную роль только в каузативах и производных глаголах с определенными тематическими гласными, а практически во всех остальных морфологических классах оно было фиксировано на первом слоге (подробнее об этой ситуации см. во второй части настоящей статьи).

центных систем шести центральных и южных диалектов селькупского языка, сделанное на основе следующих материалов:

1) полевых материалов, собранных в ходе экспедиций аспирантов Н. Л. Федотовой в с. Парабель Томской области в 2009 и 2010 гг. (опрос носителей одного из центральных диалектов селькупского языка, нарымского, — И. А. Коробейниковой и Я. Я. Мартынова) и М. К. Амелиной в п. Степановка Верхнекетского района Томской области в 2011 г. (опрос носителя одного из южных диалектов селькупского языка, кетского, — В. В. Арбалдаева);

2) архивных материалов, собранных коллективом томских ученых под руководством А. П. Дульзона в 60—80-х гг. XX в. и в настоящее время в полном объеме (т. е. с указанием населенных пунктов и знаков ударения) не изданных;

3) первых селькупских книг, которые были составлены Н. П. Григоровским в кон. XIX в. и изданы Е. А. Хелимским в 2007 г. [Helinski 2007];

4) архивных материалов М. А. Кастрена, собранных в сер. XIX в. и в настоящее время в полном объеме не изданных.

Единственным известным нам источником по ударению в центральных и южных селькупских диалектах, который не был в полном объеме привлечен к анализу, является словарь [Alatalo 2004]: в нем sporadически отмечается ударение в записях У. Т. Сирелиуса и Я. Алатало. При анализе акцентных систем идиомов (в словах из которых проставлено ударение) следует выписывать все слова с отмеченным ударением для каждого из говоров, чтобы понять, является ли оно разноместным и фонологически значимым, и сформулировать правила его постановки для каждого из идиомов отдельно. Представляется, что, с большой долей вероятности, такое исследование будет не очень информативным по нескольким причинам. Во-первых, в каждом из идиомов знаки ударения встречаются весьма редко, поэтому описать систему акцентных маркировок ни для одного из говоров в полном объеме не получится. Во-вторых, в словаре [Alatalo 2004] собран богатый материал по словоизменению, которое не столь хорошо представлено в архиве А. П. Дульзона, а данные по словообразованию в [Alatalo 2004], наоборот, значительно беднее, чем в архивных материалах томских исследователей; следовательно, сравнить акцентные маркировки суффиксов по [Alatalo 2004], по данным архива А. П. Дульзона и по другим источникам, в которых вообще практически отсутствует информация об изменении места ударения при словоизменении (первым селькупским книгам и архиву М. А. Кастрена), не удастся. Однако высказанные соображения, разумеется, не отменяют необходимости учета материалов [Alatalo 2004] при составлении полного акцентного словаря селькупского языка, создание которого планируется в будущем.

В настоящее время у нас практически нет информации об ударении в северно-селькупских диалектах. По архивным материалам А. П. Дульзона, в большинстве случаев ударение в северно-селькупских диалектах фиксировано на первом слоге, и всего в нескольких десятках случаев оно падает не на первый слог слова. Эти немногочисленные случаи выглядят как архаизмы, сохранившиеся при постепенном переходе от парадигматического акцента к фиксированному. Однако следует отметить, что примеров из северно-селькупских диалектов в архиве А. П. Дульзона значительно меньше, чем из южных и центральных, и фактически хорошо зафиксирован только говор с. Фарково Туруханского района Красноярского края.

В [ОчСЯ 1980] отмечен ряд минимальных пар на ударение в северно-селькупских диалектах и сформулировано подробное правило постановки ударения, которое отличается от правила, разработанного нами для южных и центральных селькупских диалектов. При этом один из авторов книги, А. И. Кузнецова, в личной беседе неоднократно сообщала, что в настоящее время разноместного ударения в тазовском диалекте не существует. В словаре [Alatalo 2004] ударение в тазовском диалекте не отмечается. Единственным, пока недоступным нам источником по ударению в тазовском диалекте остается неизданная обширная картотека Е. А. Хелимского, в которой проставлено ударение в словоформах; эта картотека в настоящее время находится в Финляндии в архиве М. А. Кастрена. Мы планируем обязательно учесть этот материал в дальнейших исследованиях.

Следующая статья, которая будет второй частью работы, состоит из трех разделов.

В первом разделе описаны следующие акцентные системы: 1) акцентная система с разноместным ударением в энецком языке (по архивным материалам М. А. Кастрена); 2) акцентные системы с разноместным, фонологически значимым ударением в тундровых (ямальском, гыданском и канинском) диалектах ненецкого языка, которые были подробно, с учетом экспериментальных фонетических данных описаны в статьях М. К. Амелиной [Амелина 2011, 2012]. В результате анализа материала всех самодийских языков с разноместным ударением рефлексам ПС корней в каждом из рассмотренных языков присваивается акцентная маркировка (подробнее об акцентных маркировках см. ниже — в первой части статьи).

Во втором разделе приводится полный список корней, рефлексы которых в результате предшествующего анализа получили акцентную маркировку хотя бы в одном из самодийских языков. Также в

этом разделе реконструируются ПС акцентные маркировки и выявляется связь между маркировкой ПС корня и рефлексацией прауральских гласных в прасамодийском языке.

В **третьем разделе** описываются внешние соответствия прасамодийского ударения в других уральских языках.

Разноместное ударение в тазовском (северном) диалекте селькупского языка было исследовано довольно давно. В монографии [ОчСЯ 1980: 138—141] приводится правило постановки ударения, которое зависит от типа аффикса:

«Для формулировки акцентуационных правил необходимо разграничить три рода аффиксов.

I. При наличии в слове аффиксов только первого рода (равно как и при отсутствии аффиксов вообще) правило, обуславливающее место ударения, имеет чисто фонетическую природу: ударение стоит на ближайшем к концу долгом гласном, а при отсутствии в непервых слогах долгих гласных — на первом слоге (фонетическое правило акцентуации). К числу аффиксов первого рода относятся:

- аффиксы, состоящие из одного согласного;
- односложные аффиксы, содержащие гласный у;
- большинство аффиксов у имен, ⟨...⟩ инфинитива ⟨...⟩.

II. Аффиксы второго рода обладают той особенностью, что содержащийся в них гласный, будучи кратким, оказывается в акцентуационном отношении тождественен долгому гласному в аффиксах первого рода: он несет на себе ударение в том случае, когда в последующих слогах стоят долгие гласные или другие аффиксы второго рода. Иными словами, аффиксы второго рода содержат “условно-долгий” гласный. “Условность” такой долготы состоит в том, что фонетически она реализуется как краткость, а в акцентуационном плане должна рассматриваться как долгота, относительно которой справедливо фонетическое (приведенное ниже) правило акцентуации. Не исключено, что “условно-долгие” гласные — результат исторического сокращения долгот, повлиявшего на акцентуационную модель.

Аффиксов второго рода сравнительно немного. К их числу относятся, в частности, глагольные аффиксы ⟨...⟩ *ol*, *al* ⟨...⟩.

III. Особое положение создают аффиксы третьего рода, делающие словоформу двуударной ⟨...⟩.

Полученные нами данные по центральным и южным селькупским диалектам показывают, что в них правило постановки ударения существенно отличается от приведенного выше правила, действующего в тазовском диалекте. В частности, как показано ниже, во всех диалектах (кроме говора д. Ласкино Парабельского района и говоров XIX в., распространенных на берегах р. Чая, — в особенности говора д. Нижняя Чая) есть два типа инфинитивных форм глагола: с ударением на первом слоге и с ударением на показателе инфинитива; в говоре д. Ласкино и говорах XIX в., распространенных на берегах р. Чая, ударение в инфинитиве ставится всегда на первом слоге. В тазовском же диалекте ударение ставится на последний долгий гласный, который, в частности, содержится и в показателе инфинитива, поэтому ударение в исходной форме глагола будет стоять всегда на последнем слоге. Это различие касается и большинства других форм, которые в южных и центральных диалектах селькупского языка имеют два варианта ударения в зависимости от типа суффикса; в тазовском диалекте, по сформулированному выше правилу, ударение в этих формах должно падать всегда на последний слог.

Как объяснить это различие в правилах постановки ударения в (а) северных и (б) южных и центральных селькупских диалектах, ясно не до конца. Думается, что речь идет, скорее, об инновациях в северных селькупских диалектах, поскольку, как будет показано в следующей статье, южные и центральные селькупские данные коррелируют с ненецкими и энецкими. С другой стороны, нуждается в проверке и само правило, сформулированное для постановки ударения в тазовском диалекте; как уже было сказано выше, анализ неизданной картотеки Е. А. Хелимского по тазовскому диалекту должен окончательно прояснить правило постановки ударения в этом идиоме.

Правила постановки ударения в южных и центральных диалектах селькупского языка также уже формулировались учеными [Купер 1983: 60; Helinski 1983: 25; Denning 1998: 35]. Авторы этих статей анализировали правила постановки ударения в кетском, чаинском и иванкинском диалектах соответственно. Однако они склонялись к выводу, что правило постановки ударения в непроезженных словах в южных (кетском, чаинском, иванкинском) диалектах селькупского языка зависит от этимологической долготы гласных: ударение падает на первый долгий гласный. В статье [Denning 1998] также подробно разбирается правило постановки ударения в производных словах в иванкинском диалекте; автор приходит к выводу, что для определения места ударения важно учитывать этимологическую долготу гласных корня и суффикса, а также тип суффикса, который задается списком.

К сожалению, мы не можем согласиться с правилами постановки ударения, предложенными авторами этих статей. Возможно, неточность правила, сформулированного ими, была связана с отсутствием на тот момент селькупского словаря [Alatalo 2004], в котором приведена реконструкция праселькупских долгих и кратких гласных для большинства общеселькупских корней и суффиксов. Нельзя исключить, что авто-

ры этих публикаций на момент создания статей не имели возможности воспользоваться данными архива А. П. Дульзона, в котором есть информация о постановке ударения в нескольких десятках тысяч словоформ.

В настоящее время проверка полного материала по ударению в южно-селькупских диалектах и соотнесение этих данных с реконструкцией праселькупских форм по [Alatalo 2004] (подробно см. ниже) показывает, что существует определенное количество исключений из правила, согласно которому ударение ставится на первый этимологически долгий гласный. Можно привести несколько десятков слов с этимологически кратким гласным в первом слоге, на котором всегда фиксировано ударение — вне зависимости от гласного суффикса. Эти слова являются рефлексами следующих праселькупских: **küise* ‘моча’ [Alatalo 2004: 273, 322], **čičä* ‘младший брат матери’ [Alatalo 2004: 163], **emnä* ‘зять’ [Alatalo 2004: 13], **čuatä-* ‘встречать’ [Alatalo 2004: 217], **čjpä* ‘муха’ [Alatalo 2004: 98], **keptä* ~ *kepti* ‘(черная) смородина’ [Alatalo 2004: 264], **kuärä* ‘ворона’ [Alatalo 2004: 326], **korämčä* ‘корзина’ [Alatalo 2004: 329], **ārma* ‘ячмень’ [Alatalo 2004: 43], **ačca* ‘папа’ [Alatalo 2004: 29], **pija* / **püja* ‘филин’ [Alatalo 2004: 80], **suärä* ‘дождь’ [Alatalo 2004: 378], **šipa* ‘утенок’ [Alatalo 2004: 350], **emä* ‘мать’ [Alatalo 2004: 12], **antu* ‘лодка’ [Alatalo 2004: 24], **kalil'ek* ~ **kalil'ak* ‘чайка’ [Alatalo 2004: 337], **soča* ‘утка’ [Alatalo 2004: 368], **lata* ‘черкан’ [Alatalo 2004: 391], **močca* ‘пятка’ [Alatalo 2004: 119], **kot-* ‘кашлять’ [Alatalo 2004: 279], **kuän-* ‘идти’ > **kuäntä-* ‘нести’ [Alatalo 2004: 291], **tuälä-* ‘красть’ [Alatalo 2004: 188], **kuärä-* ‘звать’ [Alatalo 2004: 326], **selä-* ‘точить’ [Alatalo 2004: 384], **ko-* ‘рожать’ [Alatalo 2004: 251], **koj-* ‘тонуть’ [Alatalo 2004: 312], **čoččä-* ‘ставить’ [Alatalo 2004: 158], **k²uätu-* ‘драться’ [Alatalo 2004: 276], **süäsä-* ‘плевать’ [Alatalo 2004: 376], **ilä-* ‘поднимать, взвешивать’ [Alatalo 2004: 56], **ču-* ‘таять’ [Alatalo 1998: 206], **kapä-* ‘прилеплять’ [Alatalo 2004: 258], **čekä-* ‘сохнуть’ [Alatalo 2004: 177] и т. д.

Есть также шесть³ «обратных» примеров, когда в первом слоге находится этимологически долгий гласный, а ударение в ряде форм падает на суффикс: **čü-* ‘пояс’ [Alatalo 2004: 208], **kōmtä* ‘деньги, серебро’ [Alatalo 2004: 269], **kāmpä-* ‘лить, заливать’ [Alatalo 2004: 266], **āččä-* ‘сторожить’ [Alatalo 2004: 15], **čōntä-* ‘накрывать’ [Alatalo 2004: 217], **čjpä-* ‘трясти, мести’ [Alatalo 2004: 145].

Эти несоответствия показывают необходимость полного описания акцентных систем всех южных и центральных диалектов селькупского языка, по которым имеется достаточная акцентологическая информация. И, в первую очередь, актуальным оказывается сбор полевого материала при работе с последними живыми носителями этих диалектов. Как неоднократно отмечалось, диалекты селькупского языка находятся на грани исчезновения, и, если сейчас в кратчайшие сроки эти диалекты должным образом не будут задокументированы, тот бесценный материал, который они представляют для синхронной и сравнительно-исторической лингвистики, будет навсегда утерян. Если северно-селькупскими диалектами пока еще хорошо владеют несколько десятков носителей, то на южных диалектах селькупского языка, которые значительно отличаются от северных, говорят, по данным последних (2009—2011 гг.) экспедиций томских и московских исследователей, всего три человека: два носителя на рымского диалекта и один носитель кетского диалекта.

Надо сказать, что ученые XX в. понимали, насколько критична ситуация с носителями селькупского языка. А. П. Дульзон и его последователи постоянно организовывали экспедиции к южным селькупам, в результате этой работы был собран огромный материал экспедиционных записей — более 60 томов, каждый из которых содержит около тысячи страниц. Этот материал хранится на Кафедре-лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (г. Томск). Надо отдать должное томским ученым, которые во многом переработали данные экспедиционных записей и создали картотеки селькупско-русского и русско-селькупского словарей, каждая из которых содержит более 100 000 словоформ.

В 2005 г. в Томске под редакцией В. В. Быконя был издан «Селькупско-русский диалектный словарь» [Быконя 2005], который содержит более 25 000 слов. Издание этого словаря чрезвычайно важно для уральской лингвистики и шире — для изучения языков народов Сибири в целом. Большая часть слов из этого словаря отсутствовала в других словарях селькупского языка, изданных А. И. Кузнецовой, Е. А. Хелимским, Я. Алатало и другими исследователями [ОчСЯ 1980; ОчСЯ 1993; Хелимский 2007; Alatalo 2004; Helimski 2007].

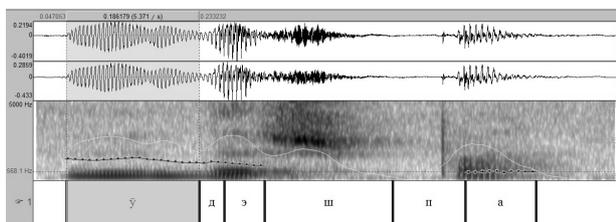
Но, к сожалению, как было отмечено в комментариях Е. А. Хелимского к словарю Я. Алатало [Helimski 2007a], в издании [Быконя 2005] опущено значительное количество информации, представленной в картотеке словаря. Наиболее важные упрощения, принятые В. В. Быконя, сводятся к следующему: 1) в словаре опущены диакритические знаки над буквами, в первую очередь, ударение; 2) в картотеке словаря для каждой словоформы указан населенный пункт, в котором она была зафиксирована, а в самом словаре указываются этнические названия (по данным А. П. Дульзона) разных групп селькупов, живших в этих населенных пунктах.

³ Возможно, таких случаев больше, но реконструкции этих корней отсутствуют в [Alatalo 2004].

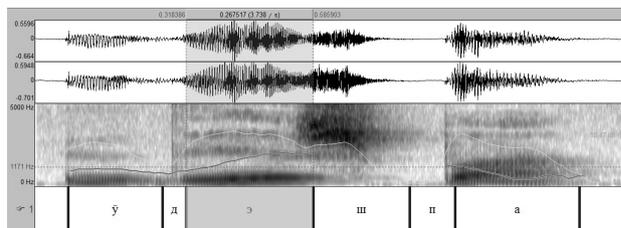
Как выяснилось в результате работы с картотекой, целесообразнее описывать говоры по населенным пунктам, в которых они были записаны. В дальнейших публикациях мы планируем показать, как даже в рамках одного диалекта, например, нарымского⁴, зафиксированного в населенных пунктах с. Парабель, д. Тюхтерево и д. Ласкино Парабельского района Томской области, рефлексация праселькупских гласных довольно сильно различается; однако внутри каждого из говоров этих населенных пунктов она, по записям из архива А. П. Дульзона, последовательна.

Как будет показано ниже, система ударения в каждом из этих населенных пунктов также имеет небольшие отличия. К сожалению, упрощения в [Быконя 2005] делают невозможным полноценное использование словаря акцентологами и специалистами по сравнительно-исторической фонетике уральских языков. Однако работа с картотекой дает возможность восстановить эту информацию. В частности, на материале селькупской картотеки, собранной А. П. Дульзоном и его последователями (в ней наиболее полно представлены южно-селькупские диалекты), даже при беглом просмотре нами было выявлено более 30 минимальных пар слов, которые имеют разные значения, а формально различаются только местом ударения. Это доказывает, что ударение в селькупском языке существовало и, более того, было фонологически значимым и разноместным (т. е. аналогичным ударению, которое представлено в современном русском языке).

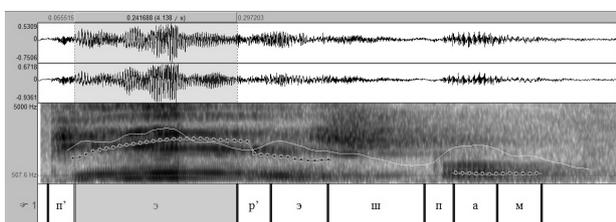
Приведем несколько примеров минимальных пар, различающихся лишь местом ударения⁵, из говора с. Парабель нарымского диалекта селькупского языка. Примеры получены в результате опроса И. А. Коробейниковой, они снабжены спектрограммами фонетических слов, построенными с помощью программы-анализатора речи Praat.



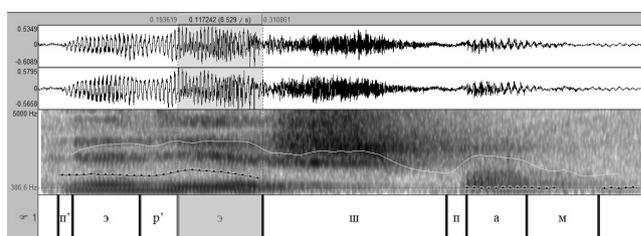
idašpa 'вечерет'



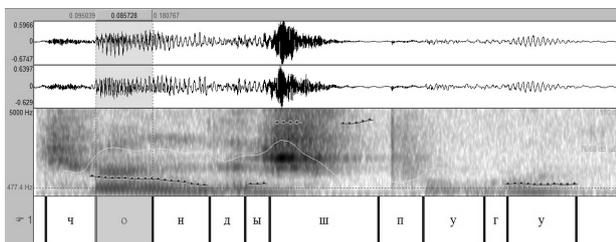
idašpa 'напилась' (в контексте)



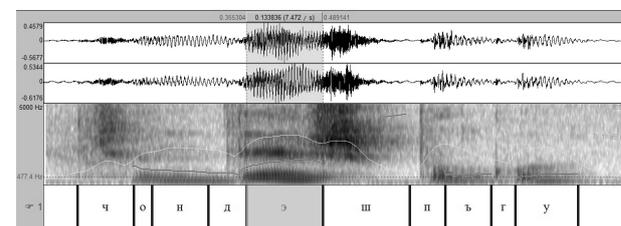
mat p'erešpat 'я ищу'



mat p'erēšpat 'я жарю (рыбу)'



čondišpugu 'укрывать'



čondišpugu 'опоясывать'

Обнаружение минимальных пар, различающихся местом ударения, в говоре обских чумьлькупов показало целесообразность обращения к типологии акцентных систем для определения плана дальнейшего анализа ударения в селькупском языке.

⁴ Все носители этого диалекта называют себя «обскими чумьлькупами».

⁵ Под «ударением» мы, вслед за А. А. Зализняком, понимаем способ просодического выделения одного из слогов в словоформе, а также способ расстановки таких выделений в некоторой группе словоформ или слов [Зализняк 1985: 5—6].

В настоящее время в работах В. А. Дыбо и его последователей [Дыбо 1973, 1987, 2000] (см. также библиографию в этих работах) подробно разработана типология акцентных систем по характеру выбора акцентной вершины словоформы: выделяются системы с фиксированным и свободным ударением. В языках с фиксированным ударением место акцента связано с фонетической структурой слова. Как показывает В. А. Дыбо, способы фиксации ударения достаточно разнообразны, однако все они являются модификациями одного основного способа — счета слогов. К системам со свободным ударением относятся парадигматические акцентные системы.

В. А. Дыбо дает следующее определение парадигматических акцентных систем. «Под парадигматическими акцентными системами понимаются такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными парадигмами, по которым распределяются все слова соответствующего языка следующим образом:

1) в корпусе непроемных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно;

2) в корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип)» [Дыбо 2000: 10—11].

Такие системы принято описывать в терминах «акцентных маркировок» [Дыбо 1973, 1981; Зализняк 1985]. Идеальный случай описания с использованием «акцентных маркировок» (по [Зализняк 1985]) выглядит следующим образом: «Имеется некоторый выбранный исследователем инвентарь возможных маркировок морфем (маркировки — те или иные условные символы). Каждой морфеме в качестве ее постоянной характеристики приписывается одна из этих маркировок (это равносильно разбиению множества морфем на непересекающиеся акцентные классы). Далее, задается единое общее правило, позволяющее указать акцентуацию произвольной словоформы на основании акцентных маркировок морфем, входящих в рассматриваемую единицу. Идеал достигнут, если полученная по этому правилу акцентуация совпадает с действительной» [Зализняк 1985: 4—5].

В селькупском языке наличие минимальных пар, для которых единственным смысловоразличительным признаком является место ударения, позволило предположить, что селькупская акцентная система относится к парадигматическим и должна быть описана в терминах акцентных маркировок.

Как показано в работах В. А. Дыбо, парадигматические акцентные системы в языках мира встречаются сравнительно редко. Системы с ударением, фиксированным на определенном слоге слова, в ряде языков-потомков переходят в системы со свободным ударением, в других же языках-потомках сохраняется фиксированное ударение: например, разноместное ударение в ряде романских языков является результатом совпадения количеств и, следовательно, утраты контурного правила, основанного на счете мор [Дыбо 2000]. Аналогично, из системы с парадигматическим акцентом могут в дочерних языках возникнуть системы с фиксированным ударением: например, в праславянском языке, по реконструкции В. А. Дыбо [Дыбо 1973, 1981, 1990], восстанавливается парадигматическое ударение, однако в ряде языков-потомков (в чешском, польском и македонском языках) ударение фиксировано на определенном слоге слова.

Тот факт, что в большинстве языков-потомков представлен определенный тип акцентной системы, не является убедительным доводом для реконструкции именно такой системы ударения в праязыке. Практически во всех современных германских языках ударение фиксировано на определенном слоге слова; однако существование закона Вернера, согласно которому общегерманские шелевые согласные *f*, *β*, *h*, а также *s* перешли после безударного гласного в звонкие *b*, *d*, *g*, *z*, доказывает, что в прагерманском языке ударение было подвижным. По этой причине общепринятая гипотеза о фиксированном на первом слоге ударении в прауральском языке, которая была предложена на основании того, что такой тип ударения представлен в большинстве дочерних языков⁶, не кажется убедительной.

В рамках проекта Президиума РАН «Акцентологические характеристики селькупского языка» мы исследовали правила постановки ударения в южных и центральных диалектах селькупского языка⁷.

⁶ Хотя и само высказывание про «большинство уральских языков» не является корректным, поскольку в самодийских (селькупском, ненецком, энецком, маторском и камасинском), обско-угорских (хантыйском и мансийском) и пермских (коми-язвинском и коми-пермяцком) языках ударение является фонологически значимым и разноместным. В ряде других уральских языков: мокшанском, марийском и нганасанском — ударение также является разноместным, но не фонологически значимым.

⁷ В вопросе о классификации селькупских диалектов мы следуем за Е. А. Хелимским [Хелимский 2000], который выделял три основные диалектные группы: северную (Таз с Пуром, Карасино, Турухан с Баихой, Елогуй), центральную или среднюю (тымский и нарымский диалекты), южную (кетский и обской диалекты).

1. Источники данных о месте ударения в селькупских диалектах

1.1. Полевая работа с носителями нарымского и кетского диалектов

В ходе полевой работы был проведен опрос последних носителей южных и центральных диалектов селькупского языка, которые еще владеют своим родным языком достаточно свободно для того, чтобы породить разные грамматические формы слов и дериваты от исконных корней:

1) Коробейникова Ирина Анатольевна⁸, проживающая в с. Парабель Томской области, и Мартынов Яков Яковлевич, проживающий в с. Нарым Парабельского района Томской области, владеют нарымским (центральным) диалектом селькупского языка;

2) Арбалдаев Василий Васильевич, проживающий в п. Степановка Верхнекетского района Томской области, является носителем кетского (южного) диалекта селькупского языка.

Работа с носителями была проведена Н. Л. Федотовой (с И. А. Коробейниковой и Я. Я. Мартыновым) и М. К. Амелиной (с В. В. Арбалдаевым). Обработка собранного материала была произведена С. Е. Шешениным: для нарезки записей на предложения и слова использовалась программа Sound Forge 10.0, дальнейший спектрографический анализ производился с помощью программ Praat, Speech Analyser и Multispeech. Более подробный анализ проведенной работы и отдельных фонем нарымского диалекта (говора с. Парабель⁹) можно найти в статье [Шешенин 2011].

На основании собранного полевого материала по нарымскому диалекту (говору с. Парабель) была создана полная акцентная грамматика¹⁰: были описаны правила постановки ударения в непроемных основах селькупского языка и изменения места ударения при спряжении и склонении, а также в словообразовательных производных. Мы обратили внимание на то, что четко выявляются два типа корневых морфем: а) корневые морфемы, на которые всегда падает ударение (на первый слог), — далее они считаются «плюсовыми»; б) корневые морфемы, которые в ряде случаев оказываются безударными, а в непроемных словах ударение падает на последний слог, — далее они считаются «минусовыми». Нами также были выделены два типа аффиксальных морфем: а) аффиксальные морфемы, на которые в ряде случаев падает ударение, — далее они считаются «плюсовыми»; б) аффиксальные морфемы, на которые никогда не падает ударение, — далее они считаются «минусовыми».

Правило постановки ударения в нарымском диалекте селькупского языка может быть сформулировано следующим образом:

1. в словах, состоящих из **одной двусложной морфемы**, если морфема **плюсовая**, то ударение ставится на **первый слог**, если **минусовая** — на **второй**;

2.а. если слово состоит из **нескольких морфем** и в словоформе есть **плюсовые морфемы**, то ударение ставится на **первый слог первой плюсовой морфемы**;

2.б. если слово состоит из **нескольких морфем** и в словоформе есть **минусовые морфемы**, то ударение ставится на **первый слог первой минусовой морфемы**.

Нами подготовлено описание, где каждой корневой и суффиксальной морфеме дана характеристика + или -. В качестве иллюстрации мы приведем здесь спектрограммы нескольких словообразовательных производных от плюсовых и минусовых корней.

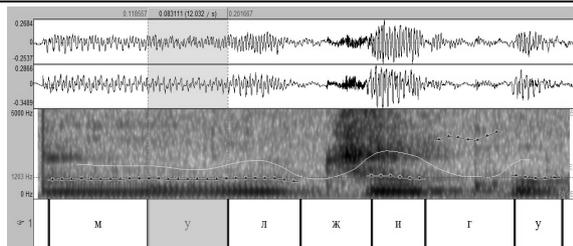
К сожалению, недостатком печатной статьи является то, что к ней нельзя приложить звуковые файлы, которые, на наш взгляд, более убедительны, чем спектрограммы, при доказательстве того или иного места ударения. При прослушивании записей по диалекту обских чумьлькупов ни у автора статьи, ни у Н. Л. Федотовой и С. Е. Шешенина, которые собирали и обрабатывали материал, ни разу не возникло разногласия относительно места ударения. Таким образом, при определении места ударения решающим фактором являлось аудиовосприятие (перцепция), а спектрограммы лишь подтверждали то, что было очевидно при прослушивании. В ряде случаев спектрограммы сами по себе не кажутся абсолютно убедительными, но мы надеемся, что в дальнейшем станет возможно верифицировать предлагаемые ниже положения.

Здесь и далее все морфемы в говоре обских чумьлькупов помечены знаком + или -, что базируется на полном акцентном описании говора, которое нам удалось составить.

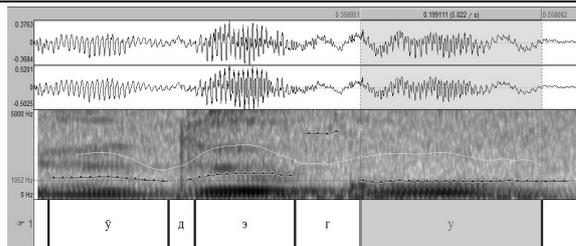
⁸ И. А. Коробейникова владеет языком свободнее двух других носителей, от которых удалось записать весьма ограниченное количество слов. В результате работы с И. А. Коробейниковой Н. Л. Федотова записала полный словарь говора с. Парабель (нарымского диалекта) — около 10 000 слов.

⁹ С. Е. Шешенин вслед за А. П. Дульзоном называет его «говором обских чумьлькупов».

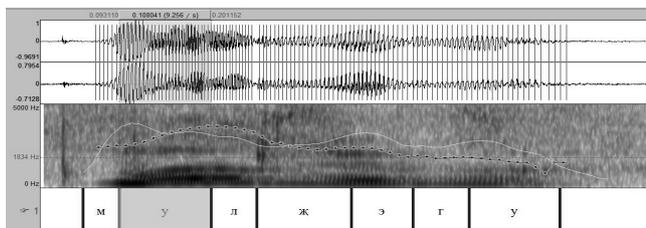
¹⁰ Данные по кетскому диалекту, полученные в ходе работы с В. В. Арбалдаевым, столь скудны, что в настоящее время говорить о полном акцентологическом очерке этого диалекта пока не приходится. Возможно, привлечение материалов К. Доннера и У. Т. Сирелиуса, изданных Я. Алатало [Alatalo 2004], позволят уточнить наши представления об акцентологической системе кетского диалекта.



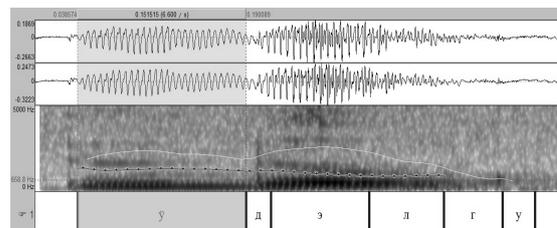
mıldžıgı 'омывать' [Коробейникова И. А.]



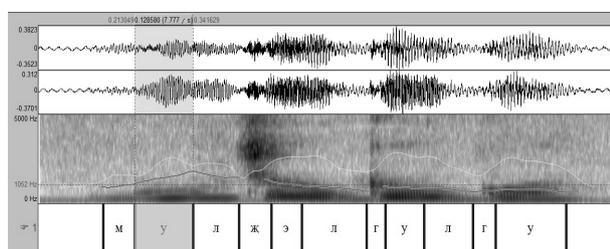
üdegı 'промокнуть; выпить'



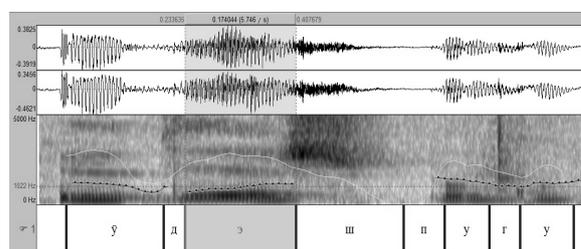
mıldžıgı 'омывать' [Мартынов Я. Я.]



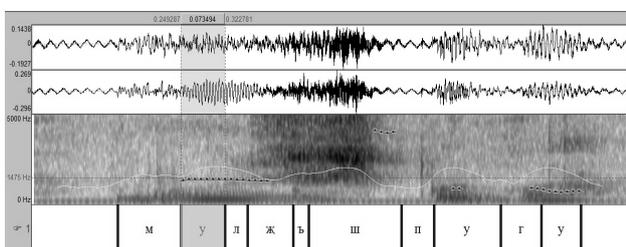
üdelgı



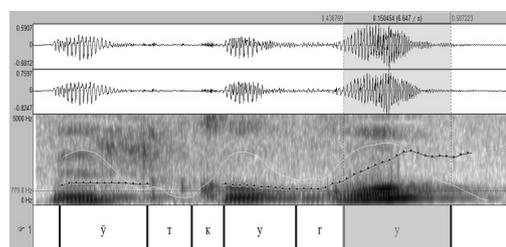
mıldžegulgı 'ополоснуть многое'



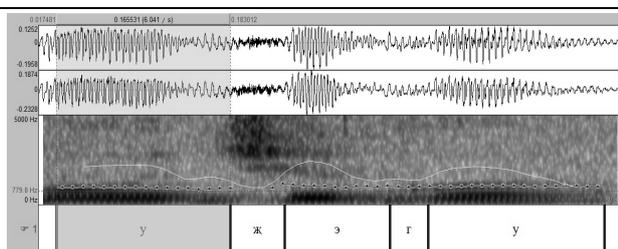
üdeşpıgı 'пить'



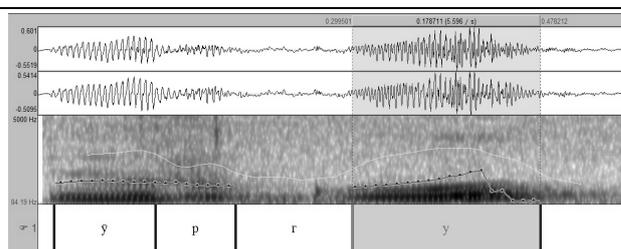
mıldžęřpıgı 'отмываться'



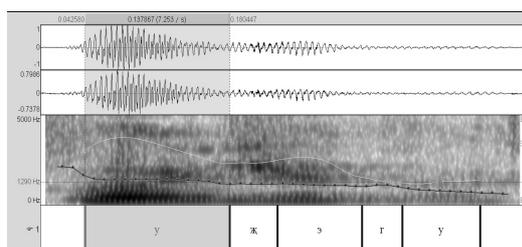
ütıkugı 'пить'



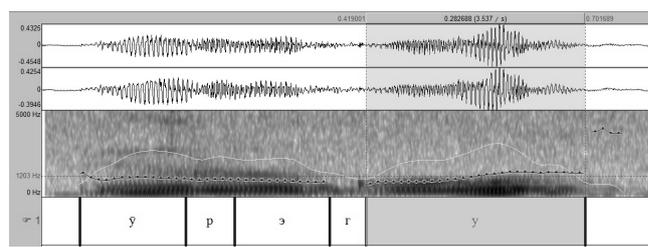
üdzegı 'работать' [Коробейникова И. А.]



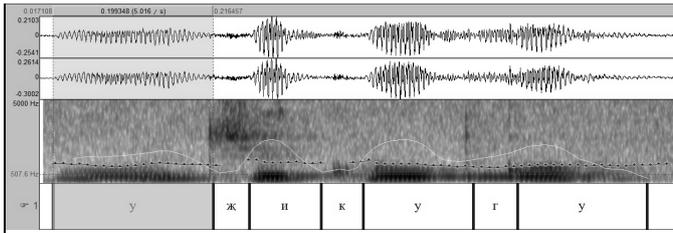
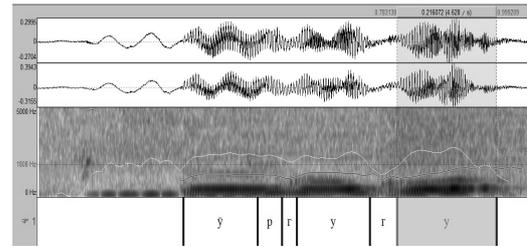
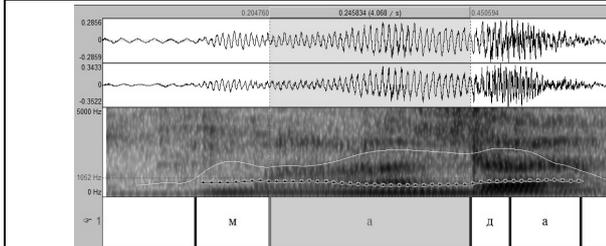
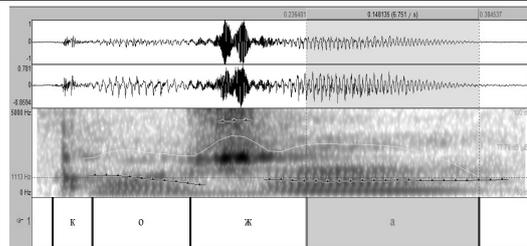
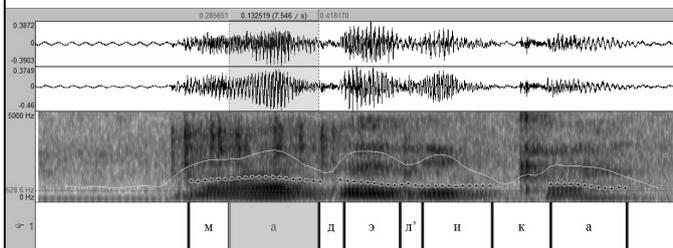
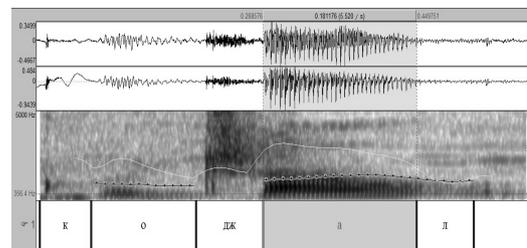
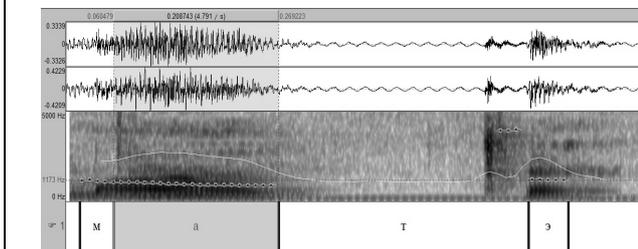
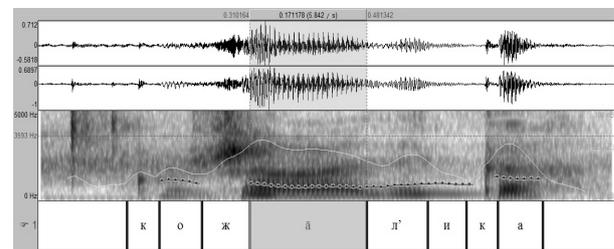
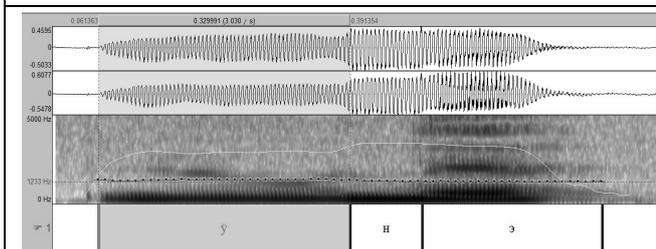
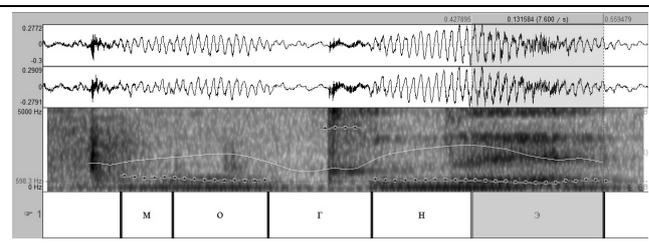
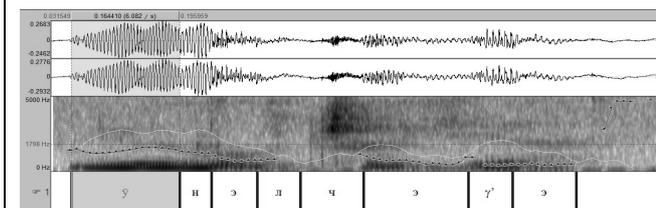
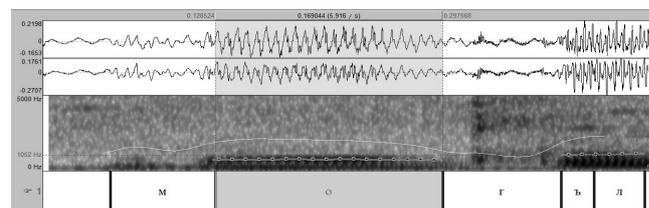
ürgı 'потеряться'



üdzegı 'работать' [Мартынов Я. Я.]



üręgı 'потеряться'

*úďžikugu* 'работать периодически'*ürgugu* 'заблудиться'*máda* 'дверь'*koža* 'мешок'*mádeľika* 'избушка'*kožál* 'твой мешок'*máte* 'в дом'*kožálíka* 'мешочек'*úne* 'ремень'*mogné* 'назад'*úňal čeyi* 'кожаный ремень'*mógal* 'спина'

1.2. Обработка данных архива, собранного под руководством А. П. Дульзона

Во время двух командировок в г. Томск мы с помощью аспирантов Кафедры-лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета: Н. Л. Федотовой (в 2008 г.), Н. В. Дубровской и Г. П. Поздеевой (в 2011 г.) — оцифровали все карточки, на которых были зафиксированы селькупские словоформы с отмеченным ударением. Созданный нами цифровой архив был предоставлен Кафедре-лаборатории языков народов Сибири.

В настоящее время ведется активная работа с этим архивом. В результате сплошной обработки картотеки, сделанной томскими исследователями по архиву, собранному под руководством А. П. Дульзона, выяснилось, что богатый материал по акцентным системам удается собрать по говорам следующих населенных пунктов:

- 1) для центральных диалектов — д. Тюхтерево и д. Ласкино Парабельского района (нарымский диалект), с. Напас Каргасокского района Томской области (тымский диалект);
- 2) для южных диалектов — с. Иванкино Колпашевского района Томской области (обской).

Имеется также информация о постановке ударения в некоторых словоформах в говорах других населенных пунктов (более 25), но она значительно беднее и не позволяет полностью описать акцентные системы этих диалектов.

В результате анализа собранного материала мы пришли к выводу, что во всех вышеперечисленных диалектах ударение является смысловозначительным (выявлены минимальные пары) и разноместным, также выделяются два типа корневых и суффиксальных морфем — плюсовые и минусовые. Правила постановки ударения фактически идентичны тем, которые были выявлены нами при обработке полевого материала по нарымскому диалекту: ударение ставится на первую плюсовую морфему, а если таковая в словоформе отсутствует, то на первую минусовую, т. е. если корень имеет плюсовую маркировку, то во всех формах представлено ударение, фиксированное на корне, а если минусовую, то тогда в сочетании корня с плюсовыми суффиксами ударение передвигается на суффикс, а в сочетании с минусовыми суффиксами — сохраняется на корне. О различиях в маркировках конкретных суффиксов в говорах разных населенных пунктов см. ниже.

1.3. Описание системы ударения в языке первых селькупских книг, которые были составлены Н. П. Григоровским в кон. XIX в. (изданы Е. А. Хелимским [Хелимский 2007])

Первые селькупские книги: «Азбука» и три религиозных издания переводного характера, — а также южно-селькупский словарь, в котором последовательно даются отсылки на книги, были составлены Н. П. Григоровским в кон. XIX в. и изданы Е. А. Хелимским [Хелимский 2007]. Эти издания являются единственным источником по южному диалекту селькупского языка с последовательно проставленным ударением. Язык, на котором написаны эти книги, Е. А. Хелимский считает «крайним южным диалектом» селькупского языка.

Анализ данных, собранных Н. П. Григоровским, показывает, что мы, как и в случае с нарымским диалектом (говором с. Парабель), имеем дело с разноместным парадигматическим ударением, место постановки которого в непроемных словах задается списком, а в производных зависит от маркировки производящей основы. Отличие этой акцентной системы от систем других диалектов также заключается в маркировках суффиксов.

1.4. Система ударения в неизданных архивных материалах М. А. Кастрена по селькупскому языку

В материалах М. А. Кастрена, собранных в 50-х гг. XIX в., представлены словники и примеры парадигм по нескольким селькупским диалектам: тазовскому, туруханскому, чулымскому, кетскому и нарымскому. К сожалению, во всех словниках, за исключением нарымского, ударение проставлено очень редко, зато в нарымском словнике проакцентуировано большинство словоформ.

Интересно, что ударение, отмеченное в нарымском диалекте М. А. Кастреном, полностью совпадает с акцентной системой, зафиксированной в этом диалекте спустя более, чем 100 лет, последователями А. П. Дульзона (в д. Тюхтерево Парабельского района Томской области) и еще через 50 лет Н. Л. Федотовой (в с. Парабель Томской области). Таким образом, можно сделать вывод, что система ударения в нарымском диалекте, в цифровом формате зафиксированная Н. Л. Федотовой в рамках проекта Президиума РАН «Акцентологические характеристики селькупского языка» на материале полного корпуса нарымского словаря (около 10 000 слов), архаична и сохраняется без изменений уже более 150 лет.

2. Сходства и различия акцентных систем южных и центральных диалектов селькупского языка

Как уже было сказано выше, собран материал по акцентным системам следующих шести говоров:

А) центральные диалекты

— нарымский диалект

— (1) говор с. Парабель, (2) говор д. Тюхтерево, (3) говор д. Ласкино;

— тымский диалект

— (4) говор с. Напас;

Б) южные диалекты

— обской диалект

— (5) говор с. Иванкино;

— крайне-южный диалект (чаинский)

— (6) говоры р. Чая (язык первых селькупских книг).

Во всех говорах ударение имеет смысловозначительный парадигматический характер. Контурное правило постановки ударения следующее:

1) в словах, состоящих из **одной двусложной морфемы**, если морфема **плюсовая**, то ударение ставится на **первый слог**, если **минусовая** — на **второй**;

2.а) если слово состоит из **нескольких морфем** и в словоформе есть **плюсовые морфемы**, то ударение ставится на **первый слог первой плюсовой морфемы**;

2.б) если слово состоит из **нескольких морфем** и в словоформе есть **минусовые морфемы**, то ударение ставится на **первый слог первой минусовой морфемы**.

Различия в месте ударения некоторых словоформ, собранных в разных населенных пунктах, объясняются разными маркировками суффиксов в этих говорах. По этой причине для каждого из говоров мы попытались описать систему, где корням и суффиксам будет присвоена постоянная маркировка. Выяснилось, что корни бывают плюсовые и минусовые, а суффиксы — плюсовые, минусовые и «категоризирующие акцент», т. е. такие, на которые ударение падает всегда — вне зависимости от маркировки корня.

Из сформулированного нами правила о постановке ударения становится ясно, что для выявления маркировок селькупских корней в разных говорах словоформы с минусовыми суффиксами или суффиксами, категоризирующими ударение, не представляют интереса, потому что в случае с минусовыми суффиксами ударение всегда будет стоять на корне, а в случае с категоризирующими — на суффиксе (вне зависимости от маркировки корня). Таким образом, в нашем проекте, ориентированном в первую очередь на диахроническую перспективу и реконструкцию акцентных маркировок прасамодийских корней, основное внимание уделено словам, состоящим из одной двусложной морфемы (непроизводным именам), и словоформам с плюсовыми суффиксами. Для того чтобы их выявить, нами был проанализирован полный материал по акцентным системам указанных говоров и выбраны такие суффиксы, которые в сочетании с некоторыми корнями бывают безударными, а в сочетании с другими — ударными. Оказалось, что набор таких суффиксов не очень велик, а диалектные различия не очень значительны (см. описание этих различий в *Таблице 1*).

В *Таблице 1* приведены непроизводные имена и словоформы с такими суффиксами и комбинациями суффиксов, которые в двух или более из рассмотренных говоров содержат плюсовую морфему. Распределение акцентных маркировок по говорам и диалектам выглядит следующим образом — см. с. 129.

В *Таблице 1* в случае с суффиксами *-(ы/е)-гу* и *-(ы/е)м-бу/е-гу* первая суффиксальная гласная указана в скобках. Это связано с тем, что глагольная основа может оканчиваться как на согласную, так и на гласную фонему [ОчСЯ 1980: 204—205]; в начале суффиксов может быть гласная, а может и отсутствовать. Про указанные два суффикса *-(ы/е)-гу* и *-(ы/е)м-бу/е-гу* нами было отмечено, что когда, по данным реконструкции [Alatalo 2004], основа заканчивается на согласную фонему, то в южных и центральных диалектах селькупского языка эти суффиксы могут быть как с начальной гласной, так и без гласной, например: (1) **kot* ‘кашлять’ [Alatalo 2004: 279] — Таз. *qotqo* ‘кашлять’; Пар. *kótku* ‘кашлять’; Нап. *kódegu* ‘болеть’, *kotku* ‘кашлять’; (2) **kuən-* ‘идти’ > **kuəntə-* ‘нести’ [Alatalo 2004: 291] — Таз. *qenqo* ‘отправиться, пойти, поехать, уйти, уехать’; Пар. *kúnqu* ‘пойти’, *kwénəgu* ‘пойти’, (арх.) *kwónqu* ‘идти’; Тюхт. *kwénqu* ‘идти’; Нап. *kwénqu* / *kwýngu* ‘уйти’; Ласк. *kwénqu* ‘уйти’; Чиж. *kwénqu* ‘плыть’; Мак. *kwánqu* ‘уйти’; Стс. *kwánqu* ‘сходить’; Варг. *kwénqu* ‘идти’.

Таких примеров можно подобрать довольно много. И, напротив, когда в [Alatalo 2004: 279] восстанавливается основа на гласную, в ряде инфинитивных форм в южных и центральных диалектах гласная может отсутствовать: (1) **cūrə-* ‘плакать’ [Alatalo 2004: 229] — Таз. *cūrīqo* ‘плакать’; Тюхт. *ч’ура* ‘вой’; Нап. *ч’ургу* ‘плакать’; Ласк. *ч’ургу* ‘плакать’; Стс. *т’урпу* ‘плакать’; Иван. *ту’ра* ‘плачет’, *ту’реинугу* ‘опла-

Таблица 1¹¹

морфемы	нарымский диалект			тымский диалект	обской диалект	крайне-южный диалект
	говор с. Парабель	говор д. Тюхтерево	говор д. Ласкино	говор с. Напас	говор с. Иванкино	говор р. Чая
непроизводные имена						
-ə +	+	+	+	–	? ¹²	+
-a +	+	+	+	–	+	+
словоформы с показателем инфинитива						
-(ы/е)-гу – +	+	+	+	+	+	–
комбинации словообразовательных суффиксов¹³						
-(ы/е)м-бу/е-гу – – +	+	?	–	+	+	–
-о/ал-гу + +	ударение генерализуется на суффиксе	?	+	+	+	+
-о/ал-бы-гу + – +	+	?	+	+	+	+
-о/ал-жэ/и-гу + – +	+	?	+	+	+	+
-эи-пу-гу + – +	?	+	+	+	+	нет этого суффикса

кивать'; (2) **rōlā* 'глотать' [Alatalo 2004: 99] — Таз. *rōliqo* 'проглотить'; Пар., Иван. *nólgu* 'глотать'; Чая *nólšitpygu* 'глотать'; (3) **tuələ* 'красть' [Alatalo 2004: 188] — Таз. *tēliqo* 'украсть'; Пар. *twélggu* 'красть', *twérggu* 'воровать'; Тюхт. *twélegu* 'украсть'; Нап. *twélggu* 'обокрасть', *twélegu* 'украсть'.

Как мы видим, даже в рамках одного диалекта могут встречаться формы с гласной или без гласной перед показателем инфинитива — иногда без семантической разницы: Пар. *kúnqu* 'пойти', *kwénzgu* 'пойти'; Нап. *kódegu* 'болеть', *котку* 'кашлять'; Пар. *twélggu* 'красть', *twérggu* 'воровать', Нап. *twélggu* 'обокрасть', *twélegu* 'украсть' (более полный список таких случаев см. ниже при разборе акцентных маркировок корней в центральных и южных диалектах селькупского языка).

Таким образом, эти примеры показывают, что у нас не всегда есть основания принимать для южных или центральных говоров селькупского языка тот тип основы (на гласную или согласную), который реконструируется в праселькупском языке в [Alatalo 2004] или представлен в тазовском диалекте, по данным [ОчСЯ 1980]. Во многих случаях нельзя точно сказать, корню или суффиксу принадлежит первая

¹¹ Здесь и далее все формы и их значения, взятые из архива А. П. Дульзона, приводятся в орфографии оригинала.

¹² В таблице знак вопроса стоит в тех клетках, где в соответствующем диалекте в образованиях с этим суффиксом ударение всегда падает на первый слог словоформы, но эти образования засвидетельствованы только от тех корней, которые в других диалектах являются плюсовыми, т. е. вне зависимости от типа суффикса имеют ударение на первом слоге.

¹³ В настоящее время нам неизвестны работы, в которых была бы сделана реконструкция праселькупских суффиксов. В статье [Зырянова 2002] собраны воедино данные по глагольным селькупским суффиксам в южных и северных диалектах. Оказалось, что плюсовые суффиксы, отобранные нами по выше оговоренным принципам, засвидетельствованы во всех диалектах селькупского языка — фактически в единообразной форме. Но поскольку работы по реконструкции суффиксов отсутствуют, то мы приводим их в тех формах, в которых они реально встречаются в диалектах. Как видно из таблицы, не вполне ясен статус чередующихся первых гласных суффиксов: нам представляется, что их реализация зависит от места ударения и от правил сингармонизма, однако уточнение их статуса нуждается в дальнейшем исследовании. Информацию о семантике суффиксов можно найти в статье [Зырянова 2002] с отсылками на монографии, в которых подробно описаны значения конкретных суффиксов.

гласная фонема в *-(ы/е)-гу* и *-(ы/е)м-бу/е-гу*. Для описания системы ударения это не играет существенной роли, поскольку, по сформулированному выше правилу, если слово состоит из нескольких морфем и в словоформе есть плюсовые морфемы, то ударение ставится на первый слог первой плюсовой морфемы, т. е. если гласная относится к основе, то она не будет ударной, поскольку не является первой гласной морфемы, а суффиксы *-(ы/е)-* и *-(ы/е)м-бу/е-* имеют минусовую маркировку и не будут ударными по этой причине. По этой причине для правила постановки ударения не является принципиально важным тот факт, относится ли *-(ы/е)-* к корню или суффиксу.

Напротив, когда мы рассматриваем последовательность морфем *-эи-пу-гу*, в которой первая морфема *-эи-* является плюсовой, возможными оказываются различные способы постановки ударения — в зависимости от маркировки корня и принадлежности *-э-* к суффиксу или к основе:

1) *-э-* относится к основе и имеет плюсовую маркировку — ударение должно быть на первом слоге основы;

2) *-э-* относится к основе и имеет минусовую маркировку — ударение должно быть на показателе инфинитива;

3) *-э-* относится к суффиксу, а основа имеет плюсовую маркировку — тогда ударение должно быть на первом слоге основы,

4) *-э-* относится к суффиксу, а основа имеет минусовую маркировку — тогда ударение должно быть на *-э-*.

К сожалению, в ряде случаев однозначно сказать, к чему — к основе или суффиксу — относится *-э-*, и проверить наши гипотезы о месте ударения не удастся. Нами была принята рабочая версия, что если в одном из рассматриваемых диалектов есть инфинитивная форма с основой на согласную, то *-э-* относится к суффиксу; в *Таблицах 2а—2б* собраны только такие случаи. Возможно, однако, что такое решение не вполне корректно — нельзя исключить, что даже в одном говоре, не говоря уже о разных, могут существовать две глагольные основы с правилами распределения по разным суффиксам. Вероятно, дальнейшее исследование морфонологии рассматриваемых диалектов могло бы прояснить эту ситуацию, но тот факт, что большинство говоров уже не являются «живыми», делает это исследование практически невозможным. Таким образом, наша гипотеза о принадлежности *-э-* к суффиксу *-эи-пу-гу* для рассматриваемых словоформ является условной, и с этой условностью связано наибольшее количество исключений из сформулированного нами правила о постановке ударения именно в словоформах на *-эи-пу-гу* (список исключений см. ниже при разборе акцентных маркировок корней в южных и центральных диалектах селькупского языка). Ниже приводится полный список словоформ, образованных с помощью указанных суффиксов.

Таблица 2а

Акцентные маркировки суффиксов в центральных диалектах селькупского языка

нарымский диалект говор с. Парабель (полевые материалы 2009 г.)	нарымский диалект говор д. Тюхтерево (архив А. П. Дульзона)	нарымский диалект говор д. Ласкино (архив А. П. Дульзона)	тымский диалект говор с. Напас (архив А. П. Дульзона)
-э +			
маркировка суффикса +	маркировка суффикса +	маркировка суффикса +	маркировка суффикса +
корень + <i>ка́дэ</i> ‘пихта, ель’, <i>ку́же</i> ‘моча’, <i>ма́ннэ</i> ‘penis’, <i>у́нэ</i> ‘ремень’, <i>чи́ч’э</i> ‘дядя’	корень + <i>ко́ле</i> ‘коршун’, <i>ко́ромджи</i> ‘лукошко’, <i>кве́р’е</i> ‘ворона’, <i>п’э́дж’е</i> ‘чебак’, <i>пу́де</i> ‘щека’	корень + <i>а́мне</i> ‘зять’, <i>кве́р’е</i> ‘ворона’, <i>ча́мдже</i> ‘жаба’	корень + <i>’а́пте</i> ‘запах’, <i>а́де</i> ‘олень’, <i>э́мне</i> ‘зять’, <i>кве́р’е</i> ‘ворона’, <i>ко́мде</i> ‘деньги’, <i>ку́же</i> ‘моча’, <i>чи́вэс’е</i> ‘назад’, <i>чи́бе</i> ‘муха’, <i>чи́опсе</i> ‘молька’
корень – <i>ко́нэ</i> ‘наверх’, <i>на́врэ</i> ‘мошка’, <i>у́дэ</i> ‘вода; водка’, <i>ча́ржэ</i> ‘семья’, <i>че́ндэ</i> ‘пояс’, <i>чу́мджэ</i> ‘дятел’, <i>э́нэ</i> ‘ребенок, брат’	корень – <i>па́к’э</i> ‘рябчик’, <i>та́у’э</i> ‘зад’, <i>чи́апте</i> ‘легенда’	корень – <i>ча́пте</i> ‘сказка’	корень – <i>ка́пте</i> ‘смородина’, <i>ко́нэ</i> ‘наверх (в гору)’, <i>кы́г’э</i> ‘река’

нарымский диалект говор с. Парабель (полевые материалы 2009 г.)	нарымский диалект говор д. Тюхтерево (архив А. П. Дульзона)	нарымский диалект говор д. Ласкино (архив А. П. Дульзона)	тымский диалект говор с. Напас (архив А. П. Дульзона)
-а +			
маркировка суффикса +	маркировка суффикса +	маркировка суффикса +	маркировка суффикса – ¹⁴
корень + <i>áрма</i> ‘прохлада’, <i>кага</i> ‘покойник’, <i>куя</i> ‘черпак’, <i>мэра</i> ‘цена’	корень + <i>áджа</i> ‘папа’, <i>áнда</i> ‘лодка’, <i>’áрма</i> ‘ячмень’, <i>’эжа</i> ‘теща’, <i>ка́гла</i> ‘сани’, <i>ка́ла</i> ‘чашка’, <i>ка́лла</i> ‘чайка’, <i>ка́на</i> ‘ива’, <i>ка́та</i> ‘лапа’, <i>ка́жа</i> ‘сорока’, <i>коджа́</i> / <i>ко́джа</i> ‘мешок’, <i>ка́н’джа</i> ‘трубка’, <i>ку́жа</i> ‘сачок’, <i>кэ́та</i> ‘веретено с пряжей’, <i>ла́да</i> ‘черкан’ <i>ло́ка</i> ‘оса’, <i>ма́джа</i> ‘тайга’, <i>на’р’а</i> ‘тальник’, <i>на’эва</i> ‘заяц’, <i>но́ба</i> ‘рукавица’, <i>на́хта</i> ‘прыщ’, <i>но́жа</i> ‘пузырь’, <i>пу́га</i> ‘печень’, <i>пу́жа</i> ‘пугало’, фи- лин’, <i>са́пта</i> ‘сопля’, <i>те́’а</i> ‘сабля’, <i>ха́уа</i> ‘пятно’, <i>ха́Ра</i> ‘утка’, <i>хвэ́ра</i> ‘ливень’, <i>чу́ра</i> ‘вой’, <i>чу́пта</i> ‘роса’, <i>ше́дша</i> ‘уголь’, <i>ши́ба</i> ‘птенец’, <i>шо́нга</i> ‘ракита’	корень + <i>áрма</i> ‘ячмень’, <i>ка́за</i> ‘окунь’, <i>ко́джа</i> ‘мешок’, <i>фа́жа</i> ‘до- бро’, <i>шо́ва</i> ‘копылуха’	<i>áма</i> ‘мать’, <i>а́нга</i> ‘сон’, <i>а́ча</i> ‘коршун’, <i>’э́та</i> ‘деревня’, <i>и́л’да</i> ‘дядя’, <i>ка́га</i> ‘кладбище’, <i>ка́за</i> ‘окунь’, <i>ла́ка</i> ‘штука’, <i>ли́на</i> ‘тряпка’, <i>ло́уа</i> ‘лиса’, <i>лы́мба</i> ‘орел’, <i>ма́ка</i> ‘палка’, <i>ма́рга</i> ‘куст’, <i>мо́ч’а</i> ‘пятка’, <i>му́та</i> ‘война’, <i>мы́ка</i> ‘игла’, <i>мо́га</i> ‘сука’, <i>на’э́са</i> ‘грудь’, <i>на’э́ша по</i> ‘шиповник’, <i>на’и́мба</i> ‘бабушка’, <i>но́ва</i> ‘бубен’, <i>на’у́лка</i> ‘пихта’ <i>са́ла</i> ‘молоток’, <i>сви́ра</i> ‘дождь’, <i>се́рга</i> ‘крапива’, <i>та́ма</i> ‘мышь’, <i>ту́ра</i> ‘гнида’, <i>у́нджа</i> ‘вошь’, <i>у́га</i> ‘шапка’, <i>чу’во́зга</i> ‘узкий’ <i>чу’а́нга</i> ‘ло- вушка на зайца, белку’, <i>чу́мба</i> ‘мох’, <i>шу́ма</i> ‘копы- луха’
корень – <i>ажа́</i> ‘сестра’, <i>ка́ла</i> ‘чашка’, <i>пажа́</i> ‘туесок’, <i>та́ша</i> ‘мороз’	корень – <i>арба́</i> ‘ловушка’, <i>е́ра</i> ‘старик’, <i>ка́жата</i> ‘кишка’, <i>коджа́</i> / <i>ко́джа</i> ‘мешок’, <i>лага́</i> ‘шту- ка’, <i>лога́</i> ‘лиса’, <i>мага́</i> ‘прут’, <i>мака́</i> ‘копыто’, <i>матка́</i> ‘шо- рох, куча’, <i>мыга́</i> ‘игла’, <i>на’а́джа</i> ‘лужа’, <i>на’е́да</i> ‘крын- ка’, <i>сефа́</i> ‘мусор’, <i>хыба́</i> ‘мошка’, <i>хыжа́</i> ‘тряпка’, <i>шега́</i> ‘нитка’	корень – <i>а́ра</i> ‘старик’, <i>ка́ла</i> ‘чашка’	И с к л ю ч е н и я: <i>’и́жа</i> ребенок’, <i>ка́ла</i> ‘миска’
-(э/у)-ку / гу – +			
маркировка суффикса +	маркировка суффикса +	маркировка суффикса + ¹⁵	маркировка суффикса +
корень + <i>а́чэгу</i> ‘взойти’, <i>ко́жэгу</i> ‘по- мочиться’, <i>ка́эгу</i> ‘укрыть’, <i>квэ́нэгу</i> ‘пойти’, <i>ко́тку</i> ‘кашлять’, <i>ку́нэгу</i> ‘пойти’, <i>ку́нэгу</i> ‘выбежать’, <i>лы́гу</i> ‘окоstenеть’, <i>по́лгу</i> ‘глотать’, <i>та́ргу</i> ‘менять’, <i>та́элгу</i> ‘красть’, <i>та́эргэгу</i> ‘воровать’, <i>ту́гу</i> ‘грести’, <i>ту́тэгу</i> ‘испражняться’,	корень + <i>а́мдыгу</i> ‘сидеть’, <i>э́ттыгу</i> ‘ударить’, <i>кв́аттыгу</i> ‘прясть’, <i>квэ́ргу</i> ‘позвать’, <i>ка́быгу</i> ‘надо зашить’, <i>ка́йгу</i> ‘укрывать’, <i>квэ́нгу</i> ‘идти’, <i>на́шкыгу</i> ‘открутить’, <i>та́вэлегу</i> ‘украсть’, <i>та́вэргу</i> ‘воровать’, <i>у́рчу</i> ‘купаться’, <i>ха́лгу</i> ‘точить’, <i>ха́джегу</i> ‘прокусить’	корень + <i>а́кугу</i> ‘пробовать’, <i>а́лгу</i> / <i>а́лгу</i> ‘выточить’, <i>а́л’чу́гу</i> ‘упасть’, <i>а́ндугу</i> ‘хвалить’, <i>а́чу́гу</i> ‘сте- речь’, <i>э́гу</i> ‘побывать’, <i>и́гу</i> ‘по- лучить’, <i>на’э́д’же’эгу</i> ‘пле- вать’, <i>ка’лгу</i> ‘остаться’, <i>ка́дэгу</i> / <i>ка́дэгу</i> / <i>ка́дэгу</i> ‘признаться, объявить’, <i>ка́жэгу</i> ‘нестись’, <i>ка́ндэгу</i> ‘обмерзать’, <i>кы́ргу</i> ‘обо-	корень + <i>а́дэгу</i> ‘вывесить’, <i>а́л’джу/егу</i> ‘упасть’, <i>а́мгу</i> ‘зевать’, <i>а́м- дыгу</i> ‘отсидеть’, <i>’а́ндугу</i> ‘рас- хвалиться’, <i>а́мдэгу</i> ‘бодать’, <i>а́чу́гу</i> / <i>а́тэгу</i> ‘ждать’, <i>’э́гу</i> ‘есть’, <i>’и́гу</i> / <i>’и́гу</i> ‘достать’, <i>’ил’э ма́джугу</i> ‘свалить’, <i>’и́лгу</i> ‘взвесить’, <i>’хэ́лгу</i> ‘обтачивать’, <i>’хо́тку</i> ‘облить’, <i>’квэ́нгу</i> ‘уйти’, <i>’ка́тегу</i> / <i>’кэ́тегу</i> ‘ударить’,

¹⁴ При минусовом суффиксе маркировку корня мы не указываем, поскольку, исходя из вышеуказанного кон- турного правила, ее установить не удастся.

¹⁵ Неясно, с чем связана постановка ударения в *манч’эгу* ‘смотреть’ на второй гласный основы.

нарымский диалект говор с. Парабель (полевые материалы 2009 г.)	нарымский диалект говор д. Тюхтерево (архив А. П. Дульзона)	нарымский диалект говор д. Ласкино (архив А. П. Дульзона)	тымский диалект говор с. Напас (архив А. П. Дульзона)
<p>у́тку ‘послать’, у́ргу ‘плавать’, чвѣдыгу ‘встретить, застать’, э́нгу ‘пойти’, э́рэгу ‘попить воды’</p>		<p>драть’, <i>ка́ттугу</i> ‘заклепать’, <i>ка́игу</i> ‘накрыть’, <i>ка́тугу</i> ‘гулять’, <i>ко’гу</i> / <i>ко́гу</i> ‘найти’, <i>ка́птэгу</i> ‘гасить’, <i>ка́чугу</i> ‘зачихать’, <i>квѣнгу</i> ‘уйти’, <i>квѣргу</i> ‘зазвать’, <i>квѣдугу</i> ‘поспорить’, <i>кѣтегу</i> ‘заколоть’, <i>ко́гу</i> ‘народить’, <i>ко́ндугу</i> ‘спать’, <i>ко́ңгу</i> ‘утонуть’ / <i>ко́ңгу</i> ‘утонуть’, <i>ку́гу</i> ‘отживать’, <i>ча’бугу</i> ‘подпалить’, <i>ча́уэгу</i> ‘ныть’ / <i>ча́уэгу</i> ‘стонать’, <i>ча́гэгу</i> ‘настрелять’, <i>ча́дугу</i> ‘сжечь’, <i>ча́кэгу</i> ‘застелить’, <i>ча́д’жугу</i> ‘идти’, <i>ча́чугу</i> ‘посеять’, <i>ч’вѣдэгу</i> ‘повстречать’, <i>ч’отку</i> ‘застать’, <i>ч’огу</i> ‘помазать’, <i>чо́чегу</i> ‘уоставить’, <i>чу́ргу</i> ‘плакать’, <i>чу́ругу</i> ‘оплакать’, <i>ч’о́гу</i> ‘постреливать’, <i>ше́кэгу</i> ‘ночевать’, <i>ше́ргэгу</i> ‘зайти’, <i>ше́ргу</i> ‘надеть’, <i>ѣд’жэгу</i> ‘щебетать’, <i>ѣд’эгу</i> ‘навешать’, <i>ѣр’эгу</i> ‘гулять’, <i>ѣргу</i> ‘погулять’</p>	<p><i>ка́йгу</i> ‘жмуриться’ / <i>кайгу́</i> ‘накрывать’, <i>ка́ччегу</i> ‘чихать’, <i>кѣргу</i> / <i>кыргу́</i> ‘ободрать’, <i>ко́дегу</i> ‘болеть’, <i>ка́жэгу</i> ‘бежать’, <i>квѣргу</i> ‘пригласить’ / <i>квѣргу</i> ‘звать’ / <i>ты́квѣргу</i> ‘позвать’, <i>кандыгу́</i> / <i>кандугу</i> ‘замерзать’, <i>квѣтку</i> ‘добыть’, <i>ко́ндэгу</i> / <i>ко́ндэгу́</i> ‘спать’, <i>ко́ңгу</i> ‘утонуть’, <i>ка́лгу</i> ‘откидать’, <i>ко́ргу</i> ‘откачать утопшего’, <i>м’ѣгу</i> ‘отстраивать’, <i>мо́тку</i> ‘отлупить’, <i>мы́нэгу</i> ‘загнуть’, <i>но́гу</i> ‘откупорить’, <i>на́ргу</i> ‘вить’, <i>н’ѣргу</i> ‘искать’, <i>ну́лгу</i> ‘стечь’, <i>ну́дегу</i> ‘вернуть’, <i>ну́д’жугу</i> ‘брить’, <i>ну́’о’чугу</i> ‘отогреть’, <i>та́ку/огу</i> ‘прогнать’, <i>та́ргу</i> ‘отделить’, <i>ты́гу</i> ‘обругать’, <i>твѣл’ргу</i> ‘обокрасть’, <i>твѣлегу</i> ‘украсть’, <i>те́жэгу</i> ‘отощать’, <i>ту́гу</i> ‘грести’, <i>то́дегу</i> ‘блевать’, <i>у́дугу</i> ‘отослать’, <i>ф’ѣд’жэгу</i> ‘заплывать’, <i>ха́д’жугу</i> ‘откусить’, <i>чанд’жугу</i> / <i>а́д’жугу</i> ‘отчалить’, <i>ча́гэгу</i> ‘обсохнуть’, <i>ча́дэгу</i> ‘поджечь’, <i>ча́кэгу</i> ‘покрыть’, <i>ч’вѣдэгу</i> ‘повстречать’, <i>ч’икыгу́</i> / <i>ч’икугу</i> ‘отвязать’, <i>чо́чугу</i> ‘отставить’, <i>чу́гу</i> ‘выиграть’, в карты’, <i>чу́ргу</i> ‘плакать’, <i>чы́тку</i> ‘заплесневеть’, <i>ча́б’эгу</i> ‘гореть’, <i>ш’ер’эгу́</i> / <i>ша́ргу</i> ‘обуть’, <i>ше́угу</i> ‘ночевать’, <i>ш’ѣкегу</i> ‘занырнуть’, <i>ше́ргу</i> / <i>шер’эгу</i> ‘зайти’, <i>шу́тку</i> ‘прощить’, <i>ѣд’жэгу</i> ‘щебетать’, <i>ѣргу</i> ‘погулять’</p>
<p>корень – <i>а́дыгу</i> ‘виднеться’, <i>калгу́</i> ‘остаться’, <i>камд’жэгу</i> ‘налить’, <i>каптэгу́</i> ‘погушить’, <i>ко́жэгу</i> ‘болеть’, <i>кургу́</i> ‘бежать’, <i>на́дыгу</i> ‘жениться’, <i>натку́</i> ‘залезть’, <i>нэргу́</i> ‘поискать’, <i>нэрыгу́</i> ‘поискать’, <i>тэшиэгу́</i>, ‘быть морозу’, <i>у́д’эгу</i> ‘промокнуть; выпить, попить’, <i>у́ргу</i> ‘потеряться’, <i>ыдыгу́</i> ‘висеть; повесить’, <i>э́лэгу</i> ‘жить’</p>	<p>корень – <i>каттыгу́</i> ‘сказать’, <i>мад’жэгу</i> ‘заколоть’, <i>мад’жэгу</i> ‘надрезать’, <i>мы́нгу</i> ‘гнуть’, <i>натк’эгу</i> ‘молоть’, <i>паккыгу́</i> ‘копать’, <i>пурчегу́</i> ‘зажечь’, <i>удш’егу́</i> ‘работать’</p>	<p>корень – <i>абт’и́гу</i> ‘пахнуть’, <i>амгу́</i> ‘съесть’, <i>а́лгу</i> / <i>а́лгу</i> ‘выточить’, <i>ка́д’эгу</i> / <i>ка́д’эгу</i> / <i>ка́д’эгу</i> ‘признаться, объявить’, <i>ка́нд’эгу</i> ‘обмерзать’, <i>ко’гу</i> / <i>ко́гу</i> ‘найти’, <i>ча́уэгу</i> ‘ныть’, <i>ка́птэгу</i> ‘гасить’, <i>кватку́</i> ‘уничтожить’, <i>ча́уэгу</i> ‘стонать’, <i>чар’эгу</i> ‘выскакивать’, <i>ч’ондугу́</i> ‘укрыться’, <i>ч’отку́</i> ‘застать’, <i>ч’у́дугу</i> / <i>ч’у́дугу́</i> ‘таять’, <i>шьд’эгу</i> ‘добудиться’, <i>ѣд’эгу</i></p>	<p>корень – <i>адгу́</i> ‘быть видным’, <i>адгу́</i> ‘наколоться’, <i>амгу́</i> ‘съесть’, <i>а́л’эгу</i> ‘разинуть’, <i>’астыгу́</i> ‘уронить’, <i>’ачугу́</i> ‘стеречь’, <i>каб’эгу</i> ‘перечинить’, <i>калгу́</i> ‘оставить’, <i>категу́</i> / <i>кѣтегу</i> ‘ударить’, <i>кѣргу</i> / <i>кыргу́</i> ‘ободрать’, <i>ка́дегу</i> ‘очистить’, <i>квѣргу</i> ‘пригласить’ / <i>квѣргу</i> ‘звать’ / <i>ты́квѣргу</i> ‘позвать’, <i>кадегу́</i> ‘ответить’, <i>кандыгу́</i> / <i>кандугу</i> ‘замерзать’, <i>капт’ыгу́</i> ‘тушить’, <i>каңгу́</i> ‘зимовать’,</p>

нарымский диалект говор с. Парабель (полевые материалы 2009 г.)	нарымский диалект говор д. Тюхтерево (архив А. П. Дульзона)	нарымский диалект говор д. Ласкино (архив А. П. Дульзона)	тымский диалект говор с. Напас (архив А. П. Дульзона)
		‘навешать’	<i>којегу</i> ‘выхаживать’ / <i>којегу</i> ‘ходить’, <i>когу</i> ‘найти’, <i>котку</i> ‘кашлять’, <i>кóндъгу</i> / <i>кондъгу</i> ‘спать’, <i>’ил’э маджгу</i> ‘свалить’, <i>м’игу</i> ‘отдать’, <i>таугу</i> ‘откупать’, <i>чадгу</i> ‘бросать’ <i>чаджгу</i> ‘застрелить’ <i>ч’артку</i> ‘попасть’, <i>чаку/ъгу</i> ‘стонать’, <i>чанджугу</i> / <i>ч’аджугу</i> ‘отчалить’, <i>ч’аргу</i> ‘выбежать’, <i>ч’ачугу</i> ‘отсохнуть’, <i>ч’икыгу</i> / <i>ч’икугу</i> ‘отвязать’, <i>чудгу</i> ‘таять’, <i>ч’ун’дгу</i> ‘кидаться, стрелять’, <i>ш’едгу</i> ‘будить’, <i>ш’ер’гу</i> / <i>ш’аргу</i> ‘обуть’, <i>ш’ергу</i> / <i>шергу</i> ‘зайти’, <i>ыдгу</i> ‘навешать’
-(э/ы/ь)м-бу/э-гу - - +			
маркировка суффикса +	маркировка суффикса ?	маркировка суффикса –	маркировка суффикса –
корень + <i>áптэмбэгу</i> ‘нюхать’, <i>каэмбэгу</i> , ‘укрывать’		<i>áд’мбугу</i> ‘занозить’, <i>áл’джэмбугу</i> ‘нагорить (нападать)’, <i>ýл’мбугу</i> ‘взвесить’, <i>ка’лымбугу</i> , ‘остаться (сиротой)’, <i>канн’мбугу</i> ‘остыть’, <i>ка’д’мбугу</i> ‘леденеть’, <i>капт’мбэгу</i> ‘затухнуть’, <i>ка’чембугу</i> ‘чихать’, <i>кв’едэмбугу</i> ‘ссориться’, <i>кв’ыда’л’мбугу</i> ‘поносить’, <i>кв’áт’мбугу</i> ‘заморосить’, <i>кб’умбугу</i> ‘покрутиться’, <i>ча’г’мбугу</i> ‘засохнуть’ / <i>ча’г’мбугу</i> ‘пересохнуть’ / <i>ча’г’мбугу</i> ‘пересыхать’, <i>ча’д’мбугу</i> ‘наопить (дом)’, <i>ча’р’мбугу</i> ‘полинять’, <i>ч’в’ед’мбугу</i> ‘встретить’, <i>ч’ор’мбугу</i> ‘вспыхнуть’, <i>ш’орш’мбугу</i> ‘постыдиться’ И с к л ю ч е н и е <i>канд’эмбугу</i> ‘обмерзать’	<i>áл’джэмбугу</i> ‘спасть’, <i>ил’э ка’б’мбугу</i> ‘перечинить’, <i>ка’тембугу</i> ‘запихать’, <i>кв’ед’мбугу</i> ‘подрасться’, <i>к’ерембугу</i> ‘ворчать’, <i>ко’жембугу</i> ‘закружиться’, <i>к’орембугу</i> ‘отмахиваться’, <i>коч’ембугу</i> ‘токовать’, <i>ла’рембугу</i> ‘бояться’, <i>ман’нембугу</i> ‘поглядеть’, <i>ход’жембугу</i> ‘обрастать’, <i>ча’гембугу</i> ‘засохнуть’, <i>ч’áннембугу</i> ‘всплывать’ <i>ч’в’ичембугу</i> ‘затрещать’, <i>ч’эле’мбугу</i> ‘осветить’, <i>ч’иру’ембугу</i> ‘заскрипеть’, <i>ч’о’дембугу</i> ‘топить’, <i>ч’ут’мбугу</i> ‘греть’, <i>ш’áкембугу</i> ‘оттекать’, <i>ш’эк’мбугу</i> / <i>ш’ек’мбугу</i> / <i>ш’эк’мбугу</i> ‘подтекать’, <i>ш’е’Р’мбугу</i> ‘стекать’ И с к л ю ч е н и я <i>ш’ун’имбугу</i> ‘выйти (о деньгах)’, <i>ч’áптэмбугу</i> ‘отмокнуть’
-о/ал-гу + +			
выравнивание ударения на суффиксе	маркировка суффикса +	маркировка суффикса +	маркировка суффикса +
<i>коб’áлгу</i> ‘почистить’, <i>кадо’лгу</i> ‘расчесать’ / <i>като’лгу</i> ‘почесать’, <i>тапо’лгу</i> ‘лягаться’	корень + <i>о’рралгу</i> ‘схватить’, <i>но’ргалгу</i> ‘кроить’, <i>чо’колгу</i> ‘выдолбить’	корень + <i>áнда’лгу</i> ‘радоваться’, <i>háвал-гу</i> ‘обхватить’, <i>ка’балгу</i> ‘под-	корень + <i>’андá’лгу</i> / <i>’áнда’лгу</i> ‘радоваться’, <i>áмдал’гу</i> / <i>’амга’лгу</i>

нарымский диалект говор с. Парабель (полевые материалы 2009 г.)	нарымский диалект говор д. Тюхтерево (архив А. П. Дульзона)	нарымский диалект говор д. Ласкино (архив А. П. Дульзона)	тымский диалект говор с. Напас (архив А. П. Дульзона)
		тесывать', <i>кажалгу</i> 'отбе- жать', <i>кйттдлгу</i> 'чиркать', <i>кдбáлгу</i> 'очистить'	'бодать', <i>хамáлгу</i> / <i>камалгу</i> 'обхватить' / <i>кавалгу</i> 'обни- мать', <i>кабалгу</i> / <i>кабалгу</i> 'под- тесывать', <i>кауалгу</i> 'повора- чивать', <i>хоуолгу</i> 'отчерпать', <i>којáлгу</i> 'откочевывать', <i>ноуолгу</i> 'откупоривать', <i>сыуалгу</i> 'карабкаться', <i>тууолгу</i> 'вывозить', <i>у́голгу</i> 'уволакивать', <i>чажалгу</i> 'ковать', <i>шд́долгу</i> 'шить',
	корень – <i>паджáлгу</i> 'рубить'	корень – (<i>ч'весе</i>) <i>парáлгу</i> 'возвра- титься', <i>чал'д'ж'ólгу</i> 'ис- топтать', <i>чо/убáлгу</i> 'намес- ти, сеять', <i>ч'окóлгу</i> 'воткнуть'	корень – ' <i>атгáлгу</i> 'бодать', ' <i>алáлгу</i> 'обмануть', ' <i>андáлгу</i> / ' <i>ан- далгу</i> 'радоваться', <i>антáлгу</i> 'чують', <i>хамáлгу</i> / <i>камалгу</i> 'обхватить' / <i>кавалгу</i> 'обни- мать', <i>кадóлгу</i> 'окучить', <i>кабалгу</i> / <i>кабалгу</i> 'подтесы- вать', <i>кведáлгу</i> 'шагать', <i>орáлгу</i> 'поймать', <i>панáлгу</i> 'отломать', <i>пач'áлгу</i> 'рубить', <i>потóлгу</i> 'брызгать', <i>титáл- гу</i> 'обыграть', <i>ч'огáлгу</i> 'под- шить', <i>ч'окóлгу</i> 'воткнуть', <i>чопáлгу</i> 'махнуть', <i>чубáлгу</i> 'замести' <i>чокáлгу</i> 'склевать', <i>ч'убáлгу</i> 'отмести', <i>ч'унáлгу</i> 'загораживаться'
-о/ал-бы-гу + – +			
маркировка суффикса +	маркировка суффикса +	маркировка суффикса +	маркировка суффикса +
корень +	корень +	корень + <i>áндалбугу</i> 'завидовать', <i>чáл'д'ж'ólбугу</i> 'наследить', <i>чокóлбугу</i> 'наострить (уши)'	корень + <i>áндалбугу</i> 'обрадовать' / <i>áндалбугу</i> 'радоваться', <i>ериáлбугу</i> 'брезговать'
корень – <i>кадóлбугу</i> 'царапаться'	корень – <i>м'ежáл'бугу</i> 'плясать'	корень – <i>áнтáлбугу</i> 'обнюхать', <i>коч- чóлбугу</i> 'замести (снегом)', <i>кондáлбугу</i> 'спать'	корень – <i>áндалбугу</i> 'обрадовать' / <i>áндалбугу</i> 'радоваться', <i>антáлбугу</i> 'обнюхать', <i>чоуáлбугу</i> 'склевать'
-о/ал-жэ/и-гу + – +			
маркировка суффикса +	маркировка суффикса +	маркировка суффикса +	маркировка суффикса +
корень + <i>ка́ролжэ́гу</i> 'загнуть, при- гнуть; засучить (рукава)', <i>тапóлджэ́гу</i> 'пинаться',	корень +	корень + <i>áдалжугу</i> 'брести', <i>áндалжугу</i> 'удивить', <i>кèт'чáлджугу</i> 'пугать', <i>кд́джалджугу</i> 'подойти', <i>колáлджугу</i> 'увлечь', <i>кд́ндáл'жегу</i> 'усыплять'	корень + <i>ил'е со́колджугу</i> 'сползать' / <i>хокóлджугу</i> 'отползти', <i>квешкалджугу</i> 'отдохнуть', <i>п'и́галджугу</i> 'вывернуть', <i>п'о́чáлджугу</i> / <i>п'о́чалджугу</i> 'погреть', <i>ча́колджугу</i> 'ото- двинуть', <i>ч'вэ́далжугу</i> 'встре- титься', <i>ш'и́балджугу</i> 'ню-

нарымский диалект говор с. Парабель (полевые материалы 2009 г.)	нарымский диалект говор д. Тюхтерево (архив А. П. Дульзона)	нарымский диалект говор д. Ласкино (архив А. П. Дульзона)	тымский диалект говор с. Напас (архив А. П. Дульзона)
			хать', <i>шүүалджегу</i> 'фыркать'
корень – <i>адолжэгу</i> 'показать(ся)', <i>үтáлжугу</i> 'напоить; спить'	корень – <i>үтáл'джегу</i> 'напоить'	корень – <i>kwaja'ldжугу</i> 'огораживать', <i>камдáлджугу</i> 'опрокинуть', <i>кашкóлджегу</i> 'задымить', <i>кодáлжугу</i> 'застегнуть', <i>кóндáл'жегу</i> 'усыплять', <i>ч'үүáлджугу</i> 'натянуть'	корень – <i>камдáлджугу</i> 'опрокинуть', <i>камтóлджугу</i> 'вылить', <i>којáлджугу</i> 'отвернуть', <i>кодáл'жугу</i> / <i>кодáл'жугу</i> 'застегнуть', <i>кóндáл'жегу</i> 'усыплять', <i>корáлджугу</i> 'обойти', <i>н'ajáлджугу</i> 'осер- дить', <i>перчáлджугу</i> 'вскипя- тить', <i>п'öчáлджугу</i> / <i>п'бчал- джугу</i> 'погреть', <i>рокáлджугу</i> 'отлепить', <i>сóколджугу</i> 'сползать' / <i>хоколджугу</i> 'от- ползти', <i>чокáлджугу</i> 'ма- кать', <i>шеүáлджугу</i> / <i>шекал- джугу</i> 'процедить'
		-эш-пу-гу + – +	
маркировка суффикса ?	маркировка суффикса + ¹⁶	маркировка суффикса + ? ¹⁷	маркировка суффикса +
	корень +	корень + <i>áméишугу</i> 'зевать' ¹⁸ , <i>кадешугу</i> 'чистить (рыбу)' ¹⁹ , <i>квáдешугу</i> / <i>ква- дешугу</i> 'убивать' ²⁰ , <i>кв'ёрешугу</i> 'звать' ²¹ , <i>сóдешугу</i> 'обшивать' ²² , <i>ч'áдешугу</i> '(угли) нажи- гать, пережигать' ²³	корень + <i>úг'еишугу</i> 'отцеплять' ²⁴ , <i>к'ýлеишугу</i> 'откидывать' ²⁵ , <i>таRéишугу</i> / <i>тáреишугу</i> 'отдалять' ²⁶ , <i>ш'ёр'еишугу</i> 'ворваться', <i>ýдешугу</i> 'отправлять' / <i>ýдешугу</i> 'ослаблять' ²⁷
	корень – <i>пар'éишт'эгу</i> 'вить' ²⁸	корень – <i>ав'éишугу</i> 'нагореть' ²⁹ , <i>кадешугу</i> 'подсказывать',	корень – <i>iléишугу</i> 'отвешивать' ³⁰ , <i>к'ур'еишугу</i> 'отхлынуть' ³¹ ,

¹⁶ В архиве А. П. Дульзона не представлено инфинитивов на *-еишугу* в материалах по говору д. Тюхтерево, поэтому здесь мы приводим формы третьего лица единственного числа, показатель которых в говоре д. Тюхтерево также имеет плюсовую маркировку.

¹⁷ Маркировка этого суффикса в диалекте не до конца ясна, поскольку формы, в которых ударение падает не на первый слог, в большинстве случаев имеют дублиеты с ударением на первом слоге.

¹⁸ Нап. *ámгу* 'зевать'.

¹⁹ Нап. *кад'эгу* 'очистить'.

²⁰ Ласк. *кватк'у* 'уничтожить'; Иван. *кватк'у* / *кватк'у* 'убить'.

²¹ Тюхт. *кв'эргу* 'позвать'; Нап. *кв'эргу* 'пригласить' / *кв'эргу* 'звать'; Ласк. *кв'эргу* 'завзвать'.

²² Таз. *šūtqо* 'сшить'; Нап. *ш'утк'у* 'пошить'; Ласк. *сóтк'у* 'ушивать'.

²³ Нап. *ч'áб'эгу* 'гореть'.

²⁴ Таз. *úго* 'взять; принять, получить; занять (место, пространство)'; Нап. *'у'гу* / *úгу* 'достать', *ú'гу* 'получить'; Ласк. *ú'гу* 'получить'; Чиж. *úгу* 'скинуть'.

²⁵ Нап. *к'ýл'гу* 'откидать', *к'ýлеишугу* 'откидывать'; Иван. *к'ýл'гу* 'откидать'.

²⁶ Пар. *тáргу* 'менять'; Нап. *тáргу* 'отделить, отчеркнуть', *тáргу* 'разделиться'; Иван. *тáргу* 'сменить', *тáреишугу* 'обменять'.

²⁷ Пар. *у'тк'у* 'послать'.

²⁸ Нап. *пáргу* 'вить'.

²⁹ Таз. *атqо* 'съесть; привести в омертвелое состояние, сжечь, заморозить и т. д. (о стихийных силах); постигнуть (о неприятности)'; Нап. *ам'гу* 'съесть'; Иван. *ámгу* 'съесть'; Ласк. *ам'гу* 'съесть'; Стс. *ам'гу* 'съесть'.

³⁰ Нап. *úл'гу* 'взвесить'; Иван. *úл'гу* 'отвесить'.

нарымский диалект говор с. Парабель (полевые материалы 2009 г.)	нарымский диалект говор д. Тюхтерево (архив А. П. Дульзона)	нарымский диалект говор д. Ласкино (архив А. П. Дульзона)	тымский диалект говор с. Напас (архив А. П. Дульзона)
		<i>калэишугу</i> 'оставаться' ³² , <i>квэдэишугу / квадэишугу</i> 'убивать', <i>шерэишугу</i> 'врываться' ³³	<i>мад'эишугу</i> 'обрезаться' ³⁴ , <i>пудж'эишугу</i> '(совсем) остригать' ³⁵ , <i>таРэишугу /</i> <i>таРеишугу</i> 'отдалять', <i>ч'онд'эишугу</i> 'опоясываться' ³⁶ , <i>хелэишугу</i> 'оттачивать' ³⁷ , <i>ч'оддэишугу</i> 'подтаять' ³⁸ , <i>удэишугу</i> 'отправлять' / <i>удэишугу</i> 'ослаблять'

Таблица 26

Акцентные маркировки суффиксов в южных диалектах селькупского языка

крайне-южный диалект говор р. Ча́я (язык первых селькупских книг) [Helimski 2007]	обской диалект говор с. Иванкино (архив А. П. Дульзона)
	-ə +
маркировка суффикса +	маркировка суффикса +
корень + <i>áрзе</i> 'зерно ржи', <i>га́зе</i> 'поплавок', <i>ка́бре</i> 'щепка', <i>ка́де</i> 'пихта', <i>ка́пте</i> 'черная смородина', <i>кво́ре</i> 'ворона', <i>ко́мде</i> 'серебро', <i>ма́рте</i> 'щека', <i>сы́гтэ</i> 'блоха', <i>у́мде</i> 'борода', <i>ю́рме</i> 'дымовое отверстие'	корень + , <i>ча́мдже</i> 'лягушка', <i>ка́пте</i> 'смородина', <i>ко́рундже</i> 'корзина', <i>кве́р'е</i> 'ворона'
корень – <i>лакче́</i> 'тлен', <i>нядрэ́</i> 'река', <i>пагэ́</i> 'утка'	корень – , <i>чу́ндже́</i> 'ласка', <i>чу́ндже́</i> 'давеча', <i>комде́</i> 'деньги' / <i>ко́мде</i> 'копейка', <i>ку́р'е</i> 'шалаш', <i>ко́лле</i> 'фея', <i>п'а́д'е</i> 'чебак', <i>пач'е́</i> 'чирок'
	-a +
маркировка суффикса +	маркировка суффикса +
корень + <i>а́ва</i> 'матушка', <i>а́нда</i> 'лодка', <i>ка́га</i> 'покойник', <i>ка́за</i> 'окунь', <i>ка́лля</i> 'чайка', <i>ка́на</i> 'почка дерева', <i>ка́нза</i> 'трубка', <i>кваска́</i> 'половина', <i>ко́за</i> 'жертва', <i>ма́кка</i> 'холм', <i>мо́ла</i> 'сучок', <i>ны́ска</i> 'грязь', <i>ня́га</i> 'младенец', <i>о́ра</i> 'горсть', <i>пе́ка</i> 'ладонь', <i>со́га</i> 'утка', <i>со́йга</i> 'залив', <i>су́зря</i> 'лихо- радка', <i>та́ва</i> 'мышь', <i>ти́сса</i> 'сажень', <i>ту́ла</i> 'медь', <i>тэ́га</i> 'сабля', <i>ча́ка</i> 'рогатка', <i>ча́ра</i> 'рога у...', <i>чо́ра</i> 'кустарник'	корень + , <i>а́рма</i> 'прохлада', <i>ка́га</i> 'могила', <i>лы́ра</i> 'голос', <i>мо́т'а́</i> 'пятки', <i>т'е́га</i> 'сирота', <i>ши́ба</i> 'утенок',
корень – , <i>када́</i> 'крюк', <i>кала́</i> 'чашка', <i>кара́</i> 'журавль', <i>кызга́</i> 'луч', <i>кыча́</i> 'муравей', <i>лада́</i> 'черкан', <i>лога́</i> 'лисица', <i>лымба́</i> 'чирок', <i>ляка́</i> 'шаг', <i>мыга́</i> 'иголка', <i>нырсá</i> 'ерш'	корень – , <i>аба́</i> 'тетя', <i>ара́</i> 'старик', <i>каза́</i> 'озерный окунь', <i>кара́</i> 'журавль', <i>кода́</i> 'вязальный крючок', <i>коджа́</i> 'мешок', <i>конда́</i> 'спирт', <i>лага́</i> 'куча', <i>лоуá</i> 'лиса', <i>нынка́</i> 'комар',

³¹ Пар. *кургу* 'бежать'.³² Пар. *калеу́* 'остаться'; Нап. *калеу́* 'оставить'; Ласк. *ка́леу* 'остаться'; Иван. *ка́леу* 'остаться'.³³ Таз. *šēŋqo* 'одеться; надеть (предмет одежды, обуви); надеть (наконечник на стрелу и т. д.); Нап. *ш'ер'гу́* / *шáргу* 'обуть'; Ласк. *шэ́ргу* 'надеть'; Пар. *шэ́ргу* 'переодеть'; Чиж. *шэ́ргу* 'надеть'; Иван. *шэ́ргу* 'надеть'.³⁴ Нап. *ил'э́ ма́джугу* 'свалить' / *ил'э́ ма́джугу́* 'свалить'.³⁵ Нап. *п'уджугу́* 'брить'; Иван. *п'оджугу́* 'стричь'.³⁶ Таз. *сй́* ~ *сй́́* 'пояс'.³⁷ Тюхт. *ха́лгу* 'точить'; Нап. *хе́лгу* 'обтачивать', *хелэишугу́* 'оттачивать'; Ласк. *а́лгу* / *а́лгу* 'выточить'; Пар. *е́лгу* 'точить'; Чиж. *ха́лгу́* 'выточить'.³⁸ Таз. *сидо* 'растаять, согреться'; Нап. *чудгу́* 'таять (в избе), отогреть'.

<p>крайне-южный диалект говор р. Ча́я (язык первых селькупских книг) [Helimski 2007]</p>	<p>обской диалект говор с. Иванкино (архив А. П. Дульзона)</p>
	<p><i>opa</i> ‘пригоршня’, <i>пуджа́</i> ‘ядрышко ореха’, <i>пöjá</i> ‘сова’, <i>сьба́</i> ‘большая мошка’, <i>чоба́</i> ‘метла’</p>
<p>-(э/у)-ку/гу - +</p>	
<p>маркировка суффикса –</p>	<p>маркировка суффикса +³⁹</p>
<p><i>áбстгу</i> ‘кормить’, <i>áдыгу</i> ‘ждать’, <i>áмдыгу</i> ‘сидеть’, <i>áндугу</i> ‘хвалить’, <i>áстугу</i> ‘уронить’, <i>ва́зыгу</i> ‘подни- маться’, <i>úгу</i> ‘брать, взять’, <i>ка́лгу</i> ‘остаться’, <i>квátг/ку</i> ‘убивать’, <i>лэйдыгу</i> ‘нанять’, <i>лóстугу</i> ‘крестить’, <i>мéгу</i> ‘делать, сделать’, <i>мéндыгу</i> ‘пройти’, <i>тjóгу</i> ‘приходить’, <i>jóдгу</i> ‘пировать’, <i>jóтку</i> ‘пить’,</p> <p style="text-align: center;">И с к л ю ч е н и е: <i>каткú</i> ‘сказать’</p>	<p style="text-align: center;">корень +,</p> <p><i>áдъгу</i> / <i>адъгу</i> ‘дождаться’, <i>áмгу</i> ‘сесть’, <i>áндъгу</i> ‘хвалить’, <i>éдыгу</i> ‘подвесить’, <i>úгу</i> ‘взять’ <i>úлгу</i> ‘отвесить’, <i>ка́йгу</i> ‘за- крыть’, <i>ка́лгу</i> ‘остаться’, <i>кабгу́</i> ‘чинить’ / <i>ка́бгу</i> ‘штопать’, <i>ка́бъгу</i> ‘починить’, <i>ка́дъгу</i> ‘предсказать’, <i>ка́йгу</i> ‘укры- вать’, <i>ка́мджугу</i> ‘отлить’, <i>ка́птыгу</i> ‘выключать’, <i>квангу́</i> / <i>кв́ынгу</i> ‘выходить’, <i>кваткú</i> / <i>квátку</i> ‘убить’, <i>квэд’гу</i> ‘отсрочить’, <i>квэд’ъгу</i> ‘надшить’, <i>квэд’ъгу</i> ‘оставить’, <i>квэ́дгу</i> ‘сердиться’, <i>квэ́ргу</i> ‘подзывать’, <i>кэтегу́</i> ‘убить’, <i>когу́</i> ‘родить’ / <i>ко́гу</i> ‘вынашивать’, <i>ко’гу</i> / <i>когу́</i> ‘найти’, <i>ку́гу</i> ‘умереть’, <i>ку́нгу</i> ‘удрать’, <i>кы́лгу</i> ‘откидать’, <i>лы́ръгу</i> ‘петь’, <i>мéгу</i> ‘сделать’, <i>м’áндъгу</i> ‘обойти’, <i>н’íдугу</i> ‘целовать’, <i>ны́ңгугу</i> ‘стоять’, <i>н’óдыгу</i> ‘погнать’, <i>нóгу́</i> ‘отпереть’, <i>о́мтугу</i> ‘молить’, <i>о́пкнигу́</i> ‘передушить’, <i>па́нгу</i> ‘сложить’, <i>пéстъгу</i> ‘осмеять’, <i>пóлгу</i> ‘глотать’, <i>пу́гу</i> ‘переправляться’, <i>п’óчугу</i> ‘согреть’, <i>свэдз’игу</i> ‘плевать’, <i>са́джгу</i> ‘укусить’, <i>са́къгу</i> ‘отведывать’, <i>са́ргу</i> ‘завязать’, <i>са́ръгу</i> ‘завязать’, <i>са́тку</i> ‘смолить’, <i>со́тку</i> ‘ушивать’, <i>та́къгу</i> ‘отстоять’, <i>та́ргу</i> ‘сменить’, <i>та́ръгу</i> ‘читать’, <i>та́шугу</i> ‘холодать’, <i>т’íджугу</i> ‘сообщать’, <i>то́ргу</i> ‘считать’, <i>ту́гу</i> ‘слезть с коня’, <i>т’áджгу́</i> ‘стрелять’, <i>т’áдъгу</i> ‘обжечь’, <i>удз’ъгу</i> ‘трудиться’, <i>у́бугу</i> ‘отселяться’, переезжать’, <i>у́дугу</i> ‘послать’, <i>у́дъгу</i> ‘опустить в воду’, <i>ча́гъгу</i> ‘высохнуть’, <i>ча́нджъгу́</i> ‘вылезать’, <i>че́нчугу</i> ‘гово- рить’, <i>чо́чугу</i> ‘отставить’, <i>ч’у́чугу</i> ‘нанизать’, <i>ше́ргу</i> ‘надеть’, <i>о́ндодз’угу</i> ‘услыхать’</p> <p style="text-align: center;">корень –,</p> <p><i>кабгу́</i> ‘чинить’ / , <i>ка́бгу</i> ‘штопать’, <i>кваткú</i> / <i>квátку</i> ‘убить’, <i>квангу́</i> / <i>кв́ынгу</i> ‘выходить’, <i>когу́</i> ‘родить’ / <i>ко́гу</i> ‘вынашивать’, <i>кы́ргу</i> ‘обдирать’, <i>н’емгу́</i> ‘обсасывать’, <i>п’óджгу́</i> ‘стричь’, <i>п’óджъгу́</i> ‘стричь’, <i>та́вгу́</i> ‘выкупить’, <i>тадъгу́</i> ‘принести’</p>
<p>-(э/ы/ь)м-бу/э-гу - +</p>	
<p>маркировка суффикса –</p>	<p>маркировка суффикса +</p>
<p><i>áбымбыгу</i> ‘пахнуть’, <i>áбстембыгу</i> ‘кормить’, <i>áтымбыгу</i> ‘спрятаться’, <i>ла́кчимбыгу</i> ‘свернуть голову’, <i>квóтымбыгу</i> ‘попасть в силок’</p>	<p style="text-align: center;">корень +</p> <p><i>квы́дымбауу</i> ‘ссориться’, <i>ла́ръмбугу</i> ‘опасаться’, <i>ма́ннымбугу</i> ‘смотреть’, <i>о́дъръмбугу́</i> ‘утешать’</p> <p style="text-align: center;">корень –</p> <p><i>ора́мбугу</i> ‘одряхлеть’</p>
<p>-о/ал-гу + +</p>	
<p>маркировка суффикса +</p>	<p>маркировка суффикса +</p>
<p style="text-align: center;">корень +</p> <p><i>áзалгу</i> ‘перешагнуть’, <i>ба́ралгу</i> ‘вернуться’, <i>к/га́долг</i>⁴⁰</p>	<p style="text-align: center;">корень +</p> <p><i>ка́балгу</i> ‘подтесывать’ / <i>каба́лгу</i> ‘тесать’, <i>ка́балгу</i> ‘обте-</p>

³⁹ Неясно, с чем связана постановка ударения в слове *тану́гу* ‘уметь’ на втором гласном основы.

⁴⁰ Это слово встречается в текстах в двух фонетических вариантах (с *к-* и *г-* в анлауте) и с ударением в одном случае на корне, в другом — на суффиксе.

крайне-южный диалект говор р. Ча́я (язык первых селькупских книг) [Helimski 2007]	обской диалект говор с. Иванкино (архив А. П. Дульзона)
‘царапать’, <i>кóзолгу</i> ‘марать’, <i>лáнгалгу</i> ‘откликнуться’, <i>мéзолгу</i> ‘вымыть’, <i>нёрбалгу</i> ‘чистить’, <i>óдалгу</i> ‘хлебнуть’, <i>óмдалгу</i> ‘кланяться’, <i>пу́галгу</i> ‘дунуть’, <i>пу́чолгу</i> ‘разгрызть’, <i>то́голгу</i> ‘переносить’, <i>ю́голгу</i> ‘тащить’	сать’, <i>ка́валгу</i> ‘обнимать’, <i>со́уолгу</i> ‘черпать’, <i>ту́олгу</i> ‘вывозить’, <i>чу́далгу</i> ‘подрубить’
корень – , <i>гадо́лгу</i> ‘загрести землю’, <i>куро́лгу</i> ‘бежать’, <i>мисчо́лгу</i> ‘удить’, <i>незо́лгу</i> ‘покатиться’, <i>ора́лгу</i> ‘поймать’, <i>пана́лгу</i> ‘изломаться’, <i>пудо́лгу</i> ‘брызгать’,	корень – , <i>кадо́лгу</i> ‘счищать’, <i>ка́балгу</i> ‘подтесывать’ / <i>каба́лгу</i> ‘тесать’, <i>апта́лгу</i> ‘нюхать’, <i>конда́лгу</i> ‘вздремнуть’, <i>кура́лгу</i> ‘побежать’, <i>ноу́алгу</i> ‘толкать, спихнуть’, <i>н’а́л’до́лгу</i> ‘обтаптывать’, <i>ора́лгу</i> ‘хватать’, <i>пана́лгу</i> ‘повредить’, <i>тудо́лгу</i> ‘чавкать’, <i>чуба́лгу</i> ‘мести’, <i>чупа́лгу</i> ‘ссыпать’
-о/ал-бы-гу + – +	
маркировка суффикса +	маркировка суффикса +
корень + <i>а́нталбыгу</i> ‘радоваться’, <i>квэ́релбыгу</i> ‘позвать’, <i>ю́голбыгу</i> ‘волочить’	корень + , <i>а́ндалбугу</i> ‘радоваться’
корень – <i>ора́лбыгу</i> ‘держать’	корень – <i>мыжа́лбугу</i> ‘плясать’
-о/ал-жэ/и-гу + – +	
маркировка суффикса +	маркировка суффикса +
корень + <i>а́вольджигу</i> ‘забыть’, <i>а́дольджигу</i> ‘дождаться’, <i>кава́льджигу</i> ‘пережимать’, <i>ме́золджигу</i> ‘умываться’, <i>та́больджигу</i> ‘подносить (гостям)’, <i>ю́нгольдджигу</i> ‘слушать’,	корень + <i>о’у́лалджугу</i> ‘учиться’, <i>ни́голдджугу</i> ‘поворачивать’, <i>н’о́чалджугу</i> ‘обогревать’, <i>шдрш́алджугу</i> ‘настыдить’
корень – <i>андо́льдджигу</i> ‘спорить (словами)’, <i>каро́льдджигу</i> ‘гнуть’, <i>кашкóльдджигу</i> ‘дымить’, <i>кура́льдджигу</i> ‘приказать’, <i>кэчо́льдджигу</i> ‘пугать’, <i>кюча́льдджигу</i> ‘молчать’, <i>лагóльдджигу</i> ‘пошатнуть’, <i>лосты́рольдджигу</i> ‘креститься’, <i>лудо́льдджигу</i> ‘затворить’, <i>ляка́льдджигу</i> ‘шагать’, <i>ора́льджи-</i> ‘ухватиться’	корень – <i>конда́лдджугу</i> ‘усыплять’, <i>кач’а́лдджугу</i> ‘пугать’, <i>куна́лдджугу</i> ‘умолкать’, <i>лагáлдджугу</i> ‘смеяться’, <i>н’а́я́лдджугу</i> ‘озлобить’, <i>ора́лдз’агу</i> ‘уцепиться’, <i>рока́лдджугу</i> ‘слепить’, <i>тора́лдджугу</i> ‘упираться’, <i>ча́я́лдджугу</i> ‘обсыпать’,
-(э)ш-пу-гу + – +	
нет суффикса	маркировка суффикса +
	корень + <i>а́мешбу́гу</i> ‘зевать’ ⁴¹ , <i>к’о́ндешпу́гу</i> ‘препоясываться’ ⁴² , <i>све́д’ешпу́гу</i> ‘сплевывать’ ⁴³ , <i>та́решпу́гу</i> ‘обменять’ ⁴⁴ , <i>ту́решпу́гу</i> ‘оплакивать’ ⁴⁵ , <i>у́дешпу́гу</i> ‘спускать’ ⁴⁶
	корень – <i>сале́шпу́гу</i> ‘обтачивать’ ⁴⁷ , <i>ш’ер’ешпу́гу</i> ‘одевать’ ⁴⁸

⁴¹ Нап. *а́мгу* ‘зевать’.

⁴² Таз. *сӣ ~ сӣ* ‘пояс’.

⁴³ Нап. *ф’эджгу* ‘заплевать’.

⁴⁴ Пар. *та́ргу* ‘менять’; Нап. *та́ргу* ‘отделить, отчеркнуть’, *та́ргу* ‘разделиться’; Иван. *та́ргу* ‘сменить’, *та́решпу́гу* ‘обменять’.

⁴⁵ Нап. *чу́ргу* ‘плакать’; Ласк. *чу́ргу* ‘плакать’; Стс. *ту́ргу* ‘плакать’.

⁴⁶ Пар. *у́тку* ‘послать’.

⁴⁷ Тюхт. *ха́лгу* ‘точить’; Нап. *хе́лгу* ‘обтачивать’; Ласк. *а́лгу / а́лгу* ‘выточить’; Пар. *е́лгу* ‘точить’; Чиж. *ха́лгу* ‘выточить’.

Итак, система плюсовых маркировок суффиксов в центральных и южных диалектах селькупского языка в целом была достаточно стабильной. Обращает на себя внимание тот факт, что при движении от нарымского диалекта на юг — к крайне-южному диалекту р. Чая, который лег в основу первых селькупских книг, — количество словообразовательных суффиксов с плюсовой маркировкой постепенно уменьшается.

Таблица 3

суффиксы с плюсовой маркировкой	нарымский диалект (говор с. Парабель)	крайне-южный диалект (говор р. Чая)
-ə +	+	+
-a +	+	+
-(ы/е)-гу - +	+	-
-(ы/е)м-бу/е-гу - - +	+	-
-о/ал-гу + +	ударение генерализуется на суффиксе	+
-о/ал-бы-гу + - +	+	+
-о/ал-жэ/и-гу + - +	+	+
-(э)ш-пу-гу + - +	?	нет суффикса

Из Таблицы 3 видно, что в ряде глагольных суффиксов в нарымском диалекте и языке первых селькупских книг различается маркировка. Следует обратить внимание на то, что глагольные суффиксы с первым узким гласным (верхнего или среднего подъема: *и, у, э, ə*), которые в нарымском диалекте имеют маркировку +, в диалекте р. Чая получают маркировку -, а глагольные суффиксы с широким гласным (нижнего подъема: *о, а*), которые в нарымском диалекте имеют маркировку +, и в диалекте р. Чая остаются плюсовыми. Как видно из вышеприведенного материала, этот процесс получил полное развитие в крайне-южном диалекте р. Чая, но в иванкинском говоре и даже говоре д. Ласкино (нарымский диалект) переход суффиксов с первым узким гласным в минусовые постепенно происходил. К сожалению, в настоящее время все вышеперечисленные говоры (за исключением говора с. Парабель) уже перестали существовать, и завершения процесса категоризации ударения, который начинался в центральных и южных диалектах селькупского языка и, по всей видимости, наиболее активно проходил в крайне-южном диалекте р. Чая, мы уже не увидим.

После анализа акцентных маркировок суффиксов представляется целесообразным обратиться к анализу маркировок корней, при этом особенно учитывая диахроническую направленность нашего исследования и цель второй части статьи, которая состоит в реконструкции прасамодийских маркировок корней. Как уже было сказано выше, маркировку корня при том правиле постановки ударения в селькупских диалектах, которое было сформулировано нами выше (ударение ставится на первой плюсовой маркировке, а при ее отсутствии — на первой минусовой), можно определить только в случае плюсовых суффиксов.

Ниже приведен материал, представленный в предыдущей таблице, но теперь отсортированный не по суффиксам, а по корням. Исключения помечены полужирным шрифтом с подчеркиванием, а те случаи, которые не являются исключениями, но место ударения в них не соответствует другим диалектам (поскольку в этих словах произошла категоризация акцента на суффиксе, или, наоборот, суффикс стал минусовым), подчеркнуты, но не выделены полужирным шрифтом.

⁴⁸ Таз. *šēr̥qo* ‘одеться; надеть (предмет одежды, обуви); надеть (наконечник на стрелу и т. д.)’; Нап. *ш'ер'гү / ш'аргү* ‘обуть’; Ласк. *ш'ёргү* ‘надеть’; Пар. *ш'ёргү* ‘переодеть’; Чиж. *ш'ёргү* ‘надеть’; Иван. *ш'ёргү* ‘надеть’.

Корни с плюсовой акцентной маркировкой

- 1) **qātā* ‘ель’ [Alatalo 2004: 273]: Таз. *qūt₁* ‘ель’; Пар. *kādə* ‘пихта, ель’; Варг. *kāde* ‘лес’; Чая *kāde* ‘пихта’;
- 2) **kūise* ‘моча’ [Alatalo 2004: 322]: Таз. *kūšj* ‘моча’; Пар. *кўџе* ‘моча’, *кџџегу* ‘помочиться’, ***кўџџембугу*** ‘мочиться’, ***кўџџешугу*** ‘мочиться’; Нап. *кўџе* ‘моча’; Стс. *кџзугу* ‘мочиться’;
- 3) **māt* ‘дом, чум’ [Alatalo 2004: 107]: Таз. *māt₁* ‘чум, дом’; Пар. *mātə* ‘в дом’, *māda* ‘дверь’; Тюхт. *māda* ‘дверь’; Нап. *māda* ‘дверь’; Чая *māda* ‘дверь’;
- 4) **čičā* ‘младший брат матери’ [Alatalo 2004: 163]: Таз. *tičā* ‘дядя (младший брат матери)’; Пар. *ч’ич’э* ‘дядя’; Бел. *ч’ич’а* ‘дядя’;
- 5) **emnä* ‘зять’ [Alatalo 2004: 13]: Таз. *ämnä* ‘невестка, сноха (жена сына, жена младшего брата, жена племянника, младшая свояченица); зять’; Ласк. *ämne* ‘зять’; Нап. *эмне* ‘зять’; Чиж. *ämне* ‘зять’;
- 6) **čāmčā* ‘лягушка’ [Alatalo 2004: 150]: Таз. *tāmtā* ‘лягушка’; Ласк. *чāмдже* ‘жаба’; Иван. *чāмдже* ‘лягушка’; Тюхт. *ч’āмджи* ‘лягушка’; Тиб. *чāмдже* ‘лягушка’;
- 7) **čuatə-* ‘встречать’ [Alatalo 2004: 217]: Таз. *cētijo* ‘встретить(ся)’; Пар. *чвѣдыгу* ‘встретить, за-стать’; Ласк. *чвѣс’е* ‘назад’; Иван. *квѣс’е* ‘назад’; Нап. *ч’вѣдыгу* ‘повстречать’, *ч’вѣс’е* ‘назад’, *ч’вѣдалжугу* ‘встретиться’; Чая *квѣсе* ‘навстречу’;
- 8) **āčətā* / **ātā* ‘олень’ [Alatalo 2004: 29]: Таз. *ātā* ~ Тур. *ātā* ‘олень (северный); домашний олень’; Нап. *āде* ‘олень’; Иван. *āджде* ‘олень’; Стс. *āmт’а* ‘олень’;
- 9) **čipā* ‘муха’ [Alatalo 2004: 98]: Таз. *tīpā* ‘муха’; Тюхт. *ч’иби* ‘муха’; Нап. *ч’ибе* ‘муха’; Пар. *ч’и’бе* ‘муха’; Тиб. *ч’б’б’е/и* ‘муха’;
- 10) **keptā* ~ *kepti* ‘(черная) смородина’ [Alatalo 2004: 264]: Таз. *keptā* ‘черная смородина’; Нап. ***кантѣ*** ‘смородина’; Иван. *канте* ‘смородина’; Чая *канте* ‘черная смородина’;
- 11) **kuarā* ‘ворона’ [Alatalo 2004: 326]: Таз. *keṛā* ~ (Тур.) *kēṛā* ‘ворона; тrefы (в картах)’; Тюхт. *квѣр’е* ‘ворона’; Иван. *квѣр’е* ‘ворона’; Ласк. *квѣр’е* ‘ворона’; Нап. *квѣр’е* ‘ворона’; Чиж. *квѣр’и* ‘ворона’; Стс. *квā/ер’е* ‘ворона’;
- 12) **korəčā* ‘корзина’ [Alatalo 2004: 329]: Тюхт. *кџромджи* ‘лукошко’; Иван. *кџрундже* ‘корзина’;
- 13) **ārma* ‘ячмень’ [Alatalo 2004: 43]: Тюхт. *ārма* ‘ячмень’; Ласк. *ārма* ‘ячмень’; Иван. *ārма* ‘прохлада’;
- 14)⁴⁹ Тюхт. *кага* ‘кладбище’; Пар. *кага* ‘кладбище’; Чиж. *каг’а* ‘кладбище’; Пар., Стс. *кага* ‘покойник’; Иван. *кага* ‘могила’; Чая *кага* ‘покойник’;
- 15) **kūla* ‘сосуд с ручкой’ [Alatalo 2004: 306]: Пар. *кўя* ‘черпак’; Тюхт. *кўја* ‘сачок’; Чая *г/кўла* ‘сачок’;
- 16) **ačā* ‘папа’ [Alatalo 2004: 29]: Таз. *ešj* ‘отец’; Тюхт. *ādжа* ‘папа’; Пар. ***аж’а*** ‘отец’;
- 17) **kāša* ‘сорока’ [Alatalo 2004: 316]: Таз. *iškāša* ~ *išqāša* ‘сорока’; Тюхт. *кāжа* ‘сорока’; Стс. *каза* ‘сорока’;
- **pīja* / **pūja* ‘филин’ [Alatalo 2004: 80]: Тюхт. *пўја* ‘пугало’; Иван. ***пўја*** ‘сова’;
- 19) **suārə* ‘дождь’ [Alatalo 2004: 378]: Таз. *sērijo* ‘дождить; замочить дождем’; Тюхт. *хвѣра* ‘ливень’; Нап. *свѣра* ‘дождь’;
- 20) **čūrə-* ‘плакать’ [Alatalo 2004: 229]: Таз. *cūrjo* ‘плакать’; Тюхт. *ч’ура* ‘вой’; Нап. *ч’ургу* ‘плакать’; Ласк. *ч’ургу* ‘плакать’; Стс. *т’ургу* ‘плакать’; Иван. *тўра* ‘плачет’, *тўрешугу* ‘оплакивать’;
- 21) **šīpa* ‘утенок’ [Alatalo 2004: 350]: Таз. *šīpa* ‘утка’; Тюхт. *шїба* ‘птенец’; Пар. *шїба* ‘утенок’; Иван. *шїба* ‘утенок’;
- 22) **emə* ‘мать’ [Alatalo 2004: 12]: Таз. *eṁj* ‘мать’; Нап. *āма* ‘мать’; Бел. *āwwa* ‘мать’; Ел. *ām’ā* ‘мать’; Чая *āва* ‘матушка’;
- 23) **antu* ‘лодка’ [Alatalo 2004: 24]: Таз. *anti* ‘челнок, лодка-долбленка («ветка»)’; Тюхт. *āнда* ‘лодка’; Чая *āнда* ‘лодка’;
- 24) **čīla* ‘сирота’ [Alatalo 2004: 220]: Ласк. *ч’ēга* ‘сирота’; Иван. *т’ēга* ‘сирота’;
- 25) Таз. *šūtā* ~ *šūmā* ‘копылуха, самка глухаря’; Ласк. *шџва* ‘копылуха’; Нап. *шўма* ‘копылуха’;
- 26) **kāsa* ‘окунь’ [Alatalo 2004: 315]: Таз. *qāsa* ‘окунь’; Ласк. *кāза* ‘окунь’; Нап. *кāза* ‘окунь’; Тиб. *кāза* ‘окунь’; Стс. *кāза* ‘окунь’; Кул. *кāза* ‘окунь’; Иван. ***казā*** ‘озерный окунь’, Чая *кāза* ‘окунь’;
- 27) **qalil’ek* ~ **qalil’ak* ‘чайка’ [Alatalo 2004: 337]: Таз. *qal’l’ijz* ‘чайка’; Тюхт. *кālā* ‘чайка’; Чая *кālля* ‘чайка’;

⁴⁹ В ряде случаев в словаре [Alatalo: 2004] для праселькупского языка отсутствует реконструкция той или иной рассматриваемой нами основы.

- 28) **kaŋsa* ‘трубка’ [Alatalo 2004: 311]: Таз. *kānsan₃* ~ *kāntsan₃* ~ *kansan₃* ‘трубка’; Тюхт. *kán’джа* ‘трубка’; Чая *kánza* ‘трубка’;
- 29) **soqa* ‘утка’ [Alatalo 2004: 368]: Таз. *soqa* ‘утка-широконоска (соксун)’; Тюхт. *xáRa* ‘утка’; Чая *sóga* ‘утка’;
- 30) **tama* / **tāma* ‘мышь’ [Alatalo 2004: 149]: Таз. *tama* ‘мышь (лемминг)’; Тюхт. *tavá* ‘мышь’ / *táva* ‘мышь’; Нап. *táma* ‘мышь’; Чая *táva* ‘мышь’;
- 31) Тюхт. *mé’a* ‘сабля’; Чая *mэга* ‘сабля’;
- 32) **lata* ‘черкан’ [Alatalo 2004: 391]: Таз. *lata* ~ *latta* ‘черкан (самострельная деревянная ловушка; ставится особенно на горностаев, белок)’; Тюхт. *láda* ‘черкан’; Чая *ладá* ‘черкан’;
- 33) **moččá* ‘пятка’ [Alatalo 2004: 119]: Нап. *móч’a* ‘пятка’; Иван. *móm’á* ‘пятки’;
- 34) **kot-* ‘кашлять’ [Alatalo 2004: 279]: Таз. *qotqo* ‘кашлять’; Пар. *kóтку* ‘кашлять’; Нап. *kóдегу* ‘болеть’, *коткү* ‘кашлять’;
- 35) **kuəp-* ‘идти’ > **kuəntə-* ‘нести’ [Alatalo 2004: 291]: Таз. *qəŋqo* ‘отправиться, пойти, поехать, уйти, уехать’; Пар. *куңгу* ‘пойти’, *квэнэгу* ‘пойти’, (арх.) *квонгу* ‘идти’; Тюхт. *квэнгу* ‘идти’; Нап. *квэнгу* / *квынгу* ‘уйти’, *кведалгү* ‘шагать’; Ласк. *квэнгу* ‘уйти’; Чиж. *квэнгу* ‘плыть’; Мак. *квáнку* ‘уйти’; Стс. *квáнку* ‘сходить’; Варг. *квэнгу* ‘идти’;
- 36) **pōlə-* ‘глотать’ [Alatalo 2004: 99]: Таз. *pōliqo* ‘проглотить’; Пар., Иван. *пólгу* ‘глотать’; Чая *пólэшпыгу* ‘глотать’;
- 37) **tuələ-* ‘красть’ [Alatalo 2004: 188]: Таз. *tēliqo* ‘украсть’; Пар. *твэлгу* ‘красть’, *твэрэгу* ‘воровать’; Тюхт. *твэлегу* ‘украсть’; Нап. *твэлгу* ‘обокрасть’, *твэлегу* ‘украсть’;
- 38) **tū-* ‘грести’ [Alatalo 2004: 137]: Таз. *tūqo* ‘грести’; Пар., Нап. *түгу* ‘грести’;
- 39) **kuəŋə-* ‘звать’ [Alatalo 2004: 326]: Таз. *qēriqo* ~ *qeriqo* ~ *qerqo* ‘звать, приглашать, называть (по имени)’; Тюхт. *квэрэгу* ‘позвать’; Нап. *квергү* ‘пригласить’ / *квэрэгу* ‘звать’; Ласк. *квэрэгу* ‘завзвать’, *квэрешпугу* ‘звать’; Иван. *квэрэгу* ‘подзывать’; Чая *квэрелбыгу* ‘позвать’;
- 40) **kāñə-* ‘укрывать’ [Alatalo 2004: 303]: Пар. *кáэгу* ‘укрывать’, *кáэмбэгу* ‘укрывать’; Тюхт., Иван. *кайгу* ‘укрывать’;
- 41) **selə-* ‘точить’ [Alatalo 2004: 384]: Таз. *seliqo* ‘наточить, заострить’; Тюхт. *xáлгу* ‘точить’; Нап. *хэлгу* ‘обтачивать’, *хелэшпугу* ‘оттачивать’; Ласк. *áлгу* / *àлгу* ‘выточить’; Пар. *элгу* ‘точить’; Чиж. *háлгу* ‘выточить’; Иван. *салэшпугу* ‘обтачивать’;
- 42) **ē-* ‘быть’ [Alatalo 2004: 1]: Таз. *ēqo* ‘быть, являться, находиться (где-л.), иметься’; Нап. *’эгу* ‘есть’; Ласк., Чиж. *’эгу* ‘побывать’;
- 43) **ɨ-* ‘брать’ [Alatalo 2004: 3]: Таз. *iŋqo* ‘взять; принять, получить; занять (место, пространство)’; Нап. *’игү* / *’игу* ‘достать’, *’йгу* ‘получить’, *’йгешпугу* ‘отцеплять’; Ласк. *’йгу* ‘получить’; Чиж. *’игу* ‘скинуть’; Иван. *’игу* ‘взять’;
- 44) **kāśə-* ‘бежать (галопом о лошадях и других зверях)’ [Alatalo 2004: 316]: Нап. *кáжэгу* ‘бегать’; Ласк. *кáжалгу* ‘отбежать’, *кáжэгу* ‘нестишь’, *кáжэгу* ‘набегаться’;
- 45) **kāñə-* ‘закрывать’ [Alatalo 2004: 303]: Таз. *qəñ’áqo* ‘прикрыть, накрыть’; Нап. *кайгу* ‘жмуриться’ / *кайгү* ‘накрывать’; Ласк. *кайгу* ‘накрыть’; Чиж. *кайгу* ‘одевать’; Иван. *кайгу* ‘закрывать’;
- 46) **ko-* ‘рожать’ [Alatalo 2004: 251]: Таз. *qoqo* ‘найти, обнаружить; увидеть; выяснить, узнать; родить’; Ласк. *кóгу* ‘народить’; Чиж. *кóку* ‘родить’; Стс. *кóгу* ‘родить’, *кóуу* ‘телиться’; Иван. *когу* ‘родить’ / *кóгу* ‘вынашивать’;
- 47) **koŋ-* ‘тонуть’ [Alatalo 2004: 312]: Нап. *кóŋгу* ‘утонуть’; Ласк. *кóŋгу* ‘утонуть’ / *кóŋгү* ‘утонуть’; Чиж. *кóŋгу* ‘утонуть’; Стс. *кóугү* ‘утонуть’; Иван. *кóŋгү* ‘утопиться’;
- 48) **kū-* ‘умереть’ [Alatalo 2004: 254]: Таз. *quqo* ‘умереть; отняться (о руке, ноге)’; Нап. *күгу* ‘отживать’; Иван. *күгу* ‘умереть’;
- 49) **soččə-* ‘ставить’ [Alatalo 2004: 158]: Нап. *чóчугу* ‘отставить’, *чóччугу* ‘обставить’; Ласк. *чóткү* ‘застать’, *чóчегу* ‘уоставить’; Иван. *чóчугу* ‘отставить’;
- 50) **čə-* ‘мазать’ [Alatalo 2004: 206]: Таз. *čəqo* ‘обмазать, намазать’; Нап. *ч’óгу* ‘мазать, высмолить, мазать глиной (выбелить)’, *ч’ó’огу* ‘замазать’, *ч’оуолгү* ‘подмазать’; Ласк. *ч’óгу* ‘помазать’;
- 51) **šer-* ‘одевать’ [Alatalo 2004: 381]: Таз. *šerqo* ‘одеться; надеть (предмет одежды, обуви); надеть (наконечник на стрелу и т. д.)’; Нап. *ш’ер’гү* / *ш’áргу* ‘обуть’; Ласк. *ш’эргу* ‘надеть’, *ш’эр’ешпугу* ‘надевать’; Пар. *ш’эргу* ‘переодеть’; Чиж. *ш’эргу* ‘надеть’, *ш’эр’ешпэгу* ‘одевать’; Иван. *ш’эргу* ‘надеть’, *ш’ер’ешп’гү* ‘одевать’;
- 52) **ēr-* ‘пить’ [Alatalo 2004: 47]: Пар. *эрэгу* ‘попить воды’; Нап. *ыргу* ‘погулять; пьянствовать’; Ласк. *ыргу* ‘погулять’, *ърэгу* ‘гулять’;
- 53) **k’iətu-* ‘драться’ [Alatalo 2004: 276]: Таз. *qəttiŋqo* ‘ударить; прибить’; Нап. *квэдэмбугу* ‘подражаться’, *категү* / *кэтегу* ‘ударить’; Ласк. *кваткү* ‘уничтожить’, *квэдешпугу* / *квэдешпугу* ‘убивать’;

квѣдембугу ‘ссориться’, квѣдѣмбугу ‘наругать’, квѣдугу ‘поспорить’, кѣтегу ‘заколоть’; Иван. *kwatku* / *kwátku* ‘убить’, *n'éуынд квѣдымбауу* ‘ссориться’, *квѣдугу* ‘сердиться’, *кѣтегу* ‘убить’;

54) **tār-* ‘делить, менять’ [Alatalo 2004: 183]: Таз. *tāriqo* ~ *tārqo* ‘разделить’; Пар. *tārgu* ‘менять’; Нап. *tārgu* ‘отделить, отчеркнуть’, *tārgu* ‘разделиться’, *tār'енджугу* ‘отделиться’, *maRéшугу* / *tāreшугу* ‘отдалять’; Иван. *tārgu* ‘сменить’, *tāreшугу* ‘обменять’;

55) **sūās₂-* ‘плевать’ [Alatalo 2004: 376]: Таз. *sōsj* ‘плевок; слюна’; Нап. *ф'ѣдѣжугу* ‘заплевать’; Ласк. *h'éd'ж'ъгу* ‘обслюнявливаю’; Иван. *swéd'eшугу* ‘сплевывать’;

56) **šāŋqā-* ‘ночевать’ [Alatalo 2004: 374]: Таз. *šāqqiqo* ‘ночевать’; Нап. *шѣкегу* ‘ночевать’, *шѣугу* ‘ночевать’; Ласк. *шѣкъгу* ‘ночевать’;

57) **šēr-* ‘входить’ [Alatalo 2004: 381]: Таз. *šērqo* ‘войти, зайти’; Нап. *шѣргу* / *шѣргу* ‘зайти’, *шѣr'eшугу* ‘ворваться’; Ласк. *шѣръгу* ‘зайти’, *шѣr'eшугу* ‘врываться’;

58) **sūi-* / **sūt-* ‘шить’ [Alatalo 2004: 357]: Таз. *sūtqo* ‘шить’; Нап. *шóдолгү* ‘шить’, *шўткү* ‘прошить’; Ласк. *сóтколгү* ‘нашить’, *сóткү* ‘ушивать’, *сóдешугу* ‘обшивать’;

59) Нап. *ыдѣжугу* ‘щебетать’; Ласк. *ыдѣжъгу* ‘щебетать’;

60) **āŋ* ‘рот’ [Alatalo 2004: 36]: Таз. *āqqa* ‘челюсть’; Нап. *āmгу* ‘зевать’, *āmъгу* ‘разинуть’; Ласк. *āmешугу* ‘зевать’; Иван. *āmешбугу* ‘зевать’;

61) **ī-* ‘брат’ (кам. *ī-*) [Alatalo 2004: 3]: Таз. *īqo* ‘взять; принять, получить; занять (место, пространство)’; Нап. *игү* / *игү* ‘достать’, *игү* ‘получить’, *иг'eшугу* ‘отцеплять’; Ласк. *игү* ‘получить’; Чиж. *игү* ‘скинуть’;

62) **ilə-* ‘поднимать, взвешивать’ [Alatalo 2004: 56]: Нап. *il'eшугу* ‘отвешивать’, *илгу* ‘взвесить’; Ласк. *илъмбугу* ‘взвесить’; Иван. *илгу* ‘отвесить’;

63) **nī-* ‘открывать’ [Alatalo 2004: 194]: Таз. *nīqo* ‘открыть’; Нап. *нóгу* ‘откупорить’, *нóуолгу* ‘откупоривать’; Иван. *нóгу* ‘отпереть’;

64) **mē-* ‘делать’ [Alatalo 2004: 105]: Таз. *mēqo* ‘сделать; приготовить; построить; вылечить, исцелить’; Нап. *м'ѣгу* ‘отстраивать’; Иван. *мѣгу* ‘сделать’;

65) Нап. *кылгу* ‘откидать’, *кылешугу* ‘откидывать’; Иван. *кылгу* ‘откидать’;

66) **ci-* ‘таять’ [Alatalo 1998: 206]: Таз. *ciqo* ‘растаять, согреться’; Нап. *чүдгү* ‘таять (в избе), отогреть’, *ч'үтѣмбугу* ‘греть’, *ч'үдугу* ‘оттаять’; Ласк. *ч'одѣшугу* ‘подтаять’, *ч'үдугу* / *ч'үдугу* ‘таять’;

67) **ci-* ‘стрелять’ [Alatalo 1998: 208]: Таз. *ciqo* ‘бросать; стрелять’; Нап. *ч'ун'дгү* ‘кидаться, стрелять’ / *ч'ондугу* ‘отстреливаться’; Ласк. *ч'огу* ‘постреливать’, ? *ч'ондугу* ‘обстреливать’;

68) **qarə-* ‘прилеплять’ [Alatalo 2004: 258]: Таз. *qāriqo* ‘тесать’; Тюхт. *кабыгу* ‘надо зашить’; Нап. *кабалгү* / *кабалгу* ‘подтесывать’, *кабгү* ‘перечинить’; Ласк. *кабалгу* ‘подтесывать’ / *кабалгу* ‘тесать’, *кабъмбугу* ‘перечинить’; Иван. *кабъгу* ‘починить’, *кабгү* ‘чинить’ / *кабгу* ‘штопать’, *кабалгу* ‘обтесать’;

69) Таз. *sātiqo* ‘закусить, укусить; взять в зубы, зажать в зубах’; Тюхт. *хаджегу* ‘прокусить’; Нап. *хаджугу* ‘откусить’; Иван. *сáджугу* ‘укусить’;

70) **tī-* ‘приходить’ [Alatalo 2004: 140]: Таз. *tīqo* ‘прийти, приехать’; Нап. *тóгу* ‘объявиться’; Иван. *тўгу* ‘слезть с коня’;

71) **kīnə-* ‘бежать’ [Alatalo 2004: 297]: Таз. *kīniqo* ‘убежать, удрать, сбежать’; Пар. *кунэгу* ‘выбежать’; Иван. *кунгу* ‘удрать’;

72) **ī-* ‘плавать’ [Alatalo 2004: 1]: Таз. *īqo* ‘плыть, плавать’; Пар. *урэгу* ‘плавать’; Тюхт. *урчу* ‘купаться’;

73) **ānti-* ‘сидеть’ [Alatalo 2004: 10]: Таз. *āntiqo* ‘сидеть; стоять (о предмете); прожить, жить оседло (не кочуя)’; Тюхт. *амдыгу* ‘сидеть’; Нап. *амдыгу* ‘отсидеть’;

74) **ālčə-* ‘падать’ [Alatalo 2004: 51]: Таз. *āl'ciqo* ‘упасть; выпасть, случиться; попасть’; Нап. *ал'джу/егү* ‘упасть’, *ал'джембугу* ‘спасть’, *алч'eшугу* ‘падать’; Ласк. *алч'угу* ‘упасть’, *ал'джембугу* ‘нагорить (нападать)’, *алч'eшугу* ‘падать’, *алч'eшугу* / *алч'eшугу* ‘падать’;

75) **āntə-* ‘хвалить’ [Alatalo 2004: 25]: Таз. *āntiqo* ‘хвалить’; Нап. *āндалбугу* ‘обрадовать’ / *āндалбугу* ‘радоваться’, *āндугу* ‘расхвалиться’, *āндалгу* / *āндалгу* ‘радоваться’; Ласк. *āндугу* ‘хвалить’, *āндалбугу* ‘завидовать’, *āндалгу* ‘радоваться’, *āндалжугу* ‘удивить’; Чиж. *āндалгу* ‘радоваться’; Иван. *āндалбугу* ‘радоваться’, *āндъгу* ‘хвалить’;

76) **qāčci-* ‘чихнуть’ [Alatalo 2004: 275]: Таз. *qāčtiqo* ‘чихнуть’; Нап. *качембугу* ‘чихать’, *каччегу* ‘чихать’; Ласк. *качешугу* ‘чихать’, *качугу* ‘зачихать’;

77) **čārə-* ‘зажигаться’ [Alatalo 2004: 209]: Таз. *čāriqo* ‘загореться’; Нап. *чáбгу* ‘гореть’, *чáбъгу* ‘разгораться’; Ласк. *чáбугу* ‘подпалить’, *ч'ādешугу* (угли) ‘нажигать, пережигать’;

78) **čātə-* ‘зажечь’ [Alatalo 2004: 214]: Таз. *čātiqo* ‘зажечь, затопить (печь)’; Нап. *чадгү* ‘прижечь, пережечь’ / *чáдгу* ‘накалить, топить, прожечь, сгореть’, *чáдъгу* ‘поджечь’, *чáдыгу* ‘жечь’, *ч'адымбугу* ‘об-

жигать' / *ч'одембугу* 'топить', *ч'адеишугу* 'отапливать'; Ласк. *чадугу* 'сжечь, затопить, подгореть, перепалить', *чадугу* 'подтопить', *чадъмбугу* '(дом) натопить', *ч'одалдэжугу* '(печь) затоплять';

79) **čeka-* 'сохнуть' [Alatalo 2004: 177]: Таз. *tēkiqo ~ te-* 'сохнуть, высыхать, пересыхать, мелеть; страдать запором'; Нап. *чагъгу* 'обсохнуть', *чагембугу* 'засохнуть'; Ласк. *чагъмбугу* 'засохнуть', *чагъмбугу* 'пересохнуть', *чагъмбугу* 'пересыхать', *чагэишугу* 'отмирать' / *чагэишугу* 'черстветь' / *чагэишугу* 'подсыхать' / *чагэишугу* 'сохнуть', *чагъгу* 'попересохнуть'; Иван. *чагъгу* 'высохнуть';

80) Нап. *чакъгу* 'покрыть', *ч'элакегу* 'стелить', *чаколджегу* 'отодвинуть'; Ласк. *чаккугу* 'пододвинуться', *чаккъгу* 'подослать', *чакъгу* 'застелить, наместить';

81) **čāčā-* 'ехать' [Alatalo 2004: 155]: Нап. *ч'аджугу* 'отчалить', *чадж'ешугу* 'отчалить'; Ласк. *чад'жугу* 'идти, отдаляться, объехать, зашагать, ходить', *чанджъгу* 'выходить', *чанджугу* 'выползать'; Иван. *чанджъгу* 'вылезать';

82) **āmtā* 'рог' [Alatalo 2004: 10]: Таз. *āmti* 'рог, рога'; Нап. *амдал'гу* / *amgālgū* 'бодать'; Ласк. *амдъгу* 'бодать'; Чиж. *амдалгу* 'бодать'; Стс. *амдалгу* 'бодать';

83) **ūtā-* 'посылать, оставлять' [Alatalo 2004: 22]: Таз. *ūtīqo* 'послать, отправить; пустить, отпустить, выпустить'; Пар. *утку* 'послать'; Нап. *удеишугу* 'отправлять' / *удеишугу* 'ослаблять', *удугу* 'отослать'; Иван. *удугу* 'послать', *удъгу* 'отослать', *удъгу* 'спустить', *удеишугу* 'спускать';

84) **kāmtā* 'руки; отпрыск, побег' [Alatalo 2004: 265]: Нап. *хамалгу* / *камалгу* 'охватить' / *кавалгу* 'обнимать'; Ласк. *хавалгу* 'обхватить'; Иван. *кавалгу* 'обнимать';

85) **sō-* 'черпать' [Alatalo 2004: 344]: Таз. *sō-* 'черпать'; Нап. *хоуолгу* 'отчерпать'; Иван. *соуолгу* 'черпать';

86) **čē-* 'топтать' [Alatalo 2004: 208]: Таз. *sel'ciqo* 'стоптать, затоптать'; Нап. *чел'д'ж'олгу* 'вытаптывать', *чалдэжолгу* 'наследить', *ч'ел'д'жолгу* 'затаптывать, протаптывать', *ч'ел'д'жолгу* 'наступать', *ч'ел'д'жолгу* 'топтать', *ч'ел'ч'олгу* 'растаптывать', *ч'ел'ч'олгу* 'топнуть'; Ласк. *чэл'д'ж'олбугу* 'наследить', *чал'д'ж'олгу* 'истоптать', *чэл'д'ж'олгу* 'втаптывать', *чал'д'ж'олгу* 'перетоптать', *чэл'д'ж'ылгу* 'натаптывать';

87) **rōt-* 'нагреваться' [Alatalo 2004: 61]: Таз. *rōtqo* 'нагреться; потеплеть; вспотеть'; Нап. *п'очалджугу* / *п'очалдэжугу* 'погреть', *п'очугу* 'отогреть'; Иван. *п'очугу* 'согреть', *п'очалджугу* 'обогреть';

88) **šāqātri-* 'капать' [Alatalo 2004: 367]: Нап. *шеуалдэжугу* / *шекалджугу* 'процедить', *ш'еуъмбугу* 'течь', *шакембугу* 'оттекать'; Иван. *ил'е ш'еРъмбугу* 'стекать';

89) **čičā-* 'заказывать' [Alatalo 2004: 216]: Нап. *т'иджугу* 'заказать'; Ласк. *ч'ид'ж'ешугу* 'наказывать, заказывать', *ч'иджугу* 'наказывать', *ч'иджугу* 'заказывать';

90) **ne* 'женщина' [Alatalo 2004: 194]: Таз. *nāl'* 'женского пола, самка'; Пар. *нега* 'дочь; кукла'; Тюхт. *нега* 'кукла'; Чая *нэка* 'кукла';

91) **kur-* [Alatalo 2004: 331]: Таз. *kuralqo ~ kuroloqo ~ kurralqo ~ kurrolqo* 'пойти, побежать, пройти'; Пар. *кургу* 'бежать'; Нап. *кур'ешугу* 'отхлынуть'; Ласк. *куралгу* 'побежать'; Чая *куролгу* 'бежать'

Исключения в заимствованиях

**rečā* 'плотва' [Alatalo 2004: 77]: Тюхт. *п'эдже* 'чебак'; Иван. *п'ад'э* 'чебак' < ? эвенк. *pēja, pējачān* 'сорога, красноглазка' [ТМС, 2: 36]

Корни с минусовой акцентной маркировкой

1) **kat* [Alatalo 2004: 264]: Пар. *кавтэ* 'лицом навзничь'; Ласк. *кавтэ* 'навзничь';

2) **il* [Alatalo 2004: 53]: Таз. *il* 'место под; внизу, под (основа адвербиалов — послелогов-наречий)'; Пар. *илэ* 'вниз'; Иван. *еллэ* 'вниз'; Тюхт. *ел'э* 'вниз'; Кел. *'еллэ* 'вниз'; Ласк. *ел'л'э* 'вниз'; Чая *иллэ* 'вниз';

3) **konnä* 'с (поверхности), к (реке)' [Alatalo 2004: 296]: Таз. *konnä* 'вверх (на берег, в гору); из воды; вглубь помещения; с очага, от огня; Пар. *конэ* 'наверх'; Иван. *коннэ* 'наверх (в гору)'; Нап. *коңэ* 'наверх (в гору)'; Чиж. *көннэ* 'берег';

4) **ūt* / **ūtā* 'вода' [Alatalo 2004: 20]: Таз. *ūt* (*ūtī-*, редко *ūtī-*) 'вода; спиртное, водка; (также Тур.) вино'; Пар. *юдэ* 'вода; водка', *юдъгу* 'промокнуть', *уталэжугу* 'напоить, сполить', *юдэишугу* 'пить'; Иван. *юдъгу* 'опустить в воду'; Тюхт. *утал'джегу* 'напоить'; Нап. *оталужугу* 'отпаивать';

5) **čī-* 'пояс' [Alatalo 2004: 208]: Таз. *сī ~ сī* 'пояс'; Пар. *ч'эндэ* 'пояс'; Иван. *к'ондешугу* 'препоясываться'; Нап. *ч'онд'ешугу* 'опоясываться';

6) **čitčā* 'дятел' [Alatalo 2004: 151]: Пар. *чумдэжэ* 'дятел'; Иван. *чумдэжэ* 'дятел'; Нап. *чумдэжэ* 'дятел'; Ласк. *чумдэжэ* 'дятел';

- 7) **čaptä* ‘сказка’ [Alatalo 2004: 209]: Таз. *čaptä* ‘сказка’; Тюхт. *č’äntmé* ‘легенда’; Нап. *čantmé* ‘сказка’; Ласк. *čantmé* ‘сказка’; Пар. *č’äntmé* ‘сказка’; Тиб. *č’annté* ‘сказка’;
- 8) Ласк., Иван. *č’ndžé* ‘давеча’;
- 9) *i-* ‘на’ [Alatalo 2004: 2]: Таз. *žnnä ~ žn* ‘вверх’; Ласк. *ынне* ‘вверх’; Иван. *енне* ‘вверх’; Нап. *енé* ‘вверх’; Кул. *енé* ‘верх’; Чая *änne* ‘вверх’;
- 10) **am-* ‘есть’ [Alatalo 2004: 7]: Таз. *amqo* ‘съесть; привести в омертвелое состояние, сжечь, заморозить и т. д. (о стихийных силах); постигнуть (о неприятности)’; Нап. *амгу* ‘съесть’; Иван. *ámгу* ‘съесть’; Ласк. *ав’ешпугу* ‘нагореть’, *амгу* ‘съесть’; Чиж. *ав’ешпугу* ‘съесть’; Тиб. *ав’ешпугу* ‘есть’; Стс. *амгу* ‘съесть’;
- 11) **aptə* ‘запах’ [Alatalo 2004: 4]: Таз. *apti* ‘запах, аромат; вкус (как положительное свойство пищи)’; Пар. *äntэмбэгу* ‘нюхать’; Нап. *’änne* ‘запах’, *äntáлгу* ‘чуять’; Ласк. *абтйгу* ‘пахнуть’, *äntáлбугу* ‘обнюхать’; Иван. *äntáлгу* ‘нюхать’;
- 12) **čōmtä* ‘деньги, серебро’ [Alatalo 2004: 269]: Нап. *кóмде* ‘деньги’; Иван. *комде* ‘деньги’ / *кóмде* ‘копейка’; Чиж. *комде* ‘деньги’; Чая *кóмде* ‘серебро’;
- 13) **šikkättä* ‘блоха’ [Alatalo 2004: 370]: Нап. *сытте* ‘блоха’; Чая *сытте* ‘блоха’;
- 14) **kočä* ‘мешок’ [Alatalo 2004: 280]: Тюхт. *коджа́* / *кóджа* ‘мешок’; Нап. *кóджа* ‘мешок’; Иван. *коджа́* ‘мешок’;
- 15) **čaptə-* ‘роса’ [Alatalo 2004: 210]: Таз. *čapti* ‘роса, туман’; Тюхт. *ч’ännta* ‘роса’; Нап. *ч’äntэмбугу* ‘отмокнуть’;
- 16) **erukkaŋ* ‘тихо’ [Alatalo 2004: 47]: Нап. *äpka* ‘потихоньку’; Чиж. *äpka* ‘тихо’;
- 17) **ira* / **era* ‘старик’ [Alatalo 2004: 49]: Таз. *ira* ‘мужчина; муж; старик; король (в картах)’; Тюхт. *epá* ‘старик’; Ласк. *äpá* ‘старик’; Иван. *apá* ‘старик’;
- 18) **laka* ‘куски’ [Alatalo 2004: 395]: Таз. *laka* ‘кусочек, штука; ком, кучка’; Тюхт. *лагá* ‘штука’; Нап. *лáка* ‘штука’; Иван. *лагá* ‘куча’;
- 19) **loča* ‘лиса’ [Alatalo 2004: 397]: Тюхт. *логá* ‘лиса’; Нап. *лóуа* ‘лиса’; Иван. *логá* ‘лиса’; Чая *логá* ‘лисица’;
- 20) **maki* ‘палка’ [Alatalo 2004: 120]: Тюхт. *магá* ‘прут’; Нап. *мáка* ‘палка’;
- 21) **takka* ‘холм’ [Alatalo 2004: 120]: Таз. *takka* ‘травянистый бугор; куча (конической формы)’; Тюхт. *маткá* ‘шорох; куча’; Иван. *маккá* (*кыджай*) ‘муравейник’; Чая *мáкка* ‘холм’;
- 22) **tijka* ‘игла’ [Alatalo 2004: 123]: Таз. *tijka* ‘игла (для шитья)’; Тюхт. *мыгá* ‘игла’; Нап. *мýка* ‘игла’; Чая *мыгá* ‘иглолка’;
- 23) **šjpa* ‘мошки’ [Alatalo 2004: 348]: Тюхт. *хыбá* ‘мошка’; Иван. *сьбá* ‘большая мошка’;
- 24) **čatə* ‘ноготь, коготь’ [Alatalo 2004: 271]: Таз. *qati* ‘ноготь; коготь; копыто; крюк (остроги, лыжной палки); черви (в картах)’; Нап. *kāдгу* ‘очистить’, *кадóлгу* ‘окучить, причесать’; Ласк. *кáттóлгу* ‘чиркать’, *кáдеишпугу* ‘чистить (рыбу)’; Чиж. *кадóлгу* ‘выгрести’; Стс. *кадáлгу* ‘починить’, *кадóлгу* ‘причесать’; Иван. *кадóлгу* ‘счищать’; Чая *к/гáдолгу* ‘царапать’ / *гáдолгу* ‘загрести землю’;
- 25) *čara* ‘журавль’ [Alatalo 2004: 323]: Таз. *čara* ‘журавль’; Чиж., Иван., Чая *чарá* ‘журавль’;
- 26) **čičä* ‘муравей’ [Alatalo 2004: 283]: Таз. *čičä* ‘муравей’; Чиж. *кечá* ‘муравей’; Чая *кычá* ‘муравей’;
- 27) **kol’ə-* ‘крутиться’ [Alatalo 2004: 304]: Таз. *kol’a* ‘изгиб (реки); колесо; круг’; Нап. *којáлджугу* ‘отвернуть’; Ласк. *кwaјáлджугу* ‘огораживать’; Чиж. *којáлджугу* ‘обойти’; Иван. *кwaјá* ‘двор’;
- 28) **čotə-* ‘крючок’ [Alatalo 2004: 279]: Таз. *kota ~ koti* ‘крюк’; Нап. *кодáл’жугу* / *кодáл’жугу* ‘застегнуть’; Ласк. *кодáл’жугу* ‘застегнуть’; Чиж. *кодáл’жегу* ‘застегнуть’; Иван. *кодá* ‘вязальный крючок’; Чая *кадá* ‘крюк’;
- 29) **čali-* ‘оставаться’ [Alatalo 2004: 336]: Таз. *qaliqo* ‘остаться, отстать’; Пар. *калгу* ‘остаться’; Нап. *калгу* ‘оставить’, *кáлымбугу* ‘остаться (сиротой)’; Ласк. *кáлгу* ‘остаться’, *кал’ешпугу* ‘оставаться’; Иван. *кáлгу* ‘остаться’;
- 30) **tačə-* ‘резать’ [Alatalo 2004: 108]: Таз. *mātiqo* ‘разрезать, срубить, спилить’, *tō mātiqo* ‘отрезать, обрезать’; Тюхт. *мад’жегу* ‘надрезать’, *мад’жгу* ‘заколоть’; Нап. *’ил’э мад’жугу* ‘свалить’ / *’ил’э мад’жгу* ‘свалить’, *мад’ешпугу* ‘обрезаться’;
- 31) **tijə-* ‘гнуть’ [Alatalo 2004: 117]: Таз. *tijiqo* ‘согнуть’; Тюхт. *мынгу* ‘гнуть’; Нап. *мýнгу* ‘загнуть’;
- 32) **ket-* ‘говорить’ [Alatalo 2004: 284]: Таз. *ketiqo* ‘сказать (в отличие от *tomqo* употребляется при прямой или косвенной речи)’; Тюхт. *кат’тыгу* ‘сказать’; Нап. *кадегу* ‘ответить’, *кад’ешпугу* ‘отвечать’; Ласк. *кад’ьгу* / *кад’ьгу* / *кад’ьгу* ‘признаться, объявить’, *кад’ешпугу* ‘подсказывать’; Тиб. *катыку* ‘рассказать’; Иван. *кад’ешпугу* ‘наговаривать’, *кад’ьгу* ‘предсказать’;

- 33) **kjɾə*- ‘сдирать шкуру’ [Alatalo 2004: 333]: Нап. *kérgy* / *кыргы* ‘ободрать’; Ласк. *kýrgy* ‘ободрать’; Иван. *кыргы* ‘обдирать’;
- 34) **ko-* ‘искать, найти’ [Alatalo 2004: 249]: Нап. *когү* ‘найти, обнаруживать’; Ласк. *когү* / *когү* ‘найти’; Тиб. *кугү* ‘найти’; Иван. *когү* / *когү* ‘найти’;
- 35) **jt(t)ə-* ‘вешать’ [Alatalo 2004: 17]: Пар. *ыдыгү* ‘висеть; повесить’; Нап. *ыдгү* ‘навешать’, *’едгү* ‘завесить’ / *’эдгү* ‘вывесить’; Ласк. *’дыгү* ‘навешать’; Иван. *’дыгү* ‘подвесить’;
- 36) **šitə-* ‘будить’ [Alatalo 2004: 358]: Нап. *ш’едгү* ‘будить’; Ласк. *ш’дыгү* ‘добудиться’;
- 37) Нап. *адгү* ‘наколоться’; Ласк. *’дымбугу* ‘занозить’;
- 38) **ke-* ‘зима’ [Alatalo 2004: 256]: Таз. *ке* ‘зима’, *кегдо* ‘вызвать наступление зимы; наступить (о зиме); остаться на зимовку’; Нап. *кагү* ‘зимовать’, *каргү* ‘зимовать’; Ласк. *каргү* ‘зимовать’; Чиж. *каргү* ‘зимовать’; Иван. *каргү* ‘зимовать’;
- 39) **teṁə-* ‘купить’ [Alatalo 2004: 152]: Таз. *тегдо* ‘купить’; Нап. *тагү* ‘откупать’; Иван. *тагү* ‘выкупить’;
- 40) **ričə-* ‘стричь волосы’ [Alatalo 2004: 70]: Таз. *рүгдо* ‘состричь, сбрить; срезать (цветы, траву), скосить (сено)’; Нап. *п’уджгү* ‘брить’, *п’удж’ешгү* ‘совсем остригать’; Иван. *п’одж’ешгү* ‘состригать’, *п’оджгү* ‘стричь’, *п’одж’гү* ‘стричь’;
- 41) **atu-* ‘быть видным’ [Alatalo 2004: 14]: Пар. *’дыгү* ‘виднеться’, *’дымбыгү* ‘виднеться’; Нап. *адгү* ‘быть видным’;
- 42) **kāṁrə-* ‘лить, заливать’ [Alatalo 2004: 266]: Таз. *qamralqo* ~ *qamrolqo* ‘политься, посыпаться’; Пар. *камджгү* ‘налить’; Нап. *кам’олджгү*, *кам’алджгү* ‘опрокинуть’, *кам’дж’ешгү* ‘отливать’; Ласк. *кам’алджгү* ‘опрокинуть’, *кам’дж’ешгү* ‘вливать’; Иван. *кам’джгү* ‘отлить’;
- 43) **qartə-* ‘гасить’ [Alatalo 2004: 259]: Таз. *qartiqo* ‘погасить; гаснуть’; Пар. *каптгү* ‘потушить’, *капт’ешгү* ‘потушить’; Нап. *капт’ешгү* ‘залить огонь’, *каптгү* ‘тушить’; Ласк. *капт’гү* ‘гасить’, *капт’мб’гү* ‘затухнуть’; Иван. *каптгү* ‘выключать’;
- 44) **nat-* [Alatalo 2004: 197]⁵⁰: Таз. *натго* ‘выскоблить шкуру (очистив от пленок)’; Тюхт. *натк’гү* ‘молоть’; Иван. *наткалгү* ‘оттереть’ / *натка’ылгү* ‘стереть’, *натк’лгү* ‘обтирать’, *надк’ылгү* ‘смолоть’;
- 45) **qantə-* ‘мерзнуть’ [Alatalo 2004: 290]: Таз. *qantiqo* ‘замерзнуть’; Нап. *кандыгү* / *кандугү* ‘замерзать’, *канд’ешгү* ‘замерзать’; Ласк. *канд’гү* ‘обмерзать’, *канд’мбугү* ‘обмерзать’, *канд’ешгү* / *канд’ешгү* ‘стыть’, *канд’мбугү* ‘остыть’;
- 46) **āčə-* ‘сторожить’ [Alatalo 2004: 15]: Таз. *’тигдо* ‘караулить, стеречь; охранять, пасти (оленье стадо); обеспечивать (больного) уходом’; Нап. *’ачугү* ‘стеречь’; Ласк. *’чугү* ‘стеречь’;
- 47) **kontə-* ‘спать’ [Alatalo 2004: 295]: Таз. *qontiqo* ‘спать; уложить спать, лечь спать’; Нап. *к’ондугү* / *к’онд’гү* / *к’онд’гү* ‘спать’, *к’онд’ал’жгү* ‘усыплять’, *к’онд’алгү* ‘вздремнуть’; Ласк. *к’ондугү* ‘спать’, *к’онд’албугү* ‘спать’, *к’онд’ал’жгү* ‘усыплять’, *к’онд’ешгү* ‘залегать’; Пар. *к’ондугү* ‘спать’; Иван. *к’онд’алджгү* ‘усыплять’;
- 48) **čakə-* ‘стонать’ [Alatalo 2004: 172]: Таз. *tāqiqo* ~ *taqiqo* ‘кряхтеть, стонать’; Нап. *чаку’гү* ‘стонать’; Ласк. *ч’у’гү* ‘ныть’ / *ч’у’гү* ‘стонать’; Чиж. *ч’ак’гү* ‘стонать’;
- 49) **čōntə-* ‘накрывать’ [Alatalo 2004: 217]: Таз. *čōntiqo* ‘накрыть, покрыть, укрыть’; Нап. *ч’ондугү* ‘укрыться’, *ч’ондугү* ‘укрываться’; Ласк. *ч’ондугү* ‘укрыться’, *ч’онд’ешгү* ‘укрываться’;
- 50) **etə-* ‘ждать’ [Alatalo 2004: 18]: Таз. *’егдо* ‘ждать, ожидать (чего-л., какого-л. события)’, *’егтигдо* ‘спрятать(ся)’; Пар. *’адольжигү* ‘дождаться’; Нап. *’атгү* ‘спрятаться’ / *’чугү* / *’т’гү* ‘ждать’; Ласк. *ат’гү* ‘спрятаться’; Иван. *’ад’гү* / *’ад’гү* ‘дождаться’;
- 51) **čikkə-* ‘отвязать’ [Alatalo 2004: 222]: Таз. *čikkiqo* ~ *čekkiqo*, *tō čikkiqo* ~ (*čekkiqo*) ‘развязать’; Нап. *ч’ик’гү* / *ч’ик’гү* ‘отвязать’; Ласк. *ч’и/ке’лджгү* ‘выпрягать’, *ч’и/ке’шгү* ‘отвязывать’;
- 52) **tokalčə-* ‘втыкать’ [Alatalo 2004: 175]: Таз. *soqoqo* ~ *soqaqo* ~ (Тур.) *soqoqo* ‘долбить, тыкать, втыкать, толочь, клевать; макать’; Тюхт. *ч’околгү* ‘выдолбить’; Нап. *ч’окалджгү* ‘макать’, *ч’околгү* ‘воткнуть, воткнуть, колоть иголкой, обставить жердями’, *ч’оу’албугү* ‘склевать’, *ч’окалгү* ‘склевать’, *ч’оу’алгү* ‘склевать’; Чиж. *ч’околгү* ‘воткнуть’, *ч’окалгү* ‘клевать’;
- 53) **račə-* [Alatalo 2004: 75]: Таз. *rasalqo* ~ *rasalqo* ‘срубить, прорубить, разрубить, расколоть; скосить (траву); сбить (ягоды кузовом-битком); лягнуть, ударить копытом’; Тюхт. *пад’жалгү* ‘рубить’; Нап. *п’аджгү* ‘отколоть’, *пад’алджгү* ‘отколоть’, *пач’алгү* ‘рубить’; Иван. *пад’алгү* ‘отрубать’;
- 54) **rapal-* ‘испортиться’ [Alatalo 2004: 73]: Нап. *пан’алгү* ‘отломать’; Иван. *пан’алгү* ‘повредить’; Чая *пан’алгү* ‘изломаться’;
- 55) **čjɾə-* ‘трясти, мести’ [Alatalo 2004: 145]: Таз. *tuɾiqo* ~ *tuɾiqo* ‘трясти, вытряхивать, трепать; (перен.) бежать’ > *tuɾalqo* ~ *tūɾalqo* ‘встряхнуть, вытряхнуть, просеять, потрепать; подмести; отряхнуть-

⁵⁰ В ряде случаев в словаре [Alatalo 2004] не приводятся значения реконструируемых праселькупских слов.

ся, отмахнуться; (перен.) побежать'; Нап. *чопáлгу* 'махнуть', *чу/об/пáлгу* 'обметать', *чубагу* 'трепать', *чубáлгу* 'замести'; Ласк. *чо/убáлгу* 'намести, сеять', *чубáлгу* 'подмести', *чубáлгу* 'замести', *чубáл'ешпугу* 'подметать'; Иван. *чубáлгу* 'мести', *чупáлгу* 'ссыпать';

56) **puttu* 'плевок' [Alatalo 2004: 69]: Таз. *puttolqo* ~ *puttalqo* 'опрыскать, обрызгать струей (изо рта), сплюнуть'; Нап. *пото́лгу* 'брызгать'; Чая *пудóлгу* 'брызгать';

57) **miššalpi-* [Alatalo 2004: 127]: Тюхт. *м'ежáл'бугу* 'плясать'; Иван. *мыжáлбугу* 'плясать';

58) **tokalče-* 'втыкать' [Alatalo 2004: 175]: Нап. *чоуáлбугу* 'склевать', *чокáлгу* 'склевать', *чоуáлгу* 'склевать'; Чиж. *чокáлку* 'клевать' / *чóхълку* 'клевать';

59) **or-* 'хватать' [Alatalo 2004: 45]: Таз. *or-* > *ораqо* 'ловить, хватать; щупать'; Тюхт. *óppалгу* 'схватить', *óppал'джегу* 'зацепить'; Нап. *орáлгу* 'поймать, браться', *орáл'джугу* 'вцепляться'; Иван. *орáлгу* 'хватать', *орáл'дз'агу* 'уцепиться'; Чая *орáлбыгу* 'держать', *орáл'джи-* 'ухватиться';

60) ? **k'иэти-* 'драться' [Alatalo 2004: 276]: Нап. *кэм'чáл'джугу* 'пугать'; Чиж. *кет'áл'джугу* 'пугать'; Иван. *кач'áл'джугу* 'пугать'; Чая *кэчóль'джигу* 'пугать';

61) **ñeñə-* 'сердиться' [Alatalo 2004: 239]: Нап., Иван. *н'ајáл'джугу* 'осердить';

62) **koro* 'изгиб' [Alatalo 2004: 328]: Таз. *kora* 'изгиб, излучина'; Нап. *корáл'джугу* 'обойти'; Чая *ка-рóль'джигу* 'гнуть';

63) **kačqi* 'дым' [Alatalo 2004: 274]: Таз. *qatqi* 'дым; туман'; Ласк. *кашкóл'джегу* 'задымить'; Чая *кашкóль'джигу* 'дымить';

64) Нап., Иван. *рокáл'джугу* 'слепить'

Исключения в заимствованиях

1) **kala* 'чашка' [Alatalo 2004: 336]: Пар. *каlá* 'чашка'; Тюхт. *кáла* 'чашка'; Нап. *каlá* 'миска'; Ласк. *каlá* 'чашка'; Пар. *каlá* 'чашка'; Иван. *каlá* 'чашка'; Чая *каlá* 'чашка' < эвенк. *калан* 'котел';

2) Таз. *parqо* 'свить, сплести' > *parkiqо* 'выжимать; стирать; доить; сморкаться'; Тюхт. *пар'ешпугу* 'вить'; Нап. *пáргу* 'вить', (*ч'весе*) *парáлгу* 'возвратиться' < ПТМ **perke-* 'связывать, перевязывать, обвязывать';

3) **śačšə-* 'бросать, стрелять' [Alatalo 2004: 216]: Таз. *cattiqо* 'бросить; выстрелить; застрелить'; Нап. *чадгу* 'бросать', *чаджгу* 'застрелить', *чаджéлгу* 'настрелять', *чаджугу* 'выбрасывать', *ч'áчьгу* 'выстрелить', (*то*)*дж'ачегу* 'отбросить', *ч'ат'ешпугу* 'обстреливать', *ч'áчегу* 'стрелять'; Ласк. *чáгьгу* 'настрелять', *ч'эчугу* 'застрелить', *чáд'жьгу* 'выстрелить', *чадéлгу* 'стрелять', *ч'áччугу* 'подстрелить', *ч'áччугу* 'поразить'; Пар. *чеджугу* 'стрелять'; Тиб. *чáтчугу* 'набросить'; Стс. *ч'áжугу* 'отбросить, откинуть'; Иван. *т'áдъгу* 'обжечь', *т'áджугу* 'стрелять' < ПТю **jā(j)* 'лук'.

Таким образом, видно, что количество исключений сравнительно немногочисленно и, конечно, было изначально предсказуемо, поскольку как указывает А. А. Зализняк в [Зализняк 1985], всегда какое-то количество словоформ не будет подчиняться правилам, поэтому целесообразность описания с помощью простого правила «акцентных маркировок» определяется статистикой случаев, подчиняющихся правилу. Как можно видеть из проведенного анализа, в случае селькупского языка статистика однозначно указывает на целесообразность описания акцентной системы с помощью маркировок.

Сокращения

Языки

кам. — камасинский
ПС — прасамодийский

ПТМ — пратунгусо-маньчжурский
ПТю — пратюркский
эвенк. — эвенкийский

ПУ — прауральский
ФУ — финно-угорский

сельк. — селькупский:

Бел. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Белояровка Колпашевского района Томской области
Варг. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в д. Варгананджино Каргасокского района Томской области

Ел. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные на р. Елогуй

Иван. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Иванкино Колпашевского района Томской области

Кел. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Келлог Туруханского района Красноярского края

Кул. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Кулеево Каргасокского района Томской области
 Ласк. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в д. Ласкино Парабельского района Томской области
 Мак. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в д. Максимкин Яр Верхнекетского района Томской области
 Нап. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Напас Каргасокского района Томской области
 Пар. — полевые материалы, собранные в 2009 г. в с. Парабель Парабельского района Томской области
 Параб. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Парабель Парабельского района Томской области
 Стс. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Старо-Сондорово Верхнекетского района Томской области
 Таз. — материалы словаря [Helimski 2007] по тазовскому диалекту
 Тиб. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в д. Тибиняк Колпашевского района Томской области
 Тур. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Туруханске Туруханского района Красноярского края
 Тюхт. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в д. Тюхтерево Парабельского района Томской области
 Чиж. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные на р. Чижапка

Общие

а. п. — акцентная парадигма арх. — архаичное перен. — переносное значение

Л и т е р а т у р а

Амелина 2011 — *Амелина М. К.* Акцентные характеристики непроезженных имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть I. Ямальский и канинский диалекты // Урало-алтайские исследования. 2011, 2(5). С. 7—38.

Амелина 2012 — *Амелина М. К.* Акцентные характеристики имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть II. Гыданский диалект // Урало-алтайские исследования. 2012, 1(6). С. 7—54.

Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. *Быконя В. В.* Томск, 2005.

Дыбо 1973 — *Дыбо В. А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Кузнецовские чтения—1973. История славянских языков и письменности. М., 1973. С. 8—10.

Дыбо 1981 — *Дыбо В. А.* Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Дыбо 1987 — *Дыбо В. А.* Просодическая система тубу (группа теда-канури) — начало трансформации тональной системы в систему парадигматического акцента? (Часть I) // Африканское историческое языкознание. М., 1987. С. 458—557.

Дыбо 1990 — *Дыбо В. А., Николаев С. Л., Замятина Г. И.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.

Дыбо 2000 — *Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. 1. М., 2000.

Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зырянова 2002 — *Зырянова Е. В.* Вопросы морфемного членения селькупского глагольного слова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2002, 1. С. 43—46.

Купер 1983 — *Купер Ш. Ц.* Место ударения и количество гласного в кетском диалекте селькупского языка // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов (тезисы докладов). Омск, 1983. С. 58—62.

Лыткин 1964 — *Лыткин В. И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

Мосин 1987 — *Мосин М. В.* Эволюция структуры прафинно-угорской основы слова в мордовских языках. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тарту, 1987.

Норманская 2008 — *Норманская Ю. В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008.

Норманская 2009 — *Норманская Ю. В.* Новый взгляд на историю пермского вокализма: Описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // Уралистика. СПб., 2009. С. 260—295.

Норманская 2010 — *Норманская Ю. В.* Соотношение прапермской и прафинно-волжской акцентных систем // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл. Сборник статей к юбилею В. А. Виноградова. М., 2010. С. 623—639.

ОчСЯ 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М., 1980.

ОчСЯ 1993 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М., 1993.

- ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. Цинциус В. И. Т. 1—2. Л., 1975—1977.
- Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 68—79.
- Хелимский 2007 — Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского / Обраб. и изд. *Хелимский Е. А.* Hamburg, 2001. (HSFUM. 2001, 4.)
- Шешенин 2011 — *Шешенин С. Е.* О некоторых особенностях вокализма говора обских чумылькупов селькупского языка в экспериментально-фонетическом освещении // Урало-алтайские исследования. 2011, 2(5). С. 76—88.
- Alatalo 2004 — *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U. T. und Alatalo J.* / Zusammenge stellt und hrsg. von *Alatalo J.* Helsinki, 2004.
- Bereczki 1988 — *Bereczki G.* Geschichte der wolgafinnischen Sprachen // *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences.* Brill, 1988. P. 314—350.
- Csúcs 2005 — *Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.
- Denning 1998 — *Denning N.* On stress in Selkup (Ivankino Subdialect) // *Finnisch-ugrische Mitteilungen.* 21/22. Hamburg, 1997—1998. S. 35—41.
- Geisler 2005 — *Geisler M.* Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen. Wiesbaden, 2005.
- Helimski 1983 — *Helimski E.* The Language of the First Selkup Books. Szeged, 1983. (SUA. 1983, 22.)
- Helimski 2007 — Селькупские словарные материалы // <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten.html>, 2007.
- Helimski 2007a — Marginalia ad SkWb // <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten.html>, 2007
- Itkonen 1946 — *Itkonen E.* Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // *FUF.* 1946, 29. S. 222—337.
- Itkonen 1953 — *Itkonen E.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in permischen Sprachen // *FUF.* 1953, 31. S. 150—345.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (Castrenianumin toimitteita, 17.)
- Janhunen 1981 — *Janhunen J.* Uralilaisen kantakielen sanastosta // *JSFOu.* 1981, 77. S. 219—274.
- Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences.* Leiden—Brill, 1988. P. 478—554.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.
- Wichmann 1915 — *Wichmann Y.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische. Helsinki, 1915.

РЕЗЮМЕ

В статье сделано описание акцентных систем в шести селькупских диалектах на материале архива А. П. Дульзона, полевых исследований и языка первых селькупских книг. Приводится полный материал по постановке ударения в словообразовательных производных и акцентным маркировкам корней в каждом из идиомов. В статье показано, что в южных и центральных диалектах селькупского языка ударение было разноместным, фонологически значимым и парадигматическим.

SUMMARY

The article deals with the description of the accent systems of six Selkup dialects on the basis of A. P. Dulzon's archive material, field researches and the language of the first Selkup books. The full material on the accent place in derivatives and the accent markings of word roots in each of the idioms is given in the article. It is showed in the article that in the southern and central Selkup dialects the accent was phonologically significant and paradigmatic.

Ключевые слова: ударение, диалекты селькупского языка, полевые исследования, архивные материалы

Key words: word accent, stress, Selkup dialects, field researches, archive material

Противопоставительная конструкция в корейском языке: синтаксический анализ¹

1. Общие сведения о конструкции с противопоставительным отрицанием

1.1. Противопоставительное отрицание — коррекция информации о ситуации с помощью «металингвистического отрицания» (“metalinguistic negation”)

Конструкции с противопоставительным отрицанием функционально относятся к конструкциям, используемым для коррекции. Конструкции данного типа показаны в примерах (1а)—(1г), где полужирным выделены отрицаемое сочетание (в предконтексте) и корректирующее его сочетание. В (1а) и (1в) представлена конструкция с противопоставительным отрицанием, а в (1б) и (1г) — другие типы конструкций с функцией коррекции. В данных примерах А — это сочетание, которое подвергается коррекции, а В — то сочетание, которое корректирует А. Другими словами, коррекция состоит в том, что А отрицается, а вместо А утверждается В.

(1а) *Пришел не **Иван** (А), а **Петр** (В).*

(1б) *Не **Саши** (А) написал это письмо, его написал **Миша** (В).*

(1в) *Это не **стучат в дверь** (А), а **сосед забивает гвозди** (В).*

(1г) *Неужели пришел **Петр** (А)? — Нет, **Иван** (В).*

Общепринятой точкой зрения является признание металингвистического характера отрицания в конструкциях с контрастивным отрицанием. Вместо отрицания истинности некоторой пропозиции или компонента значения металингвистическое отрицание сообщает, что данное высказывание или какой-то компонент этого высказывания неуместны в данном контексте² [Kadmon 2001: 149]. У металингвистического отрицания отсутствуют многие свойства общего и частного отрицания, например, свойство сохранения пресуппозиции³ [Богуславский 1985: 65; Kadmon 2001: 8, 127—128]. Отрицаться металингвистическим отрицанием может не только ассертивный и пресуппозиционный, но и другой компонент — вплоть до способа произнесения слова [Богуславский 1985: 68; Kadmon 2001: 149]:

(1д) *I didn't [ˈmɪʔəni] to solve the problem. — I [ˈmæni]d to solve the problem (цитируется по [Kadmon 2001: 8]; пример взят из [Horn 1985: 132]).*

‘Мне не удалось решить эту проблему’. — ‘Мне удалось решить эту проблему’.

¹ Авторы благодарны участникам прошедших в 2011 г. конференций: XXV конференции AKSE и конференции «Дульзоновские чтения—XXVI», — а также участникам семинара по теоретической грамматике в Институте языкознания РАН, где были рассмотрены предыдущие версии данной статьи. Авторы также признательны Ю. Е. Галяминой, М. ден-Диккену, Н. А. Зевахиной, Ч. Ли, Е. С. Логуновой, Г. Новоселову, Б. Х. Парти, М. Рожновой, Я. Г. Тестельцу и анонимным рецензентам.

² В семантику конструкции с противопоставительным отрицанием не входит отрицание истинностного значения той пропозиции, о которой сообщалось бы в соответствующем предложении с нейтральной интонацией и порядком слов. Так, в (1а) ассерция составляет не отрицание пропозиции ‘Иван пришел’, а пропозиции ‘субъект ситуации «X пришел» — Иван’. Пресуппозиция в (1а) — ‘существует X, такой, что имеет место ситуация «X пришел»’. Таким образом, пропозиция, истинность которой отрицается, — ‘субъект ситуации «X пришел» — Иван’; эта пропозиция не совпадает с какой-либо синтаксической группой или сочетанием в примере (1а). В (1в) ассерцию составляет то, что источник стука, о котором эксплицитно не говорится, но который подразумевается как слышимый слушающему и говорящему (*Это...* = ‘этот громкий стук’), — не ситуация P₂ = ‘(X) стучит в дверь’, а P₁ = ‘сосед забивает гвозди’. Пресуппозицию составляет то, что слышен стук (*Это...*), у которого есть источник — ситуация P = ‘некоторая ситуация, сопровождающаяся громким стуком’ (например, когда кто-то стучит в дверь или забивает гвозди). Поскольку в (1в) ситуация P₂ = ‘(X) стучит в дверь’ отрицается в процессе коррекции, истинность соответствующей пропозиции также отрицается.

³ А также другие свойства непротивопоставительного контекста, в т. ч. скалярные импликатуры, сочетаемость и т. д. [Богуславский 1985: 64—68; Rooth 1992: 79—82; Lee 2010: 58—59].

Фокусирующая функция контрастивного отрицания (отрицаемый элемент — контрастный фокус) делает его похожим на фокусные частицы (подробнее см.: [Lee 2010]). Исходя из альтернативной теории «ассоциации с фокусом» (“association with focus” [Rooth 1985, 1992, 2007]), фокусируемая группа порождает ассоциированное множество альтернативных пропозиций, а конкретная интерпретация этого множества должна стать ясной из контекста (фокусирующее наречие или частица, вопрос, ответ на который содержит фокус, и т. д.) [Rooth 1992: 86—91; Kadmon 2001: 321]. Однако контрастивный фокус-коррекция не всегда поддается подобному анализу: так, в работе [Rooth 2007] он называется «анафорическим фокусом с субституцией» (“substitution anaphoric focus”). Здесь подразумевается подстановка «правильной» фокусной группы В в позицию, связанную с А (также фокусом, но выражающим ошибочный компонент; далее — «фокусом-ошибкой») через контекст, в частности, со значением замены неправильного элемента высказывания на правильный; ср. примеры (1б) и (1г).

В примере (1г) фокусируются именные группы *Петр* (А) и *Иван* (В). Фокусирование *Петр*, согласно теории «ассоциации с фокусом», порождает пресуппозицию «ассоциированного множества»: в примере (1г) это множество возможных субъектов X ситуации ‘X пришел’, а *Петр* — выделенный субъект, который входит в это множество. По принципу ассоциации, в ассоциированное множество входят любые именные группы, подсказанные контекстом, в том числе *Иван*. При употреблении фокализованной именной группы *Иван* порождается аналогичное ассоциированное множество, выделенным объектом в котором является *Иван*, а дополнительным объектом по принципу контекстной ассоциации — *Петр*. Таким образом, механизм «ассоциации с фокусом» позволяет соотнести А и В (*Петр* и *Иван* в примере (1г)), на чем и основано значение конструкции с коррекцией (см. п. 2.2.3⁴).

В соответствии с нашим синтаксическим анализом (см. п. 2.2.2), корейскую конструкцию с противопоставительным отрицанием в примерах (19а)=(12б) и (19б) следует рассматривать как грамматикализованный вариант фокусируемой части псевдо-клефта; см. (18а)—(18в). В основу семантического анализа фокуса-коррекции должен быть положен анализ фокуса в клефте или псевдо-клефте (см. анализ, предложенный в работе [Rooth 1985: 210—211]). В п. 2.2.3 мы рассмотрим этот анализ (вместе с дополнительными компонентами, вносимыми противопоставительной конструкцией) более подробно. Согласно [Steube 2001]⁵, коррекция предшествующего дискурса относится к отдельному уровню коммуникации (не повествованию или диалогу); этот уровень «перебивает» текущую коммуникацию и требует отсылки к предшествующему контексту, в котором упоминается тот элемент, который корректируется (или общие фоновые знания о мире). В нарративном дискурсе данный уровень — это «объяснительный пассаж», или «объяснительная вставка / комментарий» [Плунгян 2008: 21].

В отличие от простой коррекции фокусом в примере (2а), в конструкции с *не... а* (2б) после *не* повторяется тот элемент А (*в Саратов*) из предконтекста, который корректируется, и, следовательно, получается два фокуса: А — «фокус-ошибка» (CONTR.FOC; “echoic focus” в терминологии [Lee 2010: 63]), В — фокус-коррекция.

(2а) — *Иван, кажется, поехал [в Саратов]_{A=FOC}.*

— *Нет, он поехал [в Ростов]_{B=CONTR.FOC}.*

(2б) — *Иван, кажется, поехал [в Саратов]_{A=FOC}.*

— *Иван поехал не [в Саратов]_{A=CONTR.FOC}, а [в Ростов]_{B=FOC}.*

В примерах (2а) и (2б) «фокус-ошибка» А (*в Саратов*) может еще раз упоминаться в предконтексте или относиться к общим фоновым знаниям.

В конструкции «*не А, а В*» А и В связаны не только через контекст — их синтаксическая позиция фиксирована в самой конструкции. При сравнении примеров (3) и (4) становится ясно, что в конструк-

⁴ Согласно справедливому замечанию Н. А. Зевахиной, примеры в данном пункте демонстрируют «канонические» случаи фокуса-коррекции, когда и А, и В фокусируются. Однако можно придумать пример, когда фокусируется только В, а А («фокус-ошибка») не выделяется интонационно. Например, А может быть произнесено участником речевого акта, уверенным, что именно А — правильная альтернатива, — и поэтому не фокусирующим А. Если Мария обещала автору первой реплики в (i) поставить Ивана в известность о случившемся, то фокусирование *Мария* неуместно.

(i) — *Кажется, Мария наконец поставила Ивана в известность о случившемся.* <Мария = А>

— *Вообще-то, [Анна]_{CONTR.FOC} поставила Ивана в известность!* <Анна = В>

⁵ В работе [Богуславский 1985: 78] сферой действия при противопоставительном, или металингвистическом, употреблении *не* считается не синтаксическая группа или слово, а абстрактный «предикат актуального членения, соединяющий тему и рему».

ции «не А, а В» корректируемая группа (даже если эта группа (А) фокусируется) не может быть взята из предконтекста (А_{ПРЕДК}), если она не совпадает с А (ср. пример (4) с А_{ПРЕДК} = Гарри⁶).

- (3) — *Мэри дала газету [Эллис]_{ФОС}.*
 — *Не [Эллис]_{А=CONTR.ФОС}, а [Сюзан]_{В=ФОС}.* ⟨А_{ПРЕДК} = Эллис⟩
- (4) ## — *Мэри дала газету [Гарри]_{ФОС}.* ⟨А_{ПРЕДК} = Гарри⟩
 — *Не [Эллис]_{А=CONTR.ФОС}, а [Сюзан]_{В=ФОС}.* ⟨А = Эллис; А ≠ Гарри⟩

Следовательно, в конструкции «не А, а В» позиция А фиксирована, и А необязательно должно совпадать с некоторой фокусированной группой из предконтекста, т. е. конструкция «не А, а В» является чисто синтаксической и не зависит от предконтекста. Таким образом, конструкция с «не А, а В» выражает грамматикализацию отношений коррекции вне зависимости от предконтекста, и если в предконтексте присутствует группа А_{ПРЕДК}, то эта группа должна совпадать с той группой А, которая следует за не.

1.2. Типологический аспект: конструкции для выражения противопоставительного отрицания в языках мира

В работе [Lee 2010: 59—64] поднимается вопрос о том, какие грамматические средства могут использоваться для выражения противопоставительного отрицания. Необходимый элемент подобной конструкции — отрицание. Для противопоставительного отрицания может использоваться специальная конструкция, за которой закреплено это значение, ср. «не А, а В» в примере (1а). С другой стороны, в языке может не быть подобной конструкции, и тогда противопоставительное отрицание выражается общеотрицательной или частноотрицательной конструкцией, а также интонационно и контекстуально.

В русском и немецком языках частно-отрицательная конструкция и конструкция с противопоставительным отрицанием различаются. В работе [Feerman 2004] приводится немецкая частноотрицательная конструкция с союзом *sondern* — “*kein A, sondern B*” (5а) — с функцией коррекции (corrective) в сравнении с противительной (adversative) конструкцией “*kein A, aber B*” (5б). В русском языке этим конструкциям соответствуют конструкции (1а), (1в) «не А, а В» и (6а), (6б) «не А, но В».

Как уже говорилось выше, значение конструкции с коррекцией состоит в исправлении компонента высказывания А на правильный компонент В. В примере (1а) правильный субъект ситуации — *Петр*; в примере (5а) правильный объект обладания — *Motorrad* ‘мотоцикл’. В примерах (5б) и (6а) коррекции не происходит: сообщается о двух ситуациях А и В, которые определенным образом «противоречат» друг другу⁷. В примерах (1а), (1в) и (5а), наоборот, нет отношения «противоречия» ситуаций. В примере (6б) представлена противительная конструкция с частным отрицанием.

Что касается наличия / отсутствия отдельной конструкции для противопоставительного отрицания, то (1а), (1в) и (5а), (10а) являются специальными конструкциями в русском, немецком и корейском языках, а (7)—(9) — многофункциональными.

- (5а) *Peter hat kein Auto (A), sondern ein Motorrad (B)*
 Петр имеет NEG.ADJ машина но.CORR ART.NEUT мотоцикл
 ‘У Петра не машина, а мотоцикл’ (“*sondern-negation*”) [Feerman 2004: 308].

- (5б) *mein Vater ist nicht gesund, aber meine Mutter geht arbeiten*
 мой.MASC отец быть.PRS.3SG NEG здоров но мой.FEM мать идти.PRS.3SG работать.INF
 ‘Мой отец нездоров, но моя мать работает’ (“*aber-negation*”) [Umbach et al. 2004: 285].

- (6а) Иван не **профессиональный преподаватель**, но он уже давно **дает частные уроки**.
 (6б) Иван **одолжил мне не миллион**, но **весьма крупную сумму**.

⁶ Пример (4) выглядит как контекст с нарушенной логикой. Если исходить из конструкции «не А, а В», то А (отрицаемый элемент) — Эллис. Если же попытаться вписать конструкцию «не А, а В» в более широкий контекст, то антецедентом (А), стоящим после не, должна быть фокусная группа Гарри из предконтекста. Возникает рассогласование синтаксической и контекстной идентификации А.

⁷ Важно отметить, что «противоречие» между А и В объясняется тем, что ситуация А порождает импликацию ‘не В’ или некоторую связанную с ‘не В’ импликацию (см. работу [Урысон 2011] на материале русского языка, а также [Lee 2010]). Вторая часть конструкции «но В» / “*aber B*” отрицает эту импликацию, отсюда возникает противоречие. Например, в (6а) ситуация А ‘Иван — не профессиональный преподаватель’ порождает импликацию ‘Иван не преподает’; ситуация В ‘он уже давно дает частные уроки’ отрицает эту импликацию. В конструкции с коррекцией А не порождает подобной импликации, что связано с контрастным фокусированием А [Lee 2010].

В английском языке, в отличие от русского и немецкого, отсутствует специальная конструкция для отрицания с коррекцией — для коррекции используется противительная конструкция “not A but B”, ср. (7a), (7б); такая ситуация существует во многих языках. В (8)—(9) приведены примеры из одного кавказского языка — цахурского (см. также [Казенин 2001; Сумбатова 2009]) — и тайского языка.

(7a) *He is not a teacher but an accountant.*

‘Он не учитель, а бухгалтер’ (corrective).

(7б) *He is not a teacher but he likes to teach.*

‘Он не преподаватель, но он любит преподавать’ (adversative).

(8a) цахурский

uruʒ čoban (A) deš zurnači (B) wo=r
Орудж чабан не.быть зурнист.1 быть=1

‘Орудж не чабан, а зурнист’ (коррекция) [Калинина 1999: 445].

(8б) цахурский

t’āhir-i-k’le žanawar Ga=w=ž=ē=b wuž čī-l-e qal=r=q’in deš
Тагир-OBL-AFF волк.3 3=видеть.PFCT-COND1=CON.3 сам сам.N.OBL-SUP-EL 1=бояться.PFCT не.быть
‘Хотя Тагир увидел волка, он его не испугался’ (противительная конструкция с общим отрицанием) [Калинина, Чумакина 1999: 555].

(9a) тайский

prate:treanban khong thai majchaj Kuba tae: pen Kaoli tangha:k
друг PREP Таиланд не.есть Куба но COP Корея скорее

‘Друг Таиланда — не Куба, а Корея’ (коррекция) [Lee 2010: 61].

(9б) тайский

thua-na2 tho kin lae:w (tae: mai kin thualisong)
бобы-TOP она кушать PFCT (но не кушать арахис)

‘Она съела бобы, (но не съела арахис)’ (противительная конструкция с общим отрицанием) [Lee 2010: 52].

В корейском языке существует специальная конструкция для противопоставления-коррекции “A-ka ani-la (B)”⁸, см. (10a). Поскольку, с морфосинтаксической точки зрения, в корейском есть только общее отрицание⁹, эта конструкция является обще-, а не частноотрицательной — в отличие от русской или немецкой конструкций, которые могут быть общеотрицательными (1в) и частноотрицательными (1а). В (10б) для сравнения приведена противительная конструкция с уступительным отрицательным конвербом *ani-ciman*.

(10a) *kukes-un sakwa-ka (A) ani-la oleynci (B)-[i]-ta*
это.INANIM-TOP яблоко-NOM NEG.COP-DECL.EMB апельсин-COP-DECL
‘Это не яблоко, а апельсин’.

(10б) *thukpyelhi eti-ka aphu-n kes-un ani-ciman kiwun-i eps-ta*
конкретно где-NOM болеть-PART AUX.N-TOP NEG.COP-CONV энергия-NOM быть.NEG-DECL
‘У меня ничего конкретно не болит, но у меня слабость’.

Таким образом, мы показали, что в корейском языке имеется специальная конструкция для противопоставительного отрицания, при том, что в корейском есть только общее отрицание. Использование общеотрицательной связки для выражения противопоставительного отрицания (см. (8a) и (8б) в цахурском), видимо, встречается в языках довольно часто (ср. аналогичное ее использование, по свидетельству анонимного

⁸ Важно отметить, что форма *ani-la* практически не используется в других контекстах и конструкциях (подробнее см. п. 2.1).

⁹ Во многих языках отрицание является только предикативной категорией, и частное отрицание передается с помощью общего (приглагольного) отрицания: а) с помощью контрастивного выделения отрицаемой составляющей (в корейском языке) или б) путем оформления отрицаемой составляющей как присвяточной при отрицательной связке (в цахурском языке). Приведем здесь пример из корейского языка (здесь и далее подчеркивание используется для передачи контрастного выделения именной группы):

Mia-ka Yong-eykey ku chayk-ul cwu-ci anh-ass-ta [Chang 1996: 107]
Миа-NOM Йонг-DAT этот книга-ACC давать-CONV NEG-PST-DECL
‘Миа эту книгу Йонгу не давала’ (контекст: ‘она дала Йонгу другую книгу’).

рецензента, в удэгейском языке). Однако особая грамматикализованная форма общеотрицательной связки в функции противопоставительного отрицания, как *ani-la*, насколько нам известно, встречается редко.

В следующем разделе данной статьи представлены общая характеристика и синтаксический анализ конструкции “*A-ka ani-la B*”, основанный на результатах теоретических работ по структуре корейского предложения с фокусированием и на экспериментальных данных, а также подкрепленный нашей оценкой грамматической правильности сконструированных нами же примеров.

2. Анализ парентетической свернутой связочной конструкции “*A-ka ani-la*” в корейском языке

2.1. Общие характеристики конструкции

На связочный характер конструкции указывает морфологическое сходство *ani-la* со служебной связкой *i-ta*¹⁰, которая может стоять в отрицательной форме *ani-ta* (11a)—(11б):

- (11a) *ikes-un*_{SUBJ} [sakwa-[ka]-[i]-ta]_{PRED}
 это.INANIM-TOP_{SUBJ} [яблоко-[NOM]-[COP]-DECL]_{PRED}
 ‘Это — яблоко’.
- (11б) *ikes-un*_{SUBJ} [sakwa-ka √ani-[i]-ta / *ani-[i]-la]_{PRED}
 это.INANIM-TOP_{SUBJ} [яблоко-NOM √NEG-COP-DECL / *NEG-COP-EMB]_{PRED}
 ‘Это не яблоко (<... а апельсин)’.

В примере (10a) показана конструкция “*A-ka ani-la*”. Отрицательная связка *ani-la* практически полностью грамматикализована, хотя сохраняет некоторые глагольные свойства. На грамматикализацию указывает невозможность изменения формы *ani-la* — например, постановки *ani-la* в прошедшее время: **ani-[i]-ess-la* (*NEG-COP-PST-EMB).

Помимо выпавшей связки *-i-* (см. примеры (11a), (11б) и сноску 10) в *ani-la* вычленяется *-la* — показатель императива, который используется также вместо *-ta* (DECL) при связке (*an-i-* ‘(не) быть’). Согласно данным Е. С. Логуновой, основанным на работе [Lee, Robert 2011], в среднекорейском языке показатель *-la* всегда использовался после (*an-i-* — на месте *-ta* в современном корейском).

В современном корейском языке *-la* (DECL.EMB / EMB) используется вместо *-ta* только в ограниченном наборе контекстов в придаточном предложении — в первую очередь в формах цитации: **-i-ta-ko* COP-DECL-QUOT // *-i-la-ko* COP-DECL.EMB-QUOT [Martin 1992]. В контексте главного предложения в современном корейском языке используется показатель *-ta*, как в стандартном случае, ср. (11б)¹¹.

Рассмотрим примеры на разные типы конструкции “*A-ka ani-la*”.

- (12a) *kukes-un* sakwa-√ka / **nun* (A) *ani-la* oleynci (B)-[i]-ta
 это.INANIM-TOP яблоко-√NOM / *TOP NEG(COP)-(DECL.)EMB апельсин-[COP]-DECL
 ‘Это не яблоко, а апельсин’ = (10a).
- (12б) *moi-nun* cong soli-√ka / **nun* (A) *ani-la* kyengpo-ey (B) *wuli-tul-un*
 собираться-PART звонок звук-√NOM / *TOP NEG-EMB сигнал_тревоги-LOC мы-PL-TOP
wuntongcang-ey naka-ss-supnita
 спортплощадка-LOC выходить-PST-DECL.FORM
 ‘Не по звонку о сборе, а из-за сигнала тревоги мы вышли на спортплощадку’.
- (12в) [*pi-ka* *o-n*] kes-√i / **un* (A) *ani-la* [*hay-ka* *pichi-n* kes-i]
 [дождь-NOM идти-PART] AUX.N-√NOM / *TOP NEG-EMB [солнце-NOM светить-PART AUX.N]-NOM
na-lul *nolla-key* *ha-yss-ta*
 я-ACC удивить-ADV AUX-PST-DECL
 ‘Не то, что шел дождь, а то, что светило солнце, удивило меня’.
- (12г) [*thukpyelhi* *eti-ka* *aphu-n*] kes-√i / **un* (A) *ani-la* *kiwun-i* *eps-ta* (B)
 [особенно где-NOM болеть-PART] AUX.N-√NOM / *TOP NEG-EMB силы-NOM быть.NEG-DECL
 ‘У меня ничего конкретно не болит, а нет сил’ (квази-синонимично примеру (10б)).

¹⁰ В (11a) NOM *-ka* / *-i* и сама связка *-i-* выпадают в результате сокращения связочной конструкции и инкорпорации присвязочного имени *sakwa* в глагол-связку (это обусловлено тем, что глагол-связка *-i-* — клитика). Подробнее об этом см. [Yoon 2002].

¹¹ Исключения составляют сочетания с показателем ретроспективности / прямой эвиденциальности: **-te-ta* (-EVID / RETR-DECL) // *-te-la* (-EVID / RETR-DECL.EMB).

В данных примерах А может быть и именной группой (12а), и обстоятельственной группой (12б), и предложением (12в), (12г). Общим является маркирование А показателем именительного падежа *-i / -ka*; при этом тот показатель, который присоединился бы к А в нейтральном случае (т. е. тот же, что у В), не может стоять вместо *-i / -ka*. Так, в примере (13) видно, что, хотя с грамматической точки зрения и *chayk*, и *kongchayk* являются прямыми дополнениями, *chayk* может стоять только в именительном падеже, а *kongchayk* — только в винительном¹².

- (13) *Milani-nun* [*chayk-√i / *un* (А) *ani-la*] *kongchayk-√ul / *-i* (В) *sa-ss-ta*
 Мирани-ТОР [книга-√NOM / *ТОР NEG-EMB] тетрадь-√ACC / *NOM купить-PST-DECL
 ‘Мирани купила не книги, а тетради’.

С обязательным требованием постановки А в форму именительного падежа в конструкции “*A-ka ani-la*” связано то, что если А — предложение (12в)—(12г), то оно должно быть номинализировано: это относительное предложение со служебным именем-вершиной *kes*, которое часто функционирует как синтаксический актант. Кроме того, А и В выделяются контрастивным ударением, как и в русской конструкции типа (1а). Если А — предложение, то контрастивное ударение падает на служебную вершину *kes*.

Таким образом, основными характеристиками предложения с конструкцией “*A-ka anila*” являются следующие:

- а) общеотрицательный и предикативный характер *ani-la* [Lee 2010: 61—64]; ср. частноотрицательную конструкцию *ne... a* в русском языке (1а);
- б) именной характер связки *ani-[i]-*; А (или вершина А) стоит в именительном падеже, как и предикативное имя при *-i- / ani-[i]-*; ср. (11б) и (12а)—(12г);
- в) контрастивное ударение на А (и также на В).

2.2. Синтаксический анализ конструкции

Основными тезисами, которые мы постараемся доказать, являются следующие:

- 1) *A-ka ani-la* — предложение-вставка (парентетический оборот);
- 2) *A-ka ani-la* — грамматикализованное редуцированное предложение, в основе которого лежит связочная часть конструкции «псевдо-клефт» с отрицанием. Ср.: *Tom, kogo my ishchem — (это) не Иван*¹³ (*Who we are looking for, is not John*).

Первый тезис доказывается нами в п. 2.2.1, а второй — в п. 2.2.2. При доказательстве обоих тезисов были использованы тесты и анализ из работ, посвященных конструкции типа «псевдо-клефт» (pseudo-cleft), которая распространена в корейском языке¹⁴.

2.2.1. “*A-ka ani-la*” как парентетическое предложение

Поскольку *ani-la* является грамматикализованным вариантом общеотрицательной связки *ani-ta*, мы предполагаем, что *ani-la* — вершина предикативной группы; А также входит в эту группу, а В — дополнение глагола в основном предложении. Так, в примере (13) В — *kongchayk* (ACC) — является прямым дополнением глагола *sa-ss-ta* ‘купил’ и не входит в парентетический оборот “*A-ka ani-la*”. А — *chayk*

¹² Различное падежное маркирование А и В в примере (13) делает невозможным анализ конструкции “*A-ka ani-la*” как «сочинительной конструкции с сокращением», в которой исходно А и В — предложения S_A и S_B с эллипсисом сказуемого (см. ниже BaseStr_(1a)), а не отдельные аргументы (М. ден-Диккен, дискуссия). Подобный анализ является одним из возможных для русской конструкции типа (1а), в которой А (*Иван*) и В (*Петр*) стоят в одном и том же падеже: (1а) *Пришел не Иван* [NOM] (А), *а Петр* [NOM] (В) < (BaseStr_(1a)) «неверно S_A = ‘пришел Иван’; верно S_B = ‘пришел Петр’». Ср. русскую конструкцию *не... а* в переводе примера (13): ⟨...⟩ *не книги* [ACC] (А), *а тетради* [ACC] (В). В русской конструкции А и В присваивается один и тот же падеж (ACC).

¹³ На сходство некоторых случаев частного отрицания в русском языке с конструкцией типа «клефт» (cleft sentence) указывает [Богуславский 1985: 69—70]. Такие предложения, которые названы «конструкциями с имплицитным противопоставлением», структурно похожи на конструкцию “*A-ka ani-la*”, например: *Воспоминания — [PredP это [Pred не Q_{СОП}] [NP пожелтевшие листья]_{NOM} (А)], ⟨...⟩ не старость, не засохшие цветы и реликвии ⟨...⟩* (К. Г. Паустовский). Подробнее см. п. 2.3.

¹⁴ См. [Jhang 1994; den Dikken, Meinungen, Wilder 2000: 45; Kim 2005: 17—20; Kim, Lee 2008: 334]. Примеры конструкции типа «псевдо-клефт» для корейского языка — (18а), (18в) в п. 2.2.2. Связь конструкции «псевдо-клефт», фокусного / контрастивного отрицания кратко рассматривается в п. 2.2.3, а подробно (или с привлечением широкой выборки языков) не рассматривается.

(NOM, *ACC) — не может быть номинативным дополнением акционального переходного глагола *sa-ss-ta*¹⁵. *Chayk-i* не может быть ни дополнением, ни подлежащим глагола *sa-ss-ta*. Мы считаем, что именительный падеж «присваивается» *chayk-i* внутри парентетического оборота (связкой *ani-la* или еще каким-либо образом (см. ниже)).

Приведем другие синтаксические аргументы в пользу того, что конструкция “*A-ka ani-la*” образует отдельную (свернутую) клаузу — парентетический оборот. Важным аргументом можно считать ограничения на «слова отрицательной полярности»¹⁶ (“negative polarity items”) в конструкции “*A-ka ani-la*”. Согласно работе [Lee 2003], слова отрицательной полярности в корейском языке (типа *amwu* ‘никакой’) не могут быть дистантными, т. е. не могут стоять в придаточном предложении, глагол которого не отрицается; см. (14а)—(14б). Так, в придаточном предложении в примере (14а) причастный оборот *sa-ci anh-ul* ‘купить-CONV NEG-PART’ — отрицательная форма глагола *sa-ta* ‘купить’. В именной группе (прямом объекте *sa-ci*) в том же придаточном предложении возможно *amwu*. Если же отрицается глагол главного предложения *kitayha-ci anh-ass-ta* ‘ожидать-CONV NEG-PAST-DECL’ (14б), дополнение в придаточном предложении не может содержать *amwu* как слово отрицательной полярности¹⁷. В примере (14в) в парентетическом предложении “*A-ka ani-la*” *amwu* так же невозможно, как и в (14б), что говорит о статусе конструкции “*A-ka ani-la*” как отдельной (вложенной) клаузы.

(14а) *Sohi-nun* [*caki atul-i* √*amwu chayk-*i* / √*to sa-ci anh-ul*]
 Сохи-ТОП [свой сын-NOM никакой книга-*NOM / √DELIM купить-CONV NEG-PART]
kes-i-la sayngkakha-yss-ta
 вещь-COP-DECL.EMB считать-PST-DECL
 ‘Сохи считала, что ее сын не купит **ни одной книги**’ (т. е. она ожидала, что ее сын не купит книг).

(14б) *Sohi-nun* [*caki atul-i *amwu chayk-*i* / √*to sa-l*]
 Сохи-ТОП [свой сын-NOM никакой книга-*NOM / √DELIM купить-PART]
kes-i-la kitayha-ci anh-ass-ta
 вещь-COP-DECL.EMB ожидать-CONV NEG-PST-DECL
 ‘Сохи не считала, что ее сын купит (букв.) **какую-нибудь** (хоть одну) **книгу**’ (т. е., она ожидала, что сын не купит книг; синонимично (14а)).

(14в) **Sohi-nun* [[*amwu chayk-i / to*] (A) *ani-la*]
 Сохи-ТОП [[никакой книга-NOM / DELIM] NEG-EMB]
 [*amwu kongchayk-to*] (B) *sa-ci anh-ass-ta*
 [никакой тетрадь-DELIM] купить-CONV NEG-PST-DECL
 подр. ‘Что Сохи не купила — это ни одной тетради, а не ни одной книги’ (т. е. книги она купила, а тетради — нет) [Kim 2005: 18].

Рассмотрим возможные позиции конструкции “*A-ka ani-la*” в предложении. Примеры (15а)—(15г) показывают, что начальная позиция, позиция после топика и конечная позиция возможны (15а)—(15в), а позиция после номинативного подлежащего — нет (15г). В терминах грамматики непосредственных составляющих, эти данные свидетельствуют в пользу того, что свернутая клауза — адьюнкт к IP / CP / TopP¹⁸ (т. е. группа, относящаяся ко всему предложению, а не к какой-либо составляющей внутри предложения, например, к глагольной группе). Если бы оборот “*A-ka ani-la*” присоединялся к глагольной группе, его позиция после подлежащего в (15г) была бы возможна.

¹⁵ В корейском языке при глаголах, которые выражают состояние и допускают дативный субъект, объект может стоять в номинативе. С другой стороны, *nwuna-ka* в примере (i) можно рассматривать и как подлежащее конструкции с эргативным глаголом *mwusep-ta* ‘быть страшным’ (подробнее см. [Рудницкая 2005], где проанализированы подобные конструкции).

(i) [*na-eykey nwuna-ka mwusep-ta-ko*] *Mia-eykey malhay-ss-ta*
 [я-DAT старшая_сестра-NOM бояться-DECL-QUOT] Миа-DAT говорить-PST-DECL
 ‘(Я) сказала Миа, что боюсь старшей сестры’ (или ‘(...) что сестра страшна мне’).

¹⁶ Термин Е. В. Падучевой.

¹⁷ В работе [Lee 2003] отмечаются некоторые исключения; они есть и в русском языке: *Я не хочу [никого звать]*.

¹⁸ IP (Inflection Phrase) — это «группа флексии», которая образует финитное предложение или (дее)причастный / инфинитивный оборот. CP (Complementizer Phrase) — это «группа союза», или придаточное предложение, вершиной которого является союз. TopP (Topic Phrase) — это такое предложение, в котором эксплицитно выделяется топик («тема», «начало»). В корейском языке легко выделить топик — благодаря специальной частице *-(n)un*, маркирующей топик.

- (15a) $\sqrt{\text{Sohi-ka ani-la onul(-un) ama Hakswu-ka}}$
 Сохи-NOM NEG-EMB сегодня(-TOP) возможно Хаксу-NOM
ton-ul ilh-ess-ul kes-i-ta
 деньги-ACC потерять-PST-PART AUX.N-COP-DECL
 ‘Не Сохи сегодня, Хаксу, возможно, потерял деньги’.
- (15б) $\sqrt{\text{Ama onul-un Sohi-ka ani-la Hakswu-ka ton-ul ilh-ess-ul kes-i-ta}}$
 ‘Сегодня, возможно, не Сохи, (а) Хаксу потерял деньги’.
- (15в) $\sqrt{\text{Ama onul-un Hakswu-ka ton-ul ilh-ess-ul kes-i-ta, Sohi-ka ani-la}}$
 ‘Сегодня, возможно, Хаксу потерял деньги, не Сохи’.
- (15г) $^* \text{Onul-un ama Hakswu-ka Sohi-ka ani-la ton-ul ilh-ess-ul kes-i-ta}$
 подр. ‘Сегодня, возможно, Хаксу, не Сохи, потерял деньги’.

A-ka и *ani-la* должны находиться рядом; между ними не могут стоять слова из главного предложения. Так, предложения (16а) и (16б), в которых *Sohi-ka* передвигается в начало или конец предложения, грамматически неправильны. Также нельзя вставить в конструкцию “*A-ka ani-la*” наречие типа *ama* ‘возможно’ (16в) или заменить (А)-*i* / *-ka* на (А)-*mace* / (А)-*cocha* ‘даже (не) А’ (16г). Все эти тесты говорят о грамматикализованном характере парентетического оборота “*A-ka ani-la*” (см. также: [Vries 2009: sec. 4.2]).

- (16а) $^* \text{Ama Sohi-ka}_1 \text{ onul-un } [t_1 \text{ ani-la}] \text{ Hakswu-ka ton-ul ilh-ess-ul kes-i-ta}$
 *‘Возможно, Сохи₁, сегодня, Хаксу, [не t_1], потеряет деньги’ (ср. (15а)).
- (16б) $^* \text{Ama onul-un } [t_1 \text{ ani-la}] \text{ Hakswu-ka ton-ul ilh-ess-ul Sohi-ka}_1$
 *‘Сегодня Хаксу, [не t_1], потеряет деньги Сохи₁’ (ср. (15а)).
- (16в) $^? \text{Sohi-ka ama ani-la onul(-un) Hakswu-ka ton-ul ilh-ess-ul kes-i-ta}$
 Сохи-NOM возможно NEG-EMB сегодня(-TOP) Хаксу-NOM деньги-ACC потерять-PART AUX.N-COP-DECL
 ‘Не Сохи, возможно, сегодня Хаксу потеряет деньги’¹⁹ (ср. (15а)).
- (16г) $^* \text{Sohi-mace / cocha ani-la onul(-un) ama}$
 Сохи-DELIM NEG-EMB сегодня(-TOP) возможно
Hakswu-ka ton-ul ilh-ul kes-i-ta
 Хаксу-NOM деньги-ACC потерять-PART AUX.N-DECL
 ‘Даже не Сохи, сегодня Хаксу, возможно, потеряет деньги’ (ср. (15а)).

В примерах (17а)—(17в) показано, что в конструкциях, допускающих синтаксический подъем, только В, но не А, может подвергаться подъему (хотя и А, и В стоят в именительном падеже), что говорит о подчиненном характере свернутой клаузы “*A-ka ani-la*”. Подъем именной группы является локальным передвижением, поэтому невозможным оказывается подъем номинативной именной группы А из парентетического оборота — клаузы, вставленной в придаточное предложение. *Sohi* (А) в примере (17в) стоит непосредственно после топика главного предложения (*na-nun* ‘я-TOP’), однако подъем *Sohi* с *Sohi-lul* ‘Сохи-ACC’ невозможен. Если *Hakswu* (В) в примере (17б) отделено от *na-nun* клаузой [*Sohi-ka ani-la*], подъем *Hakswu* (*Hakswu-lul* ‘Хаксу-ACC’) оказывается возможен, хотя такая конструкция представляется не очень употребительной.

- (17а) *na-nun* [[*Sohi-ka* (А) *ani-la*] [*Hakswu-ka* (В) *tali-ka aphu-ta*]]-*ko sayngkakha-yss-ta*
 я-TOP [[Сохи-NOM NEG-EMB] [Хаксу-NOM нога-NOM болеть-DECL]]-QUOT считать-PST-DECL
 ‘Я считал, что у Хаксу, (а) не у Сохи, болит нога’.
- (17б) $^{??} \text{Na-nun } [\text{Sohi-ka ani-la}]_3 \text{ Hakswu-lul}_2 [t_2 t_3 \text{ tali-ka aphu-ta}]-\text{ko sayngkakha-yss-ta}$
 (17в) $^* \text{Na-nun Sohi-lul}_1 [[t_1 \text{ ani-la}] \text{ Hakswu-ka tali-ka aphu-ta}]-\text{ko sayngkakha-yss-ta}$

Наконец, в работе [Vries 2009] по различным синтаксическим критериям парентетический оборот признается одним из подвидов сочинения — квази-сочинением (quasi-coordination / “specifying coordination”). Другими примерами квази-сочинения являются противительные, сравнительные конструкции и т. д. Исходя из этой концепции (которой мы не придерживаемся, см. п. 2.3), оборот “*A-ka ani-la*” должен, как было показано выше, рассматриваться как отдельная клауза, квази-сочиненная с главной²⁰.

¹⁹ Предложение (16в) маргинально возможно в разговорной речи.

²⁰ В докладе [Тестелец 2011] паратаксис не считается квази-сочинением. В докладе показано, что сочинительные конструкции с паратаксисом по некоторым важным синтаксическим свойствам не идентичны конструкциям с союзным сочинением.

Таким образом, конструкция “*A-ka ani-la*”, вершиной которой оказывается отрицательная связка *ani-la*, — это предикативная составляющая, являющаяся достаточно сильно грамматикализованной предикативной группой. В предложении “*A-ka ani-la*” имеет статус парентетического оборота.

2.2.2. “*A-ka ani-la*” как предикативная часть конструкции «псевдо-клефт» (pseudocleft)

В настоящем разделе мы приводим материал, который, с нашей точки зрения, демонстрирует сходство “*A-ka ani-la* (B)” с присвяточной частью конструкции «псевдо-клефт». Тесты, которые могут выявить это сходство, взяты из работ [Jhang 1994; den Dikken, Meinungen, Wilder 2000: 45; Yoon 2002; Kim 2005: 17—20; Kim, Lee 2008: 334]. Рассмотрим примеры на конструкцию типа «псевдо-клефт» в корейском языке:

(18a) [*nay-ka ilk-ko siph-un kes-un*] [*chayk-i-ta*]
[я-NOM читать-CONV хотеть-PART AUX.N-TOP] [книга-COP-DECL]
‘Что я хочу читать — (это) книги’.

(18б) [_{SUBJ-TOP} *nay-ka ilk-ko siph-un kes-un*] [_{PRED-FOC} *chayk-i-ta*]

(18в) [_{SUBJ-TOP} *nay-ka ilk-ko siph-un kes-un*] [_{PRED-FOC} *chayk-i ani-ta*]
[я-NOM читать-CONV хотеть-PART AUX.N-TOP] [книга-NOM NEG.COP-DECL]
‘Что я хочу читать — (это) не книги’.

В данной конструкции в корейском языке (как и в русском переводе), согласно анализу, проведенному в указанных выше работах, четко выделяется логический субъект (топик) и логический предикат (фокус), см. пример (18б). Логический субъект псевдо-клефта — это сентенциальный субъект (вставленное предложение); в примерах (18а) и (18б) — это причастный оборот со служебной вершиной *kes* ‘вещь’. Логический предикат — именная связка-клитика *-i-* и ее дополнение (или присвяточное имя) *chayk*. В примере (18а) логический предикат составляет одно слово, что является результатом инкорпорации (см. сноску 10 в п. 2.1), и, следовательно, показатель именительного падежа *-i* в слове *chayk* выпадает. В (18в) вершина логического предиката — отрицательная связка *ani-*, которая не является клитикой; следовательно, показатель именительного падежа *-i* в слове *chayk* не выпадает, ср. пример (11б) в п. 2.1.

Мы не стремимся доказать полный структурный параллелизм конструкции “*A-ka ani-la*” и конструкции «псевдо-клефт». В этом случае в «глубинной» форме предложения (19а)= (12б) нужно было бы вставить отсутствующую / эллиптированную в конструкции “*A-ka ani-la*” релятивную клаузу (относительное предложение) со служебным вершинным именем *kes* AUX.N; см. «полную» форму парентетического предложения “*A-ka ani-la*” в примере (19б)²¹. *A-ka* в (19а)—(19б) — присвяточное имя и фокус контраста, как *chayk-i-ta* в (18б); относительное предложение-топик со служебной вершиной *kes* AUX.N стирается / эллиптируется (см. сноску 12 в п. 2.1).

(19a) [*moi-nun cong soli-ka*] (A) *ani-[i]-la* [*kyengpo-ey*] (B) *wuli-tul-un*
[собираться-PART звонок звук-NOM] NEG-[COP]-EMB [сигнал_тревоги-LOC] мы-PL-TOP
wuntongcang-ey naka-ss-supnita
спортплощадка-LOC выходить-PST-DECL.FORM
‘Не по звонку о сборе, а из-за сигнала тревоги мы вышли на спортплощадку’.

(19б) [_{SUBJ-TOP} *wuli-tul-i wuntongcang-ey naka-n kes-un*] [_{PRED-FOC} *moi-nun cong soli-ka ani-la*]
‘Из-за чего мы вышли на спортплощадку — (это) не из-за звонка о сборе’.

Однако, поскольку “*A-ka ani-la*” — застывшая форма предикативной связки, а относительное предложение [_{SUBJ-TOP} *wuli-tul-i wuntongcang-ey naka-n kes-un*] всегда «стирается» (т. е. эту клаузу нельзя вставить в предложение с конструкцией “*A-ka ani-la*”), то для эллипсиса этого предложения недостаточно оснований. «Глубинная» форма “*A-ka ani-la*”, таким образом, не включает составляющую SUBJ-TOP; “*A-ka ani-la*” — это не CP, а более свернутая предикативная составляющая PRED-FOC (PredP).

Приведем аргументы в пользу сходства “*A-ka ani-la*” с предикативной частью конструкции типа «псевдо-клефт». Во-первых, “*A-ka ani-la*” — конструкция с именной связкой *-i-* / *ani-*, а не со вспомога-

²¹ Пример (19б) не является грамматически правильным предложением, а только реконструируемой частью оборота “*A-ka ani-la*” из (19а). Пример (19б), как изолированное предложение, грамматически неправилен, а его правильным аналогом является (i).

(i) [*Wuli-tul-i wuntongcang-ey naka-n kes-un*] *moi-nun cong soli-ttaymwun-i ani-ta*.
звук-причина-NOM NEG.COP-DECL

тельным глаголом типа *toy-ta* ‘становиться’, см. (20а)²²; в конструкции «псевдо-клефт» (18а-б) также используется именная связка *-i-*. Во-вторых, именительный падеж — один из возможных в связочной конструкции (20а) и единственно возможный при фокусировании присвязочного имени, которое происходит в конструкции «псевдо-клефт»; ср. (12а). Обязательность именительного падежа на *-i / -ka* на фокусируемом имени в конструкции “*A-ka ani-la*” является аргументом в пользу схожести связочной фокусируемой группы в конструкции «псевдо-клефт» и “*A-ka ani-la*”.

Присвязочный член *A-ka* в конструкции «псевдоклефт» должен быть именным и не может быть ни причастием (20б) (кроме утратившего свою основную функцию показателя причастия *-(nu)n* в *anh-ass-ta-nun kes-i-ta* в одном из вариантов (20в)), ни конвербом / деепричастием *anh-a-ka* (20в).

(20а) *sensayng-i toy-ess-ta*

учитель-NOM становится-PST-DECL

‘(Он) стал учителем’.

(20б) [*Hakswu-hanthey iss-nun*] *kes-un *chakha-n-i / √chakha-m-i* *ani-[i]-ta*

[Хаксу-DAT.POST бытье-PART.PRS] AUX.N-TOP добрый-PART-NOM / добрый-NMLZ-NOM NEG-[COP]-DECL

‘Что у Хаксу есть — это не доброта’ (букв. #‘Какой Хаксу есть — это не добрый’).

(20в) [*Maliya-hanthey poi-n*] *kes-un (kunye-ka) phikonhay-ha-ci*

[Мария-DAT.POST видеть.PASS-PART] AUX.N-TOP она-NOM усталый.CONV-AUX-CONV

[**anh-a-ka ani-[i]-ess-ta*] / [*√anh-ass-ta-nun kes-i-ta*]

NEG-CONV-NOM NEG-[COP]-PST-DECL / NEG-PST-DECL-AUX.PART.PRS AUX.N-COP-DECL

‘Как Мария выглядит — это так, как если бы она не устала’ (букв. #‘Какой Мария выглядит — это не усталой’).

Фокус — именная присвязочная конструкция с существительным в именительном падеже в примерах на псевдо-клефт (20б) и (20в) — проявляет сходные с конструкцией “*A-ka ani-la*” признаки: именной характер связочного глагола (см. сноску 22) и невозможность глагольной, а не именной формы при этом глаголе.

Сходство конструкции “*A-ka ani-la*” с предикативной частью конструкции типа «псевдо-клефт» также видно при сравнении этих двух конструкций с нефокусной релятивизацией (22а), (22б) и (23а), (23б). Во-первых, и в конструкции “*A-ka ani-la*” (21), и в конструкции типа «псевдо-клефт» (22а) возможно «двойное падежное маркирование» (case-effects) — добавление показателя косвенного падежа перед показателем именительного²³. В релятивной конструкции с лексической вершиной *cangso / kos* ‘место’ (22б), а не служебной вершиной *kes*, на которой основана конструкция «псевдо-клефт», показатель косвенного падежа *-euse* (LOC.STAT) перед связкой *-i-* невозможен.

(21) *onul-un [saykyenphil-lo-*(ka)] (A) ani-[i]-la*

сегодня-TOP [цветные_карандаши-INSTR-NOM] NEG-[COP]-DECL.EMB

[*swuchayhwakwu-lo*] (B) *kulim-ul kuli-ess-ta*

[акварель-INSTR] картина-ACC рисовать-PST-DECL

‘Сегодня (он) нарисовал картину не цветными карандашами, а акварелью’²⁴.

(22а) [*wuli-ka cheumulo manna-n*] *kes-un i √tapang-EYSE-i-ess-ta / ?tapang-i-ess-ta*

[мы-NOM первый_раз встретиться-PART] AUX.N-TOP этот кафе-LOC.STAT-COP-PST-DECL / кафе-COP-PST-DECL

‘Где мы встретились в первый раз — (это) в этом кафе’ (конструкция «псевдо-клефт»; *kes* — вершина относительного предложения) [Jhang 1994: 76].

(22б) [*wuli-ka cheumulo manna-n*] *cangso-nun / kos-un*

[мы-NOM первый_раз встретиться-PART] место-TOP / место-TOP

*i *tapang-EYSE-i-ess-ta / √tapang-i-ess-ta*

этот кафе-LOC.STAT-COP-PST-DECL / кафе-COP-PST-DECL

‘Место, в котором мы встретились в первый раз — (это) это кафе’ (относительное предложение с лексической вершиной *cangso / kos* ‘место’) [Jhang 1994: 76].

²² В кавказских языках для фокусирования имени используется не именная связка, а вспомогательный глагол: см. пример (8а) в п. 1.2, а также [Казенин 2001; Сумбатова 2009].

²³ В примере (22а) мы не видим показателя *-i / -ka* (NOM) после показателя *-euse* (LOC.STAT) из-за того, что в отличие от *ani-[i]-* ‘NEG-[быть]’, связка *-i-* ‘быть’ в своем неотрицательном варианте является клиткой, вследствие чего происходит инкорпорация в эту глагольную связку присвязочного имени и выпадение показателя NOM, а также часто — выпадение самой связки *-i-*; см. п. 2.1, пример (11а) и сноску 10.

²⁴ Заметим, что в этом примере *saykyenphil-i* ‘цветные_карандаши-NOM’ также возможно и звучит даже лучше, чем *saykyenphil-lo-ka*. Однако этот факт сам по себе не нарушает логики наших рассуждений.

Аналогично, в конструкции “*A-ka ani-la*” в (23в), как и в конструкции «псевдо-клефт» (23а) [Jhang 1994], по сравнению с обычной релятивной конструкцией с нефокусной релятивизацией и лексической вершиной (23б), предикативное существительное / присвязочное имя в качестве вершины относительно предложения на *kes* в (23а) грамматически более приемлемо. Хотя мы видим колебания в степени грамматичности и в примере (23а), и в русском переводе примера (23б), все же можно говорить о большей степени грамматичности (23а) и (23в), чем (23б).

(23а) [?][*ku-ka kyelkwuk toy-n kes-un cangkwan-i-ess-ta*
[он-NOM в_конце_концов статья-PART] AUX.N-TOP генерал-COP-PST-DECL
‘Кем он в конце концов стал — (это) генералом’ [Jhang 1994: 69].

(23б) [**ku-ka kyelkwuk e toy-n cangkwan*
[он-NOM в_конце_концов статья-PART] генерал
*^{??}‘Генерал, которым он в конце концов стал’ [Jhang 1994: 69].

(23в) *ku-nun kyelkwuk [taylyeng-i ani-[i]-la] cangkwan-i toy-ess-ta*
он-TOP в_конце_концов [полковник-NOM NEG-[COP]-DECL.EMB] генерал-NOM статья-PST-DECL
‘Он в конце концов стал не полковником, а генералом’ (пример с изменениями из [Jhang 1994: 69]).

В данном разделе было показано, что конструкция “*A-ka ani-la*” синтаксически сходна с предикативной частью конструкции «псевдо-клефт» с фокусированным присвязочным именем.

2.2.3. Семантический анализ конструкции “*A-ka ani-la*”

В заключение рассмотрим семантический анализ конструкции, сделанный по аналогии с анализом фокуса в конструкции типа «клефт», предлагаемым в [Rooth 1985]. Сначала рассмотрим анализ английского предложения с конструкцией типа «клефт» (24а), предложенный в [Rooth 1985: 210—211]²⁵.

(24а) [PRED-FOC *It is JOHN*] [SUBJ-TOP *that Mary hate*]
‘Это **Ивана** Мария ненавидит’.

(24б) assertion: $\lambda x_2 \text{ hate}' (Mary, x_2) (\text{John})$ [строка 1]
presupposition²⁶: $\exists x [\lambda x_2 \text{ hate}' (Mary, x_2)] (x)$ [строка 2]

Иными словами, ассерцию (assertion) примера (24а) в строке 1 в (24б) можно сформулировать как ‘тот, кого Мария ненавидит (x_2) — Иван’, а presupposition (presupposition) в строке 2 — как ‘существует некто (x / x_2), такой, что Мария его ненавидит’. Если применить аналогичный анализ к примерам с контрастивным отрицанием, например, к отрезку [*moi-nun cong soli-ka*] (A) *ani-la* из (25а)=(19а)=(12б), учитывая, что, согласно (25б)=(19б), в этом отрезке есть (не синтаксический, а смысловой — как результат грамматикализации) эллипсис [*wuli-tul-i wuntongcang-ey naka-n kes-un*], подходящим анализом будет (25в).

(25а) [[*moi-nun cong soli-ka*] (P₂ = A) *ani-[i]-la*] PRED-FOC
[[собраться-PART звонок звук-NOM] (P₂ = A) NEG-[COP]-EMB]
[*kyengpo-ey*] (B) [*wuli-tul-un wuntongcang-ey naka-ss-supnita*] (Q)
[сигнал_тревоги-LOC] (B) [мы-PL-TOP спортплощадка-LOC выходить-PST-DECL.FORM]
‘Не по звонку о сборе, а из-за сигнала тревоги мы вышли на спортплощадку’.

(25б) [SUBJ-TOP *wuli-tul-i wuntongcang-ey naka-n kes-un*] [PRED-FOC *moi-nun cong soli-ka ani-la*]
‘(Из-за чего мы вышли на спортплощадку) — (это) не из-за звонка о сборе’.

(25в) assertion: $\lambda P_2 \text{ причина}' (\sim P_2, Q) (A)$ [строка 1]
presupposition: $\exists P [\lambda P_2, \lambda Q \text{ причина}' (P_2, Q)] (P)$ [строка 2]

В (25в) мы имеем дело с двумя ситуациями, одна из которых — P₂, *moi-nun cong soli-ka* ‘звонок о сборе’ в (25а), — является одной из возможных причин другой — Q, *wuli-tul-i wuntongcang-ey naka-ss-*

²⁵ Используя в (24б) и первой строке (25в) нотацию x_2 вместо x , мы следуем нотации [Rooth 1985]. Во второй строке (24б) x подставляется на место x_2 , и в результате использование x , и x_2 вместо одной переменной x не меняет интерпретации данной формулы. Обозначение предикатов («*hate*») вместо «*hate*» и «причина» вместо «причина») тоже следует [Rooth 1985].

²⁶ В работе [Rooth 1985] термин “presupposition” (presupposition) употребляется синонимично термину “conventional implicature” (конвенциональная импликатура) — вслед за работой [Karttunen, Peters 1979].

supnita ‘мы вышли на спортплощадку’ в (25a). Опять же, строку 1 (ассерцию) можно сформулировать как ‘причина того, что Q, — не P₂ (и, таким образом, не A)’, а строку 2 (пресуппозицию) — как ‘существует причина (P / P₂) того, что Q’.

Остается проблема: каким образом В (*kyengpo-eu* ‘сигнал_тревоги-LOC’) интерпретируется как правильная причина Q? По нашему мнению, здесь в корейской конструкции приходится использовать контекстную связь между В и P / P₂ = A (в контексте конструкции “A-ka ani-la”), учитывая фокусирование и А, и В (см. об «анафорическом фокусе с субституцией» (“substitution anaphoric focus”) в [Rooth 2007]). В русской конструкции типа (1a) не А, а В можно говорить о том, что связь между А и В предусмотрена семантикой конструкции не... а.

Таким образом, нами было показано следующее:

— 1) «отрицательно-связочная» группа “A-ka ani-la” является предикативной группой, которая образует застывший парентетический оборот с полным отпадением (а не синтаксическим эллипсисом) относительного предложения с *kes*-релятивизацией (ср. рус. *говоря по правде, судя по его виду*);

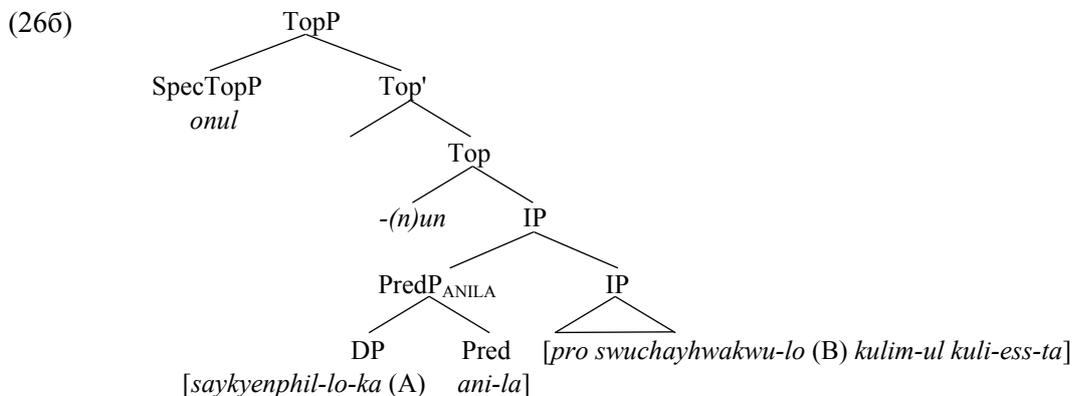
— 2) эта группа имеет некоторые морфосинтаксические свойства, сходные с фокусной предикативной частью конструкции с выделением типа «псевдо-клефт»;

— 3) также был предложен семантический анализ конструкции с “A-ka ani-la”, основанный на анализе конструкций типа «клефт» и «анафорического фокуса с субституцией» [Rooth 1985, 2007].

2.3. Древесная структура для -ka ani-la

Исходя из тех синтаксических свойств конструкции “A-ka ani-la”, которые обсуждались в пп. 2.1 и 2.2, построим древесную структуру этой конструкции (26б)²⁷ для примера (26a)=(21).

(26a) *onul-un* [saykyenphil-lo-*(ka)] (A) *ani-[i]-la*
 сегодня-TOP [цветные_карандаши-INSTR-NOM] NEG-[COP]-DECL.EMB
 [swuchayhwakwu-lo] (B) *kulim-ul* *kuli-ess-ta*
 [акварель-INSTR] картина-ACC рисовать-PST-DECL
 ‘Сегодня (он) нарисовал картину не цветными карандашами, а акварелью’.



Парентетический оборот PredP, который соответствует “A-ka ani-la” (в примере (26a) — *saykyenphil-lo-ka ani-la*), является адьюнктом узла IP (или S), соответствующего главному предложению. Такая структура обусловлена относительно свободной позицией “A-ka ani-la” в главном предложении IP; см. (15a)—(15в) в п. 2.2.1. Мы используем стандартный адьюнктный способ присоединения для парентетического оборота, исходя из классического определения адьюнкта «от противного»: «**адьюнк**т — это составляющая, не являющаяся аргументом». В (26б) PredP, таким образом, является адьюнктом и состоит из вершины Pred (грамматикализованный предикат-связка *ani-la*) и DP-комплемента²⁸ (присвязочное имя *saykyenphil-lo-ka* ‘цветные_карандаши-INSTR-NOM’).

²⁷ Мы придерживаемся общепринятого среди корейстов мнения (например, [Yoon 2002]), что в структуру предложения в корейском языке входит группа TopP, вершина которой (Top) — показатель *-(n)un*, который маркирует топик.

²⁸ Важно отметить, что комплемент вершины в дереве зависимостей необязательно является дополнением или вообще аргументом. Комплемент определяется как «сестра» вершины в дереве непосредственных составляющих [Тестелец 2001: 119]. Таким образом, DP *saykyenphil-lo-ka* (A) — это комплемент Pred *ani-la*, но не дополнение и не аргумент (в стандартном понимании этих терминов).

Именительный падеж присваивается *saykyenphil-lo-ka* или вершиной Pred (*ani-la*), которая в данной конструкции обладает признаком [+ NOM], или как «падеж по умолчанию» при NP-контрастном фокусе²⁹. Присваивание *saykyenphil-lo-ka* инструментального / творительного падежа (лексического, а не структурного) представляет проблему. По теории падежа в генеративной грамматике, лексический падеж может присваиваться только аргументу глаголом в локальной конфигурации: этот аргумент должен быть комплементом, адьюнктом или спецификатором глагола, присваивающего ему падеж.

Как мы уже отметили при обсуждении (25б) и (26б), PredP “A-ka ani-la” — это грамматикализованный парентетический оборот, а не полное предложение типа CP / IP с «обширным» эллипсисом. В этом случае приходится предполагать, что инструментальный падеж присваивается *saykyenphil-lo-ka* ‘цветные_карандаши-INSTR-NOM’ по принципу «дистантного согласования по семантической роли» с аргументом глагола *kuli-ess-ta* ‘рисовать-PST-DECL’ — *swuchayhwakwu-lo* ‘акварель-INSTR’. Такого принципа в рамках генеративной грамматики нет, так что случаи с «двойным падежом» типа *saykyenphil-lo-ka*, скорее, являются аргументом в пользу анализа с «обширным» эллипсисом, а не нашего анализа (26б), в синтаксической структуре которого отсутствует еще один глагол *kuli-ess-ta* ‘рисовать-PST-DECL’, который мог бы локальным образом присвоить инструментальный падеж *saykyenphil-lo-ka*³⁰.

В целом, плюсами структуры (26б) являются следующие:

- 1) эта структура правильно отражает порядок слов в примере (26а);
- 2) она учитывает морфологическую структуру NP / DP = A и *ani-la*; в частности, как показано в работе [Yoon 2004], у DP — контрастного фокуса — возможно двойное падежное маркирование (косвенный падеж + именительный: *saykyenphil-lo-ka* в (26а), см. сноску 30);
- 3) структура (26б) учитывает разное падежное маркирование A и B, проиллюстрированное в примере (13): в (13) у A — NOM, а у B — ACC; в (26а) у A — INSTR-NOM, а у B — INSTR.

Несмотря на проблему с «двойными падежами» типа *saykyenphil-lo-ka* ‘цветные_карандаши-INSTR-NOM’ в (26а), имеются дополнительные языковые данные в пользу анализа (26б) и против анализа с «обширным» эллипсисом (сноска 12 в п. 2.1). В частности, в случае эллипсиса составляющая $[\text{SUBJ-TOP } \textit{wuli-tul-i wuntongcang-ey naka-n kes-un}]$ в (25б) порождается в базовой структуре, а потом стирается при переходе к поверхностной структуре. Так, при анализе с эллипсисом в результирующей конструкции должны соблюдаться т. н. «эффекты связности» (“connectivity effects” [den Dikken, Meinungen, Wilder 2000; Kim 2005])³¹. Пример (27) демонстрирует, что «эффекты связности» соблюдаются в конструкции с “A-ka ani-la” для сложных рефлексивов³².

- (27) [*sensayng-nim-i₁ huisayngsikhi-n kes-un*]
 [учитель-NON-NOM жертвовать-PART AUX.N-TOP]
 [*caki-casin-i₁*] (A) *ani-[i]-la* [*kyocang*] (B)-i-ta
 [себя-сам-NOM]₁ (A) NEG-[COP]-DECL.EMB [директор] (B)-COP-DECL
 ‘Чем учитель₁ пожертвовал — это не [самим собой]₁, а директором’.

²⁹ Многие корейские авторы считают именительный падеж в корейском языке «падежом по умолчанию» (“default”), т. е. падежом, присваивающимся (при определенных контекстных условиях) такой именной группе, которой в данной конструкции не может быть присвоен винительный (хотя могут быть присвоены косвенные падежи) [Jang, Kim 2001; Yoon 2004].

³⁰ Сам по себе феномен «двойного падежа» не является чем-то необычным для корейского языка [Yoon 2004, 2007], однако DP «с двумя падежами» обычно стоит не в базовой / исходной позиции. Такая DP, которой в базовой позиции присваивается лексический падеж, передвигается в другую позицию, в которой этой DP присваивается NOM / ACC.

³¹ «Эффекты связности» — это интерпретация рефлексивов, анафорических местоимений и элементов отрицательной полярности в какой-либо сложной (включающей более одной сентенциальной структуры, или клаузы) конструкции. Для конструкции типа «псевдо-клефт» имеется в виду то, что те зависимости, которые соблюдаются в пределах одного простого предложения, должны также соблюдаться в двух частях конструкции «псевдо-клефт» (субъект и предикат), хотя субъект и предикат в этом случае являются разными клаузами. Например, рефлексив должен быть кореферентным к-командующему этим рефлексивом антецеденту, даже если антецедент и рефлексив находятся один в клаузе-субъекте, а другой — в клаузе-предикате, то есть в разных клаузах.

³² В примере (27) сложный рефлексив [*caki-casin-i₁*] ‘себя-сам-NOM’ ‘самого себя’, обладающий свойством локальности, находится в сфере к-командования подлежащего квази-релятивного оборота — [*sensayng-nim-i₁*] ‘учитель-NON-NOM’. Хотя *sensayng-nim-i₁* входит в относительное придаточное (топик), а *caki-casin-i₁* — в фокусную предикативную группу (парентетический оборот, образующий отдельную клаузу), *sensayng-nim-i₁* «связывает» *caki-casin-i₁* так, как если бы эти две DP входили в одну клаузу.

Как указано в работе [Kim 2005: 22], «эффекты связности» наблюдаются в корейской конструкции «псевдо-клефт» только в отношении рефлексивов, но не элементов отрицательной полярности (типа *ни один, никакой*), ср. (28a)³³. «Эффект связности» с элементами отрицательной полярности, однако, наблюдается в вопросно-ответных парах (28б), в которых, согласно работе [Merchant 2004], есть синтаксический эллипсис.

(28a) **Sohi-ka sa-ci ani ha-n kes-un*
 Сохи-NOM купить-CONV NEG делать-PART AUX.N-TOP
amwu chayk-to i-ess-ta
 никакой книга-DELIM быть-PST-DECL
 ?*‘Что Сохи не купила — это **никакие** книги’ [Kim 2005: 18].

(28б) A: *Sohi-ka mwues-ul an sa-ss-ni?*
 Сохи-NOM что-ACC NEG купить-PST-DECL
 B: √*Amwu chayk-to [an—sa-ss-ta]*
 никакой книга-DELIM [NEG купить-PST-DECL]
 ‘A: Чего не купила Сохи?
 B: (Она) [не купила] **никаких книг**’ (эллипсис).

В конструкции “*A-ka ani-la*”, как и в конструкции «псевдо-клефт», «эффект связности» есть только у рефлексивов, но не у элементов отрицательной полярности; ср. (27) и (29б). С точки зрения нашего анализа конструкции “*A-ka ani-la*” в (26б), отсутствие «эффекта связности» с элементами отрицательной полярности свидетельствует в пользу того, что PredP в (26б) — грамматикализованный парентетический оборот, а не полноценное предложение (TopP / IP), в котором происходит синтаксический эллипсис.

(29a) *Sohi-nun [caki atul-i √amwu chayk-*i / √to sa-ci anh-ul]*
 Сохи-TOP [свой сын-NOM никакой книга-*NOM / √DELIM купить-CONV NEG-PART]
kes-i-la sayngkakha-yss-ta
 вещь-COP-DECL.EMB считать-PST-DECL
 ‘Сохи считала, что ее сын не купит **ни одной книги**’ (т. е. она ожидала, что сын не купит книг).

(29б) *Sohi-nun [caki atul-i *amwu chayk-*i / √to sa-l]*
 Сохи-TOP [свой сын-NOM никакой книга-*NOM / √DELIM купить-PART]
kes-i-la kitayha-ci anh-ass-ta
 вещь-COP-DECL.EMB ожидать-CONV NEG-PST-DECL
 ‘Сохи не считала, что ее сын купит [букв.] **какую-нибудь** (хоть одну) **книгу**’ (т. е. она ожидала, что сын не купит книг; синонимично (29a); (29a)=(14a); (29б)=(14б)).

Таким образом, предложения с «двойным падежом» типа (21)=(26a) не полностью укладываются в нашу древесную структуру (26б), а могут предполагать структуру с «обширным» эллипсисом. Большинство языковых фактов, в частности тех, о которых говорилось в п. 2.2, а также связанных с «эффектами связности» в предложениях с “*A-ka ani-la*” (наличие этих эффектов только с рефлексивами, но не с элементами относительной полярности) достаточно исчерпывающе обосновывают наш анализ.

Сокращения

букв. — буквально
 подр. — подразумеваемый
 ПРЕДК — предконтекст
 рус. — русский язык
 A — переменная, обозначающая ситуацию
 или участника ситуации
 ACC — аккузатив
 ADJ — имя прилагательное
 ADV — наречие
 AFF — аффектив

ART — артикль
 AUX — вспомогательный глагол или другая
 служебная часть речи (существительное)
 B — переменная, обозначающая ситуацию
 или участника ситуации
 BaseStr — базовая структура
 CON — частица когерентности
 COND1 — первый кондиционалис
 CONTR — контрастивный (фокус)
 CONV — конверб (деепричастие)

³³ В работе [Kim 2005] предлагается анализ конструкции типа «псевдо-клефт» в корейском языке, не предполагающий присутствие всех «эффектов связности».

COP — глагол-связка	Pred — вершина группы предиката
CORR — корректирующий (союз)	PredP — группа предиката
CP — группа комплементаризера (союза)	PREP — предлог
DAT — датив	PRS — настоящее время
DECL — декларатив (изъявительное наклонение)	PST — прошедшее время
DELIM — ограничительная частица	Q — переменная, обозначающая ситуацию
DP — группа детерминатора	QUOT — цитатив
e — нулевой (поверхностно не выраженный) синтаксический узел	RETR — ретроспективный аспект
EL — элатив	S / SA — пропозиция
EMB — вложенное (придаточное) предложение	SG — единственное число
EVID — показатель эвиденциальности	Spec — спецификатор (глагольной, именной или другой) группы
FEM — женский род	STAT — стативность
FOC — фокус	SUBJ — субъект / подлежащее
FORM — показатель формального стиля речи	SUP — значение локализации 'на / над'
HON — показатель гоноратива	TOP — топик
INANIM — неодушевленный	Top — вершина группы топика
INF — показатель инфинитива	Top' — промежуточный уровень группы топика (штриховая группа)
INSTR — инструменталис	TopP — группа топика
IP — группа флексии (обозначающая финитные аффиксы глагола)	X, x — переменные, обозначающие участника ситуации
LOC — локатив	∅ — нулевая глагольная связка или нулевой аргумент (местоимение)
MASC — мужской род	1 — первое лицо или (в цахурском) согласование по первому согласовательному классу
N — имя существительное	3 — третье лицо или (в цахурском) согласование по третьему согласовательному классу
NEG — отрицание / отрицательный	∃ — квантор существования
NEUT — средний род	λ — оператор «лямбда»-абстракции
NMLZ — показатель номинализации	# — обозначает неприемлемость высказывания по контекстуальным или прагматическим причинам
NOM — номинатив	* — обозначает то, что слово / конструкция / предложение грамматически неправильно
NP — именная группа	✓ — обозначает то, что слово / конструкция / предложение грамматически правильно и употребляется только при сопоставлении правильного варианта с неправильным в том же самом примере или в соседнем примере
OBL — косвенная основа	
P — переменная, обозначающая ситуацию	
PART — причастие	
PASS — пассивный залог	
PFCT — перфект	
PL — множественное число	
POST — послелог	
PRED — предикат / сказуемое	

Литература

- Богуславский 1985 — Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Казенин 2001 — Казенин К. И. Фокусная конструкция // Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари / Ред. Кибрик А. Е. М., 2001. С. 682—701.
- Калинина 1999 — Калинина Е. Ю. Предложения с именным сказуемым // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Ред. Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. М., 1999. С. 420—448.
- Калинина, Чумакина 1999 — Калинина Е. Ю., Чумакина М. Э. Обстоятельные предложения // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Ред. Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. М., 1999. С. 537—559.
- Плунгян 2008 — Плунгян В. В. Предисловие: Дискурс и грамматика // Исследования по грамматике—IV: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 7—34.
- Рудницкая 2005 — Рудницкая Е. Л. Особенности синтаксической и информационной структуры (актуального членения) в предложениях со стативными предикатами психологического состояния в корейском // Вопросы языкознания. 2005, 4. С. 39—56.
- Сумбатова 2009 — Сумбатова Н. Р. Коммуникативная структура адыгейского предложения: Перспектива и фокус // Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка / Ред. Аркадьев П. М., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. М., 2009. С. 559—611.
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Тестелец 2011 — *Тестелец Я. Г.* Сочинение и эллипсис: В поисках формальной модели / Доклад на семинаре Пентуса М. Р., Успенского В. А. и Аркадьева П. М. «Некоторые применения математических методов в языкознании» (Москва, МГУ, 26.02.2011).

Урысон 2011 — *Урысон Е. В.* Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М., 2011.

Chang 1996 — *Chang S.-J.* Korean. Amsterdam—Philadelphia, 1996.

den Dikken, Meinungen, Wilder 2000 — *den Dikken M., Meinungen A., Wilder Ch.* Pseudoclefts and ellipsis // *Studia Linguistica*. 2000, 1 (54). S. 41—89.

Feerman 2004 — *Feerman D.* Prosody in contrast: Prosodic distinction in contrast and correction readings of Polish adversative coordinate structures // *Context and Cognition. Information structure: Theoretical and empirical aspects* / Ed. *Steube A. K.* Berlin, 2004. P. 307—344.

Horn 1985 — *Horn L.* Metalinguistic negation and pragmatic ambiguity // *Language*. 1985, 61. P. 121—174.

Jang, Kim 2001 — *Jang Y.-J., Kim S.-Y.* Secondary Predication and Default Case // *Syntax of predication: Proceedings of the workshop on Syntax of Predication (2—3.11.2001, ZAS-Berlin)*. ZAS Papers in Linguistics, 26 / Ed. *Zhang N. N.* Berlin, 2001. <http://www.zas.gwz-berlin.de/201.html>.

Jhang 1994 — *Jhang S. E.* Headed nominalizations in Korean: Relative clauses, clefts, and comparatives. PhD Dissertation. Simon Fraser University, 1994.

Kadmon 2001 — *Kadmon N.* Formal pragmatics: Semantics, pragmatics, presupposition and focus. NY, 2001.

Karttunen, Peters 1979 — *Karttunen L., Peters S.* Conventional implicature // *Presupposition (Syntax and Semantics, 11)* / Eds. *Oh C.-K., Dinneen D. A.* NY, 1979. P. 1—56.

Kim 2005 — *Kim J. Y.* What sluicing comes from in Korean is pseudo-cleft. Masters thesis. UCLA, 2005.

Kim, Lee 2008 — *Kim J. Y., Lee Ch.* Why multiple clefts are disallowed? // *Proceedings of the WCCFL—XXVI* / Eds. *Chang C. B., Haynie H. J.* Somerville, 2008. P. 332—339.

Lee 2003 — *Lee Ch.* Negative polarity items and free choice in Korean and Japanese: A contrastive study // *Icwung enehak*. 2003, 22. (Bilingualism. 2003, 22).

Lee 2010 — *Lee Ch.* Information structure in PA / SN or descriptive / metalinguistic negation: With reference to scalar implicatures // *Contrasting Meaning in Languages of the East and West* / Eds. *Shu D.-F., Tumer K.* Berne, 2010. P. 33—73.

Lee, Robert 2011 — *Lee K.-M. R., Robert S.* A History of the Korean Language. Cambridge—NY, 2011.

Martin 1992 — *Martin S. E.* A Reference Grammar of Korean: A Complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language. Vermont—Tokyo, 1992.

Merchant 2004 — *Merchant J.* Fragments and ellipsis // *Linguistics and philosophy*. 2004, 61. P. 661—738.

Rooth 1985 — *Rooth M.* Association with focus. PhD Dissertation. UCLA, 1985.

Rooth 1992 — *Rooth M.* A theory of focus interpretation // *Natural Language Semantics*. 1996, 10. P. 75—116.

Rooth 2007 — *Rooth M.* Notions of focus anaphoricity // *Interdisciplinary studies on information structure*. Vol. 6 / Eds. *Fery C., Fanselow G., Krifka M.* Potsdam, 2007. P. 57—68.

Steube 2001 — *Steube A. K.* Correction by contrastive focus // *Theoretical Linguistics*. 2001, 27. P. 215—249.

Umbach et al. 2004 — *Umbach C., Mleinek I., Lehmann Ch., Weskott Th., Kai A., Steube A. K.* Intonational patterns in contrast and concession // *Context and Cognition. Information structure: Theoretical and empirical aspects* / Ed. *Steube A. K.* Berlin, 2004. P. 277—306.

Vries 2009 — *Vries M. de.* Specifying Coordination: An Investigation into the Syntax of Dislocation, Extraposition and Parenthesis // *Language and Linguistics: Emerging Trends* / Ed. *Dreyer C. R.* NY, 2009. P. 37—98. <http://odur.let.rug.nl/~dvries/>.

Yoon 2002 — *Yoon J. H.-S.* What the Korean copula reveals about the interaction of morphology and syntax // *Japanese-Korean Linguistics*, 11 / Ed. *Clancy P.* Stanford, 2002. P. 34—50.

Yoon 2004 — *Yoon J. H.-S.* Non-Nominative (Major) Subjects and Case-stacking in Korean // *Non-nominative Subjects*, 2 / Eds. *Bhaskararao K., Subbarao K. V.* Amsterdam—Philadelphia, 2004. P. 265—314.

Yoon 2007 — *Yoon J. H.-S.* Raising of Major arguments in Korean (and Japanese) // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2007, 3 (25). P. 615—653. (Also in: *New Horizons in the Analysis of Raising and Control* / Eds. *Davies B., Dubinsky S.* Dordrecht, 2007. P. 71—107.)

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается конструкция с противопоставительным отрицанием в функции коррекции в корейском языке. Приводится семантический и синтаксический анализ коррекции с использованием фокусирования и противопоставительного отрицания; при этом сравниваются разные языки, например, языки, в которых присутствует или отсутствует частное отрицание. Более подробный анализ конструкции “A-ka ani-la” — однофункциональной корейской конструкции контрастивного отрицания-коррекции предполагает, что “A-ka ani-la” (‘не A’) образует отдельную

свернутую клаузу, или парентетический оборот. Этот парентетический оборот грамматикализован, по своим синтаксическим свойствам сходен с предикативной / фокусной группой в выделительной конструкции «псевдо-клефт», которая широко распространена в корейском языке.

SUMMARY

In the article the Korean construction with contrastive negation for correction (or corrective negation) is considered. The semantic and syntactic analysis of correction with focalization and contrastive negation is presented; it is discussed how corrective negation functions in the languages with and without term negation. A more detailed analysis of the Korean corrective negation construction "A-ka ani-la" leads to the conclusion that "A-ka ani-la" ('not A') forms a deficient, or a parenthetical, clause. This parenthetical clause is grammaticalized; its syntactic features are to some degree similar to the predicative / focus group of the so-called "pseudocleft construction" that is rather widespread in Korean.

Ключевые слова: корейский язык, противопоставительное отрицание, коррекция, контрастивное отрицание, парентетический оборот, псевдо-клефт

Key words: the Korean language, contrastive negation, correction, corrective negation, parenthetical clause, pseudocleft construction

Структурно-семантические типы предложений квалификации, образованных лексическим повтором, в хакасском языке

В хакасской разговорной речи, а также в произведениях современной хакасской художественной литературы, так или иначе стремящейся отразить особенности разговорной речи, встречаются предложения с предикативным ядром N1 — N1, образованные лексическим повтором (т. е. двукратным использованием имени и в качестве субъекта, и в качестве предиката), приводящим к тавтологическому высказыванию типа *Чуртас чуртас ол / Чуртас ол чуртас* 'жизнь есть жизнь' / 'жизнь — это жизнь'. Характерным структурным признаком тавтологических предложений является наличие связки и / или обстоятельственных распространителей, которые «разводят» повторяющиеся компоненты в группы подлежащего и сказуемого.

В связи с тем, что функционирование предложений типа *Чуртас чуртас ол* не отражено в хакасской описательной грамматике [ГХЯ 1975: 289—304], нами в первую очередь была произведена фиксация подобных предложений в хакасском языке, а также предпринято определение их структурно-семантических разновидностей, неразрывно связанное с выявлением прагматических значений. На данном этапе мы опирались на концептуальные подходы, сложившиеся в отечественной школе лингвистической семантики в трудах Н. Д. Арутюновой, Т. В. Булыгиной, Г. А. Золотовой, И. М. Кобозевой, Е. В. Падучевой, А. Ф. Прияткиной, А. Д. Шмелева и др.

В русистике рассматриваемые предложения в свое время были замечены А. М. Пешковским, который считал, что эти конструкции представляют собой «любопытный случай сосредоточения внимания говорящего на значении отдельного слова, случай языкового самонаблюдения, производящегося в процессе речи. (...) Они обозначают как раз вечное, по мнению говорящего, тождество слова и его истинного значения; это идеальные предложения тождества» [Пешковский 1956: 271—272]. Позже в лингвистической литературе они получили название «тавтологические предложения тождества» (см., например, [Герасименко 1982]). Н. А. Герасименко, разделяя мнение А. М. Пешковского, отмечает, что в предложениях данной группы «устанавливается общее тождество двух элементов лексического повтора, не ослепленное никакими дополнительными оттенками значения» [Герасименко 1982: 56].

Иная, более развернутая, трактовка семантики «тавтологичных» высказываний предложена в работах А. Д. Шмелева и Т. В. Булыгиной [Булыгина, Шмелев 1997]. По мнению А. Д. Шмелева, в данном случае происходит «переосмысление высказываний тождества», т. к., интерпретируя «тавтологичное» высказывание, адресат речи как бы переосмысляет его, и высказывание, не информативное на уровне того, что буквально сказано, становится информативным на уровне того, что имплицитно; «способы осмысления» «тавтологичных» высказываний, равно как и их форма, нередко оказываются «лингвоспецифичными» [Шмелев 2002: 194]. Лингвоспецифичность тавтологических конструкций вытекает из гипотезы Е. В. Падучевой, предположившей, что интерпретация такого высказывания определяется коннотациями используемого в нем имени [Падучева 1985: 42], а «коннотации являются фактом словаря и заведомо лингвоспецифичны» [Шмелев 2002: 195].

В то же время, как отмечает А. Д. Шмелев, одного знания коннотации соответствующего имени недостаточно для точной интерпретации смысла высказывания, т. к. в «тавтологичных» высказываниях могут использоваться собственные имена, не имеющие словарных коннотаций в общепринятом понимании термина. Например, в хакасском предложении *Айдолай ол Айдолай* 'Айдолай есть Айдолай' (об общем знакомом) речь может идти, скорее, об ассоциациях, которые связываются с референтом у участников коммуникации. Имена собственные не имеют значения в языке, как правило, они служат средством упоминания объекта без приписывания ему каких-либо признаков. Однако в случаях типа *Агбан ол Агбан* 'Абакан есть Абакан' понимание смысла предложения требует обращения к внеязыковым знаниям о предмете, обозначенным собственным именем. Как подчеркивает Е. В. Падучева, «в некоторых случаях понимание смысла предложения требует обращения к свойствам обозначаемых объектов, а не только к смыслу слов» [Падучева 1985: 82].

Е. Н. Ширяев квалифицирует тавтологические конструкции как «эпиклативные предложения» классифицирующей характеристики и отмечает, что «тавтологичность и бессмысленность» таких предложений является «только кажущейся» [СРЯ 1999: 726]. Ср. с высказыванием Д. И. Арбатского: «Абсолютной тавтологии нет, тавтология всегда конкретна» [Арбатский 1977: 90].

Таким образом, предложения с предикативным ядром N1 — N1, образованные путем лексического повтора (типа *Чуртас чуртас ол* 'жизнь есть жизнь'), трактуются лингвистами неоднозначно. Мы разделяем позицию исследователей, полагающих, что для «тавтологических» высказываний характерна более сложная семантика, чем просто выражение «идеального тождества», и считаем, что подобные высказывания используются для характеристики лица, предмета или понятия. Квалифицирующая семантика накладывается на идентифицирующую и становится ведущей, определяющей данный структурно-семантический тип предложения. Например, в предложении *Пала ол пала* 'ребенок есть ребенок' субъект *пала* имеет значение 'дети примерно до двенадцати лет', а предикат *пала* подразумевает 'дети непосредственные, склонные к шалостям, непоседливые и т. д.'. Таким образом, повторяющееся в предикате имя приобретает не только квалифицирующую, но и оценочную семантику.

В связи с тем, что семантические компоненты тавтологических предложений идентичны, определенное влияние на варьирование семантики этих предложений оказывают межкомпонентные элементы: связки, обстоятельственные и иные распространители, ограничительные частицы; однако многие виды семантической вариативности выражаются имплицитно. В целом в нашем материале было выявлено пять основных структурно-семантических типов тавтологических предложений, образующихся по определенным образцам (моделям), которые служат стандартом (эталоном) для массового воспроизведения [ЛЭС 2002: 305].

1) Структурно-семантический тип тавтологических предложений с **семантикой примирения с негативными сторонами действительности**, организованных по модели **N1 — N1 ол / N1 — хайда даа (хачан даа, прай чирде) N1**.

Kızı kızı ол 'человек есть человек'. *Kızı хайда даа kızı* 'человек везде человек'.

В структуре модели функционирует лексема *ол* 'есть' в значении показателя предикативности, однако она часто меняет здесь свою конечную позицию, характерную для тюркского синтаксиса, на срединную (вероятно, под влиянием русского языка, с его обычной разговорной конструкцией *Работа — это работа*, где *это* вместе с интонацией является маркером предикативности). Перестановка хакасского слова *ол* в середину предложения не вполне соответствует исконному хакасскому синтаксису, но в последнее время встречается все чаще, в чем можно видеть следование русскому синтаксису; однако конструкции тюркского типа с *ол* в конце предложения тоже встречаются.

Предикативное *ол* в хакасском не требуется в предложениях с обобщенно-обстоятельственными распространителями типа *хайда даа* 'где бы то ни было, хоть где', *хачан даа* 'всегда', *прай чирде* 'везде'. Например: «*Аң ол аң. Китенерге кирек, оолгым, аңчы кизе. Кинен дее пол парарга ұр нимес*» [Костяков 1989: 42]. 'Зверь есть зверь. Нужно быть осторожным, сын мой, охотнику. Недолго и несчастью случиться'. «*Піс Арапнаң ұр чоохтасхабыс, аргыстарны, ырткен чылларны сагысха киріп. Хомзыныстыг даа нимелер сагысха кирген. Анаң, мини часхырған чили, ол чоохтанган: "Kızı хайда даа kızı. Хайди идерзің"*» [Топоев 1992: 69]. 'Мы с Арапом долго разговаривали, вспоминая друзей, прошедшие годы. Всплывали в памяти и обидные вещи. Потом, как бы утешая меня, он сказал: «Человек везде человек. Что поделаешь?!»'.

Прагматическая пресуппозиция предложений данного типа выражает такую ситуацию, когда адресат речи раздосадован поведением кого-то третьего (объекта речи); иллокутивная же установка речевого акта состоит в том, что субъект речи выступает в роли утешителя, пытается снять или уменьшить негативную реакцию адресата речи на ситуацию. При этом в различных речевых актах суммарно может быть представлен целый набор коннотативных оценок денотата: (1) субъект речи может убеждать адресата в том, что не следует слишком досадовать или обижаться на объект речи, — такое поведение его, мол, следовало или можно было предвидеть и в нем нет ничего экстраординарного; (2) субъект речи либо открыто высказывает, либо подразумевает, что недостатки данного, конкретного члена класса (объекта речи) не являются исключительными, но присущи ему по природе вещей. Тавтология в его рассуждениях означает то, что все члены класса, обозначенного именем, в общем, одинаковы и что нет оснований ожидать от данного представителя этого класса (объекта речи) чего-то другого. Подобные предложения обычно представляют собой «формулу примирения с действительностью» [Николина 1984: 45]. Внутренняя адресату речи мотивация такого примирения может быть различной.

С одной стороны, это может быть понимание неизбежности негативных аспектов явления, т. е. того, что недостатки данного члена класса — это не его особенность, они присущи всем «членам класса» вообще, поэтому с ними надо смириться: *А ойын ол ойын* 'а игра есть игра'; *Талазыг ол талазыг* 'спор есть спор'. Чаще всего первый вариант «примирения с действительностью» состоит в выявлении того, что все «члены класса» имеют как позитивные, так и негативные стороны, и данный случай не является исключением: «*Устагчы ол устагчы. Полганының на читпес паза чаксы сарилары пар. Че хайди идер зе. Полган на kızı андаг. Ниме мында чоохтанарга*» [Кильчичаков 1988: 21]. 'Руководитель есть руководи-

тель. У каждого есть отрицательные и положительные стороны. Ну что поделаешь?! Каждый человек такой. Что здесь говорить?!».

С другой стороны, примирение с действительностью может состоять в осознании необходимости выполнить свой «долг» по отношению к ситуации, в т. ч. представленной обобщенным классом лиц, какими бы они ни были: «**Тогыс ол тогыс. Хайдаг даа туста, хынчазың, алай хынминчазың, че тогынарға кирек. Тогыс чох хайди чуртирзың, палам**» [Топоев 1992: 67]. «Работа есть работа. В любое время, хочешь или не хочешь, но надо работать. Без работы как будешь жить, сыночек?!». «**Ўлгү ол ўлгү. Писке андар аралазарға кирек чоғыл. Анда пасха чуртас. Ўлгее кірген кізі андартын тилем арығ сыхпинча. Аннаңар, палаларым, ўлгее сыгарға күстенмеңер. Че піліңер: анда улуг күс, сын алай сын нимес**» [Каракаков 1994: 49]. «Власть есть власть. Нам не надо вмешиваться туда. Там другая жизнь. Кто пришел к власти, редко выходит оттуда чистым. Поэтому, дети мои, не стремитесь к власти. Но знайте: там большая сила, справедливая или несправедливая».

В предложениях данного типа возможно появление ограничительной частицы *ла / ле* в значении «только»: «**Тогыс ол тогыс ла. Че кізінің чуртазы тогыс ла нимес. Аннаңар сагынарға кирек**» [Топоев 1992: 23]. «Работа есть только работа. Но жизнь человека — не только работа. Поэтому надо думать». При включении семантики ограничительности субъект речи призывает адресата иметь в виду, что работа (как бы она ни была трудна) не исчерпывает всех сторон жизни, — есть и другие, о которых тоже нельзя забывать.

2) Структурно-семантический тип тавтологических предложений с **семантикой учета предназначенности предмета** (члена класса предметов, лиц) в соответствии с теми **функциональными свойствами**, которые обычны для этого класса предметов. Предложения организованы по модели **N1 — ол N1**.

Ойын — ол ойын «игра — это игра».

Конструктивным элементом данной модели является лексема *ол* в значении «это». Ситуация, выражаемая предложениями данного типа, состоит в призыве говорящего к адресату речи учитывать определенные, специфические свойства объекта высказывания, присущие ему как представителю данного класса предметов. Модель **N1 — ол N1** отличается от модели первого структурно-семантического типа **N1 — N1 ол** интонацией, сигнализируемой на письме, хоть и не всегда, с помощью знака тире, и наличием паузы при произношении. Еще одно структурное отличие предложений первого и второго типов заключается в том, что в конструкциях второго типа связку *ол* нельзя опускать или переносить в конец предложения, а в конструкциях первого типа при наличии в предложении ограничительной частицы *ла / ле* (*Тогыс ол тогыс ла*) возможно опущение связки *ол* (*Тогыс тогыс ла*).

Имплицитные предмету функциональные свойства могут раскрываться в тексте, чем преодолевается малоинформативность предложений тождества. Например: «**Көдес — ол көдес, көдесте чиис хайнатчазың**» [Топоев 1992: 65]. «Чугунок — это чугунок, в чугунке варишь еду». «**Сыбыргы — ол сыбыргы. Сыбыргынаң сыбырарға кирек, оолгычаам**» [Тиников 1982: 87]. «Метла — это метла. Метлой нужно мести, сын мой».

Обычно подобные высказывания имеют следующую интерпретацию: объект речи в качестве члена класса идентичных предметов обладает особыми признаками, делающими его непохожим на другие. Например: «**Аңчы — ол аңчы. Аның поэның кибірлері, чайаанга паза аның пайына көрізі. Сын аңчы поэның киреген пілче, прай нимені оңдайли итче, артых-пузах чох**» [Костяков 1989: 123]. «Охотник — это охотник. У него свои обычаи, свой взгляд на природу и ее богатство. Настоящий охотник знает свое дело, все делает как надо, без лишнего».

Если предыдущие высказывания, типа *Кізі ол кізі* «человек есть человек», исходят из прагматической presupпозиции, связанной преимущественно с отрицательной оценкой денотата («ничего не поделаешь, приходится смириться»), то высказывания модели **N1 — это N1**, напротив, бывают связаны с положительной или даже высокой его оценкой. Например: «**Йа, андаг, Азарийа. Чон — ол чон! Аның күзі улуг**» [Шулбаева 2006: 142]. «Да, так, Азария. Народ — это народ! Сила его огромная». «**Полган на кізі пілерге кирек, аарлирға кирек іцені. Іче — ол іче. Іцені піс таллабинчабыс. Іче Худайнаң пирилче**» [Халларов 1984: 146]. «Каждому человеку надо знать, надо уважать мать. Мать — это мать! Мать мы не выбираем. Мать дается Богом».

3) Структурно-семантический тип тавтологических предложений с **семантикой негативной оценки объективно положительных явлений жизни, предметов, лиц под влиянием субъективных факторов**. Предложения организованы по модели **N1 — N1 нимес** с отрицательной связкой «не (есть)». Составной частью этой модели является постпозитивная отрицательная частица *нимес* «не».

Чуртас чуртас нимес «жизнь не (в) жизнь».

Предложения данного типа отражают такую ситуацию, когда адресат этой тавтологии, часто понимаемый лишь из контекста, но в предложении отсутствующий, отягощен ходом событий жизни настолько, что положительные или просто обычные ее стороны не воспринимаются как таковые, «перебиваются», отступают перед заведомо преобладающими, по убеждению адресата речи, отрицательными моментами.

«*Чон үлүкүнге чылысчатхан. Че мині пір дее ниме часхырбаан. Киңеегі сагыс тыс пирбеен. Өрiніс өрiніс нимес. Андаг кун полган пүүн магаа*» [Нербышев 1992: 201]. 'Народ собирался на праздник. Но меня ничто не успокаивало. Вчерашняя мысль не давала покоя. Радость не (в) радость. Такой день был сегодня для меня'.

«*Агаа үлүкүн үлүкүн нимес. Иб аразында угаа маң чогул. Пирдең Соян агырча*» [Нербышев 1992: 28]. 'Ей праздник не (в) праздник. Дома очень некогда. Да еще Соян болеет'.

«*Оларга чуртас чуртас нимес*» [Шулбаева 2006: 87]. 'Им жизнь не (в) жизнь'.

«*Пичемее ир ир нимес. Чөрер чирге чөрче. Сурбинча ниме идерге, хайдар паза хачан парарга. Андаг пол парган ол*» [Нербышев 1992: 81]. 'Моей сестре муж не муж [муж не указ]. Ходит, куда хочет. Не спрашивает, что делать, куда и когда идти. Такой она стала'.

«*Амды ир ир нимес. Пір саринаң ир кизи холын түзірібіскен, пасха саринаң, тізең, ипчи кизи ир кизіні пасча. Андаг полбасха кирек*» [Туран 1981: 64]. 'Теперь мужчина не мужчина. С одной стороны мужчина опустил руки, с другой же стороны, женщина довлеет над мужчиной. Так не должно быть'.

Конструкция N1 — N1 нимес имеет парадигму прошедшего и будущего времени (А), формы положительного и отрицательного аспектов сослагательного (Б) и предположительного наклонений (В):

А) *Чуртас чуртас нимес* 'жизнь не (в) жизнь' // *Чуртас чуртас нимес полган* (*Чуртас чуртас полбаан*) 'жизнь не (в) жизнь была';

Б) *Чуртас чуртас нимес* 'жизнь не (в) жизнь' // *Чуртас чуртас нимес поларчых* (*Чуртас чуртас полбасчых*) 'жизнь не (в) жизнь была бы';

В) *Чуртас чуртас нимес* 'жизнь не (в) жизнь' // *Чуртас чуртас нимес полгадаг* (*Чуртас чуртас полбаадаг*) 'похоже (кажется), жизнь не (в) жизнь будет'.

4) Структурно-семантический тип тавтологических предложений с семантикой убеждения говорящим адресата речи в том, что объект речи по своим свойствам соответствует обычным критериям члена данного класса предметов, явлений, лиц. Предложения организованы по модели N1 — N1(-ох / -өк) осхас.

Пала палох осхас 'ребенок как ребенок'.

Конструктивными элементами этой модели являются послелог с уподобительной семантикой *осхас* 'как, в качестве' и частица убеждения *-ох / -өк*, которая, в принципе, факультативна, но употребляется часто, как бы эксплицируя и подчеркивая семантику убеждения, чего в русской конструкции нет. Например: «*Пала палох осхас. Прайларыох чили ойынга тартылча. Паза ниме кирек сеге*» [Топоев 1992: 34]. 'Ребенок как ребенок. Как и все, тянется к игре. Что еще тебе нужно?!'. «*Иа, анда даа халас халазох осхас. Че пос чирінде ниместе, ол даа пасха тадыпчатхан*» [Халларов 1984: 17]. 'Да, и там хлеб как хлеб. Но поскольку не у себя на земле, и вкус хлеба не такой'.

Предложения данного типа передают такую ситуацию, когда говорящий хочет успокоить, убедить слушающего, что его беспокойство по поводу некондиционности объекта суждения напрасно, что он, в основном, соответствует норме. Большая или меньшая степень убеждения находит опору в употреблении / неупотреблении частицы убеждения.

Модель N1 — N1(-ох / -өк) осхас образует все формы изъявительного (А), сослагательного (Б), условного (В) и желательного (Г) наклонений:

А) *Кип-азах кип-азагох осхас* 'одежда как одежда' // *Кип-азах кип-азагох осхас полган* 'одежда была как одежда' // *Кип-азах кип-азагох осхас полар* 'одежда будет как одежда';

Б) *Кип-азах кип-азагох осхас поларчых* 'одежда была бы вроде как одежда [но чего-то не хватило]';

В) *Кип-азах кип-азагох осхас полган полза* 'если бы одежда была как одежда, [то...]';

Г) *Кип-азах кип-азагох осхас полгай* 'пусть одежда будет как одежда' (пожелание).

Достаточно часто в предложениях данного типа говорящий стремится перевести семантику «соответствия обычному» из плоскости своего личного убеждения в плоскость объективного положения дел, например: «*Таңнастыг ниме дее чогул, тура туроох осхас*» [Туран 1981: 49] 'Ничего нет удивительного, дом как дом'. Субъектная детерминация в конструкции служит для обозначения оценивающего субъекта: «*Меге настых настыгох осхас, пасха пилдирбеди*» [Топоев 1992: 43] 'Мне начальник как начальник, другим не показался'. В действительности структурно-семантические типы тавтологических предложений с семантикой убеждения с субъектным детерминантом применяются редко, хотя теоретически возможно его введение в предложения данного типа.

5) Структурно-семантический тип тавтологических предложений с семантикой убежденности и восхищения говорящего по поводу полного проявления объектом тавтологического суждения, имеющего точную референцию в контексте, свойств и качеств члена класса, к которому он относится по номинации. Предложения организованы по модели N1-дах — N1.

Kızıdek kızı ‘человек так человек!’.

Грамматическим элементом, конституирующим данный вариант тавтологических предложений, является частица *-дах* ‘так’, а многоаспектная прагматическая семантика формируется с помощью восклицательной интонации, передающей высокую оценку говорящим полного, с его точки зрения, соответствия объекта суждения качествам класса предметов, к которым его относит выносимое говорящим суждение. Данное синтаксическое употребление частицы *-дах* / *-дек* в описательной грамматике хакасского языка не отражено [ГХЯ 1975: 126].

Предложения типа *Kızıdek kızı!* ‘Человек так человек!’, *Абахайдах абахай!* ‘Красавица так красавица!’, «*О-о, хаттах хат!*» [Топоев 1992: 14] ‘О-о, баба так баба!’ выражают мысль, что «член класса» обладает высокой степенью характеризующего его признака, имеет «высокую степень его проявления» [ТФГ 1996: 126].

Конструкция N1-дах — N1 имеет парадигму прошедшего и будущего времени (А) и сослагательное наклонение (Б):

А) *Kızıdek kızı* ‘человек так человек’ // *Kızıdek kızı полган* ‘человек так человек был’ // *Kızıdek kızı полар* ‘человек так человек будет’;

Б) *Kızıdek kızı поларчых* ‘был бы человек так человек’.

Отличительной чертой модели N1-дах — N1 является особая эмоциональность, экспрессия. Предложения данной модели не имеют лексического ограничения компонентов.

Рассмотренный материал является первым опытом анализа хакасских квалифицирующих предложений, образованных путем лексического повтора имен. Они представляют немногочисленную и не очень разнообразную в структурном и семантическом плане группу биноминативных предложений. В структурном отношении тавтологические предложения представляют собой устойчивые предикативные соединения повторяющихся имен. Значение характеристики (квалификации) в них реализуется за счет коннотативных значений имени, пресуппозиций, тех ассоциаций, которые связываются с референтом у участников коммуникации, или за счет контекста.

Иллокутивная функция, целевая установка подобных высказываний, то, ради чего они строятся и произносятся, — обратить внимание адресата речи на определенные качества и свойства предмета речи, которые в одних случаях могут иметь для адресата отрицательные последствия, а в других — положительные. Указанная интенция говорящего может приобретать различные смысловые оттенки, нередко раскрывающиеся в контексте: предостережение, попытки убедить адресата принять неизбежное, оценить положительные свойства предмета или явления. Прагматическая пресуппозиция, то, из чего исходит говорящий, полагая свое высказывание необходимым речевым актом, — это недооценка адресатом каких-то сторон предмета речи.

Рассмотренные типы тавтологических предложений с точки зрения референции, входящих в них имен, сочетают в себе референции конкретного и общего характера. Формально-грамматически в высказываниях типа *Пала пала ол* ‘ребенок есть ребенок’ и *Пала ол пала* ‘ребенок — это ребенок’ субъект имеет общую референцию («класс предметов»), т. е. это так называемые генерические высказывания, касающиеся всего класса обозначенных предметов¹. Отнесение к конкретному референту в этих предложениях вынесено в пресуппозицию: ребенок, о котором идет речь, принадлежит к классу детей, и поэтому все свойства детей применимы и к нему. Генерическим (всеобщим) характером ассерции обусловлен тот языковой факт, что предложения первого и второго типов, в отличие от остальных, не имеют временной и модальной парадигм.

Именно в связи с переключением подлежащего в конкретно-референтную плоскость высказывание теряет свою тавтологичность. Благодаря различным дополнительным смыслам, которые вкладывает говорящий в схожие друг с другом предложения, их реальные типовые смыслы оказываются разными, что вместе с минимальными различиями лексико-грамматического плана конституирует их структурно-семантические типы.

Так, предложение *Инци ол инчи* ‘женщина есть женщина’ могло бы указывать на готовность примириться с недостатками женщин, свойственными, по мнению говорящего, всем женщинам, на необходимость заботиться о женщинах и т. д. Лишь контекст позволяет уточнить понимание такого предложения

¹ В случае с именами собственными (*Абакан есть Абакан*) мы имеем дело с «вырожденным» классом, состоящим только из одного элемента, а высказывание остается генерическим.

в реальном тексте, например: «*Инци ол инчи. Ол чурттың чылиин тутча, прай нимее хайча. Че хайди идерзиң аны, пирееде иртіре хайыныбысча. Андаг даа полза, олар чох піске сидік*» [Туран 1981: 47]. 'Женщина есть женщина. Она держит тепло очага, на все обращает внимание. Ну что поделаешь с ней, иногда перегибает. Если и так, все равно нам без них тяжело'.

Предложения третьего, четвертого и пятого типов характеризуются конкретной референтностью субъектов, очевидной из содержания этих предложений: они, собственно, не являются тавтологическими изначально, поскольку содержат утверждения типа 'этот ребенок принадлежит к классу детей', 'этот муж не достоин (не может) быть включен в класс мужей', 'этот человек — как тот, что достоин (может) быть включен в класс людей'. Благодаря конкретной референтности они могут характеризоваться по временному и модальностному признакам. В предложении четвертого типа конкретность референтности субъекта может быть выражена, например, с помощью указательного местоимения: *пу пала палох осхас* 'этот ребенок как ребенок'.

Что касается наличия / отсутствия субъектной детерминации в предложениях данных типов, то она вполне возможна и реально встречается в конструкциях третьего (*Пичемее ир ир нимес* 'моей сестре муж не муж') и четвертого (*Меге пала палох осхас* 'что касается меня, ребенок как ребенок') типов. В тавтологических предложениях первого и второго типов субъектный детерминант не употребляется. В конструкциях пятого типа он невозможен.

Коммуникативная организация предложений квалификации, образованных лексическим повтором, выявляется достаточно четко: первый компонент — это тема высказывания, второй компонент — рема. Единственным показателем актуального членения при повторяющихся словах в предикативном ядре является порядок слов. Коммуникативная парадигма «тавтологичных» высказываний ограничивается единственным членом, как и любая другая фразеологизированная структура (прием перестановки компонентов структуры теряет всякий смысл при повторяющихся словах). Исключением являются предложения пятого типа, которые представляют собой предложения с «вынесенной ремой»: форма с показателем сравнения *kizidek* от существительного *kizi* имеет генерическую референтность; эмфатическое использование показателя *-дах / -дек* для оформления ремы-фокуса засвидетельствовано и в других случаях, причем возможным оказывается вынесение ремы в начало предложения (*Чобалдырбадах кизіні* 'не мучь (этого) человека').

Литература

- Арбатский 1977 — Арбатский Д. И. Толкования значений слов: Семантические определения. Ижевск, 1977.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Герасименко 1982 — Герасименко Н. А. Типы семантической структуры предложений тождества // Грамматические категории предложения и его структура. М., 1982. С. 54—62.
- ГХЯ 1975 — Грамматика хакасского языка / Ред. Баскаков Н. А. М., 1975.
- Карачаков 1994 — Карачаков С. Кири хара хус. Абакан, 1994.
- Кильчичаков 1988 — Кильчичаков М. Абалыг хол. Абакан, 1988.
- Костяков 1989 — Костяков И. Чибек хур. Абакан, 1989.
- ЛЭС 2002 — Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. Ярцева В. Н. М., 2002.
- Нербышев 1992 — Нербышев К. Көгім хорымнарда. Абакан, 1992.
- Николина 1984 — Николина И. А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка: Русский язык. М., 1984. С. 38—46.
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Пешковский 1956 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- СРЯ 1999 — Новиков Л. А., Зубкова Л. Г., Иванова В. В. и др. Современный русский язык: Фонетика, лексикология, словообразование, морфология, синтаксис. 2-е изд. / Ред. Новиков Л. А. СПб., 1999.
- Тиников 1982 — Тиников Н. Тіріг кизи ѓлбечен. Абакан, 1982.
- Топоев 1992 — Топоев И. Туғаннар. Абакан, 1992.
- Туран 1981 — Туран М. Пай тирек. Абакан, 1981.
- ТФГ 1996 — Теория функциональной грамматики: Качественность, количественность / Ред. Бондарко А. В. СПб., 1996.
- Халларов 1984 — Халларов А. Акай (повесть). Абакан, 1984.
- Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. М., 2002.
- Шулбаева 2006 — Шулбаева В. Чуртас — ол хыныс. Абакан, 2006.

РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматриваются предложения квалификации с предикативным ядром N1 — N1 (образованные лексическим повтором) в хакасском языке. Автор выделяет пять основных структурно-семантических типов тавтологических предложений, образующихся по определенным моделям.

SUMMARY

The article deals with sentences of qualification with the predicative core N1 — N1 formed by a lexical repeat. The author identifies five main structural and semantic types of tautological sentences in the Khakas language.

Ключевые слова: хакасский язык, предложения квалификации, лексический повтор, структурно-семантические типы предложений, тавтологические предложения

Key words: the Khakas language, qualification sentences, lexical repeat, structural and semantic types of sentences, tautological sentences

Федор Дмитриевич Ашнин (к 60-летию со дня рождения)

Вступительная статья, подготовка текстов и комментариев Г. Ф. Благовой

Лия Сергеевна всегда была коллективной памятью и совестью Сектора тюркских языков Института языкознания АН (о ее научной деятельности, участии в создании таких фундаментальных работ, как «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» и «Этимологический словарь тюркских языков», см. [УАИ 2010, 1]). Она помнила все знаменательные даты из жизни Сектора и тюркологии в целом, дни рождения коллег.

И во время работы в Институте языкознания АН и потом, будучи на пенсии, Л. С. Левитская была зачинщиком и активным соавтором при написании раздела “Personalia” (например, к 110-летию со дня рождения А. П. Поцелуевского, одного из основоположников туркменского языкознания [Восток 2004, 5]) или же помогала советом (благодаря накопленным знаниям и уникальной начитанности — «смотреть за ограду своей прямой специальности» приучал своих учеников Н. К. Дмитриев). Так было, когда ее фактологическая осведомленность и помощь понадобились А. А. Реформатскому при написании статьи о К. К. Юдахине — первом среди основоположников национальной лексикографии, кто посвятил свою жизнь изучению киргизской лексики и составлению словарей киргизского языка (1940 г., 1965 г.). Так было, когда по ее настоянию автор этих строк подготавливала к печати написанный Н. К. Дмитриевым биографический очерк-некролог его жены — рано умершей талантливой арабистки Ксении Савельевны Кашталёвой [Дмитриев 2001: 121—126].

К Федору Дмитриевичу Ашнину Лия Сергеевна испытывала глубокое уважение и чувство благодарной симпатии за его гражданскую позицию — решимость во имя справедливости идти на все (вплоть до личного риска¹), — за то, что он возродил к жизни несправедливо забытое научное наследие замечательного тюрколога, академика Александра Николаевича Самойловича (1880—1938). Усилиями Ф. Д. Ашнина был закреплен прецедент возвращения в научный обиход творческого наследия репрессированных деятелей науки (к их числу принадлежал и отец Л. С. Левитской).

Придерживаясь воззрений А. Н. Самойловича и В. В. Бартольда о «заслугах русских востоковедов перед современным живым Востоком» (из письма Самойловича Бартольду №71 от 1927 г. [Самойлович 2008: 167]), Л. С. Левитская ратовала за развитие историографического направления в отечественной тюркологии и считала важным отметить и поддержать все то, что сделал Федор Дмитриевич в этой области к своему 60-летию. Сбылась надежда Лии Сергеевны, «что из-под его пера выйдет еще немало страниц, обладающих чудесной силой притяжения к ранее нами неведомому»...

Очувтившись на пенсии в Институте языкознания в самом начале 1989 г., Ф. Д. Ашнин не успел выполнить свое давнее мечтание написать «серию литературных портретов русских тюркологов» (его внимание привлекали творческие и человеческие взаимоотношения двух замечательных ученых — тюрколога Н. И. Ильминского и монголиста А. А. Бобровникова²; он планировал в виде отдельного сборника переиздать малоизвестные работы Н. К. Дмитриева) — он был приглашен на должность старшего научного сотрудника Викторией Николаевной Ярцевой, председателем Научного совета «Языки мира», Комиссии по истории филологических наук Отделения литературы и языка РАН. За отпущенные судьбой последние двенадцать лет Федор Дмитриевич совместно с В. М. Алпатовым создал две книги [Ашнин, Алпатов 1994; Ашнин, Алпатов, Насилов 2002] (последнюю — с привлечением и Д. М. Насилова) и множество статей.

Историографические доклады Ф. Д. Ашнина неоднократно обсуждались на тюркологических конференциях в Ленинграде и всякий раз получали одобрение присутствующих. В середине 90-х гг. в Анкаре Конгресс Турецкого

¹ Ф. Д. Ашнин, член ВКП(б) с 1943 г., избравшийся в Институте языкознания и членом парткома, и членом месткома и всяческих комиссий, в январе 1995 г. на заседании научной конференции «Из истории отечественной филологической науки (20-е—50-е годы)», организованной Институтом языкознания РАН, Комиссией по истории филологических наук ОЛЯ РАН, выступил (совместно с В. М. Алпатовым) с докладом «Лингвисты и власть: 30—50-е годы», в котором были проанализированы материалы, полученные из Центрального архива бывшего КГБ. Себя Ф. Д. Ашнин назвал «раскаявшимся коммунистом».

² См. также статью Ф. Д. Ашнина «Знакомые незнакомцы, или кто стоит за криптонимом?» [Ашнин 1986].

лингвистического общества открылся докладом Федора Дмитриевича Ашнина о репрессированных тюркологах (сведения получены от Э. А. Груниной).

С конца 80-х гг. Ф. Д. Ашнин сосредоточился на архивном материале, связанном с т. н. «делом славистов» 1933—34 гг. Итогом изучения, занявшего несколько лет, стала книга «“Дело славистов”: 30-е годы» [Ашнин, Алпатов 1994], опубликованная совместно с В. М. Алпатовым. После этого, без всякого перерыва Федор Дмитриевич «вернулся к изучению дел репрессированных тюркологов. Он считал своим долгом выполнить эту работу. К этому времени он уже часто болел и потому себе в помощь привлек В. М. Алпатова, а затем, с 1997 г., и Д. М. Насилова. Но “мотором” по-прежнему оставался Федор Дмитриевич» [Ашнин, Алпатов, Насилов 2002: 3].

Из последних сил Ф. Д. Ашнин ездил в Азербайджан, Башкирию, Казахстан и Киргизию. Последняя поездка в Среднюю Азию по гранту РГНФ (1996—98 гг.) в силу финансовых обстоятельств пришлось на позднюю осень 1998 г. — со всем неустраиванием перестройки и особенно гостиничного дела. В Москву он вернулся тяжело больным человеком и все же по мере своих сил продолжал работу над архивами: азербайджанские дела удалось получить в Москве, а в 1999 г. ряд документов был прислан из Киргизии.

12 октября 2000 г. Федора Дмитриевича не стало. Для него книга «Репрессированная тюркология» (в соавторстве) [Ашнин, Алпатов, Насилов 2002] вышла уже посмертно.

Наряду с историографической деятельностью, ставшей основной для Ф. Д. Ашнина во вторую половину его жизни, Л. С. Левитская достаточно подробно осветила его диссертационное грамматическое исследование об указательных местоимениях.

В 1978 г. вышел перевод, выполненный Ф. Д. Ашниным с французского, монографии В. Л. Котвича “Les pronoms dans les langues altaïques” [Kotwicz 1936] — «Местоимения в алтайских языках» [Котвич 1978: 3—96]. По всей видимости, желая восполнить этот пробел в очерке Л. С. Левитской, Федор Дмитриевич приложил к публикуемому тексту Лии Сергеевны ксерокопию письма М. Котвич, дочери Владислава Людвиговича Котвича, где речь идет как раз о замысле этого перевода (см. ниже).

Для полноты картины научного творчества Ф. Д. Ашнина-грамматиста и историка тюркских языков упомянем, что в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков (морфология)» им выполнен раздел «Личные и лично-указательные местоимения» [СИГТЯ 1988: 202—209].

Текст Л. С. Левитской представлен малоотличающимися друг от друга двумя экземплярами рукописи, написанными ее разборчивым почерком, прямым и крупным, с ее авторской подписью (полный экземпляр, оснащенный библиографией в тексте, насчитывает десять полных листов с текстом на лицевой стороне листа; неполный текст, без библиографии, — восемь листов). Оба экземпляра были переданы ею Ф. Д. Ашнину как «свидетельство самых лучших намерений» и хранились в его личном архиве.

К этому тексту примыкает другой публикуемый текст — тоже из личного архива Федора Дмитриевича — ксерокопия ответного письма М. Котвич, дочери В. Л. Котвича (1872—1944), российского и польского востоковеда, специалиста по монгольским, тюркским и тунгусо-маньчжурским языкам, члена-корреспондента РАН (1923) и АН СССР (1925), действительного члена Польской академии знаний.

Копии или черновика письма Ф. Д. Ашнина к М. Котвич в его личном архиве не сохранилось, хотя ему не чужд был обычай сохранять черновики своих деловых писем. Ответное письмо М. Котвич написано разборчивым почерком на лицевых половинках двух пополам сложенных листов (т. е. четыре небольших листа), на которых расположены ее ответы на вопросы Ф. Д. Ашнина.

В качестве Приложения публикуется обнаруженная автокопия (машинопись) письма Ф. Д. Ашнина к А. Т. Тыбыковой от 30 марта 1989 г. Письмо было написано в условиях непривычного для Ф. Д. Ашнина статуса «свежего» пенсионера. Хорошо помню, как зимним днем я поднималась по лестнице на второй этаж Института, а «вылетевший» из дирекции «взвинченный» Федор Дмитриевич наткнулся на меня и громко, возмущенно стал рассказывать, что не нашлось для него в Институте места, несмотря на его действительно замечательные творческие планы. К счастью, благодаря своей дальновзоркости, пониманию важности дела, которым был увлечен Федор Дмитриевич, и доброму отношению к нему прежний директор ИЯз, чл.-корр. В. Н. Ярцева сумела вскоре исправить несправедливость.

Благодаря публикуемому письму не только уточняется датировка выхода Ф. Д. Ашнина на пенсию — приоткрываются «секреты кухни» (по его выражению), документируются способы и приемы, с помощью которых добывались нужные материалы из закрытых архивных фондов. Для тюркологической историографии представляет интерес, каким образом исследование дела Е. Д. Поливанова, проведенное Федором Дмитриевичем, переросло в книгу «“Дело славистов”: 30-е годы» (совместно с В. М. Алпатовым). Нельзя не признать, что участие В. М. Алпатова (а позднее также Д. М. Насилова) в грандиозном замысле Ф. Д. Ашнина было большой удачей для тюркской историографии.

Историография отечественной тюркологии (с 60-х гг. XIX в. вплоть до конца 30-х гг. XX в.), мощно разрабатывавшаяся Ф. Д. Ашниним (последнее десятилетие с помощью В. М. Алпатова и Д. М. Насилова; по части лингвистики 30-х гг. XX в.), продолжает развиваться в Институте языкознания РАН: см. избранные труды А. Н. Самойловича [Самойлович 2005], а также [Самойлович 2008] в серии «Очерки по истории тюркского языкознания в России».

Федор Дмитриевич Ашнин родился 19 января 1922 г. в с. Нижняя Добринка Жирновского района Волгоградской области в семье крестьянина. В 1939 г., после окончания педагогического училища, он впервые оказался в тюркоязычной среде: молодой учитель Ашнин работает преподавателем средней школы в Сурхандарьинской области Узбекской ССР. Можно думать, что уже в это время у него зародился (тот) интерес к языку и культуре тюркских народов, который позднее привел его в тюркологию.

В октябре 1940 г. Федор Дмитриевич был призван в армию и начал службу в одном из западных гарнизонов Киевского особого военного округа. С 22 июня 1941 г. по 1 июля 1944 г. Ф. Д. Ашнин — в действующей армии на фронтах Великой Отечественной войны. В марте 1943 г. он стал членом коммунистической партии. Суровые годы войны закалили его характер: целеустремленность и выдержка снайпера проглядывают сквозь строчки его сегодняшних статей.

(В 1944 г. он был откомандирован для учебы в Москву на военный факультет (впоследствии — ВИИЯКА, ВИИЯСА) при Институте иностранных языков, который он и закончил в 1949 г.) И опять служба в армии — в рядах пограничных войск Закавказья, но уже в качестве референта-переводчика турецкого языка.

К юношеским впечатлениям от пребывания в Узбекистане и теоретическим знаниям студента добавился практический опыт тюрколога-переводчика. Затем наступила пора прохождения аспирантуры в Институте языкознания АН СССР. После успешной защиты кандидатской работы «Указательные местоимения и их производные в азербайджанском, турецком и туркменском языках», выполненной под руководством Э. В. Севортяна и защищенной в 1958 г. [Ашнин 1958а], Ф. Д. Ашнин становится сотрудником Института. Он начинает свой путь как редактор редгруппы Института, и это также накладывает отпечаток на все его последующее научное творчество: у него развивается тонкое чувство стиля, стремление к завершенности формы, внимание к деталям.

Ф. Д. Ашнин вошел в лингвистику как языковед-продолжатель классической традиции в русской тюркологии: он грамматист и в то же время историк языка. Избрав темой своей кандидатской диссертации указательные местоимения в тюркских языках юго-западной группы, он исследует этот объект как систему в ее становлении. Каждый элемент системы рассматривается не только в противопоставлении с другими, но и как член исторически предшествующей системы. Автор устанавливает материальное тождество элементов во времени (этимологический аспект) и изменения отношений элементов системы во времени (исторический аспект).

Ф. Д. Ашнину успешно удается, в отличие от многочисленных предшественников, вскрыть «механизм» эволюции системы и подлинную семантику ее элементов³. Он дает убедительные образцы этимологий «первичных» указательных местоимений и их производных форм, таких, например, как аз. *белә* и его соответствия, тур. *bura* и его аналоги⁴. Он мастерски анализирует целую серию указательных частиц, происходящих из междометий (которые явились базой производных местоимений), а также частицы местоименного происхождения⁵.

Статьям Ф. Д. Ашнина свойственны четкая постановка исследовательской задачи, ответственное отношение и уважительное внимание к идеям и гипотезам других авторов, оснащенность каждого доказательства обширным фактическим материалом. Ф. Д. Ашнин обладает редким качеством исследователя — каждую бытующую в науке точку зрения иллюстрировать хронологической цепью отсылок на более ранние труды, часто малоизвестные или малодоступные.

От истории языка до истории науки один шаг. Ф. Д. Ашнин делает этот шаг решительно и твердо: отныне он историк науки и библиограф. Библиографические труды, выполненные при участии Ф. Д. Ашнина как составителя или доброжелательного советчика и критика, общеизвестны и давно заслужили признание лингвистов. Много творческих сил, энтузиазма и энергии организатора Федор Дмитриевич отдал уникальному по замыслу справочнику «Алтайское языкознание. Библиографический указатель литературы по алтайским (тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским) языкам, изданной в России и СССР в 1725—1970 гг.», выхода которого в свет с нетерпением ждут языковеды многих специальностей⁶.



³ См., например, [Ашнин 1958б; Aschnin 1962].

⁴ См., например, [Ашнин 1959; Ашнин 1963а].

⁵ См. [Ашнин 1958в].

⁶ (По сообщению Э. Р. Тенишева, «усилиями Ф. Д. Ашнина был составлен уникальный “Библиографический указатель литературы по алтайским (тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским) языкам в России и СССР в

Человеческая индивидуальность Ф. Д. Ашнина, энциклопедичность его знаний, наблюдательность и научная принципиальность ярко проявились в статьях о деятелях отечественной и зарубежной науки. Кроме многочисленных справочных статей для энциклопедических словарей, журнальных публикаций, докладов и выступлений, из которых мы получаем надежную информацию о жизни и творчестве В. В. Радлова, С. В. Ястремского, К. К. Юдахина, Е. Д. Поливанова, Н. В. Юшманова, Н. Ф. Яковлева, Ф. Г. Исхакова, Г. Рамстедта, Ю. Немета, М. Рясненя и многих других, Ф. Д. Ашнин написал насыщенные огромным фактическим материалом и удивительные по тональности очерки о нескольких «полузабытых» или «затененных» страницах истории отечественной тюркологии.

Опираясь на свои архивные разыскания и массу других кропотливо собранных сведений, он по-новому высветил деятельность и сложную личность замечательного лингвиста-теоретика Н. И. Ильминского и показал его роль в создании знаменитой «Алтайской грамматики»⁷. Ф. Д. Ашнин вернул вниманию советской тюркологии труды Б. Чобан-заде⁸, снова ввел в круг тюркологов привлекательную фигуру А. М. Сухотина⁹, до сих пор известного нам главным образом как переводчика и интерпретатора «Курса» Ф. де Соссюра и «Языка» Э. Сепира.

Однако больше всего мы обязаны Ф. Д. Ашнину за любовно бережное восстановление огромного научного наследия академика А. Н. Самойловича¹⁰. Федор Дмитриевич дал глубоко научную, всестороннюю характеристику этого крупнейшего тюрколога, обогатившего своими исследованиями почти все разделы тюркской лингвистики, а также литературоведение, фольклористику, этнографию. А. Н. Самойлович — организатор науки, активный участник языкового строительства, педагог, воспитавший целую плеяду советских тюркологов, — предстает перед нами в очерках Ф. Д. Ашнина во всей широте своей многообразно одаренной натуры¹¹.

Ф. Д. Ашниным задумана серия литературных портретов русских тюркологов, он с присущей ему доскональностью и любовью изучает многие исторические периоды тюркской лингвистики, понимая, что только уважение к историческому прошлому науки, освоение ее позитивного опыта создают фундамент для настоящего и озаряют светом предвидения будущее.

Сейчас Ф. Д. Ашнин как авторитетный специалист-историк науки привлечен к работе над справочником — «Лингвистическим энциклопедическим словарем» [ЛЭС 1990], подготовляемым Институтом языкознания АН СССР совместно с издательством «Советская энциклопедия».

Ф. Д. Ашнину только 60 лет, и надо надеяться, что из-под его пера выйдет еще немало страниц, обладающих чудесной силой притяжения к ранее нами неведомому.

Основные научные труды кандидата филологических наук Ф. Д. Ашнина

1958

1) Указательные местоимения и их производные в азербайджанском, турецком и туркменском языках / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1958. [Ашнин 1958а]

2) Принципы дифференциации турецких указательных местоимений // Вопросы языкознания. 1958, 2. [Ашнин 1958б]

3) Указательные частицы в тюркских языках // Известия ОЛЯ АН СССР. Т. 17. Вып. 5. М., 1958. С. 417—434. [Ашнин 1958в]

1959

4) К этимологии указательных местоименных прилагательных типа азербайджанского *белә*, гагаузского *бӧлә*, турецкого *böyle* и туркменского *бейле* // Проблемы востоковедения. 1959, 6. [Ашнин 1959]

1725—1970 гг.», который, к сожалению, своевременно не был издан, а его картотека в настоящее время утрачена» [Восток 2003, 4: 184].)

⁷ См. [Ашнин 1978а; Ашнин 1981а; Ашнин 1981б].

⁸ См. [Ашнин 1967].

⁹ См. [Ашнин 1976].

¹⁰ См. [Ашнин 1963б; Ашнин 1978б; Ашнин 1978в].

¹¹ (Собственно, поиск архивных документов и подготовка на их основе материала для статьи «Архивные документы о гибели академика А. Н. Самойловича» (совместно с В. М. Алпатовым) [Ашнин, Алпатов 1996] продолжили работу обоих авторов над монографией «Репрессированная тюркология», которая вышла в свет уже после смерти Ф. Д. Ашнина.)

1962

5) Die demonstrativ Pronomina im Turkmenischen // Acta Linguistica Hungarica. Т. 12. F. 1—2. Budapest, 1962. P. 117—136. [Aschnin 1962]

1963

6) Об этимологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен типа *bura* [бу-ра] 'это место' // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. [Ашнин 1963a]

7) Александр Николаевич Самойлович // Народы Азии и Африки. 1963, 2. С. 243—264. [Ашнин 1963б]

1967

8) Бекир Вагапович Чобан-заде // Народы Азии и Африки. 1967, 1. [Ашнин 1967]

1976

9) Полузабытые страницы из истории отечественной тюркологии // Тюркологические исследования. М., 1976. [Ашнин 1976]

1978

10) Первая печатная научная грамматика алтайского языка: Проблема авторства // Тюркологический сборник — 1975. М., 1978. С. 34—62. [Ашнин 1978a]

11) Александр Николаевич Самойлович (1880—1938) // Тюркологический сборник — 1974. М., 1978. С. 8—27. [Ашнин 1978б]

12) Список трудов А. Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) и литература о нем / Сост. Ашнин Ф. Д. // Тюркологический сборник — 1974. М., 1978. С. 263—292. [Ашнин 1978в]

1981

13) Первая печатная научная грамматика алтайского языка: Вопрос о названии // Тюркологический сборник — 1979. М., 1981. С. 7—20. [Ашнин 1981a]

14) Из истории создания грамматики алтайского языка // Вопросы изучения алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1981. [Ашнин 1981б]

1986

15) Знакомые незнакомцы, или кто стоит за криптонимом? Л., 1986. [Ашнин 1986]

1988

16) Личные и лично-указательные местоимения // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1988. С. 202—209.

1990

17) Смерть «Обыкновенного гения» // Радикал. М., 1990.

1994

18) «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994 (совместно с Алпатовым В. М.). [Ашнин, Алпатов 1994]

1996

19) Архивные документы о гибели академика А. Н. Самойловича // Восток. 1996, 5. С. 153—162 (совместно с Алпатовым В. М.). [Ашнин, Алпатов 1996]

1997

20) Из следственного дела Е. Д. Поливанова // Восток. 1997, 5. С. 124—142 (совместно с Алпатовым В. М.).

1998

21) Гибель профессора Губайдуллина // Altaica, 2. М., 1998. С. 5—17 (совместно с Алпатовым В. М.).

22) Дело профессора Б. В. Чобан-заде // Восток. 1998, 5. С. 125—133 (совместно с Алпатовым В. М.).

23) Казахский ученый и просветитель Ахмет Байтурсунов // Altaica, 3. М., 1999. С. 5—26 (совместно с Алпатовым В. М.).

2000

24) Дело Рухруллы Ахундова // Восток. 2000, 2. С. 91—108 (совместно с Алпатовым В. М.).

25) Судьбы азербайджанских писателей (по материалам следственных дел) // Восточный архив. Вып. 4—5. М., 2000. С. 15—32 (совместно с Алпатовым В. М.).

2001

26) Автобиография проф. Н. К. Дмитриева (Публикация Ф. Д. Ашнина) // Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения. М., 2001. С. 113—123.

27) Забытый востоковед. Артур Рудольфович Зифельд-Симумяги // Восток. 2001, 1. С. 104—109 (совместно с Алпатовым В. М.).

2002

28) Халид-Саид Ходжаев // Восток. 2002, 3. С. 118—126 (совместно с Алпатовым В. М., Насиловым Д. М.).

29) Репрессированная тюркология. М., 2002 (совместно с Алпатовым В. М., Насиловым Д. М.). [Ашнин, Алпатов, Насилов 2002: 3].

Ответное письмо М. Котвич Ф. Д. Ашнину

Краков, 21.XI.62

Многоуважаемый Федор Дмитриевич.

Простите, что я только теперь отвечаю на Ваше письмо, но у меня в квартире был капитальный ремонт, и я не могла добраться к моим книгам и рукописям.

Мне было очень приятно узнать, что работа моего Отца “*Les pronoms...*” будет переведена на русский язык и издана в АН КазССР под редакцией такой специалистки, как проф. В. И. Цинциус *. Я с нетерпением буду ждать выхода этой книги.

Что касается Ваших вопросов, то я отвечаю на них по очереди.

1) Мы репатриировались на основании Рижского договора 1919 г. Когда Польша стала независимым государством, Вл. Людв.¹², как поляк, решил взять личное участие в строении ее научной жизни. В 1922 г. Он получил приглашение во Львов, но по семейным обстоятельствам мы могли уехать в Польшу только в октябре 1923 г.**

2) В Праге Вл. Людв. был по приглашению Калмыцкой Комиссии культурных работников*** в августе 1924 г., где читал м. пр. <между прочим> лекции по истории Монголии (текст этих лекций, переписанный на машинке в Праге, у меня имеется). Сохранилась также фотография: Отец среди пражских калмыков.

3) С 1923 по 1939 гг. Вл. Людв. жил во Львове, но все каникулы проводил в Вильно, где жила Его мать и дочь. После 1929 г. Он часто болел (порок сердца) и тогда дольше оставался у нас. В 1939 г. Отец, как обычно, в июле приехал в Вильно, однако по поводу <по причине> возникшей войны не мог уже возвратиться во Львов. Мы тогда сначала жили в Вильно, а потом (с 1942 г.) в Черном Бору (ныне Иодшиляй), местности в 14 километрах от г. Вильно. Там Влад. Людв. и умер 3.X.44.

4) Польского оригинала “*Les Pronoms...*” у меня, к сожалению, не сохранилось, но я имею экземпляр “*Les Pronoms...*” с собственноручными поправками Влад. Людв. Я перенесу эти поправки на другой экземпляр “*Les Pronoms...*” и Вам пришлю. Хорошо бы было поместить их в новом издании.

5) Когда и в какой библиотеке Вл. Людв. работал над книгой М. Thevenot, точно сказать не могу, думаю, что еще в Ленинграде, но, быть может, позже — в Университетской библиотеке в Вильно или во Львове.

6) В <числе> еще неизданных рукописях Вл. Людв. имеется работа на 51 стр. in 4° под загл.: «<...> во для манджурской грамматики» (к сожалению, обложка, на которой помещено заглавие, частично оборвана). Мне кажется, что это не полная рукопись. Увы, ничего другого я не нашла.

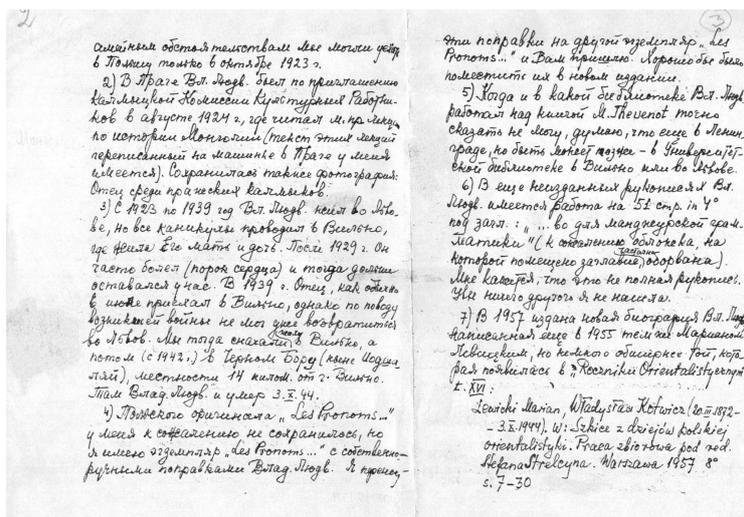
7) В 1957 <г.> издана новая биография Вл. Людв., написанная еще в 1955 <г.> тем же Марианом Левицким, но немного обширнее той, которая появилась в “*Roczniku Orientalistycznym*”, t. XVI:

Lewicki Marian. Władysław Kotwicz (20.III.1872—3.X.1944). W: *Szkice z dziejów polskiej orientalistyki* <Очерки по истории польской ориенталистики>. Praca zbiorowa pod red. Stefana Strelcyна. Warszawa, 1957. 8°. S. 7—30.

Затем была издана еще краткая заметка в перечне польских востоковедов: “Kotwicz Władysław (1872—1944)”. W: Jaster Jan. “*Polacy na szlakach świata*” (Poznaj Świat. 1959, 5. S. 32).

6) Биографии, написанные М. Левицким, по-моему, вполне полные, и у меня нет никаких дополнений или поправок.

¹² (Вл. Людв. — Владислав Людвигович (далее сокращенно — по-разному).)



Отрывок из письма М. Котвич

Мне лично хотелось бы только узнать, почему Вл. Людв. был исключен из числа членов Акад. Наук СССР? Он был избран в 1924 г., а в 1943 г. мы узнали от проф. С. А. Козина об исключении. Не был ли Вл. Людв. жертвой тогдашней политики, которая не пощадила и научных работников.

Я действительно работала в библиотеке Института живых восточных языков с 1921 по 1923 г., т. е. до момента выезда в Польшу. Отцу же я помогала во время Его пребывания в Вильно, т. к. с момента болезни Ему было трудно работать (главным образом писать) самому.

Я тоже очень жалею, что не встретила с Вами на конгрессе востоковедов в 1960 г.**** Я не предполагала, что кто-либо кроме проф. Г. Д. Санжеева будет заниматься переводом работ Вл. Людв.

С искренним приветом,

М. Котвич.

Комментарии к письму М. Котвич Ф. Д. Ашнину

* Первоначальный план Федора Дмитриевича издать монографию «Местоимения в алтайских языках» в АН СССР (о чем упоминает в своем письме М. Котвич) выкристаллизовался в самом начале 60-х гг. и впоследствии не вполне оправдался: перевод вышел в свет в составе «Исследований по монгольской филологии» [Котвич 1978: 3—96] (В. И. Цинциус и Ф. Д. Ашнин выступают как переводчики с французского; ответственный редактор П. Ц. Биткеев).

Подготовленный и опубликованный Ф. Д. Ашниним перевод монографии В. Л. Котвича, вышедшей в Кракове в 1936 г., — не единственный труд, к созданию и публикации которого наряду с В. Л. Котвичем (при его жизни и посмертно) оказались привлечены русские тюркологи. В публикации 1914 г., посвященной обнаруженному В. Л. Котвичем памятнику с орхонскими письменами в местности Ихе-Хушоту (Центральная Монголия), А. Н. Самойлович изложил содержание надписи в своей собственной интерпретации.

После возвращения В. Л. Котвича в Польшу его предложение совместно заняться подробным разбором этой надписи было принято А. Н. Самойловичем. В. Л. Котвич дал детальное описание памятника, а А. Н. Самойлович представил свой опыт расшифровки этой надписи со специальными замечаниями относительно ее словаря (библиографию см.: [Самойлович 2008: 399, сноска 156]).

** «(...) мы могли уехать в Польшу только в октябре 1923 г.»

Об отъезде В. Л. Котвича В. В. Бартольд сообщал А. Н. Самойловичу в Баку. В письме от 11.11.1923 г. он упоминает о том, что еще на октябрьском заседании «Восточного отделения» было сообщение В. Л. Котвича о некоторых монгольских памятниках. В письме же от 02.12.1923 г. речь идет о том, что «в Восточном отделении мы в четверг 29-го (ноября) устроили “синологическое” заседание. (...) На заседании уже не стало быть В. Л. Котвича, которого мы недавно лишились; как Вы, вероятно, знаете, он уехал в Польшу. Ему устроили проводы в Азиатском музее, но единения не чувствовалось. В. Л. Котвич сам внес некоторую холодную струю своими словами об отъезде на свою воскресшую родину и выражал надежды увидеть когда-нибудь некоторых из нас в... Варшаве. Правда, говорилось и о возможных приездах его в Петроград, но в это, кажется, мало кто верил. Как последний результат его работы среди нас только что вышла красиво изданная под его редакцией “памятка” Коллегии востоковедов про Азиатский музей — “Востоковедение в Петрограде 1918—22 гг.”» [Самойлович 2008: 131, №48 и 136, №50].

*** Калмыцкая комиссия культурных работников (в Праге) — орган «белой» эмиграции в Чехословакии.

**** Речь идет о XXV Международном конгрессе востоковедов (Москва, 1960 г.).

Письмо Ф. Д. Ашнина А. Т. Тыбыковой от 30 марта 1989 г.

(текст приводится полностью)

30 марта 1989 г.

Здравствуйте, Александра Тайбановна!

Заканчивается первый месяц весны. Так же быстро промчится апрель, а там, как на ладони, и май. Если я правильно понял Вас, конференция* должна состояться приблизительно между 20 и 23 и ю н я. Между нами говоря, сдвиг в ту или другую сторону в пределах того же месяца и недели не имеет значения, но это для меня: в этом отношении у меня как пенсионера есть определенное преимущество, так как я распоряжаюсь своим временем по своему усмотрению. Но и мне, и в особенности Виктору Николаевичу Ведерникову** надо точно знать время начала и окончания конференции, — мне, чтобы спланировать время госпитализации (а это две недели в стационаре в Больнице на Ленинском проспекте и две недели в загородном отделении в «Успенском», в общей сложности около месяца, в течение которого я не принадлежу себе), а Виктору — чтобы своевременно заявить и оформить в своей Высшей партийной школе командировку.

Вы говорили по телефону, что было бы хорошо, если бы каждый из нас представил нечто вроде тезисов. Ведерникову сделать тезисы сообщения проще простого, поскольку он совсем недавно защитил диссертацию. А что в этом отношении Вы ждете от меня? У меня есть готовый текст статьи того, что Вы назвали «кухней», как и почему были установлены авторство и название Алтайской грамматики (статья составляет 42 страницы). Я располагаю также необходимыми материалами, чтобы по 30—40 минут на каждого рассказать о Казем-беке, Ильминском, Вербицком, Макарии Невском (благо, теперь можно безбоязненно говорить о языковедах из числа миссионеров, хотя серьезные историки науки всегда воздавали должное таким миссионерам, как специалист и первооткрыватель языка алеутов Иннокентий), а также — в связи с некоторой зависимостью Алт(айской) гр(аммати)ки от Якут(ской) гр(аммати)ки — о Бётлингке, который привнес в тюркологию исследовательскую практику и приемы описания, отработанные и отшлифованные в санскрите и вообще в индологии; если такой мостик от якутского к алтайскому будет одобрен слушателями, то я рискну перекинуть еще один мостик, больше в историческом плане, нежели в территориальном, т. е. расскажу о Махмуде Кашгарском, человеке, родившемся в Прииссыкулье в среде знатных караханидов в XI в., глубоко усвоившем арабскую грамматическую и лексикографическую традиции, которые он творчески преломил в тюркском языкознании. О Махмуде Кашгарском я могу говорить бесконечно много, поскольку перевел для себя редакторское введение Данкова и Келли к американскому изданию Дивана и подготовил к публикации наиболее ответственную главу «Фонология» Дивана. Как видите, у Вас широкий выбор. Но для того, чтобы «круглый стол» или семинар состоялся, надо, чтобы возможно скорее дали мне и Виктору знать, что именно и в какой форме Вы ждете от нас до начала конференции. Мой адрес и дом. телефон Вы знаете. Сообщаю Вам аналогичные сведения о В. Н. Ведерникове: ⟨...⟩. Второе: что именно Вы и Ваши коллеги хотели бы услышать от меня; о каких ученых прошлого аудитория хотела бы послушать, чтобы я не просто извлекал из памяти те или иные сведения, интересные для алтайских языковедов, а сделал бы отбор имен, расставил интересные для алтайцев акценты, подготовил фотопортреты и, главное, сделал, лежа в Больнице, нечто вроде шпаргалок (заранее оговариваюсь: текста бесед в записанном виде у меня не будет, но никакой контрреволюции я в своих рассказах, естественно, не допущу).

Кстати, в числе близких моему сердцу фигур есть еще Евгений Дмитриевич Поливанов, ради которого я сделал около десяти визитов в Военную коллегия и Прокуратуру СССР и о котором я теперь могу прояснить все «белые пятна» вплоть до расстрела; есть еще Алексей Михайлович Сухотин, который только одной своей гранью вошел в тюркологию и, по счастью, именно в алтайское языкознание. Вот Вам еще две фигуры для выбора — обдумывайте, выбирайте и давайте мне задание, но делайте это поскорее: ведь при множестве сюжетов для занятий у меня мало времени и еще меньше — здоровья, которое ограничивает мои благие порывы.

Третье и главное: скорее решайте вопрос о том, как Ваш Институт выйдет из положения с оплатой дороги. Это для меня не теория, а удручающая практика: 132 рубля в месяц «и на мыло, и на шило, и чтоб девушкам хватило» (это из солдатского быта).

По секрету скажу Вам: после «поливановской» дискуссии 1929 г., в итоге которой он в докладе и заключительном слове о Марре и марризме доказал, что «король-то — голый!», воспоследовала серия внесудебных решений, которыми более 35 крупнейших ученых-филологов было репрессировано, а некоторые погибли в лагерях или были расстреляны. Разумеется, репрессированы и расстреляны безвинно. В связи с большим объемом работы по выявлению наших потерь в 30-е гг. очень медленно идет мой этюд «Е. Д. Поливанов, его единомышленники и оппоненты (По следам дискуссии 1929 года)» для ВЯ («Вопросов языкознания»). Правда, частично это окупается попутным занятием: вкупе с одним марро-

ведом работаю над статьей «Проблемы идеологизации науки и лингвистика» для сборника, который задуман как резко антисталинский — а для нас антимарровский — и предположен для Политиздата как наиболее авторитетного и оперативного из всех издательств Союза.

Из сказанного Вы можете заключить, что и без поездки на Алтай у меня есть чем заняться и поездка к Вам — в известном смысле жертва. Но ради Алтая я охотно иду на это. Только и горноалтайцы должны понять мое положение и принять решение без проволочек. В случае отрицательного решения по поводу меня, я огорчен не буду, а Виктор — приедет и без меня, только пришлите ему скорее приглашение.

Сердечно Ваш,

Ф. Д. Ашнин.

Комментарии к публикуемому письму

Ф. Д. Ашнина А. Т. Тыбыковой от 30 марта 1989 г.

* По инициативе Тыбыковой Александры Тайбановны, доктора филологических наук, профессора кафедры алтайского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета, Ф. Д. Ашнин был приглашен участвовать в научной конференции, которая проходила в Горно-Алтайске в 1989 г.

** Виктор Николаевич Ведерников в свое время был аспирантом И. Г. Добродомова в МГПИ им. В. И. Ленина. По совету Ф. Д. Ашнина он написал статью [Ведерников 1986], где коснулся «системы Ильминского», известной в истории педагогики.

Сокращения

аз. — азербайджанский язык

тур. — турецкий язык

Литература

Ведерников 1986 — *Ведерников В. Н.* Первый учебник русского языка для казахов // Русский язык в национальной школе. 1986, 12.

Дмитриев 2001 — *Дмитриев Н. К.* Ксения Савельевна Кашталева / Вступ. ст., публ. и комм. *Благовой Г. Ф.* // Восток (Oriens). 2001, 6. С. 114—120, 121—126.

Котвич 1978 — *Котвич В. Л.* Местоимения в алтайских языках (пер. с франц. *Цинциус В. И.* и *Ашнина Ф. Д.*) // Исследования по монгольской филологии / Отв. ред. *Биткеев П. Ц.* М., 1978. С. 3—96 (из них с. 88—96: «Важнейшая литература по местоимениям, появившаяся после выхода в свет настоящей работы В. Л. Котвича на французском языке в 1936 г.»).

ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *Ярцева В. Н. М.*, 1990.

Самойлович 2005 — *Самойлович А. Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника / Сост. и отв. ред. *Благова Г. Ф., Насилов Д. М. М.*, 2005.

Самойлович 2008 — Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография / Сост. *Благова Г. Ф.* М., 2008.

СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1988.

Kotwicz 1936 — *Kotwicz W.* Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936.

«Камень на дороге времени»: к 175-летию В. В. Радлова (1837—1918)

Есть два способа жить: вы можете жить так,
как будто чудес не бывает, и вы можете жить так,
как будто все в этом мире является чудом.

Альберт Эйнштейн

5 (17) января 2012 г. исполнилось 175 лет со дня рождения Фридриха Вильгельма (в России — Василья Васильевича) Радлова — выдающегося российского востоковеда, одного из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков, этнографа, археолога, организатора науки и музейного дела, академика Петербургской Академии наук. Неоспорима его роль в истории Музея антропологии и этнографии¹ и Азиатского музея, а также ряда других научных учреждений России. Без его имени невозможно представить историю изучения Алтая, Сибири и Центральной Азии. Наследие В. В. Радлова многообразно — это книги и статьи, экспедиции, музейные коллекции, международные научные школы. Учениками его учеников считают себя многие ученые и в России, и за ее пределами. Встреча с В. В. Радловым самым радикальным образом повлияла на судьбы множества людей, каждый из которых внес значительный вклад в сокровищницу российской науки и культуры.

Хорошо известно, что Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге обязан своей научной репутацией и значительной частью коллекций именно В. В. Радлову, сыгравшему в его истории роль, уступающую лишь роли самого Петра. В 1918 г., который трагически совпал со смертью В. В. Радлова, его коллеги и ученики задумали создать в Музее памятный отдел, посвященный выдающемуся директору МАЭ, и учредить ежегодные чтения, которые собирали бы под крышей Музея тех ученых, которые так или иначе связаны с наследием этого великого человека.

К сожалению, далеко не все из задуманного было реализовано в те годы, — сначала гражданская война, а затем и идеологические предпочтения новой власти наложили свой отпечаток и на развитие начинаний самого В. В. Радлова, и на инициативы его коллег. Хотя его имя и не было забыто, но случилось так, что посвященная ему мемориальная доска, которая исторически располагалась на стене «дома академиков» на Васильевском острове (7 линия, 2/1), в 1920-е гг. была демонтирована, а последние десятилетия была заброшена и могила великого тюрколога на Смоленском лютеранском кладбище Петербурга. Сегодня там небезопасно передвигаться — именно поэтому в 2009 г. Правительство города приняло решение о реконструкции этого кладбища. Сама могила академика В. В. Радлова, лишенная особого памятника, находится в плачевном состоянии, — и это невзирая на то, что она внесена в Реестр объектов федерального значения и охраняется государством.

Наследие В. В. Радлова велико и многообразно, но для авторов статьи, ежедневно проходящих в старинное здание Кунсткамеры на берегу Невы, наиболее близки его заслуги в реорганизации, а, по существу, в создании ведущего российского этнографического музея. Накануне юбилея в нашем распоряжении оказался уникальный в своем роде документ, который был передан в дар МАЭ потомками академика В. В. Радлова, проживающими сегодня в Казани. В числе материалов из личного архива — черновик части текста торжественной речи, произнесенной коллегами В. В. Радлова 14 мая 1909 г., в день 50-летия его научной деятельности в России² [Matveeva 2011: 46—53].

¹ Директором МАЭ В. В. Радлов был до конца своей жизни. Его научному творчеству, прежде всего — лингвистическому, открытию и изучению памятников рунической письменности и древнеуйгурских памятников, — посвящен «Тюркологический сборник—1972» [ТС 1972]. Там же см. «Хронологический перечень трудов В. В. Радлова и литературы о нем» (составила Н. А. Дулина) [ТС 1972: 261—276].

² Бумага, чернила. 29,0 × 21,0 см. 1909 г. Передан в дар МАЭ проф. В. П. Барабановым, правнуком В. В. Радлова. Рукописный текст составлен тремя коллегами В. В. Радлова: каждый из текстов, написанных разными авторами, выделен кавычками. Последний фрагмент принадлежит руке Л. Я. Штернберга. Обладателей двух других почерков пока идентифицировать не удалось.

Матвеева Полина Александровна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург);
pmatveeva@kunstkamera.ru

Резван Ефим Анатольевич, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург);
rezvan@kunstkamera.ru

«В. В. Радлову

Алтай 1859 г. С.-Петербург 14 мая 1909 г.

Сегодня, дорогой Василий Васильевич, в торжественный момент, когда люди, по выражению историка, любят класть камень на дороге времени, чувствуя потребность оглянуться назад на долгий пройденный путь, сегодня обозревая полувековой путь Вашей деятельности, путь непрерывного труда и неиссякаемой энергии, здесь будут говорить о Ваших огромных заслугах перед наукой, разносторонних талантах, творческой инициативе и активности, которые Вы проявили на всех поприщах и во всех областях, которых только коснулась Ваша легкая, счастливая, творческая рука.

Сегодня день итогов... Итоги, естественно, просятся с уст и Ваших сотрудников по музею, в сборнике, посвященному Вашему семидесятилетию подводили итоги Вашему 12-летнему руководству Музеем, Вашей неутомимой и творческой деятельности, благодаря которой из забытого и забитого склада этнографических и антропологических предметов Музей превратился за годы Вашего управления в серьезное, живое и растущее учреждение, в научную лабораторию для специалистов, ценное воспитательное учреждение для молодежи и широких масс населения. Теперь эти итоги еще более выросли за истекшие годы. И теперь, в эту самую минуту Вы полны новых планов, новых мечтаний о дальнейшем процветании нашего Музея, Вы заняты в эти дни мыслью еще шире раздвинуть стены нашего переполненного помещения, дав ему широкий простор, достойныйместилища памятников великой эволюции человека и человеческой культуры».

«Но не об этих итогах, быть может, еще более видных посторонним, чем нам, мы больше всего хотели бы говорить в этот радостный момент. Мы, которым выпало на долю работать вместе с Вами изо дня в день, видеть Вас не только в праздничных одеждах конечных успехов, но и в серых одеждах повседневных будней, в которые глубже и яснее познается человек, мы хотели бы говорить о том, без чего объективные заслуги Ваши остались бы холодным памятником, не согретым лучами лучших сторон Вашей цельной натуры».

«Мы хотели бы говорить о величавой и обаятельной простоте Вашей, этом высшем признаке всякой неподдельной силы, простоте, с которой Вы изо дня в день одинаково тихо и легко делали черную работу повседневности и осуществляли широко задуманные планы, преодолевая нередко огромные препятствия, не ощущая при этом сами и еще менее давая чувствовать другим ни тяжести своих забот, ни Ваших преимуществ, ни Вашего руководства, — и этой простотой Вашей Вы создали в нашем дорогом учреждении атмосферу легкого, радостного, солидарного труда, чуждого трений личностей и самолюбий.

Мы хотели бы говорить о Вашем природном гуманном идеализме, для которого Ваш идеализм философский является только маленьким украшением, природном идеализме, который без категорических императивов, без всяких усилий сеет, как природа, вокруг себя доброе и прекрасное. Мы хотели бы говорить о Вашей высокой и простой человечности, с которой Вы во всякую минуту готовы были откликнуться на каждое отдельное горе, без всяких колебаний жертвуя в таких случаях своим досугом, своими трудами, нередко и самолюбием. Мы хотели бы говорить о Вашем высоком беспристрастии к людям, которое всегда ставило дело выше личностей, нередко жертвовав своими личными симпатиями ради интересов учреждения. Наконец, хотели бы говорить о Вашем редком даре привлекать людей, заражать их своей жизнерадостностью и энтузиазмом.

Заканчивая наше приветствие, мы хотели бы напомнить Вам изречение великого поэта Вашей старой родины. Он делил людей на натуры прекрасные, которые служат человечеству тем одним, что они есть, и на те, которые служат ему трудом.

Вы служили человечеству и тем, и другим.

И да будет Вам слава! И да будет нам дано еще долго, долго не разлучаться с Вами, прекрасным и сильным!

На этой священной ткани³, служащей символом любви и благожеланий у сотен миллионов людей, столь прекрасно представленных своими верованиями в нашем Музее, мы начертали те немногие слова, которые так скупо приходят на уста именно тогда, когда сердца переполнены».

«Статский советник Фридрих Вильгельм Радлов, лютеранского происхождения, кавалер орденов: Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Станислава 2 ст. с Императорской короной и Св. Станислава 3 ст. На подданство России принял присягу 11 мая 1859 г.» [СПФ АРАН⁴, ф. 4, оп. 4, е. х. 503: л. 122;

³ Речь, по-видимому, идет о хадаке — длинном ритуальном шарфе, буддистском символе гостеприимства, чистоты и бескорыстия даящего, дружеского и радушного отношения. Хадак может быть преподнесен по любому праздничному поводу, такому, как свадьба, рождение ребенка, прибытие-отбытие гостей и др. Подробнее см.: [Matveeva 2011]. В день пятидесятилетия ученой деятельности В. В. Радлову было преподнесено шесть адресов; см.: «Хронологический перечень трудов Радлова и литературы о нем» (составила Н. А. Дулина) [ТС 1972: 276], а также [Живая старина 1909: XXVI—XXXIII] и «Из жизни и деятельности Радлова» Л. Я. Штернберга [там же: I—XXV].

⁴ Здесь и далее СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Решетов 2002: 95—101]. Василий Васильевич Радлов (5 января (17 января) 1837 — 12 мая 1918) родился в Берлине, в семье городского комиссара полиции (его отец — запасный офицер Прусской службы, участник войны 1813 г.).

В. В. Радлов был единственным сыном в семье и смог получить прекрасное образование. По окончании гимназии, в 1854 г., семнадцатилетний Радлов поступает на философский факультет Берлинского университета, где первоначально увлекается теологией, но вскоре его интерес привлекает сравнительно-историческое языкознание, — в Германии в то время была эпоха расцвета этой науки. В. В. Радлов слушает лекции по индоевропеистике и исторической фонетике, по еврейскому, персидскому, арабскому, китайскому и турецкому языкам. Увлечшись востоковедением, он становится учеником географа К. Риттера и берет уроки восточных языков, в первую очередь монгольского и татарского. Вскоре у молодого В. В. Радлова формируется интерес к уральским и алтайским языкам, и он принимает решение отправиться в Россию с целью их изучения.

Незадолго до этого (1854 г.) в Санкт-Петербургском университете был основан Восточный факультет, и столица России постепенно становилась одним из мировых центров ориенталистики. По инициативе Русского географического общества здесь вновь и вновь снаряжались экспедиции на Восток, и возможность принять участие в одной из них казалась В. В. Радлову крайне заманчивой. В мае 1858 г. он успешно защитил в Йенском университете диссертацию на тему «О влиянии религии на народы Азии» [Радлов 1858] и был удостоен степени доктора философии.

В июне этого же года В. В. Радлов прибыл в Санкт-Петербург. В его первоначальные планы входило поступление на Восточный факультет, но вскоре он предпочел заниматься самостоятельно при Азиатском музее и зарабатывать на жизнь частными уроками. В. В. Радлов рассчитывал принять участие в экспедиции Ф. Б. Шмидта в Амурский край, которую планировало организовать Русское географическое общество. Однако экспедиция не состоялась, и молодому Радлову было предложено занять место преподавателя немецкого и латинского языков в Барнаульском Высшем горном училище. Назначение сулило жалование в 1000 рублей в год и давало возможность изучать языки Алтая непосредственно в языковой среде. Кроме того, в течение пяти лет ему выплачивалось по 700 рублей в год на летние разъезды по Алтайскому краю.

19 марта 1859 г. в Экзаменационном комитете Императорского Университета В. В. Радлов успешно прошел общее специальное испытание на звание учителя немецкого языка в гимназиях и был признан достойным этого звания. 11 мая того же года он принял присягу на верность и подданство России. Спустя три дня, 14 мая, он получил официальное назначение в Барнаул, куда через некоторое время приехала и его невеста — Полина Августовна Фромм (Pauline von Radloff), с которой он обручился еще в Германии и которая родила ему в России пятерых детей.

На Алтае В. В. Радлов начал целеустремленное изучение местных языков, фольклора и истории: летом 1860 г. он использовал свой первый отпуск для поездки в Бийск, где собирал языковой материал в полевых условиях. Днем В. В. Радлов преподавал в окружном горном училище, а по вечерам сам занимался с калмыком-информантом.

Всего за период своего пребывания на Алтае В. В. Радлов совершил десять ежегодных (с перерывом в 1864 г.) экспедиционных поездок к алтайцам, телеутам, шорцам, кумандинцам, тувинцам, казахам, киргизам, абаканским татарам (хакасам), западно-сибирским татарам и китайцам. В 1866 г. вышел первый том его знаменитого десятитомного труда «Образцы народной литературы тюркских племен» [Радлов 1866] (собрание текстов на тюркских языках с немецким переводом), второй том — «Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское» [Радлов 1868] — вышел в 1868 г., а третий («Наречия киргизов» [Радлов 1870]) — в 1870 г. Это было выдающееся по охвату лингвистического и фольклорного материала издание, которое сразу же сделало имя В. В. Радлова известным в научном мире. Кроме этих капитальных работ по результатам экспедиций за годы пребывания на Алтае Радлов издал еще несколько важных статей: «Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность» [Радлов 1871], «Средняя Зеравшанская долина» [Радлов 1880] и целый ряд отчетов о своих путешествиях в «Известиях» Географического общества [ТС 1972: 262, 264].

В 1862 г. Императорская Археологическая комиссия поручает В. В. Радлову «заняться исследованием главнейших курганов, которые будут встречаться ему на пути» [СПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, е. х. 503: л. 122]. Он проводит археологические раскопки на Алтае, в Барабинской и Киргизской степи, в Минусинской котловине, в различных районах Средней Азии. Всего в 1863—1869 гг. при его участии было раскопано около 150 курганов, в том числе и знаменитый Большой Катандинский. Нужно отметить, что В. В. Радлов вел археологические раскопки на образцовом для того времени уровне. Он сам разрабатывал новые приемы изучения древних памятников и стремился к совершенствованию уже существующих. Его археологические работы положили, в частности, начало изучению Пазырыкской культуры. Именно на Ал-

тае В. В. Радлов сформировался как высокопрофессиональный тюрколог-универсал [Артюх 2005]; подробнее об алтайском периоде см.: [Артюх 2006].

На жалование в тысячу рублей содержать увеличивавшуюся семью не представлялось возможным, и в 1871 г. В. В. Радлов отправился в Санкт-Петербург во второй раз. По пути он совершил остановку в Казани у знаменитого тюрколога профессора Н. И. Ильминского, в том же году избранного членом-корреспондентом Императорской академии наук и с 1863 г. занимавшегося еще и устройством «инородческого образования». Н. И. Ильминский познакомил его с попечителем учебного округа Казани, и тот обратился к В. В. Радлову с предложением об организации школ для татар-мусульман на тех же условиях, что и для татар-христиан. Этот во многом новаторский проект предстояло провести законодательным путем, и, в случае согласия со стороны В. В. Радлова, он должен был сам доложить об этом Министру народного просвещения графу Д. И. Толстому. В Министерстве был составлен проект, и нужно было ждать очереди для проведения его в Государственном Совете. Тогда В. В. Радлов решился на радикальный, но единственно правильный шаг — он добился аудиенции у Великого князя Константина Николаевича, председателя Государственного Совета, и провел проект без очереди.

Еще в ходе своего первого пребывания в Санкт-Петербурге (1858 г.) В. В. Радлов с его отменными рекомендациями смог познакомиться с ближайшей сподвижницей Великой княгини Елены Павловны — влиятельной и прекрасно образованной баронессой Эдит фон Раден, — а также с другими петербургскими немцами, составлявшими влиятельнейшую прослойку столичной бюрократии. Именно эти связи помогли В. В. Радлову быстро решить в Петербурге деловые вопросы; в дальнейшем он многократно будет обращаться за поддержкой к своим влиятельным соотечественникам и всегда будет ее находить.

Перед тем, как приступить к исполнению обязанностей инспектора татарских, башкирских и киргизских мусульманских школ Казанского учебного округа, В. В. Радлов по заданию Министерства народного просвещения отправляется в командировку в Европу и объезжает крупные образовательные центры, посещает лучшие школы, беседует там с учителями. В Берлине В. В. Радлов получает поддержку от графа Д. И. Толстого, приобретает учебные пособия для работы в Казани, встречается с директорами гимназий.

Вскоре В. В. Радлов «приказом г. Управляющего Министерством народного просвещения от 8 января 1872 г. №1 назначен инспектором татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа с отчислением от Министерства» [СПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, е. х. 503: л. 122]. Первое, о чем позаботился В. В. Радлов (вслед за Н. И. Ильминским), — это подготовка учителей из татар. Он разработал методику преподавания (для этого он вновь взялся за изучение естественных наук) и, учитывая неопытность учителей, был вынужден лично руководить преподаванием всех предметов, а по некоторым даже составлять учебники. В. В. Радлов также приступил к организации школы для девочек, и лишь незначительное число желающих обучаться помешало организации проекта. Тем не менее, В. В. Радлову удалось открыть две учительские школы в Казани и Уфе, подготовить более тридцати учителей и учредить до сорока народных училищ [Биккенин 2006: 7—13]. «Указом Правительствующего сената от 15 февраля 1874 г. за № 510 произведен за выслугу лет в надворные советники, а указом от 12 апреля 1876 г. за № 35 произведен за выслугу лет в коллежские советники» [СПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, е. х. 503: л. 122].

Пройдет совсем немного времени, и этот аспект многогранной деятельности В. В. Радлова принесет удивительные плоды. Многими из его достижений воспользовались представители мусульманского обновленческого движения «усул-и-джадид». Либералы-обновленцы (джадиды), стараясь совместить ислам с современной наукой и просвещением на русском языке, подошли к необходимости реформы ислама в ответ на вызов европейской цивилизации. Их идеи реформы мусульманской школы быстро нашли себе сторонников не только в России, но и в Турции, Персии, Индии, — такие школы дали российским мусульманам выдающихся богословов и общественных деятелей. Стараниями джадидов большой размах получила в России и мусульманская печать: вскоре типографии, работавшие в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Уфе, Бахчисарае, Ташкенте, Самарканде и ряде других городов уже выпускали десятки наименований учебных пособий и книг на национальных языках (этот аспект многогранной деятельности В. В. Радлова, несомненно, заслуживает специального исследования).

Занимаясь организационной работой, В. В. Радлов параллельно изучает тюркские языки народов Поволжья, со свойственной ему энергией участвует в деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Казанском университете, активно общается с выдающимся лингвистом-теоретиком И. А. Бодуэном де Куртенэ. В 1872 г. выходит в свет четвертая часть «Образцов народной литературы тюркских племен» — «Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар» [Радлов 1872]. Последней его работой в Казани считается труд «Aus Sibirien» [Radloff 1884], в котором собраны богатые материалы по этнографии, археологии и религии Западной Сибири.

Впоследствии, уже в Петербурге, начиная с 1888 г., В. В. Радлов начнет публиковать свой «Опыт словаря тюркских наречий» [Радлов 1888—1911], который выходил выпусками в течение двадцати лет,

вплоть до 1911 г. «Опыт...» представлял собой тюркско-русско-немецкий словарь, в который В. В. Радлов включил материалы примерно по сорока тюркским языкам и наречиям, часть которых он собрал лично. Этот первый общетюркский словарь стал сенсацией в научном мире того периода, он до сих пор сохраняет свое высокое научное значение (дважды переиздавался — в 1960 и 1963 гг.).

В конце 1884 г. В. В. Радлов вернулся в Петербург. 7 ноября того же года при содействии Н. И. Ильминского, который отказался от почетного звания академика АН в пользу В. В. Радлова, последнего избирают ординарным академиком Императорской Академии наук по части истории и древностей азиатских народов. Вскоре он получает назначение на должность директора Азиатского музея. Начинается каждодневная, рутинная, но исключительно важная работа по пополнению, организации хранения и каталогизации этого крупнейшего собрания восточных рукописей.

В. В. Радлов продолжает публиковать свои материалы, организует новые экспедиции (1886 г. — Крым, язык крымских татар; 1887 г. — Литва и Волынь, язык караимов; 1891 г. — Монголия). В ходе последней экспедиции, ставшей вскоре знаменитой и получившей название Орхонской, были открыты орхон-енисейские рунические надписи. В 1894 г. В. В. Радлов завершил перевод и осуществил публикацию этих памятников, а уже в 1895 г. были опубликованы переводы сорока енисейских надписей. Всего с 1892 по 1903 гг. вышло в свет пятнадцать томов «Сборника трудов Орхонской экспедиции» [Радлов 1892—1903]. В 1928 г. А. Н. Самойлович так писал о современном «турковедении»: «обогащенное многочисленными, крупнейшими трудами великого пионера нашей науки В. Радлова и руководимое первоклассным лингвистом, мастером филологического метода, гениальным автором дешифровки турецких рун В. Томсеном» [Самойлович 2005: 147].

15 марта 1894 г. на объединенном заседании физико-математического и историко-филологического отделений АН В. В. Радлова избирают на должность директора Музея антропологии и этнографии. Начинается последний и один из наиболее плодотворных этапов его творческой биографии [Материалы 1917].

Трудно было представить себе «что-нибудь более забитое и плачевное, чем наш этнографический музей», он «не заслуживает этого названия и справедливо может быть назван только временным складом или кладовой для хранения этнографической коллекции» [СПФ АРАН, ф. 2, оп. 1, е. х. 14: л. 41—41 об.], — отмечала в своем «Донесении» от 1887 г. («Донесение комиссии, назначенной для обсуждения вопроса о выгоднейшем размещении библиотеки и открытых для публики музеев Академии») специальная академическая комиссия. Музейные предметы, «сваленные в кучи, громоздились в подвалах без описей и нумерации», а научная атрибуция в таком случае становилась «уравнением со многими неизвестными» [Штернберг и др. 1907: 35]. Такой печальный вид имел еще недавно блестящий Императорский музей, буквально восставший из пепла после разрушительного пожара 1747 г., в результате которого погибла большая часть этнографических коллекций [Станюкович 1964]. Он медленно умирал после того, как на его базе был создан ряд самостоятельных академических музеев⁵. Значительная часть важнейших коллекций, а вместе с ними статус и финансовые возможности стали постепенно покидать стройный дом на набережной Невы, — первое в мире здание, построенное специально для музейных нужд. «Если антропологическая, или краниологическая часть музея, содержащая главным образом собрание черепов многочисленных народностей России, находилась в Музейном флигеле и была кое-как доступна для публики, то о существовании этнографического отдела, ютившегося в двух полутемных залах в здании Кунсткамеры, в городе почти никто не знал, более того, вряд ли о нем знали все академики» [Басаргина 2008: 292].

С самого начала В. В. Радлов отказывается от воззрения на Музей как на учреждение, предназначенное для изучения этнографии «преимущественно России», считая его в корне неправильным, и вынашивает проект *создания научного музея общечеловеческой культуры*, достойного столицы великой страны. «Такой музей не только должен дать полную картину отдельных культур самых различных народов, но, вместе с тем, должен представить все фазы процесса развития и распространения общечеловеческой культуры. Таким образом, территория научного ведения Музея — вся эйкумена человека, живой объект изучения — все народы земли» [Штернберг 1912: 454].

В. В. Радлов, приняв Музей в 1894 г. и возглавляя его четверть века, проявил себя как выдающийся организатор науки и администратор. Для решения поставленной задачи было необходимо создать на базе Музея *научный центр европейского уровня*, организовать пополнение, регистрацию и научное описание коллекций, создать новую современную экспозицию, обеспечить издание научных трудов. В основу

⁵ Этнографический, Азиатский, Египетский, Анатомический, Зоологический, Ботанический, Минералогический музей и Кабинет Петра I (Указ «Устав и штат Императорской Санкт-Петербургской Академии наук» от 8 января 1836 г.). В 1879 г. два из них, а именно Этнографический и Анатомический, были объединены в один общий Музей антропологии и этнографии.

деятельности Музея был положен принцип собирания путем *систематических* научных экспедиций. Все требовало самого неотложного решения: финансы, помещения, но главное — кадровый состав, — ведь в 1894 г. новоиспеченный директор застал в музее лишь одного хранителя (в тот период учебные заведения России не готовили специалистов по специальности «этнография»).

В. В. Радлов обладал научными связями в Европе, пользовался глубоким уважением в правительственных и деловых кругах, но при этом, являясь человеком подлинно широких взглядов, был готов к необычным кадровым решениям. Он не только сам закрывал глаза на политическое прошлое и взгляды коллег, но еще и брался добиться того же от представителей государства и академической администрации. В 1897 г. В. В. Радлов привлек к работе прекрасного сибирского этнографа и археолога — ссыльного народовольца Д. А. Клеменца. В 1898 г. он отправил Д. А. Клеменца в Турфанскую экспедицию (Китайский Туркестан), благодаря которой в России появились древнеуйгурские памятники, — В. В. Радлов немедленно начал их изучение и публикацию.

Для того чтобы в 1901 г. принять на работу Л. Я. Штернберга, ставшего вскоре ближайшим сподвижником В. В. Радлова, Академия наук выхлопотала ему трехмесячное право жительства в столице: «и каждые три месяца акад. В. В. Радлов или акад. К. Г. Залеман отправлялись в тогдашнее Охранное Отделение хлопотать о продлении разрешения. Дело в том, что на Льве Яковлевиче лежало тогда два несмываемых “позорных пятна”: он был революционер, политический преступник, а во-вторых, еврей, еврей без диплома высшего учебного заведения» [Ратнер-Штернберг 1925: 32—33].

После серии арестов за участие в революционном движении и ссылки в Сибирь разрешение на проживание в Петербурге «с целью поступления в Академию художеств» по ходатайству В. В. Радлова получил С. М. Дудин, который в 1891 г. в качестве рисовальщика ездил с его экспедицией в Монголию. Вскоре С. М. Дудин⁶, ставший одним из основателей научного направления, известного сегодня как визуальная антропология, возглавил отдел технической фотографии и под начальством С. Ф. Ольденбурга стал руководить Отделом древностей Китайского и Русского Туркестана. Заведующим Галереей императора Петра I, открытой в 1912 г., стал Э. К. Пекарский — бывший ссыльный, крупнейший знаток якутского языка и фольклора. В Музее начали работу жена и сын видного антрополога и народовольца Э. Ю. Петри, обосновавшегося после бегства из ссылки в Швейцарии (амнистирован в 1887 г.). С 1898 г. с Музеем сотрудничал народоволец и выдающийся исследователь культуры народов Северо-Восточной Азии В. И. Йохельсон, который впоследствии был приглашен В. В. Радловым заведовать Отделом Средней и Южной Америки. Корреспондентами Музея были политические ссыльные Б. П. Пилсудский (о нем см.: [Самойлович 2008: 335]) и В. Л. Серошевский, В. Г. Богораз и др. С 1906 по 1910 гг. в Музее работал сын политического ссыльного — этнограф и фольклорист В. Н. Васильев, исследователь материальной и духовной культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Наконец, более двадцати лет на общественных началах работал в Музее служащий Дворянского земельного банка — этнограф-любитель К. К. Гильзен, совершивший за свой счет экспедиционную поездку в США.

Такой подбор сотрудников не помешал В. В. Радлову создать в 1909 г. «Попечительный о Музее антропологии и этнографии имени императора Петра Великого совет», почетным председателем которого стал князь Александр Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский, а членами — ряд видных промышленников и меценатов⁷.

Была развернута огромная коллекционная работа. В. В. Радлов договаривается о передаче в дар Музею обширного собрания предметов из путешествия на Восток, совершенного в 1898 г. наследником-цесаревичем, получает интереснейшие коллекции выдающихся путешественников Н. М. Пржевальского и П. К. Козлова, писателя В. К. Арсеньева, первого покорителя Килиманджаро — известного немецкого путешественника Ганса Мейера. В поиске и приобретении коллекций В. В. Радлов обращается за помощью к местным российским краеведам.

По настоянию В. В. Радлова политические ссыльные, собирающие коллекции для Музея, по окончании срока ссылки получали разрешение на проживание в Петербурге и Москве для обработки собран-

⁶ К своему 300-летию МАЭ готовит большой исследовательский и выставочный проект, посвященный С. М. Дудину (подробнее см.: http://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2010_08_31/ и http://www.kunstkamera.ru/news_list/museum/2010_10_16/).

⁷ Среди членов совета были, в частности, племянник Альфреда Нобеля — действительный статский советник, промышленник и инженер Э. Л. Нобель, возглавлявший механический завод «Людвиг Нобель» («Русский дизель») и другие предприятия товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» в России; известный промышленник и финансист К. К. Шейблер, вице-председатель совета Торгового банка в Лодзи, председатель правления и директор-распорядитель ряда крупных промышленных предприятий; герой русско-турецкой и русско-японской войны генерал Ф. Е. Мейендорф; барон А. П. Остен-Дризен; известный немецкий путешественник и географ, профессор Лейпцигского университета Г. Мейер и др.

ных коллекций, а наиболее ревностные дарители благодаря В. В. Радлову стали обладателями почетных званий и правительственных наград. Был создан «штат» официальных корреспондентов Музея, а сотрудничество с профильными музеями в Европе и Америке позволило организовать обмен этнографическими и археологическими собраниями; значительные коллекции регулярно закупались в Европе на средства благотворителей.

Музей (и его директор лично) разрабатывает подробные научные инструкции по сбору коллекций, вводится современная система регистрации [Радлов 1898]. К работе по регистрации привлекались все без исключения сотрудники Музея, включая самого директора, который всегда передавал в МАЭ собственные экспедиционные сборы и полученные подарки (Коллекции МАЭ РАН №№ 429, 451, 1033, 1489 и др.). В 1902 г. В. В. Радлов положил начало собственной библиотеке МАЭ, подарив Музею свое обширное книжное собрание.

Добываемым с большим трудом коллекциям нужно было обеспечить не только надежное хранение, но и добиться возможности их экспонирования. После регистрации новые собрания приходилось немедленно укладывать обратно в ящики, и только благодаря личным связям В. В. Радлов смог обеспечить передачу Музею нескольких новых помещений в главном здании Академии, куда были перевезены антропологические и археологические коллекции. Вскоре увенчались успехом и хлопоты о переводе в ведение Музея сначала первого этажа, а потом и всего музейного флигеля, однако денег на покупку новых музейных витрин в бюджет заложено не было. «И выход был очень скоро найден: хотя Л. Я. Штернберг — *Примеч. авт.*» был приглашен на место старшего этнографа с соответственным содержанием, но ввиду того, что до получения университетского диплома он считался на службе по вольному найму, от директора зависело назначение ему размера жалованья. И вот, по обоюдному соглашению, было постановлено, что Л. Я., исполняя обязанности старшего этнографа, вместо жалованья в 2800 р. будет в течение двух лет получать жалованье в размере 1500 р., а имеющий получиться от этой экономии за два года остаток в 2600 р. пойдет на нужды Музея» [Ратнер-Штернберг 1925: 33—34]. Музейные шкафы, заказанные на эти деньги в Германии, до сих пор можно увидеть на первом этаже Музея. А вскоре на средства одного из членов Попечительного совета⁸ была произведена надстройка третьего этажа музейного флигеля.

Почти полное отсутствие соответствующего бюджетного финансирования не остановило развертывание экспедиционной работы⁹. В 1902 г. на средства члена Совета Г. Майера Музей командировал Б. П. Пилсудского на Сахалин и В. Л. Серошевского в Маньчжурию, в 1908 г. — В. И. Анучина к тунгусам и В. Н. Васильева к карагасам, сойотам и монголам. Помощь Совета позволила организовать масштабную и чрезвычайно плодотворную экспедицию в Индию, Цейлон, Малайю, Сингапур и Индонезию (А. М. и Л. А. Мерварты, 1914—1918 гг.) — член Совета Б. А. Игнатъев пожертвовал на эту экспедицию 50000 рублей. Сегодня очевидно, что В. В. Радлов не смог бы поставить академический музей на один уровень с европейскими собраниями без привлечения частных пожертвований, — они сыграли, пожалуй, решающую роль в организации экспедиций и формировании этнографических коллекций Музея.

Благодаря В. В. Радлову находившийся в ведении Министерства иностранных дел Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, в который входили представители пяти научных учреждений и обществ и шести министерств, превратился фактически в экспедиционный отдел Музея. Экспедиции комитета снаряжались во многом по инициативе Музея, в него же по большей части поступали и собранные материалы. Особенно плодотворными оказались экспедиции Б. Я. Владимирцова в Монголию (1909 г.), Ф. И. Щербатского в Индию (1910 г.), С. Е. Малова в Восточный Туркестан (1909—1911 гг. и 1913—1915 гг.), В. М. Алексеева в Китай (1912 г.), Н. И. Конрада в Корею и Японию (1914 г.) [Люстерник 1975: 226]. В. В. Радлов стоял и у истоков знаменитых экспедиций С. Ф. Ольденбурга в Китайский Туркестан (1909—1910 гг. и 1914—1915 гг.). Значительная часть собранных тогда материалов была передана в Музей.

Только в 1912 г. Музею были выделены первые бюджетные деньги (4500 рублей) на организацию полевых исследований и самостоятельный сбор коллекций. И уже в 1913 г. С. Д. Майнагашев приступил к коллекционным сборам среди сагайцев Минусинского края; С. М. Широкогоров в 1915 и 1917 гг. рабо-

⁸ Первым почетным членом Попечительного совета, инженером-технологом Ф. Ю. Шотлендером была выделена на эти цели огромная по тем временам сумма — 70000 рублей, — а сам он по ходатайству Академии был возведен в потомственное дворянство.

⁹ Для решения этого вопроса В. В. Радлов был готов действовать даже в обход правил Академии: он пошел на заключение соглашений с частными предпринимателями о совместной организации экспедиций, по которому Музей передавал своему партнеру часть коллекций, собранных во время экспедиций. Такая практика в Академии прежде не существовала, и одна из таких попыток привела к громкому скандалу [Басаргина 2008: 302—304].



В. В. Радлов с коллективом сотрудников МАЭ. Фотоотпечаток на картонной рамке (25,0 × 19,0 см), 1914 г.

Из личного архива Ю. М. Шмидта. Слева направо сидят: М. А. Филаретова, Е. М. Кубиш, С. А. Ратнер-Штернберг, Е. Романова, Л. Я. Штернберг, В. В. Радлов, Э. К. Пекарский, Е. Л. Петри, К. К. Гильзен, В. И. Йохельсон; стоят: С. М. Дудин, А. И. Иванов, А. Б. Пиотровский, Б. Э. Петри, В. Лемешевский.

тал среди ороchon Забайкальской области и в Северной Маньчжурии; «Б. Э. Петри — среди бурят Иркутской губ.; Г. Д. Федоров собрал коллекции по культуре архангельских самоедов; И. М. Шухов — среди казымских остяков Березовского окр.; И. М. Суслов — среди тунгусов Туруханского края; В. К. Арсеньев — среди тунгусов Приамурской обл.; В. А. Иванов в Бухаре и пр.» [Ратнер-Штернберг 1925: 44—45].

Нужно было осваивать новые континенты и территории, снова были нужны новые люди. В 1913 г. Музей посылает в научную экспедицию в Эфиопию 27-летнего поэта Николая Гумилева¹⁰. В 1914—1915 гг. организуется экспедиция в Южную Америку, членами которой стали пять студентов-выпускников Петербургского университета: Г. Г. Манизер, Ф. А. Фиельструп, И. Д. Стрельников, Н. П. Танасийчук и В. В. Гейман. Средства на осуществление экспедиции выделил нефтепромышленник Э. Л. Нобель, член Попечительного совета Музея. Маршрут экспедиции проходил через Аргентину, Бразилию, Парагвай, Боливию, Чили, Тьерра-дель-Фуэго. Привезенному научному отчету экспедиции, получившей гордое название «Второй Российской Южно-американской», была присуждена Серебряная медаль Русского Географического Общества, а коллекции Музея обогатились интереснейшими собраниями.

В период, пока В. В. Радлов руководит Музеем, фотолaborатория МАЭ становится одной из наиболее оснащенных в мире, в экспедициях активно используются полевые фотокамеры и фонографы; Мерварты, прошедшие специальный курс обучения, увозят в Индию киноаппарат, в рассрочку приобретенный Музеем.

Музей становится учебным заведением — Л. Я. Штернберг читает в нем лекции по этнографии. Самому В. В. Радлову, имевшему заграничный диплом, по правилам того времени не позволялось читать лекции в университете, и после переезда в Санкт-Петербург он начинает занятия с талантливой молоде-

¹⁰ К своему 300-летию МАЭ готовит большой исследовательский и выставочный проект, посвященный Н. С. Гумилеву и его путешествию в Абиссинию (см.: http://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2008_04_17/).

жью. Среди постоянных участников этих занятий в разное время были П. М. Мелиоранский, В. В. Бартольд [Самойлович 2005: 127], А. Н. Самойлович (см. в письме В. В. Бартольда А. Н. Самойловичу от 17 сентября 1906 г. о предложении В. В. Радлова заниматься с Самойловичем [Самойлович 2008: 97—98]). Учениками В. В. Радлова были и «первый ученый из абаканских турков» Н. Ф. Катанов, и монголисты Б. Я. Владимирцев и А. Д. Руднев, а также Сергей Ефимович Малов (1880—1957), вскоре ставший преданным научным последователем В. В. Радлова¹¹.

Это было время острой научной дискуссии В. В. Радлова и В. Томсена относительно «алтайской» теории фонетики литературного языка древних уйгуров. «Алтайская теория» В. В. Радлова остроумно опровергается В. Томсеном, однако, принимая его поправки, В. В. Радлов, тем не менее, ищет подтверждение и своей гипотезе. Он надеется найти ее в фонетике малоизученного языка желтых уйгуров провинции Ганьсу [Тенишев 2005: 73]. С этой целью В. В. Радлов изыскал возможность послать в Китайский Туркестан своего ученика С. Е. Малова, и эти экспедиции (1909—1911 гг. и 1913—1915 гг.) оказались необычайно продуктивными [Малов 1951]. В ходе поездок С. Е. Малов собрал богатый материал по фольклору и этнографии (эти коллекции хранятся в МАЭ), однако важнейшая находка была сделана в 1909 г.: в одном из буддийских храмов селения Вунфыгу С. Е. Малов обнаружил почти полный список древнеуйгурской рукописи «Золотой блеск» («Алтун йарук»), которая дала ученым уникальные исследовательские материалы. А осуществленная В. В. Радловым и С. Е. Маловым публикация памятника древнеуйгурским шрифтом [Suvnarprabhāsa 1913—1917] стала одним из важных событий мировой науки той поры [Тенишев 1971: 32—41] (см. также издание [Suvnarprabhāsa 1930]).

После смерти В. В. Радлова С. Е. Малов продолжил работу над текстами из Китайского Туркестана, в частности завершил работу над знаменитым изданием «Памятники языка уйгуров», не доведенным до конца учителем. «Любопытна история этой книги. Целым рядом немецких экспедиций в первые годы XX века преимущественно в Турфанском оазисе на Западе Китая было открыто большое количество древнеуйгурских памятников юридического и другого содержания. В Германии эти рукописи ученые прочитать не смогли и приехали для расшифровки к Радлову в Россию. В. В. Радлов успешно справился с этой задачей, но книгу опубликовать не успел. Ее издание перешло в руки С. Е. Малова. Под его редакцией и с добавлением очень ценных словаря и примечаний была написана книга “Uigurische Sprachdenkmäler”, знаменуя собой огромное достижение русской филологической науки в области изучения памятников языка древних уйгуров» [Тенишев 2005: 74].

Заложенную В. В. Радловым тюркологическую традицию МАЭ блестяще продолжила Н. П. Дыренкова (1899—1941), ученица С. Е. Малова, Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. Выдающийся этнограф-фольклорист, она вслед за своими учителями собирала материал для научных работ в первую очередь в поле. Н. П. Дыренкова — автор ряда грамматик тюркских языков народов Сибири (шорской, хакасской, ойротской), первого корпуса шорских фольклорных текстов, серии статей по шаманству, традиционному мировоззрению и социальной организации народов Алтая¹².

В 1903 г. состоялось торжественное открытие новой этнографической экспозиции, а всего годом позднее выходит «Путеводитель по Музею антропологии и этнографии». Музей быстро возвращает к себе любовь горожан.

Если обратиться к периоду с 1894 г. (год избрания В. В. Радлова на должность директора Музея) по 1914 г. (начало Первой мировой войны), то коллекции музея возросли почти в пять раз¹³, а площади, им занимаемые, — в четыре раза, общее финансирование (включая пожертвования) возросло более чем в

¹¹ См. также письмо А. Н. Самойловича В. А. Гордлевскому: «Давнишняя моя идея объединить русских тюркологов начинает, по-видимому, осуществляться: по моей инициативе 12 сентября (1915 г.) основан на квартире Радлова *частный* (курсив Самойловича) кружок “алтаистов” (турецко-монгольско-маньчжурский)». «Радлов страшно увлекается кружком и недоволен, что редко собираемся (один раз в месяц)» [Самойлович 2008: 239—240]. После смерти В. В. Радлова в июне 1918 г. этот «частный» кружок был реорганизован (административно узаконен) в «Радловский кружок». В сентябре 1922 г. Академия наук по представлению В. В. Бартольда утвердила Положение о Радловском кружке при Музее антропологии и этнографии АН, изменив его специализацию — «развитие тех научных дисциплин, которым была посвящена деятельность Радлова, т. е. филологии, этнографии и истории турецких народностей» [Самойлович 2008: 298, примеч. 6]. Авторы искренне благодарны Г. Ф. Благовой за указание на эти документы.

¹² Н. П. Дыренкова умерла за своим рабочим столом в МАЭ в самый страшный год ленинградской блокады. В настоящее время МАЭ в серии «Кунсткамера—Архив» готовит к публикации ряд ее неизданных работ, по-прежнему сохраняющих большое научное значение.

¹³ В 1894 г. в Музее насчитывалось около 28000 предметов, а уже к 1913 г. — около 130000, и это не считая экспонатов знаменитой Петровской галереи (еще 3125 единиц хранения).

пять раз, штат увеличился с двух до тридцати человек (*рис.*). При В. В. Радлове МАЭ постепенно становится международным научным центром. Здесь возникает научная школа, впоследствии получившая название Ленинградской школы этнографии.

Сначала ревностно, а потом благожелательно встретил В. В. Радлов создание конкурирующего музейного проекта — Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III (основан 22 января 1902 г., ныне — Российский этнографический музей). Он полагал, что могучая инерция его проекта притянет к себе в результате и вновь созданную структуру.

Одним из важных проектов В. В. Радлова, который стоит, пожалуй, в одном ряду с попыткой создания музея общечеловеческой культуры, но которому, как и многим другим, по ряду объективных причин было не суждено осуществиться, является идея создания Памятного музея императора Петра Великого [Решетов 2008: 463—468]. В 1909 г. на заседании Историко-филологического отделения Академии В. В. Радлов высказал мысль, что «при такой интимной связи академических музеев с личностью императора Петра, естественно возникла мысль сосредоточить при одном из этих музеев все то, что связано с личностью его основателя, создав при нем особый отдел, куда могли бы быть собраны воедино Петровские объекты, ныне разбросанные в самых различных местах и учреждениях» [СПФ АРАН, ф. 142, оп. 3, е. х. 1: л. 12]. Обоснование было одно — в 1913 г. исполнялась двухсотлетняя годовщина основания Петровских музеев, знаменательно совпавшая также с трехсотлетием царствования дома Романовых. Для Памятного отдела В. В. Радлов присмотрел помещение так называемого «дворца Бирона» на Тучковом буяне (ныне — Военно-Космический кадетский корпус), однако Городская дума запросила за землю такую цену, что все претенденты, в том числе и Музей, были вынуждены отказаться от этой затеи. Тем не менее, В. В. Радлов излагает просьбу Его Императорскому Величеству обратиться в различные музеи и дворцы Петербурга с целью сбора материала для будущего отдела [СПФ АРАН, ф. 142, оп. 3, е. х. 1: л. 12 об.]. В итоге, в основу будущего отдела была положена Петровская Галерея Императорского Эрмитажа, составленная в 1843 г. из предметов, взятых, главным образом, из Кунсткамеры, Академической библиотеки и других учреждений. Торжественное открытие нового отдела состоялось в 1912 г.

Уже после смерти В. В. Радлова Л. Я. Штернберг напишет, что нынешний Академический музей антропологии и этнографии, вместе со своим археологическим отделением, является *единственным для СССР музеем общечеловеческой культуры*. Однако этот уникальный для российской науки рубежа XIX—XX вв. проект так и не был реализован в полном объеме. После смерти сначала В. В. Радлова, а потом и Л. Я. Штернберга, в условиях новой идеологической конъюнктуры Музей получил новые задачи, а в начале 1930-х гг. ряд выдающихся коллекций был передан в Государственный Эрмитаж.

В. В. Радлов, как никто другой, умел не только мечтать и ставить перед собой цели, достижение которых порой казалось невозможным, — он умел осуществлять задуманное, умел добиваться своего, используя для этого широкий арсенал собственных возможностей — от природного обаяния и огромной работоспособности до умения «антишамбрировать» (от фр. *antichambre* ‘передняя, приемная’; т. е. ждать очереди в приемных высокопоставленных особ, подавать в различные инстанции докладные записки с просьбами). Он умел верить в людей, видеть в них искру Божью, заражать людей своей энергией, часто круто меняя их жизнь.

В 2010 г. в ходе экспедиции в Северный Казахстан мы побывали в мемориальном музее Машхур Жусупа Копеева, ныне почитаемого там в качестве святого. С музейной стены на нас смотрела знакомая фотография В. В. Радлова, оказавшего огромное влияние на судьбу Копеева, бывшего его информантом.

Спустя неделю после смерти своего директора, Музей почтил память В. В. Радлова на чрезвычайном заседании. Было решено ежегодно в день его рождения устраивать совещание, посвященное итогам работы Музея за истекший год и выработке плана музейной и научно-издательской деятельности, и представлять рукописи работ, предназначенных для публикации в «Сборнике МАЭ». На всех томах и выпусках этого издания было решено указывать, что он основан В. В. Радловым. Предполагалось также устраивать периодические научные заседания с присвоением им названия «Радловских».

С 2002 г. в МАЭ ежегодно проводятся «Радловские чтения», в 2009 г. было восстановлено почетное звание «Корреспондент МАЭ», на титульном листе «Сборника МАЭ» скоро появится надпись «Основан В. В. Радловым». В 2008 г. МАЭ организовал новую экспедицию в Китайский Туркестан¹⁴, а в 2010 г. на основании полученных материалов была открыта выставка, посвященная В. В. Радлову и созданной им тюркологической школе¹⁵. Эпиграф к этой выставке стал и эпиграфом к настоящей статье.

¹⁴ См.: http://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2008_10_22.

¹⁵ См.: http://www.kunstkamera.ru/exhibitions/exhibition_on_museum/2010_07_15/.

Добавляя свой скромный «камень на дороге времени», мы уверены, что юбилейные торжества 2012 г., наша годовичная блог-конференция и новые научные публикации принесут всем нам еще много слов, которые, к сожалению, «так скупо приходят на уста именно тогда, когда сердца переполнены».

Литература

- Радлов 1858 — *Радлов В. В.* О влиянии религии на народы Азии. Дисс. ... канд. филол. наук. Йена, 1858.
- Радлов 1866 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Т. 1. СПб., 1866.
- Радлов 1868 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Т. 2. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское. СПб., 1868.
- Радлов 1870 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Т. 3. Наречия киргизов. СПб., 1870.
- Радлов 1871 — *Радлов В. В.* Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению статистики. Т. 2. СПб., 1871. С. 601—630.
- Радлов 1872 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Т. 4. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872.
- Радлов 1880 — *Радлов В. В.* Средняя Зеравшанская долина // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 6. СПб., 1880. С. 1—93.
- Радлов 1888—1911 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1—4. СПб., 1888—1911.
- Радлов 1892—1903 — *Радлов В. В.* Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. 1—6. СПб., 1892—1903.
- Радлов 1898 — *Радлов В. В.* Инструкции для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства. СПб., 1898.
- Radloff 1884 — *Radloff W.* Aus Sibirien. Leipzig, 1884.
- Артюх 2005 — *Артюх А. Е.* К вопросу о методике археологических исследований во второй половине XIX в. (на примере деятельности В. В. Радлова) // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: Сборник научных трудов. Барнаул, 2005. С. 251—253.
- Артюх 2006 — *Артюх Е. А.* Алтайский период в научной деятельности В. В. Радлова. Барнаул, 2006.
- Басаргина 2008 — *Басаргина Е. Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX—XX веков. М., 2008.
- Биккенин 2006 — *Биккенин Р.* Мухаммед-Сафа Биккенин и Василий Васильевич Радлов: Из истории первого в Казанской губернии татарского начального училища // Гысырлар авазы (Эхо веков). 2006, 1. С. 7—13.
- Живая старина 1909 — *Живая старина.* Т. XVIII. Вып. 2—3 / Ред. *Ламанский В. И.* СПб., 1909.
- Люстерник 1975 — *Люстерник Е. Я.* Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Народы Азии и Африки III. Л., 1975. С. 224—232.
- Малов 1951 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Материалы 1917 — *Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг.* Петроград, 1917.
- Ратнер-Штернберг 1925 — *Ратнер-Штернберг С. А.* Лев Яковлевич Штернберг и Музей Антропологии и Этнографии Академии Наук (по личным воспоминаниям, литературным и архивным данным). Л., 1925. С. 31—70.
- Решетов 2002 — *Решетов А. М.* Академик В. В. Радлов — востоковед и музевед (основные этапы деятельности) // Радловский сборник. Научные исследования и проекты МАЭ РАН в 2002 г. СПб., 2002. С. 95—101.
- Решетов 2008 — *Решетов А. М.* Галерея Петра I в МАЭ: История создания и закрытия // Радловский сборник. Научные исследования и проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 463—468.
- Самойлович 2005 — *Самойлович А. Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника // Сост. и отв. ред. *Благова Г. Ф., Насилов Д. М.* М., 2005.
- Самойлович 2008 — *Самойлович Александр Николаевич: Научная переписка. Биография* // Сост., автор статей и биогр. *Благова Г. Ф.* М., 2008.
- Станюкович 1964 — *Станюкович Т. В.* Музей антропологии и этнографии за 250 лет // Сборник МАЭ XXII. М.; Л., 1964. С. 5—151.
- Тенишев 1971 — *Тенишев Э. Р.* В. В. Радлов — фонетист и грамматист // Тюркологический сборник—1971. М., 1972. С. 32—41.
- Тенишев 2005 — *Тенишев Э. Р.* Памяти С. Е. Малова // Эдгем Рахимович Тенишев: Жизнь и творчество (1921—2004). М., 2005. С. 72—77.
- ТС 1972 — Тюркологический сборник—1971 / Отв. ред. *Кононов А. Н.* М., 1972.
- Штернберг 1912 — *Штернберг Л. Я.* Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого // Живая старина. СПб., 1912. С. 453—472.

Штернберг и др. 1907 — *Штернберг Л. Я., Ольденбург С. Ф., Адлер Б. Ф., Петри Е. Л., Людевиц Ю. В.* Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в период 12-летнего управления В. В. Радлова (1894—1906) // Ко дню 70-летия Василия Васильевича Радлова 5 января 1907 года. СПб., 1907. С. 27—109.

Matveeva 2011 — *Matveeva P.* The “Khadag” of Radlov (the unpublished material from the personal archives of the descendants of the academician Radlov on the history of “the museum of universal culture”) // *Manuscripta Orientalia*. 2011, XVII/2. P. 46—53.

Suvarṇaprabhāsa 1913—1917 — *Suvarṇaprabhāsa* (Сутра Золотого блеска). Т. 1—8 (*Bibliotheca Buddhica*, XVII) / Изд. *Радлов В. В., Малов С. Е.* СПб., 1913—1917.

Suvarṇaprabhāsa 1930 — *Suvarṇaprabhāsa* (Das Goldglanz-Sutra). Т. 1—3 (*Bibliotheca Buddhica*, XXVII) / Aus dem Uigurischen ins Deutsche übers. von Dr. *W. Radloff*. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von *S. Malov* hesg. Л., 1930.

Ариадне Ивановне Кузнецовой — 80 лет



27 января 2012 г. исполнилось 80 лет Ариадне Ивановне Кузнецовой — замечательному лингвисту, признанному специалисту по истории русского языка, уральским языкам и фольклору, профессору Московского государственного университета.

А. И. Кузнецова родилась 27 января 1932 г. в Москве. Ее отец — Иван Прохорович Кузнецов, военный топограф и полковник, — был родом из тверских крестьян. Мать — Кузнецова (Антонова) Зинаида Ивановна — происходила из дворян, закончила Институт словесности в Москве (училась у Н. И. Жинкина, Н. М. Петерсона, С. И. Радцига), работала школьным учителем и библиотекарем.

В 1950 г. А. И. Кузнецова с золотой медалью окончила московскую женскую среднюю школу № 612 и поступила на отделение русского языка и литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1955 г. она окончила его, получив специальность «Филолог. Учитель русского языка и литературы средней школы».

Уже в студенческие годы интересы Ариадны Ивановны простирались от древних языков до структурных методов, пробивавших себе в то время дорогу в языкознании; особенно ее внимание привлекала семантическая структура языка. Начиная с третьего курса, научным руководителем А. И. Кузнецовой был Владимир Андреевич Звегинцев. Успешно защитив дипломную работу на тему «Историческая стратификация глаголов движения», Ариадна Ивановна поступила в очную аспирантуру при кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания, ее научным руководителем остался В. А. Звегинцев.

В октябре 1957 г. А. И. Кузнецова стала преподавать на филологическом факультете МГУ, в связи с чем в начале 1958 г. ей пришлось перейти в заочную аспирантуру, которую она закончила в 1959 г. В 1963 г. на филологическом факультете МГУ она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка (с XI—XX вв.)». Докторская диссертация на тему «Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемики (на материале русского языка)» была защищена в МГУ в 1989 г. Звание доцента было присвоено А. И. Кузнецовой в 1969 г., звание профессора — в 1993 г., а почетное звание заслуженного профессора МГУ — в 2002 г.

Круг научных интересов А. И. Кузнецовой чрезвычайно широк: от русской семантики она постепенно переходит к русской морфологии, к общей морфологии, к документации малых языков уральской языковой семьи — Ариадна Ивановна является организатором и участником более трех десятков лингвистических экспедиций в места проживания коми-зырян, удмуртов, марийцев, мордвы (эрзя), хантов и

самодийцев (ненцев, энцев, селькупов). Естественно, занятия ее расширились за счет теоретической урало-лингвистики и типологии языков в пределах уральской языковой семьи.

Новая экстралингвистическая проблематика выводит А. И. Кузнецову на изучение фольклора и мифологии самодийцев, а в 2011 г. она обращается к проблемам лингвистической географии на материале уральских языков Ямала. При этом широта и многообразие тематики в ее работах всегда сочетается с нетривиальностью взгляда на проблему и глубиной лингвистического анализа. Таким образом, начав свою научную деятельность как русист, Ариадна Ивановна стала признанным на международном уровне финно-угроведом и самодистом, о чем свидетельствует ее избрание иностранным членом научного Финно-угорского общества — *Suomalais-Ugrilainen Seura* (Хельсинки, 1991).

Вся трудовая деятельность А. И. Кузнецовой связана с филологическим факультетом МГУ: в 1957—1961 гг. она преподаватель Кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания; с момента основания Кафедры структурной и прикладной лингвистики в 1961 г. она преподаватель, а затем (1968—1990 гг.) доцент этой Кафедры; в 1990—1997 гг. она заведующий Кафедрой финно-угорской филологии, а после расформирования финно-угорской кафедры в 1997 г. — профессор Кафедры теоретической и прикладной лингвистики. За время работы в МГУ Ариадна Ивановна подготовила и прочитала более 30 общих и специальных лекционных курсов, в том числе по морфологии (общей и русской), семантике, истории лингвистических учений, культурологии, этно- и социолингвистике, старославянскому и древнерусскому языкам, а также курсы введения в финно-угроведение и самодистику, курс сравнительной грамматики финно-угорских языков и т. д. Кроме того, А. И. Кузнецова вела практические занятия по коми-зырянскому и селькупскому языкам.

А. И. Кузнецова выпустила более 100 дипломников, под ее руководством 19 аспирантов защитили кандидатские диссертации. Теоретические исследования и преподавание в ее практике неразрывно связаны — студентам она старается привить вкус к научной работе и полевым исследованиям. Если Отделение теоретической и прикладной лингвистики МГУ заслуженно называют «кузницей лингвистических кадров», то в этой всемирно известной «кузнице» у А. И. Кузнецовой есть своя «наковальня»: интерес к финно-угроведению у студентов Отделения не иссякает во многом благодаря ее деятельности.

Ариадна Ивановна была и по сей день остается полевым лингвистом, занимающимся не только теоретическим осмыслением лингвистического материала, но и сбором этого материала в полевых условиях. В 1967 г. она участвовала в первой научно-учебной лингвистической экспедиции по изучению лакского языка, организованной Отделением структурной и прикладной лингвистики МГУ. В 1968—1977 гг. и 1998—1999 гг. А. И. Кузнецова неоднократно была организатором и участником лингвистических экспедиций в места проживания коми-зырян и самодийцев (ненцев, энцев, селькупов). С 2000 г. она руководит студенческой практикой по полевому изучению финно-угорских языков (коми-зырянского, удмуртского, марийского, эрзя-мордовского, хантыйского); в последние годы у нее бывало по две-три экспедиции за сезон.

А. И. Кузнецова опубликовала свыше полутора сотен научных работ, среди которых несколько монографий и учебных пособий. Первую ее книгу «Понятие семантической системы языка и методы ее исследования» [Кузнецова 1963] студенты ОСиПЛ, готовясь к экзаменам, зачитывали до дыр. Значительным вкладом в русистику стал «Словарь морфем русского языка» [Кузнецова, Ефремова 1986]: сразу же после публикации он был использован при разработке компьютерных моделей русского словообразования. Среди публикаций по русистике необходимо отметить недавно вышедшую монографию «Динамика русских глаголов движения с XI по XX вв.» [Кузнецова 2010]. Основу этой работы составляет кандидатская диссертация Ариадны Ивановны, написанная и защищенная почти полвека назад, но не потерявшая своей актуальности до настоящего времени.

Вторая линия публикаций А. И. Кузнецовой представляет собой результаты ее документационных проектов, к участию в которых она привлекала своих учеников — студентов, аспирантов и бывших студентов и аспирантов. Прежде всего, это «Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект» (в трех томах) [ОчСЯ 1980, 1993, 2002], написанные в соавторстве с бывшими учениками — участниками селькупских лингвистических экспедиций 1970-х годов. Первый том [ОчСЯ 1980], содержащий описание фонетики, грамматики и лексики среднетазовского и отчасти верхнетазовского говоров северного наречия селькупского языка, до сих пор остается самым авторитетным справочником по селькупскому языку и для самодистов, и для урало-лингвистов, и для типологов широкого профиля. Со времени выхода [ОчСЯ 1980] ни одна серьезная публикация, базирующаяся на селькупском материале, независимо от тематики и локальной принадлежности материала, не обходится без ссылок на этот том.

Второй том [ОчСЯ 1993], подготовленный к печати через год после выхода первого, но опубликованный в формате учебного пособия только через 13 лет, содержит самую большую по тем временам подборку селькупских текстов на среднетазовском и верхнетазовском говорах с переводом на русский

язык и селькупско-русский словарь-указатель к первому тому, который, по сути, является самостоятельным лексикографическим трудом.

Наконец, третий том [ОчСЯ 2002], включающий в себя русско-селькупский словарь, частотный и алфавитно-частотный словари по текстам второго тома, словари селькупских топонимов и селькупской идеофонической лексики, вышел еще через девять лет. В том же году в Санкт-Петербургском филиале издательства «Просвещение» под редакцией А. И. Кузнецовой вышло подготовленное на базе «Очерков...» учебное пособие «Селькупский язык» [Кузнецова и др. 2002] — первое в Российской Федерации вузовское учебное пособие по языку коренного малочисленного народа Сибири.

В 2004 г. в международной серии «Энциклопедия уральских мифологий» вышел том «Мифология селькупов» [Мифология селькупов 2004], признанный на сегодня лучшим в этой серии (в 2010 г. был опубликован его перевод на английский язык [Selkup Mythology 2010]). А. И. Кузнецова является одним из основных авторов этого тома: помимо большого количества словарных статей ей принадлежит вводная статья, посвященная традиционному мировоззрению и мифологическим представлениям северных селькупов.

Итогом экспедиционной работы Ариадны Ивановны среди туруханских селькупов (1998, 1999, 2003 гг.) стала монография «Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения)» [Кузнецова 2007].

В последние годы А. И. Кузнецова интенсивно занималась документацией ижемского диалекта коми-зырянского языка на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Результатом документационной работы стал «Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка» [Словарь 2010], составленный совместно с новым поколением учеников.

Все работы А. И. Кузнецовой привлекали внимание научной общественности, что нашло отражение в многочисленных рецензиях как в зарубежных, так и в российских изданиях.

Ариадна Ивановна выступала членом оргкомитетов ряда международных конференций, в том числе национального оргкомитета IX Международного конгресса финно-угроведов (2000 г.). Она является членом специализированных диссертационных советов при МГУ (с 1990 г.), Институте языкознания РАН (с 1992 г.) и Марийском государственном университете (с 1993 г.), а также членом экспертного совета ВАК Минобрнауки России и экспертного совета по национальным школам Минобрнауки России. А. И. Кузнецова входит в редакционную коллегию журнала «Урало-алтайские исследования».

В настоящее время А. И. Кузнецова работает над двумя большими проектами: 1) составление «Диалектологического атласа уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (она возглавляет группу, занимающуюся картографированием ижемского диалекта коми-зырянского языка); 2) подготовка тома «Фольклор северных селькупов» в серии «Фольклор народов Сибири». На лето 2012 г. Ариадна Ивановна планирует очередную экспедицию.

К 70-летию А. И. Кузнецовой ее коллеги и ученики подготовили сборник научных статей, который они назвали «Лингвистический беспредел» [ЛБ 2002], стремясь отразить в самом названии широту научных интересов юбиляра. Поскольку в течение последних десяти лет Ариадна Ивановна продолжает расширять круг научных проблем, которыми она занимается, составителям нового юбилейного сборника ничего не оставалось, как повторить старое название, прибавив к нему цифру 2 [ЛБ 2012].

Коллеги и многочисленные ученики, которые сегодня работают в разных странах и на разных континентах, а также редакция журнала «Урало-алтайские исследования» поздравляют Ариадну Ивановну Кузнецову с замечательной датой, восхищаются ее работоспособностью и бодростью духа и желают ей долгих лет жизни и продолжения ее праведных трудов на благо лингвистики.

Л и т е р а т у р а

- Кузнецова 1963 — *Кузнецова А. И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963.
- Кузнецова 2007 — *Кузнецова А. И.* Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий: Социолингвистическая ситуация и языковые изменения. Воронеж, 2007.
- Кузнецова 2010 — *Кузнецова А. И.* Динамика русских глаголов движения с XI по XX вв. Воронеж, 2010.
- Кузнецова, Ефремова 1986 — *Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф.* Словарь морфем русского языка. М., 1986.
- Кузнецова и др. 2002 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Грушкина Е. В., Хелимский Е. А.* Селькупский язык. Учебное пособие для педколледжей и высших учебных заведений / Ред. *Кузнецова А. И.* СПб., 2002.
- Мифология селькупов 2004 — *Тучкова Н. А., Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Ким-Мелони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В.* Мифология селькупов (Энциклопедия уральских мифологий. Т. 4). Томск, 2004.
- ОчСЯ 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 1 / Ред. *Кузнецова А. И. М.*, 1980.

ОчСЯ 1993 — Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 2 / Ред. Кузнецова А. И. М., 1993.

ОчСЯ 2002 — Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 3 / Ред. Кузнецова А. И. М., 2002.

Словарь 2010 — Кузнецова А. И., Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Усачева М. Н. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / Ред. Кузнецова А. И. Екатеринбург, 2010.

Selkup Mythology 2010 — Tuchkova N. A., Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Kim-Malony A. A., Glushkov S. V., Baidak A. V. Selkup Mythology (Encyclopaedia of Uralic Mythologies, 4). Budapest; Helsinki, 2010.

ЛБ 2002 — Лингвистический беспредел: Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой / Сост. Агранат Т. Б., Казакевич О. А. Ред. Кибрик А. Е. М., 2002.

ЛБ 2012 — Лингвистический беспредел—2: Сборник статей к 80-летию А. И. Кузнецовой / Сост. Агранат Т. Б., Казакевич О. А., Кашкин Е. В. Ред. Кибрик А. Е. М., 2012.

Фото Р. И. Канюковой

Рифу Шакрисламовичу Насибуллину — 75 лет

Одному из ведущих лингвистов Удмуртской Республики, доктору филологических наук Насибуллину Рифу Шакрисламовичу 15 октября 2011 г. исполнилось 75 лет. В научном мире он широко известен как составитель словарей различных типов и исследователь удмуртских диалектов.

В большую науку Р. Ш. Насибуллин пришел, написав в Институте языкознания АН СССР (Москва) кандидатскую диссертацию «Закамские говоры удмуртского языка» и защитив ее в Тарту (Эстония). Диссертация была посвящена исследованию диалектов, сформировавшихся на основе языка удмуртского населения, пришедшего из разных мест на северо-запад Республики Башкортостан и в Куединский район Пермской губернии (ныне — Пермского края). В ней были точно определены границы диалектов, расположенных на территории Башкирской Республики и Пермской губернии, а также выявлены закономерности междиалектной корреспонденции звуков. Введенные Рифом Шакрисламовичем названия для закамских диалектов: шагиртско-гондырский, буйско-таньпский, татышлинский, канлинский, ташкичинский — прочно закрепились в удмуртской диалектологии. А в 1975 г. он обнаружил и затем описал ранее неизвестный красноуфимский диалект.

Р. Ш. Насибуллин прошел большой жизненный и научный путь от сельского школьного учителя до заведующего межфакультетской учебно-научной Лабораторией лингвистического картографирования и исторической лексикологии Удмуртского госуниверситета, он является также членом Российской Комиссии Лингвистического атласа Европы (ЛЯЕ).

Научная деятельность юбиляра посвящена диалектологии, лингвистической географии, лексикографии и исторической лексикологии на материале удмуртского языка. Он является автором более 300 научных и научно-популярных статей, его работы всегда отличаются новыми подходами в исследовании языковых явлений.

Родился Р. Ш. Насибуллин 15 октября 1936 г. в д. Четырман Янаульского района Башкирской АССР. В начальной школе он проходил обучение на родном удмуртском языке, в Ямадинской средней школе (5—7 классы) он получал образование на татарском языке и там же в старших классах — на русском. В 1955 г. Р. Ш. Насибуллин поступил на факультет русского языка и литературы Бирского педагогического института и в 1960 г. закончил его, получив специальность учителя русского языка и литературы для средней школы.

После окончания института Риф Шакрисламович в течение года работал переводчиком с татарского языка на удмуртский в Татышлинской районной газете БАССР, что способствовало углублению знаний удмуртского и татарского языков в сопоставительном плане. В 1961—1968 гг. он был учителем русского, удмуртского и немецкого языков в удмуртских школах Башкирской АССР. Одновременно он собирал фольклорные материалы и занимался составлением словаря удмуртских говоров Башкирии. Одной из больших заслуг Р. Ш. Насибуллина является то, что в свое время наряду с диалектологическими материалами он собрал также воршудно-родовые названия закамских удмуртов, тем самым сохранив для науки и широкого круга почитателей истории и этнографии сведения об уникальном явлении в удмуртском обществе — институте воршуда.

В 1968 г. по совету удмуртских ученых Т. И. Тепляшиной и И. В. Алатырева Р. Ш. Насибуллин переехал в Ижевск для подготовки к поступлению в аспирантуру, там он в течение года работал в детской газете «Дась лу!».

В 1972 г. Риф Шакрисламович закончил очную аспирантуру в Институте языкознания АН СССР под руководством профессора В. И. Лыткина — одного из основателей советского финно-угроведения (из работ того времени см.: [Насибуллин 1972а, 1972б]). Годы его учебы совпали с годами написания венгерскими и советскими учеными «Основ финно-угорского языкознания». Аспиранты, в их числе и Р. Ш. Насибуллин, участвовали в обсуждении этого фундаментального труда и по рукописи готовились к сдаче кандидатского минимума. Р. Ш. Насибуллин уже тогда познакомился с широко известными в научном мире венгерскими учеными Кароём Редеем и Яношом Гуя.

В 1973 г. Риф Шакрисламович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Закамские говоры удмуртского языка» [Насибуллин 1973а] по специальности «Финно-угорские языки» в Тартуском государственном университете (из ранних работ юбиляра, посвященных закамским говорам, можно отметить также [Насибуллин 1973б]). Первым оппонентом Р. Ш. Насибуллина был академик Пауль Аристе, который дал высокую оценку его диссертации. В своей кандидатской диссертации юбиляр впервые показал, что среди закамских диалектов представлены почти все типы современных диалектов удмуртского язы-

ка, в том числе и такие, которых нет в других регионах проживания удмуртов. В частности, он обнаружил и изучил ранее неизвестные канлинский и красноуфимский диалекты, сильно отличающиеся от других (подробнее см.: [Насибуллин 1977а, 1977б]). После защиты кандидатской диссертации Р. Ш. Насибуллин был принят на работу в Удмуртский научно-исследовательский институт.

Когда в 1976 г. советские диалектологи присоединились к работе по составлению Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ), для представления в нем материалов по удмуртскому языку московские ученые предложили кандидатуру Р. Ш. Насибуллина как наиболее подходящего специалиста для лингвогеографических исследований в области удмуртского языкознания. Так он вошел в большую европейскую школу диалектологов-атласников. Постоянные контакты с московскими (Б. А. Серебренников, Р. И. Аванесов, В. В. Иванов, Н. З. Донадзе), ленинградскими (М. А. Бородина и др.), молдавскими (В. К. Павел, Р. Я. Удлер), украинскими (П. Н. Лизанец) и западноевропейскими учеными (Президент ЛАЕ Марио Алинеи) помогли ему ускорить усвоение нового метода в исследовании диалектов.

Уже первые пробные карты ЛАЕ дали основание Марио Алинеи сделать вывод о том, что удмуртские диалекты представляют уникальный объект для лингвогеографического исследования, — по многообразию диалектных изоглосс они напоминают Французские Альпы. Причиной формирования разнообразных диалектов, с одной стороны, послужило то, что удмурты длительное время жили в составе разных государств, а, с другой стороны, территории проживания удмуртов постоянно суживались, т. е. удмуртское население из дальней периферии перемещалось в сторону центра. В то же время удмуртские диалекты обогатились западноевропейскими и восточными лексическими элементами через русский и тюркские языки, сохранив при этом много архаических черт, дающих разгадку происхождения названий отдельных объектов природы, особенно тех, названия которых были связаны с явлением табу. По настоянию М. Алинеи Советская комиссия ЛАЕ увеличила число удмуртских опорных пунктов от 13 до 21, что дало возможность отразить особенности всех диалектов удмуртского языка в этом крупномасштабном международном научном мероприятии.

Опыт, полученный в ходе работы над европейским атласом, Р. Ш. Насибуллин решил применить в исследовании удмуртских диалектов методом лингвистической географии. Однако данную мечту в стенах УдНИИ осуществить не удалось: в 1983 г. ему пришлось уйти с работы. Но вскоре, по настоянию академика Б. А. Серебренникова, Р. Ш. Насибуллин был принят на работу в УдГУ, где затем в течение полутора лет он работал в должности старшего преподавателя на кафедре удмуртского языка.

Для продолжения работы над удмуртской частью Лингвистического атласа Европы Р. Ш. Насибуллин был переведен на должность старшего научного сотрудника в научную лабораторию археологов, которую возглавляла профессор Р. Д. Голдина. С августа 1992 г. Риф Шакрисламович — ведущий научный сотрудник, а с сентября того же года — заведующий Лабораторией лингвистики, которая была открыта для продолжения работы над ЛАЕ и создания Диалектологического атласа удмуртского языка (ДАУЯ). Одновременно с основной работой в 2002—2003 учебном году Р. Ш. Насибуллин исполнял обязанности заведующего кафедрой татарского языка и литературы. Кроме того, он читал студентам курсы по сопоставительной грамматике русского, удмуртского и татарского языков, по ареальной лингвистике и исследованию удмуртских диалектов методом лингвистической географии.

Финский ученый Ю. Вихман объяснял отсутствие поздних болгаризмов в языке коми тем, что коми территориально размежевались с древними удмуртами путем ухода на север и тем самым вышли из сферы влияния удмуртов и болгар. Применив лингвогеографический метод, Р. Ш. Насибуллин доказал, что коми и удмурты территориально не размежевывались, а поздние болгаризмы перестали проникать в язык коми в результате усвоения русских слов языком коми. Поздние болгаризмы просто стали ненужными языку коми, куда они попали через удмуртское посредство (подробнее см.: [Насибуллин 1992а]; см. также: [Насибуллин 1992б, 2002б]).

Написание комментариев к отдельным картам ЛАЕ привело Р. Ш. Насибуллина к убеждению о необходимости создать словарь русских заимствований, тем более, что интенсивное усвоение русских слов в удмуртский язык совпало по времени с началом активного появления печатной продукции на удмуртском языке (об этом см. также: [Насибуллин 1995]). Учитывая то, что удмуртские письменные источники имеют точную датировку, Р. Ш. Насибуллин решил составить на их основе «Историко-хронологический словарь русских заимствований в удмуртском языке». Данный словарь, составляемый на основе более 3000 письменных источников, уже содержит 45000 русских лексических заимствований и по своим масштабам и полноте охвата материала не имеет себе равных в области исследования русских заимствований в языках, испытавших влияние русского. Последовательное (по годам) расположение первых фиксаций заимствованных слов, объединенных в одну лексико-тематическую группу, дает картину развития деятельности человека в определенной области или углубления познания исследуемого объекта.

Используя материалы названного словаря, Р. Ш. Насибуллин написал докторскую диссертацию по теме «Русские заимствования в удмуртском языке (дооктябрьский период)» [Насибуллин 1999]. В 1999 г. он защитил ее в Казани в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова по специальности «Языки народов Российской Федерации».

Исторические предпосылки усвоения русских слов северными удмуртами стали складываться с XII в., южными — с середины XVI в. Активный же процесс проникновения русских заимствований начался довольно поздно — в связи с началом книгопечатания на родном языке (1847 г.). Учитывая, с какой стороны проникали русские слова, а также состав заимствованных слов и способ их заимствования (через устно-разговорную речь или книжно-письменный язык), Р. Ш. Насибуллин выделил шесть периодов проникновения русских слов в удмуртский язык и разработал систему хронологизации русских заимствований, используя методы лингвистической географии и сравнения с данными письменных источников родственных языков. До начала массового книгопечатания русские слова усваивались через устно-разговорную речь и в основном были связаны с крестьянско-бытовой тематикой. Многим словам, усвоенным таким способом, навстречу — с юга — шли татарские заимствования, во многих случаях обозначающие те же понятия или предметы, что и русские заимствования.

В ходе работы над удмуртской частью Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ) Р. Ш. Насибуллин выявил, что изоглоссы отдельных русских и татарских заимствований располагаются все южнее и южнее, отражая хронологию их проникновения в удмуртские говоры: линии встреч ранних параллельных русско-татарских заимствований проходят на севере, более поздних — южнее. На электронных сводных лингвистических картах они напоминают годовые кольца древесины на распилах, которые позволяют провести относительную хронологизацию русских заимствований [Насибуллин 2001].

Материалы «Историко-хронологического словаря» послужили Р. Ш. Насибуллину источниковой базой для написания учебного пособия «Эллинизмы в удмуртском языке» [Насибуллин 2006а], которое использовалось им при чтении спецкурсов по историческим пластам лексики удмуртского языка. «Обратный словарь удмуртского языка» Р. Ш. Насибуллина [Обратный словарь 1992] широко используется преподавателями удмуртского языка в учебном курсе «Словообразование в удмуртском языке».

Риф Шакрисламович разработал стратегию создания различных типов словарей и поставил перед собой задачу, чтобы последующие словари базировались на материалах предшествующих словарей. Составленный на базе четырех крупных удмуртских словарей «Обратный словарь удмуртского языка» [Обратный словарь 1992] послужил основой для написания «Сводного словаря удмуртского языка» и «Краткого удмуртско-русского, русско-удмуртского словаря» [КУРРУС 1995], последний же лег в основу «Сравнительного словаря пермских языков» [ССПЯ 2004]. А «Системно-тематический русско-удмуртский словарь» (в соавторстве с В. Г. Семеновым) [СТРУС 2004, 2006] был использован как рабочий инструмент для составления Вопросника по сбору материалов для будущего ДАУЯ; позже на его базе был создан «Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь» (совместно с коллегами-коми) [СТРУКС 2005, 2007]. В издательстве также находятся «Словарь антонимов удмуртского языка», «Русско-удмуртско-татарский словарь» и «Школьный русско-удмуртский словарь».

В свободное время Р. Ш. Насибуллин, блестяще владея татарским языком, занимается переводом художественных произведений с удмуртского на татарский и с татарского на удмуртский. В его переводе удмуртская песня «Ой, вы красивые девушки» стала самой популярной среди татар. Несколько произведений перевел он и с немецкого на удмуртский, в их числе «Сказка о небесной лазури» Белы Балаша.

Р. Ш. Насибуллин является представителем научного направления синхронной, диахронической и диалектологическо-картографической лексикологии и лексикографии в удмуртском языкознании. Он заложил основы атласного картографирования с использованием компьютера в удмуртской диалектологии (см., например: [Насибуллин 2003, 2007, 2008а, 2008б, 2010а]).

В настоящее время интересы юбиляра связаны с составлением многотомного «Диалектологического атласа удмуртского языка» (ДАУЯ), два выпуска которого уже были изданы в 2009 и 2011 гг. Карты ДАУЯ составляются с помощью электронно-цифровой технологии, языковые данные подвергаются глубокому анализу, приводятся этимологии каждого слова.

Риф Шакрисламович является постоянным участником региональных, всесоюзных, всероссийских и международных форумов, в их числе Международные конгрессы финно-угроведов, проходившие в Сыктывкаре (1985), Дебрецене (1990) [Насибуллин 1990], Оулу (1993) [Nasibullin 1995], Ювяскюля (1995), Тарту (2000), Йошкар-Оле (2005) [Насибуллин 2005] и др. [Насибуллин 2000, 2002а, 2006б, 2010б, 2011].

Труд Р. Ш. Насибуллина как ученого оценен по достоинству: ему присвоены звания Заслуженного деятеля науки УР (1996) и Почетного работника высшего профессионального образования РФ (2001); он награжден Почетной грамотой Правительства УР (1996), Почетной грамотой Министерства образования

УР (1996) и Почетной грамотой Президента УР (2006). Подробнее о научной деятельности Р. Ш. Насибуллина см.: [Ученые-удмурты 1997: 331—332; Институт 2001: 337; Указатель 2006; Пузанов и др. 2006; Шумилов 2006: 128—130; Бусыгина и др. 2007].

Несмотря на свой солидный возраст Р. Ш. Насибуллин полон творческих сил и имеет немало планов на будущее. Коллеги и ученики поздравляют Рифа Шакрисламовича Насибуллина со знаменательной датой и желают ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и дальнейших творческих успехов на научном поприще.

Л и т е р а т у р а

Основные труды Р. Ш. Насибуллина

ДАУЯ 2009 — Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г. Диалектологический атлас удмуртского языка. Вып. 1. Ижевск, 2009.

ДАУЯ 2011 — Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г. Диалектологический атлас удмуртского языка. Вып. 2. Ижевск, 2011.

КУРРУС 1995 — Краткий удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь / Сост. Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А. Ред. Калинина Л. И. Ижевск, 1995.

Насибуллин 1972а — Насибуллин Р. Ш. Суффикс -luk в говорах удмуртского Закамья // Историко-типологические и синхронно-типологические исследования (на материале разных систем). М., 1972. С. 130—139.

Насибуллин 1972б — Насибуллин Р. Ш. Суффикс -ti в закамских говорах удмуртского языка // СФУ. 1972, 3. С. 193—196.

Насибуллин 1973а — Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973.

Насибуллин 1973б — Насибуллин Р. Ш. Некоторые названия флоры в языке закамских удмуртов // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 152—162.

Насибуллин 1977а — Насибуллин Р. Ш. О некоторых особенностях вокализма канлинского говора // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 62—85.

Насибуллин 1977б — Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1977. С. 86—152.

Насибуллин 1990 — Насибуллин Р. Ш. К вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum (Debrecen, 27.vii—2.ix.1990). 3C: Sessiones sectionum. Dissertationes. Linguistica. Debrecen, 1990. С. 153—158.

Насибуллин 1992а — Насибуллин Р. Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Вордскем кыл. Ижевск, 1992. С. 81—95.

Насибуллин 1992б — Насибуллин Р. Ш. К проблеме этнической принадлежности именьковской археологической культуры // Вестник Удмуртского университета. 1992, 6. С. 76—79.

Насибуллин 1995 — Насибуллин Р. Ш. Динамика русских заимствований в удмуртском языке дооктябрьского периода // Вестник Удмуртского университета. 1995, 5. С. 38—44.

Насибуллин 1999 — Насибуллин Р. Ш. Русские заимствования в удмуртском языке (дооктябрьский период). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 1999.

Насибуллин 2000 — Насибуллин Р. Ш. Удмуртские диалекты — идеальный объект для лингвогеографических исследований // Studia ad geographiam linguarum pertinentia. Tallin, 2000. С. 70—85.

Насибуллин 2001 — Насибуллин Р. Ш. Соотношение русских и тюркских заимствований в романе М. Петрова «Вуж Мултан» («Старый Мултан») // Река судьбы: Жизнь и творчество Михаила Петрова. Воспоминания, статьи, речи, письма / Сост. Богомолова З. А. Ижевск, 2001. С. 339—350.

Насибуллин 2002а — Насибуллин Р. Ш. Периодизация русских заимствований в удмуртском языке // Volgan alueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья. Симпозиум в городе Турку 16—18.08.2001. Turku, 2002. С. 167—175.

Насибуллин 2002б — Насибуллин Р. Ш. Названия косы в диалектах пермских языков // Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков. Междунар. конф., посвящ. 30-летию преподавания венг. и фин. филологии на филол. фак-те МГУ им. М. В. Ломоносова (МГК КНИЦ, 27—28 марта 2001 г.). М., 2002. С. 261—270.

Насибуллин 2003 — Насибуллин Р. Ш. Атласное картографирование удмуртских диалектов // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 2000. Сборник рефератов избранных работ. Екатеринбург, 2003. С. 146—148.

- Насибуллин 2005 — Насибуллин Р. Ш. Динамика фиксации русских заимствований советского и постсоветского периодов // *Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. P. 2. *Linguistica: Summaria acroasium in sectionibus*. Jshkar-Ola, 15—21.08.2005. Jshkar-Ola, 2005. С. 112.
- Насибуллин 2006а — Насибуллин Р. Ш. Эллинизмы в удмуртском языке: Учебное пособие. Ижевск, 2006.
- Насибуллин 2006б — Насибуллин Р. Ш. Информационная терминология в удмуртском языке // *Коммуникативная природа человека (Первые Петраковские чтения)*. Материалы Рос. Научно-теор. конф. (31.01.2006, УдГУ) / Ред. Бушмакина О. Н. Ижевск, 2006. С.168—173.
- Насибуллин 2007 — Насибуллин Р. Ш. «Божья коровка» в удмуртских диалектах: Диалектологическая карта и комментарий // *Методы историко-культурной реконструкции*, 2. Ижевск, 2007. С. 45—55.
- Насибуллин 2008а — Насибуллин Р. Ш. Названия тележного колеса в удмуртских диалектах // *Linguistica Uralica*, XLIV. Tallinn, 2008. С 41—47.
- Насибуллин 2008б — Насибуллин Р. Ш. Удмуртские названия радуги на фоне европейских соответствий // *Ежегодник финно-угорских исследований*. Ижевск, 2008. С. 115—122.
- Насибуллин 2010а — Насибуллин Р. Ш. Проблемы создания национальных и межъязыковых атласов языков Среднего Поволжья и Предуралья // *Финно-угорские этносы: Технологии развития в условиях глобализации* / Науч. ред. Леонов Н. И. Сост.-ред. Ишмуратов А. В., Кириллова Р. В. Отв. ред. Черашняя Д. И. Ижевск, 2010. С. 244—246.
- Насибуллин 2010б — Насибуллин Р. Ш. Распределение русских заимствований удмуртского языка по понятийным группам (культурно-исторические связи) // *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum*. Piliscsaba, 2010. С. 131—132.
- Насибуллин 2011 — Насибуллин Р. Ш. Русские заимствования в удмуртском языке // *Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков и литератур*. Доклады Международной конференции (17—19.11.2010). М., 2011. С. 93—100.
- Обратный словарь 1992 — Насибуллин Р. Ш., Дудоров В. Ю. Обратный словарь удмуртского языка: 46000 слов. Ижевск, 1992.
- ССПЯ 2004 — Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Игушев Е. А., Аксенова О. П. Сравнительный словарь пермских языков. Сыктывкар, 2004.
- СТРУКС 2005 — Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь. Кн. 1 / Сост. Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г., Игушев Е. А. Ред. Насибуллин Р. Ш. Сыктывкар, 2005.
- СТРУКС 2007 — Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь. Кн. 2 / Сост. Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г., Игушев Е. А. Ред. Насибуллин Р. Ш. Сыктывкар, 2007.
- СТРУС 2004 — Системно-тематический русско-удмуртский словарь / Сост. Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г. Ред. Насибуллин Р. Ш. Ижевск, 2004.
- СТРУС 2006 — Системно-тематический русско-удмуртский словарь / Сост. Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г. Ред. Насибуллин Р. Ш. Ижевск, 2006.
- Nasibullin 1995 — Nasibullin R. Linguistic geography as a valuable source for historical science // *Historia Fenno-Ugrica*. Oulu, 1995. P. 881—887.
- Бусыгина и др. 2007 — Бусыгина Л. В., Максимов С. А., Семенов В. Г., Тот С. Мост к языкам: Профессору Р. Ш. Насибуллину — 70 лет // *Методы историко-культурной реконструкции*, 2. Ижевск, 2007. С. 3—9.
- Институт 2001 — Институт: История и современность (К 70-летию Удмурт. ин-та истории, яз. и лит. УрО РАН) / Отв. ред. Иванова М. Г. Редколл.: Никитина Г. А., Васильева О. И., Владыкина Т. Г. Под общ. ред. Куликова К. И. Ижевск, 2001.
- Пузанов и др. 2006 — Пузанов В. В., Верижникова И. В., Кутявин А. Н., Халявин Н. В. Р. Ш. Насибуллин и возглавляемая им лаборатория // *Очерки истории Удмуртского государственного университета (1931—2005)* / Отв. ред. Пузанов В. В. Ижевск, 2006. С. 281—282.
- Указатель 2006 — Насибуллин Риф Шахрисламович: К 70-летию со дня рождения (библиографический указатель) / Сост. Никитина И. В. Ижевск, 2006.
- Ученые-удмурты 1997 — Христолюбова Л. С. Ученые-удмурты: Библиографический справочник. Ижевск, 1997.
- Шумилов 2006 — Шумилов Е. Ф. Большая наука: УдГУ. Коллективный автопортрет. Ижевск, 2006.

Евгению Александровичу Поцелуевскому — 80 лет



Набор в тюркологическую группу Восточного отделения филологического факультета МГУ в 1948 г. был, как обычно, многонационален. Это была принципиальная установка основателя Восточного отделения члена-корреспондента АН СССР Николая Константиновича Дмитриева — помогать готовить национальные кадры в этой области отечественного востоковедения. В группе были туркмен, киргизка, казахи и татары. Был среди них и русский «туркмен» — сын основателя советского туркменоведения Александра Петровича Поцелуевского. Мы уже знали об этом ученом после курса Н. К. Дмитриева «Введение в тюркологию», поэтому новичок вызывал любопытство.

И вдруг страшная весть: в Ашхабаде сильное землетрясение. С утра следующего дня все мы устремились на кафедру. На подоконнике сидел худенький паренек. Более нелепых вопросов мы не смогли выдать из себя: «Как там у вас? Ничего не случилось?». «Случилось», — тихо ответил он. Потом мы узнали, что погиб его отец, вся семья старшего брата, чудом уцелела мать, что город практически был стерт с лица земли...

Поцелуевский Евгений Александрович родился в 1931 г. в городе Ашхабаде. Окончив школу в 1948 г., он уехал в Москву, чтобы поступить в Московский государственный университет. После постигнутого семейного несчастья он вынужден был в студенческие годы совмещать учебу с реферированием туркменской прессы в качестве приработка, что позволило будущему исследователю собрать огромный «багаж» лингвистических наблюдений.

Между тем, в современной науке о языке, по Р. Г. Пиотровскому, принято считать, что условием получения новых результатов остается способность и умение лингвиста «самостоятельно добывать и анализировать достаточно большие массивы языковых и речевых фактов» [Пиотровский 2004: 8]. При опоре на собственный живой материал Е. А. Поцелуевскому удалось найти новые подходы к спорным вопросам тюркского синтаксиса.

По окончании университетского курса (по специальности «Тюркские языки») Е. А. Поцелуевский остался в аспирантуре при факультете для работы над диссертацией, тема которой была предложена руководителем членом-корреспондентом АН СССР Николаем Константиновичем Дмитриевым. Разработка предложенной темы в большей степени требовала осмысления и обобщения значительного объема тюркологической литературы и в значительно меньшей степени — исследования конкретного, живого языкового материала. Недостаток жизненного и делового опыта, эрудированности был причиной сомнений начинающего исследователя, но авторитет руководителя и надежда на квалифицированное наставничество с его стороны облегчили принятие решения недавним студентом.

Прискорбное событие — безвременная кончина Николая Константиновича Дмитриева в 1954 г. — радикально изменило казавшиеся ясными планы Е. А. Поцелуевского. Ему пришлось искать новую те-

му, отвечающую не только его стремлениям и интересам, но и возможностям. В качестве предмета исследования Евгений Александрович выбрал трехчленную определительную конструкцию (обычно с причастием в своем составе) типа *менинг алан китабым* ‘книга, которую я взял / купил’ (см. также: [Поцелуевский 1962а, 1962в]).

Позднее Е. А. Поцелуевский написал в автореферате кандидатской диссертации следующее: «Эта конструкция составляет одну из специфических особенностей тюркского синтаксиса». Но уже через три года в книге «Тюркский трехчлен», в основе которой лежит диссертационное исследование, он сказал несколько иначе: «Эта конструкция замечена очень давно (иначе и быть не могло), но как особое синтаксическое построение она по существу не регистрировалась». И не исследовалась в должной мере, — добавим мы. Е. А. Поцелуевский восполнил этот пробел в описании тюркского синтаксиса. Он обосновал принципиальную трехчленность конструкции при реальности ее возможного воплощения в двусловном построении, когда в качестве непосредственных составляющих выступают не только словоформы, но и отдельные аффиксы. На основе такого подхода он расширил границы объекта исследования и рассмотрел в качестве модификации основной структуры безличные определительные конструкции пяти типов.

Разработка темы затем была углублена Е. А. Поцелуевским в монографии «Тюркский трехчлен» [Поцелуевский 1967] — такое удачное, на наш взгляд, название он предложил вместо громоздкого описательного, которое было использовано в диссертации. Эта книга Евгения Александровича занимает особое место в его исследовательской работе.

Ни одно поколение тюркологов не может пройти мимо огромной темы — конструкции с глагольно-именными образованиями. Сначала ее изучение сводилось к схоластическому обсуждению: являются ли они придаточными предложениями по типу русских, т. е. с обязательным наличием спрягаемой формы глагола, или нет. Однако со временем подходы менялись, как и менялся круг проблем, связанных с этим типом конструкций в тюркских языках.

Работа Е. А. Поцелуевского, с одной стороны, опирается на идеи теории непосредственных составляющих (с поиском опоры не в морфологии, а в синтаксисе). С другой стороны, центром анализа становится один тип конструкций — определительные конструкции типа *менинг алан китабым* ‘книга, которую я взял / купил’, которые, однако, рассматриваются в сопоставлении с другими. Проблема придаточности «снимается» для этого типа, но получает новое освещение на примере так называемого «перевернутого изафета»: *гызы Москвада окаян адам* ‘человек, дочь которого учится в Москве’ (букв. ‘его дочь в Москве учащаяся человек’).

Работу Евгения Александровича отличает тщательность освещения возможных подходов к проблеме, убедительная постановка вопроса, стремление определить место исходной трехчленной конструкции (*менинг окаян китаб*) среди сходных конструкций в других классификационных группах тюркских языков. Представляется, что эта работа является одним из лучших исследований по проблеме глагольно-именных конструкций в тюркских языках.

С декабря 1969 г. Е. А. Поцелуевский работает в Секторе тюркских языков Института языкознания АН. Он сразу был включен в группу Э. В. Севортьяна по составлению «Этимологического словаря тюркских языков» (далее сокращенно — ЭСТЯ) — начиная с работы над вторым томом [ЭСТЯ 1978] (буква «Б»). В его обязанности, как и в обязанности остальных членов группы, входило накопление фактического материала для очередного тома: «Выборка материала для статей производилась (...) Л. С. Левитской, Л. Г. Офросимовой-Серовой, Е. А. Поцелуевским и Э. В. Севортьяном» (как отмечается в предисловии к [ЭСТЯ 1978: 4]). Почти три десятилетия работы в группе Э. В. Севортьяна и Л. С. Левитской Евгений Александрович вносил свою (пусть обезличенную) лепту в составление ЭСТЯ. (См. аналогичные упоминания в [ЭСТЯ 1980: 3; ЭСТЯ 1989: 3; ЭСТЯ 1997: 3; ЭСТЯ 2000: 3; ЭСТЯ 2003: 3, 124—126]).

Коллеги Евгения Александровича уверяют, что он прирожденный технар, хотя обладает незаурядными лингвистическими способностями и тяготеет к лингвистической теории. Но занимается Е. А. Поцелуевский предпочитал тем, что его интересовало, а интересовали его не только тюркские языки. Показательны в этом смысле его работы, опирающиеся, в основном, на материалы русского языка: «Нулевая степень качества и описание значений качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними» [Поцелуевский 1974: 229—247], «Сравнительная степень и свободное употребление прилагательных» [Поцелуевский 1977: 62—71] и др.

Работа [Поцелуевский 1974] имеет целиком общелингвистический характер. В ней была пересмотрена идея Н. К. Дмитриева об идеальной норме как определяющей в степенях качества, также была выработана система понятий, в соответствии с которой рассматривалось семантическое пространство сравнения: понятие нормы было увязано с точкой отсчета меры качества, непосредственно связанной с семантикой слова. Механизм взаимодействия степеней качества был рассмотрен с математической скрупулезностью. Для тюркологии это исследование Е. А. Поцелуевского стала абсолютно новым словом.

В работе [Поцелуевский 1977] рассматривается проблема «свободного» употребления качественно-оценочных прилагательных, т. е. такого, в основе которого лежит непосредственное сопоставление сравниваемых предметов. Поскольку формы сравнительной степени, как правило, употребляются при наличии сравнения, автор делает вывод о том, что простая форма сравнительной степени в русском языке часто используется как формальная примета «свободного» употребления качественно-оценочных прилагательных. Что же касается «свободного» употребления положительной степени прилагательных, то от формы сравнительной степени она отличается своим синтаксическим поведением. Вместе с тем Е. А. Поцелуевский отмечает, что нередко помимо релятивного значения сравнительная степень передает и аппроксимативное.

Результаты приложения общих положений к материалу туркменского языка изложены Е. А. Поцелуевским в статье «Сравнительная степень и аффикс *-рак*» [Поцелуевский 1976: 181—194]. В этой статье автор стремится пересмотреть некоторые устоявшиеся и противоречивые представления в тюркологии. Так, сущность показателя *-рак*, характерного для большинства тюркских языков, до сих пор остается неясной: передается ли с его помощью недостаточность или избыточность признака. Уточнение роли аффикса *-рак* как показателя малой степени качества позволило автору говорить о нем и как о показателе сравнительной степени и, таким образом, поставить вопрос о совмещении в нем противоположных значений (о соотношении значений одного аффикса см. также: [Поцелуевский 1962б]). Автор отвечает на вопросы, почему значение сравнительной степени развилось у показателя малой степени качества [Поцелуевский 1976: 189], почему употребление *-рак* как показателя малой степени качества связано со значением побуждения и др. В работе присутствует множество отсылок к конкретным тюркским языкам, что позволяет говорить о разной степени участия рассматриваемого показателя в составе синтаксической конструкции и его употреблении в первоначальном значении малой степени качества.

Впоследствии Евгений Александрович принял участие в «оснащении» примечаниями перевода такого важного и сложного памятника письменности, как «Дйвāн лугāt ат-турк» Махмуда ал-Кāшгарй (перевод в свое время был осуществлен А. Р. Рустамовым [Кāшгарй 2010]).

В годы работы в Институте языкознания АН СССР (РАН) оказались востребованными редакторский опыт и организаторские способности Е. А. Поцелуевского: он много лет работал научным редактором в нескольких научных издательствах Москвы (дольше всего — в Издательстве восточной литературы). Работа в издательствах давала ему возможность знакомиться с новыми публикациями по восточным языкам еще до их выхода в свет и в известной степени участвовать в их создании, а также позволяла приобрести полезные практические навыки.

Е. А. Поцелуевский зарекомендовал себя как недюжинный книжный редактор с концептуально-композиционным проникновением в обрабатываемый текст, умением системно его охватить — при виртуозном владении приемами технического редактирования. Редактор он не обыкновенный — творческий. Евгений Александрович с его широким кругозором и глубокой эрудированностью, с готовностью и умением щедро употребить все свои знания на исправление и совершенствование редактируемого текста — большая удача для авторов фундаментальных трудов, которые предпринимались Сектором тюркских языков и Институтом языкознания в целом.

Будучи членом редколлегии издания «Языки мира. Тюркские языки» [Языки мира 1997] и ученым секретарем Научного совета «Языки мира», Е. А. Поцелуевский осуществлял «научную проверку и редактирование материалов тома» [Языки мира 1997: 6]. Для этого издания им были подготовлены очерки «Боджнурди язык» [Поцелуевский 1997а: 216—224], «Сонкорско-тюркский язык» [Поцелуевский 1997б: 354—357], «Хорасано-тюркский язык» [Поцелуевский 1997в: 476—480] (по материалам публикаций С. Фажи и Г. Дёрфера).

Е. А. Поцелуевский — член редколлегии и ответственный секретарь издания «Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в трех томах» [Языки РФ 1997, 2001, 2005]. В этом издании Е. А. Поцелуевский также выступал (вместе с Э. Р. Тенишевым) в качестве ответственного редактора по тюркским языкам — редактировал и готовил к печати статьи по тюркским языкам.

Е. А. Поцелуевский отредактировал и подготовил к печати три тома «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков»: «Лексика» [СИГТЯ 1997] (50 п. л.), «Региональные реконструкции» [СИГТЯ 2002] (48 п. л.), «Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка» [СИГТЯ 2006] (57 п. л.).

Довелось наблюдать воочию работу Евгения Александровича над другим секторским заданием. Благодаря своим организаторским и редакторским талантам член редколлегии Е. А. Поцелуевский спас от небытия своевременно не подготовленное к печати юбилейное издание «Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения» [Дмитриев 2001].

Своей многолетней самоотверженной работой Евгений Александрович буквально возродил к новой жизни «Диалекты тюркских языков». Инициатива создания этого труда принадлежит Елизавете Иванов-

не Убрятовой, тогдашнему заведующему Сектора тюркских языков; под ее руководством рукопись этого труда собиралась в 1967—72 гг. С учетом выявившихся с тех пор многочисленных проблем тюркологических диалектных описаний Е. А. Поцелуевский, а впоследствии и А. В. Дыбо вынуждены были «взять на себя задачу значительной доработки статей. В ряде случаев удалось получить обновленные версии статей от авторов: эту работу выполняли коллеги или ученики авторов, продолжающие их работу в диалектологии конкретных тюркских языков» [Диалекты 2010: 6]. В части случаев доработку статей пришлось производить силами самих издателей (Е. А. Поцелуевский, А. В. Дыбо) и пользоваться при этом в основном опубликованными диалектологическими материалами [там же: 6]; все эти случаи отмечены в комментариях к текстам статей, см., например, [там же: 83—84, 87—94, 97, 99, 104—107, 262, 284]. Заново написана статья Э. А. Груниной «Диалекты турецкого языка. Образцы диалектных материалов». Аналогичная работа была произведена над теми статьями, которые подготавливаются к изданию в виде следующего тома. Живые свидетели многолетней работы Е. А. Поцелуевского — Э. А. Грунина, А. В. Дыбо, А. В. Шеймович, Г. Ф. Благова и др.

В 80-е гг. Е. А. Поцелуевский был активнейшим членом редколлегии журнала «Советская тюркология», неоднократно, при возникавших трудностях с редакционным портфелем и другими рабочими моментами, выезжал в командировки в Баку.

В 80-е гг. Евгений Александрович исполнял обязанности ученого секретаря специализированного Совета по защите диссертаций по языкам народов СССР. В разное время он состоял ученым секретарем Сектора тюркских языков.

В разные годы публиковались тезисы и сообщения по материалам научных конференций, в работе которых принимал участие и Е. А. Поцелуевский. Приведем здесь некоторые темы выступлений Евгения Александровича на конференциях: «Об изучении синтаксических фразеологизмов» (Алма-Ата, 1976), «Свойства тюркских причастий и их синтаксические функции» (Ашхабад, 1985), «Сложные предложения интегрированной структуры в русском языке» (Новосибирск, 1986), «Экстралокативное значение — семантическая примета служебных слов в алтайских языках» (Ташкент, 1986), «Об одном синтаксическом построении в языке “Словаря” Махмуда Кашгарского» (Фрунзе, 1988).

И, наконец, нельзя не сказать о сотрудничестве Е. А. Поцелуевского с фольклористами. В 1971 г. в качестве издательского редактора он редактировал том из серии «Эпос народов Евразии» — «Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос» [Туркм. эпос 1971]. Памятуя об удачном сотрудничестве с Евгением Александровичем, руководство Сектора эпоса Института мировой литературы пригласило его участвовать в подготовке очередного тома «Гёр-оглы. Туркменский героический эпос» [Туркм. эпос 1983] (том вышел из печати в 1983 г. в Москве, в издательстве «Восточная литература»). В этом томе Е. А. Поцелуевский выступил как соавтор перевода (совместно с Б. А. Каррыевым) и одновременно как ответственный редактор всего издания. Евгений Александрович является одним из ответственных редакторов (совместно с С. С. Кирабаевым) еще одного тома из этой серии — «Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Казахский романический эпос» [Каз. эпос 2003].

Как член редколлегии Евгений Александрович участвовал в подготовке к печати «Избранных трудов» А. П. Поцелуевского [Поцелуевский А. П. 1975] — наряду с Б. Ч. Чарьяровым и С. Куреновым.

Коллеги и друзья-тюркологи Евгения Александровича высоко ценят его вклад в изучение синтаксиса и неоценимый труд в создании фундаментальных работ нашей науки.

Л и т е р а т у р а

Диалекты 2010 — Диалекты тюркских языков / Отв. ред. Дыбо А. В. М., 2010.

Дмитриев 2001 — Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 2001.

Каз. эпос 2003 — Козы-Корпеш и Баян-Сулу: Казахский романический эпос / Отв. ред. Поцелуевский Е. А., Кирабаев С. С. М., 2003.

Кашгарй 2010 — Махмуд ал-Кайшгарй. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). Т. 1 / Пер. с араб. Рустамова А. Р. Ред. Кормушин И. В. Предисл. и введ. Кормушина И. В. Примеч. Кормушина И. В., Поцелуевского Е. А., Рустамова А. Р. М., 2010.

Пиотровский 2004 — Пиотровский Р. Г. Сходства и несходства между родственными языками в широком контексте теории и практики // Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками: Романский лингвистический материал. М., 2004. С. 6—9.

Поцелуевский 1962а — Поцелуевский Е. А. Определительные сочетания типа *турар уй* // Труды Института языкознания АН ТуркССР. Вып. IV. Ашхабад, 1962. С. 140—147.

Поцелуевский 1962б — *Поцелуевский Е. А.* К вопросу о соотношении безличного и пассивного значений аффикса страдательного залога -л- в туркменском языке // Труды Института языкознания АН ТуркССР. Вып. IV. Ашхабад, 1962. С. 125—139.

Поцелуевский 1962в — *Поцелуевский Е. А.* Трехчленная определительная конструкция в туркменском языке и ее модификации // Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962. С. 189—218.

Поцелуевский 1967 — *Поцелуевский Е. А.* Тюркский трехчлен. М., 1967.

Поцелуевский 1974 — *Поцелуевский Е. А.* Нулевая степень качества и описание значений качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними // Проблемы семантики. М., 1974. С. 229—247.

Поцелуевский 1976 — *Поцелуевский Е. А.* Сравнительная степень и аффикс -рак // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 181—193.

Поцелуевский 1977 — *Поцелуевский Е. А.* Сравнительная степень и свободное употребление прилагательных // Вопросы языкознания. 1977, 5. С. 62—71.

Поцелуевский 1997а — *Поцелуевский Е. А.* Боджнурди язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 216—224.

Поцелуевский 1997б — *Поцелуевский Е. А.* Сонкорско-тюркский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 354—357.

Поцелуевский 1997в — *Поцелуевский Е. А.* Хорасано-тюркский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 476—480.

Поцелуевский А. П. 1975 — *Поцелуевский А. П.* Избранные труды / Подг. *Поцелуевский Е. А., Чарьяров Б. Ч., Куренов С.* Ашхабад, 1975.

СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1997.

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 2002.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. *Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М.*, 2006.

Туркм. эпос 1971 — Эпос народов Евразии. Т. 1. Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра: Туркменский романический эпос. М., 1971.

Туркм. эпос 1983 — Гёр-оглы: Туркменский героический эпос / Отв. ред. *Поцелуевский Е. А. М.*, 1983.

ЭСТЯ 1978 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Б» / Ред. *Севортян Э. В. М.*, 1978.

ЭСТЯ 1980 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Г», «Д» / Ред. *Севортян Э. В. М.*, 1980.

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «З», «Й» / Ред. *Севортян Э. В., Левитская Л. С. М.*, 1989.

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Ред. *Левитская Л. С. М.*, 1997.

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Қ» / Ред. *Левитская Л. С. М.*, 2000.

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Ред. *Левитская Л. С. М.*, 2003.

Языки мира 1997 — Языки мира: Тюркские языки / Отв. ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1997.

Языки РФ 1997 — Языки Российской Федерации и соседних государств. Т. 1 (А—И) / Ред. *Ярцева В. Н. М.*, 1997.

Языки РФ 2001 — Языки Российской Федерации и соседних государств. Т. 2 (К—Р) / Ред. *Ярцева В. Н. М.*, 2001.

Языки РФ 2005 — Языки Российской Федерации и соседних государств. Т. 3 (С—Я) / Ред. *Ярцева В. Н. М.*, 2005.

Андрашу Рона-Ташу — 80 лет



Андраш Рона-Таш родился 30 декабря 1931 г. в семье интеллигентов в Будапеште. Его отец был врачом, а мать — первой женщиной Венгрии, защитившей докторскую диссертацию по экономике. Дед А. Рона-Таша по отцовской линии был банкиром, а дед по материнской линии — архитектором, спроектировавшим более ста домов Будапешта. Бабушка, говорившая свободно на четырех языках, закончила Высшую школу для девочек.

А. Рона-Таш стал изучать языки с раннего возраста: с детьми занималась немка-гувернантка, и в семье чередовалась венгерская и немецкая речь. В гимназии он изучал английский и частным образом брал уроки по русскому языку. В подростковом возрасте А. Рона-Таш зачитывался философскими и социологическими трудами и регулярно рассказывал о прочитанном на занятиях кружка, организованного одноклассниками. Поскольку он учился в национализированной цистерцианской гимназии (а в 1949 г. такие кружки стали считаться политически опасными), молодой А. Рона-Таш попал под пристальное внимание органов внутренней безопасности Венгрии.

Интересна история поступления юбиляра в университет. После окончания гимназии А. Рона-Таш сдал вступительные экзамены на математический факультет Будапештского политехнического университета, куда и был принят. Вскоре он попросил перевести его на специальность музееведа, однако по ошибке был принят на специальность метеоролога (по-венгерски метеоролог будет *meteorologus*, а музеевед — *muzoloogus*). А в 1950 г. с некоторыми трудностями он поступил на этнографический факультет. Все эти пертурбации А. Рона-Таш объясняет желанием заниматься венгерской народной культурой и вопросами происхождения венгров.

В университете, занимаясь этнографией, А. Рона-Таш посещал лекции по ориенталистике и ранней истории венгров. Основы тибетологии, монголоведения и синологии были усвоены им от Л. Лигети, а знания по тюркологии — от Д. Немета. Юбиляр тепло отзывается о своих учителях, научивших его пользоваться научной методикой и ставить научные проблемы и вопросы. Благодаря урокам своих учителей-востоковедов в 1955 г., помимо диплома музееведа, А. Рона-Таш получил также дипломы по ориенталистике и этнографии; тогда же он написал свою первую статью по тибетологии [Róna-Tas 1955].

После окончания университета А. Рона-Таш решил продолжить свое образование. Особое влияние на выбор профессии оказал Л. Лигети: с 1956 по 1960 гг. под его руководством А. Рона-Таш работал младшим научным сотрудником в Венгерской академии наук при Институте Центральной Азии Будапештского университета, где приступил к исследованию истории и культуры венгров в аспекте востоковедения.

В 1957 г. у юбиляра появилась возможность посетить Монголию, соприкоснуться с живой речью и культурой кочевого народа, что имело большое значение для молодого ученого, ведь до этого он мог иметь дело только с филологией — чтением и переводами тибетских и древнемонгольских текстов. Будучи в Монголии, А. Рона-Таш считал важным исследовать не только монгольский язык [Róna-Tas 1960a, 1960b, 1960c], но и этнографию [Róna-Tas 1961a, 1961b, 1963; Рона-Таш 1963], т. к. полагал, что эти знания могут стать ключевыми в дальнейших исследованиях о происхождении венгерского народа.

Спустя три года под предлогом ложных политических обвинений он был уволен из Академии и вынужден был стать сотрудником Государственной библиотеки им. Сечени, где через год он был избран заведующим одного из отделов.

В 1964 г. А. Рона-Таш защитил кандидатскую диссертацию, посвященную тибетским заимствованиям в монгольском языке и развитию архаических диалектов тибетского языка [Róna-Tas 1966].

С середины 60-х гг. А. Рона-Таш стал регулярно выезжать в экспедиции в Поволжье — вести полевую работу среди чувашей, собирать языковой и этнографический материал. Сознывая, что в вопросе о происхождении венгров нельзя ограничиваться только исследованиями, связанными с Центральной Азией, он обратился к изучению венгерско-тюркских языковых контактов, полагая, что чуваша являются единственными сохранившимися потомками тюркского народа, имевшего тесные языковые контакты с предками венгров. В 1971 г. А. Рона-Таш защитил докторскую диссертацию в Венгерской Академии наук; темой диссертации послужили проблемы алтайской языковой близости, рассмотренные на материале чувашско-монгольских отношений [Róna-Tas 1970].

Как признается сам юбиляр, преподавание всегда играло важную роль в его жизни. В 1969 г. при поддержке и по совету Л. Лигети А. Рона-Таш решил поменять кресло заведующего Госбиблиотеки им. Сечени на статус научного исследователя Сегедского университета, где он стал старшим научным сотрудником Кафедры финно-угроведения. Здесь он читал курсы по истории финно-угорских народов и лекции о тюркских элементах в венгерском, а также организовал семинар по чувашскому языку. Так, шаг за шагом при поддержке заведующего Кафедрой финно-угроведения профессора Петера Хайду, постепенно стало формироваться новое направление, которое через несколько лет привело к образованию самостоятельной Кафедры алтаистики. В 1974 г. А. Рона-Таш получил статус профессора, и преподавание алтаистики стало регулярным в Сегедском университете.

Как отличного преподавателя А. Рона-Таша знают не только в Венгрии: несколько лет он преподавал в Боннском университете, а также был приглашенным профессором в Вене и Уппсале. Им написаны учебники и исследования по ранней истории венгров [Róna-Tas, Hajdú, Kristó 1976], чувашскому языку [Róna-Tas 1971, 1978, 1987, 1999b], монгольской письменности [Róna-Tas 1988], тюркологии [Róna-Tas 1976, 1991] и алтаистике [Róna-Tas 1986].

В 1990 г. А. Рона-Таш был избран ректором Сегедского университета на двухлетний срок, а в 1992—2000 гг. был президентом Комитета по аккредитации высших учебных заведений Венгрии. С 1990 г. он является членом Венгерской академии наук, где был избран президентом Комитета по ориенталистике. Руководящие посты А. Рона-Таш занимает не только в венгерской науке: дважды его избирали президентом международного общества “Societas Uralo-Altaica”. Кроме того, с 2002 г. юбиляр является иностранным членом Шведского королевского общества гуманитарных наук, а с 2004 г. — почетным членом Финно-угорского общества Финляндии и почетным профессором “Doctor Honoris Causa” университета Уппсалы. В 2001 г. он был награжден золотой медалью “Indiana University Prize for Altaic Studies” Университета Индианы, в 2003 г. — орденом «За заслуги» Венгерской Республики, а в 2008 г. — орденом «За заслуги» Турецкой Республики.

Занимаясь общественной деятельностью, А. Рона-Таш никогда не переставал трудиться в области науки и преподавания. Его последние по времени книги: по ранней истории венгров [Róna-Tas 1995], об обретении родины венграми [Róna-Tas 1996], о венграх и средневековой Европе [Róna-Tas 1999a] — опираются на результаты сотен статей по языку и истории венгров. А самая последняя книга о ранних тюркских заимствованиях в венгерском языке [Róna-Tas, Berta 2011] не только явилась итогом научной деятельности ученого, но и была выпущена в свет в качестве подарка ко дню его рождения. Общее число работ юбиляра составляет более 400 — поражает не только количество, но и широкий спектр научных направлений: тибетология, монголоведение, тюркология, алтаистика, финно-угроведение, этнография, история, филология и историческое языкознание.

Но, несмотря на все почетные регалии и заслуги, для нас, его учеников, Андраш Рона-Таш является в первую очередь Учителем и Профессором, к которому всегда можно обратиться с любыми вопросами (и не только по алтаистике) и который всегда с радостью ответит на них. Мы желаем нашему дорогому Учителю оставаться таким же бодрым и неутомимым долгие годы!

Л и т е р а т у р а

Рона-Таш 1963 — *Рона-Таш А.* По следам кочевников: Монголия глазами этнографа. М., 1963.

Róna-Tas 1955 — *Róna-Tas A.* Social terms in the list of grants of the Tibetan Tun-huang chronicle // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1955, 5. P. 249—270.

- Róna-Tas 1960a — *Róna-Tas A.* Dariganga folklore texts // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1960, 10. P. 171—183.
- Róna-Tas 1960b — *Róna-Tas A.* A study on the Dariganga phonology // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1960, 10. P. 1—29.
- Róna-Tas 1960c — *Róna-Tas A.* A Dariganga vocabulary // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1960, 13. P. 147—174.
- Róna-Tas 1961a — *Róna-Tas A.* Nomádok nyomában. Etnográfus szemmel Mongóliában. Budapest, 1961.
- Róna-Tas 1961b — *Róna-Tas A.* Notes on the Kazak yurt of West Mongolia // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1961, 12. P. 79—102.
- Róna-Tas 1963 — *Róna-Tas A.* Felt-making in Mongolia // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1963, 16. P. 199—215.
- Róna-Tas 1966 — *Róna-Tas A.* Tibeto-Mongolica. The Tibetan loanwords of Monguor and the development of the archaic Tibetan dialects. Budapest, 1966.
- Róna-Tas 1970 — *Róna-Tas A.* Az altaji nyelvrokonság vizsgálatának alapjai. (A nyelvrokonság elmélete és a csuvas-mongol nyelvviszony.) Budapest, 1970. (рукопись)
- Róna-Tas 1971 — *Róna-Tas A.* On the Chuvash guttural stops in the final position // *Studia Turcica (Bibliotheca Orientalis Hungarica.* 1971, 17) / Ed. *Ligeti L.* Budapest, 1971. P. 389—399.
- Róna-Tas 1976 — *Róna-Tas A.* A Volga Bulgarian inscription from 1307 // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1976, 30. P. 153—186.
- Róna-Tas 1978 — *Róna-Tas A.* Bevezetés a csuvas nyelv ismeretébe. Budapest, 1978.
- Róna-Tas 1986 — *Róna-Tas A.* Language and history. Contributions to comparative Altaistics. (*Studia Uralo-Altaica.* 1986, 25.) Szeged, 1986.
- Róna-Tas 1987 — *Róna-Tas A.* A csuvas nyelv vázlatos nyelvtana. Budapest, 1987.
- Róna-Tas 1988 — *Róna-Tas A.* Mongolisches Lesebuch. Lesestücke in uigur-mongolischer Schrift mit grammatikalischen Bemerkungen. (*Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde.* 1988, 19.) Wien, 1988.
- Róna-Tas 1991 — *Róna-Tas A.* An introduction to Turkology. (*Studia Uralo-Altaica.* 1991, 33.) Szeged, 1991.
- Róna-Tas 1995 — *Róna-Tas A.* A magyarság korai története. (*Magyar Őstörténeti Könyvtár.* 1995, 9.) Szeged, 1995.
- Róna-Tas 1996 — *Róna-Tas A.* A honfoglaló magyar nép. Bevezetés a korai magyar történelem ismeretébe. Budapest, 1996.
- Róna-Tas 1999a — *Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the early Middle Ages. An introduction to early Hungarian history. Budapest, 1999.
- Róna-Tas 1999b — *Róna-Tas A.* Chuvash and historical morphology // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1999, 52. P. 1—15.
- Róna-Tas, Berta 2011 — *Róna-Tas A., Berta Á.* West Old Turkic. Turkic loanwords in Hungarian. 1—2. Wiesbaden, 2011.
- Róna-Tas, Hajdú, Kristó 1976 — *Róna-Tas A., Hajdú P., Kristó G.* Bevezetés a magyar őstörténet kutatásának forrásaiba. Budapest, 1976.

**Фольклор коми и ненцев Ненецкого автономного округа
(в записях Фольклорного фонда ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН 1968—1973 гг.) /
Сост. Панюков А. В. Сыктывкар — Нарьян-Мар, 2009. 500 с.**

В 2009 г. Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН и ОГУ «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа» подготовили к публикации и выпустили сборник «Фольклор коми и ненцев НАО (в записях Фольклорного фонда ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН 1968—1973 гг.)» вместе с аудиодиском. В сборник вошли как опубликованные ранее эпические произведения на коми языке, уточненные по архивным магнитофонным записям, так и не опубликованные прежде архивные материалы на коми и ненецком, собранные на западных территориях НАО. Следует подчеркнуть важность такого рода изданий, вводящих в научный оборот материалы, которые никогда не устареют как источник.

Данный сборник выполнен в лучших традициях публикаций фольклора конца XIX — начала XX вв. («золотого века» российской фольклористики). Каждое фольклорное произведение имеет свой номер. «Параллельная» публикация ненецких и коми текстов и их русских переводов делает материал доступным как узкому кругу специалистов, владеющих ненецким и коми языками, так и широкому кругу специалистов, читающих по-русски. Нумерация строк, соответствующих друг другу в оригинале и переводе, упрощает поиск нужного места.

Изучение устного народного творчества Архангельской области началось в середине XIX в. Первоначально исследователи собирали произведения на русском языке, а систематическое изучение фольклора на языках других народов северо-запада России началось только после Октябрьской революции. Коми, ненцы и русские живут на одной территории почти 300 лет, передавая друг другу не только свой хозяйственный опыт, но и приемы устного художественного творчества: как верно отмечено в аннотации книги, «традиции ненцев и коми-ижемцев в этом регионе оказались тесно переплетены между собой и породили особый фольклорный мир». «Исполнители-творцы» (так названы певцы) часто владели двумя (коми и ненецкий) или даже тремя (коми, ненецкий и русский) языками и были посредниками между культурами.

На языке коми в сборнике представлены 12 эпических песен и сказок (на коми, ненецкие и русские сюжеты). Кроме того, в книге приведены также образцы «краткого» жанра, которые ранее практически не публиковались в научных изданиях; это 18 песен: лирические, игровые, песни-*нурьнкав* («мурлыканье»), песня на сбор трав, — а также 12 причитаний (как поминальных, так и ритуальных, свадебных), два величания и частушки.

Ненецкий материал не так четко классифицируется по жанрам: в сборнике опубликованы два эпических героических сказания *сюдбабц*, песня *хынабц*, плач *ярабц* и четыре сказки и песни, среди которых одна свадебная и одна личная, названная собирателем «пьяная». Одна сказка и один *сюдбабц* исполнялись на ненецком языке с «параллельным» пересказом на коми.

Публикация фольклора на двух языках позволяет увидеть взаимное «перетекание» культур: в эпосе коми-ижемцев действуют представители ненецких родов, герои ненецкого эпоса — братья из родов Вай и Сюдбей; на коми языке исполняется песня «*Важэн оліс яран гозья*» («Прежде жили ненец с ненкой») [Фольклор 2009: 170—182]. Самым показательным примером соединения культур видится двуязычное, на коми и ненецком языках, исполнение песни «*Сизим Лола — Си”ив Хабартаков*» («Семь Лосей — Семь Хабарта») [Фольклор 2009: 302—424]. При этом ижмо-колвинский эпос остается связанным с общими коми-зырянскими сюжетами: например, сказка-песня на «русский» сюжет «*Мича Рёманой*» («Прекрасный Роман») записана в обоих районах проживания коми [Фольклор 2009: 140—152; Микушев 1987]. Переплетение культурных традиций совмещается с переплетением типов хозяйствования, что создает основу для выделения коми-ижемцев и коми-колвинцев в особый тип, соединивший в себе характерные черты нескольких этносов — коми, ненцев и русских (подобно, например, долганскому, в этногенезе которого участвовали эвенки, якуты, энцы, ненцы и русские старожилы [Васильев 1994]).

Эпические песни и сказки на ненецком языке, записанные на западных территориях расселения ненцев, от представителей западных родов, используют сюжеты и героев фольклора, бытующего в других местах (подробнее см.: [Куприянова 1965; Терещенко 1994; Пушкарева, Хомич 2001; Лабанаускас 2001]): например, в песне-*хынабц* «*Парисе”э’ сидя ню*» («Два сына Парисе») [Фольклор 2009: 424—436]

Люблинская Марина Дмитриевна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); mashilda45@gmail.com;
Ушаков Никита Владимирович, Лаборатория аудиовизуальной антропологии Музея антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург); nikush@kunskaamera.ru.

действует род Мандо, а *Мандо* — это один из вариантов ненецкого названия таймырских соседей ненцев — тундровых энцев [Долгих 1970]. В публикации сохранены характерные фонетические, лексические и синтаксические особенности речи рассказчика — носителя западного диалекта ненецкого языка.

Материалы, предложенные в данной книге, записаны в 1968—1972 гг.: это аналоговые аудиозаписи, сделанные на магнитофонных бобинах. Следует помнить о сложной работе по оцифровке данных аналоговых аудиозаписей, определению треков как единственных неизменных единиц в аудиозаписях и сопоставлению их с содержательными единицами — фольклорными произведениями. Также можно отметить кропотливую работу по текстовой расшифровке аудиозаписей диалектной речи канинских ненцев и коми-ижемцев (с их переводами на русский язык). Необходимо оговорить и обязательную для публикации литературную обработку расшифрованных текстов (перевод устной речи в письменную форму) как на ненецком и коми языках, так и в русском переводе, а также стремление собирателей к наиболее точному воспроизведению записанного. Кроме того, сборник включает в себя приложение — нотную расшифровку мелодий и песен, — а прилагаемый компакт-диск дает возможность услышать речь канинских ненцев и коми-ижемцев.

Важным является тот факт, что запись не только самих фольклорных текстов, но и их звукового исполнения продолжает традицию, ведущуюся с 30-х гг. В 1937 г. в Архангельске ненецкий ученый Антон Петрович Пырерка и музыковед Зинаида Викторовна Эвальд записали на восковые валики (фонографические цилиндры) эпические произведения и песни, которые исполнялись ненцами, участвовавшими в Первой областной олимпиаде жителей Архангельской области. Сейчас эти валики находятся в фонограмм-архиве Пушкинского дома в Санкт-Петербурге (ИРЛИ РАН), но, к сожалению, качество их низкое, а сразу опубликованы записи не были и сейчас нуждаются в реставрации, что еще раз говорит о важности изданного аудиоматериала.

Научная публикация фольклора западных ненцев явилась необходимым дополнением для создания полной картины: теперь исследователям стали доступны варианты исполнения фольклорных произведений на всей территории проживания ненцев — от Мезени до Енисея. Опубликованный материал, собранный в разных местах, от носителей разных говоров, дает возможность провести сопоставительное изучение сюжетов и структуры жанров фольклорных песен, исполняемых ненцами разных диалектных групп.

Л и т е р а т у р а

- Васильев 1994 — *Васильев В. И.* Долганы // Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. *Тишков В. А.* М., 1994. С. 149—150.
- Долгих 1970 — *Долгих Б. О.* Очерки этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
- Куприянова 1965 — Эпические песни ненцев / Сост. *Куприянова З. Н.* М., 1965.
- Лабанаускас 2001 — Сказы седой старины: Ненецкая фольклорная хрестоматия / Сост. *Лабанаускас К. И.* М., 2001.
- Микушев 1987 — Коми народный эпос / Сост. *Микушев А. К.* М., 1987.
- Пушкарева, Хомич 2001 — Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 23. Фольклор ненцев / Сост. *Пушкарева Е. Т., Хомич Л. В.* Новосибирск, 2001.
- Терещенко 1994 — Ненецкий эпос / Сост. *Терещенко Н. М. Л.*, 1994.
- Фольклор 2009 — Фольклор коми и ненцев Ненецкого автономного округа (в записях Фольклорного фонда ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН 1968—1973 гг.) / Сост. *Панюков А. В.* Сыктывкар — Нарьян-Мар, 2009.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc

Просим Вас также обязательно прислать текст в формате .pdf либо распечатку!

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указывается фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (напр. [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Приводимый на с. 122—123 список сокращений относится **ко всему журналу** (соответственно, эти сокращения не нужно расшифровывать в отдельных статьях).

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text!

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

The list of abbreviations on p. 122—123 is valid **for the entire volume** (so they have not to be itemised in the reference lists of the individual articles).

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gesamplemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.*. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 900 руб
 - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб
 - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 580 руб
 - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 390 руб
- Агентствам предоставляется скидка 20%

Для частных лиц

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 700 руб.
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 400 руб.
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 450 руб.
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 300 руб.

не в странах СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €
 - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €
 - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €
 - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €
- Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно в:

- ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

Journal Price:**for CIS countries:**

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 900 RUB.
 - annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB.

 - price for a single printed issue without subscription is 580 RUB.
 - price for a single electronic issue without subscription is 390 RUB.
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 700 RUB.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 400 RUB.

- price for a single printed issue without subscription is 450 RUB.
- price for a single electronic issue without subscription is 300 RUB.

outside CIS countries:

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €
 - annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €

 - price for a single printed issue without subscription is 49 €
 - Price for a single electronic issue without subscription is 29 €
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €.

- price for a single printed issue without subscription is 39 €.
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer:**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Send us, please, an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you're going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Send us, please, a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price include postage expenses and does not include banking fees.

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)		
(ИНН налогоплательщика)		
№		
(номер лицевого счета (код) плательщика)		
Журнал «Урало-алтайские исследования»		
год\№	1	2
2010		

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)		
(ИНН налогоплательщика)		
№		
(номер лицевого счета (код) плательщика)		
Журнал «Урало-алтайские исследования»		
год\№	1	2
2010		

Редактор
М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, комн. 44

Т е л е ф о н
+7 (495) 691-63-06

Editorial staff
Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editors' address
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, off. 44

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003



9 772079 100004 >